

16+

ISSN 1818-4936

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN STATE UNIVERSITY NAMED AFTER V. N. TATISHCHEV

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

HUMANITARIAN RESEARCHES

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

2022

№ 4 (84)

Журнал издаётся с 2000 г.

Published since 2000

*Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК
для публикации основных результатов диссертационных
исследований по отраслям науки:*

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
2022

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev
2022

ББК 65
Г93

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета
имени В.Н. Татищева

Recommended by the Editorial and Publishing Board
of Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
HUMANITARIAN RESEARCHES

2022
№ 4 (84)

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор *Г.Г. Исаев*

Editor-in-Chief
Doctor of Philological Sciences, Professor *G. G. Isaev*

Ответственный секретарь
Ю.А. Васильева,
кандидат филологических наук,
Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева

Executive secretary
Yu.A. Vasileva,
Candidate of Philological Sciences,
Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

Редакционная коллегия
З.Р. Аглеева, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева;
Н.Ф. Алефиренко, д-р филол. наук,
проф. Белгородского государственного университета,
заслуженный деятель науки РФ;
А.А. Боровская, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева;
Р. Вроон, д-р филол. наук, проф. Калифорнийского университета, США;
Е.Н. Галичкина, д-р филол. наук,
Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева;
М.А. Голованева, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева;
Е.Н. Горбачева, д-р филол. наук,
Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева;
О.Г. Егорова, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева;
Ж.-Ф. Жаккар, д-р филол. наук, проф. Женевского университета,
Швейцария;
Л.В. Жаравина, д-р филол. наук,
проф. Волгоградского государственного
социально-педагогического университета;
Е.Е. Завьялова, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева;
Л.Ю. Касьянова, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева;

С.А. Кибальник, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института русской литературы Российской академии наук,
проф. Санкт-Петербургского государственного университета;
Н.А. Ковалева, д-р филол. наук, проф. Центра лингвистики
и профессиональной коммуникации Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва;
М.Г. Меркулова, д-р филол. наук,
проф. Московского педагогического государственного университета;
О.Н. Паршина, д-р филол. наук,
проф. Астраханского государственного технического университета;
М.С. Соегов, д-р филол. наук, проф.,
академик АН Туркменистана, г. Ашхабад;
А.И. Смирнова, д-р филол. наук,
проф. Московского педагогического государственного университета

Editorial Board

Z.R. Agleeva, D.Sc. (Philology), Professor, Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev;
N.F. Alefirenko, D.Sc. (Philology), Professor, Belgorod State University,
Honored Science Worker of the Russian Federation;
A.A. Borovskaya, D.Sc. (Philology), Professor, Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev;
R. Vroon, D.Sc. (Philology), Professor, California University, USA;
E.N. Galichkina, D.Sc. (Philology), Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev;
M.A. Golovaneva, D.Sc. (Philology), Professor, Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev;
E.N. Gorbacheva, D.Sc. (Philology), Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev;
O.G. Egorova, D.Sc. (Philology), Professor, Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev;
J.-F. Jacquard, D.Sc. (Philology), Professor, University of Geneva,
Switzerland;
L.V. Jaravina, D.Sc. (Philology), Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University;
E.E. Zavyalova, D.Sc. (Philology), Professor, Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev;
L.Yu. Kasyanova, D.Sc. (Philology), Professor, Astrakhan State University
named after V.N. Tatishchev;
S.A. Kibalnik, D.Sc. (Philology), leading researcher
Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences,
Professor, St. Petersburg State University;
N.A. Kovaleva, D.Sc. (Philology), Professor at the Centre for linguistics
and professional communication, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow;
M.G. Merkulova, D.Sc. (Philology), Professor,
Moscow State Pedagogical University;
O.N. Parshina, D.Sc. (Philology), Professor,
Astrakhan State Technical University;
M.S. Soegov, D.Sc. (Philology), Professor,
Academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabad;
A.I. Smirnova, D.Sc. (Philology), Professor,
Moscow State Pedagogical University

Журнал выходит 4 раза в год

The journal is published 4 times a year

© Астраханский государственный университет
имени В. Н. Татищева, 2022
© В. Д. Скоблев, оформление обложки, 2022
© Astrakhan State University
named after V. N. Tatishchev, 2022
© V. D. Skoblev, cover design, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Белова Е.Е., Архипова М.В., Косарева А.Е.

Инклюзивный язык в англоязычных публицистических текстах 6

Голикова М.М.

Концепт «Война» во фразеологических образах (на материале произведений русских писателей-эмигрантов) 11

Гущина К.Н.

Мифологический статус концепта *атом/дух* в научно-философской картине мира К.Э. Циолковского 21

Dzhabrailova S.G., Lukoyanova T.V.

Medical terminology as an object of study 25

Донченко Е.В., Уразалиева А.Р.

Особенности функционирования сложноподчинённых предложений с относительным придаточным во французском языке 28

Коннова О.В., Глазкова А.В.

К вопросу о языковой политике в отношении русского языка 32

Кузнецова Е.В.

Вербальные средства выражения этикета в деловом общении у французов и русских 35

Лучинская Е.Н., Кучерявых Ю.Н.

Лингвопрагматика нарратива *Homo Ludens* в литературно-художественном дискурсе 41

Лю Хуэй

Функциональная специфика китайского и русского интернет-сленга в речевом этикете 47

Кошелева О.Н., Маслова А.Н.

Некоторые особенности тифлокомментирования в немецкоязычном пространстве 52

Перезовова О.В., Возилова Е.В.

Язык новостного медиатекста экологического содержания 56

Свешникова М.И., Сернова Е.И.

Проблемы передачи графических и пунктуационных средств в переводе песенного текста 62

Султанова Ж.Г.

Городские инскрипции как объект лингвистического исследования 70

Ху Цзэнли

Исследование перевода танской поэзии в аспекте доместикации (на материале переводов стихотворения Ли Бо «Цзин Е Сы» на русский и английский языки) 74

Цю Синь, Золотых Л.Г.

Репрезентация составных терминов и наименований в «Большом универсальном словаре русского языка» 80

Лаптева М.Л.

Устойчивые ответные реплики в лингвокультурологическом аспекте 86

Султыгова М.М., Казиева А.М., Нальгиева Х.И.

К проблеме заимствования новых слов в ингушском языке 92

Биткеев П.Ц., Биткеева Г.С., Дамбуева П.П.

Проблемы сравнительной монголистики (фонологические системы) 95

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Андреева В.Г.

Образ матери в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» 100

Арефьева Н.Г.

Римские персоналии в поэтическом сборнике Н. Гумилёва «Романтические цветы» 107

Боровская А.А., Спесивцева Л.В.

Способы художественной репрезентации «Ленинградского текста» в поэме А. Ахматовой «Реквием» 112

Гасымова С. Дж.	
Категория времени и проблема героя в романе «Музыка времени» Э. Поуэлла.....	118
Глазкова А.В., Чабыкина Д.С.	
Интертекстуальные связи в романе Ж. Кокто «Les enfants terribles»	123
Гламазда С.Н.	
Типологизация проксемной контекстной поляризации (на материале романа Г. Джеймса «Американец»)	127
Казиева А.М., Узденова Ф.Т.	
Эпическая поэма в советской карачаево-балкарской литературе: на примере творчества Кайсына Кулиева	132
Кокора Ю.В., Лучинская Е.Н.	
Лингвокультурологические особенности концепта «Память» в индивидуально-авторской картине мира Р. Ротмана.....	137
Кудряшов И.А., Туранова А.Ю.	
Проблема читательского отождествления с образом персонажа на когнитивном уровне восприятия художественного повествования (на материале прозы Б.Ю. Поплавского).....	141
Мендагалиева А.Г.	
Особенности художественного времени в прозе Александра Варго	145
Евсюкова Т.В., Геворкян С.С.	
Противоречие как средство создания «отрицательной» связности в тексте романа Дж. Хеллера «Поправка-22»	148
Шевель Е.А., Сяо Гоминь	
Лирика и философия: точки пересечения в поэмах Кайсына Кулиева.....	152
Бетуганова Е.Н., Хакушева М.А.	
Кризис самоидентификации в романе А.П. Кешокова «Корни»	157
Чалый В.В.	
Синтаксическая организация коммуникативных единиц в языковом пространстве рассказа А.П. Чехова «Приданое»	162
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	164
ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ	167

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 6–10.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):6–10.
Научная статья
УДК 81

Инклюзивный язык в англоязычных публицистических текстах

Екатерина Евгеньевна Белова¹, Мария Владимировна Архипова²,
Анастасия Евгеньевна Косарева³

^{1,2}Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Россия

³Волго-Вятский филиал ГМИИ им. А. С. Пушкина (Арсенал), Нижний Новгород, Россия

¹belova_katerina@inbox.ru

²arhipovnn@yandex.ru

³kosarevaaenspu@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вопросу инклюзивного языка и его использования в языке СМИ. Инклюзивный язык предназначен для реализации концепции создания общества с равными социальными и гражданскими правами и возможностями. Одним из главных каналов распространения идей повсеместного и методичного применения средств инклюзивного языка являются новостные издания. На базе материалов таблоидов *The Times*, *The New York Times*, *The Guardian*, *The Sun* и других были изучены примеры употребления политкорректной лексики. Отобранные случаи использования инклюзивной терминологии показали, что наиболее многочисленны слова и выражения для устранения дискриминации в отношении расово-этнической и гендерной идентичности человека, а также его гражданско-правового и социального статуса. Они могут быть направлены на полное устранение дискриминации в ходе дискурса, а также применяться для формального смягчения нетерпимости по отношению к определённой группе людей либо камуфлирования негативной информации. Также были обнаружены стилистически окрашенные лексические единицы, обладающие негативной коннотацией, что говорит о лишь растущей популярности концепции эгалитаризма в языке. Использование инклюзивного языка не только способствует повышению эффективности взаимодействия адресанта и адресата, но также стимулирует формирование долгосрочных, стабильных отношений.

Ключевые слова: инклюзивный язык, публицистический текст, пейоративная лексика, политическая корректность, языковые средства

Для цитирования: Белова Е. Е., Архипова М. В., Косарева А. Е. Инклюзивный язык в англоязычных публицистических текстах // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 6–10.

Original article

Inclusive language in English mass media texts

Ekaterina E. Belova¹, Maria V. Arkhipova², Anastasia E. Kosareva³

^{1,2}Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia

³Volga-Vyatka Branch of the Pushkin State Museum of Fine Arts (Arsenal), Nizhny Novgorod, Russia,

¹belova_katerina@inbox.ru

²arhipovnn@yandex.ru

³kosarevaaenspu@gmail.com

Abstract. The given paper is dedicated to the issue of the inclusive language and its use in the language of mass media. The inclusive language is intended to implement the concept of creating a society with equal social and civil rights and opportunities. News publications are one of the main channels for dissemination of ideas of the wide and methodical use of inclusive language means. The examples of the use of politically correct vocabulary items have been studied on the basis of the articles of such tabloids as *The Times*, *The New York Times*, *The Guardian*, *The Sun* and others. The selected cases of the use of the inclusive terminology have shown that the words and expressions designed for eliminating discrimination against a person's racial, ethnic and gender identity as well as his civil and social status are the most numerous. They can be aimed at the complete elimination of discrimination in the course of discourse as well as be used to formally mitigate intolerance towards a certain group of people or camouflage negative information. Moreover, stylistically coloured lexical units with negative connotations have been also found, which indicates only the growing popularity of the concept of egalitarianism in the language. The use of the inclusive language not only helps to increase the effectiveness of the interaction between the communicator and the recipient, but also stimulates the formation of long-term, stable relations.

Keywords: inclusive language, mass media text, pejorative words, political correctness, linguistic means

For citation: Belova E. E., Arkhipova M. V., Kosareva A. E. Inclusive language in English mass media texts. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):6–10. (In Russ.).

В настоящее время в английском языке наблюдается большое количество трансформаций и структурных изменений: одни слова и выражения выходят из употребления и замещаются другими, возникает много неологизмов, грамматические правила становятся менее академичными, происходят сдвиги среди элементов разных уровней стилового регистра, что выражается в появлении отдельных вариантов языка, или социолектов. К таким языковым кодам и относится инклюзивный язык.

Инклюзивный язык предназначен для реализации идей эгалитаризма и либерализма [4] и ограничения употребления в речи пейоративной лексики: оскорблений или выражений, основанных на концепциях сексизма и расизма или иным образом предвзятых, воплощающих предубеждения и клише, направленные против конкретной группы людей, а в некоторых случаях и животных [5; 6; 8].

Термин «инклюзивный язык» был введён в обиход в 1980-х переводчиками Библии в контексте новых интерпретаций Священного Писания, и лишь в последние несколько лет его стали воспринимать в более широком смысле как средство распространения идей толерантности и равноправия. Неразрывно связанное с ним явление политической корректности возникло в США на несколько лет раньше. Общепринято считать, что в первую очередь это понятие было введено в 1975 г. Карен де Крау, юристом, феминисткой и президентом «Национальной Организации по защите прав женщин» с 1974 по 1977 г. Сперва политкорректность как система особых общественных взглядов и убеждений распространилась в образовательной среде, по ведущим университетам и колледжам страны. После этого практика запрета оскорбительных слов и выражений проникла через различные медиа во все сферы жизни. Средства массовой информации значительно способствовали популяризации и внедрению в процесс повседневной коммуникации данной тенденции.

Рассмотрев основные направления и сферы употребления инклюзивного языка, необходимо ознакомиться с реальными примерами использования нейтральных политкорректных эвфемизмов, встречающихся в статьях и репортажах англоязычных СМИ, опубликованных как в их печатном, так и электронном формате. Исследование лексических единиц, выполняющих субституционную функцию в отношении ненормативных слов и выражений, отражающих стигматизированные и негативные представления одного лингвокультурного сообщества против других, позволит не только проанализировать текущие процессы и трансформации, происходящие в структуре современного английского языка, но и понять общее настроение членов глобального социума, их самосознание и восприятие друг друга. Пресса протоколирует актуальные события, происшествия и настроения, тем самым наглядно запечатлевая через языковые средства изменения в человечестве и главном продукте его деятельности и успешно продвигая идеи толерантности и эгалитаризма – не в последнюю очередь из-за доступности информации и посильности её изложения.

Основными источниками для изучения феномена инклюзивного языка послужили такие крупные издания, как *The Times*, *The New York Times*, *The Guardian*, *The Sun*, *Daily Mail*, *The Nation* и *The Irish Times*.

Проведённое на базе выбранных статей изыскание показало, что эвфемистические замены чаще всего свойственны таким журналистским материалам, как интервью с политическими лидерами либо рецензиям на их выступления, подкреплённым цитатами, информационным заметкам и хроникам, дайджестам и корреспонденции. Эти рубрики, как правило, освещают такие вопросы, как расово-этническая принадлежность, гендерное неравенство, социальный и финансовый статус граждан, разрыв между поколениями и общественное расслоение, здоровье и физическое благополучие, международные отношения и внутреннее устройство государства и др.

Кроме того, иногда эвфемизмы, призванные смягчить тон и замаскировать триггерные и резкие фразы, первоначально служат инструментом обмана и способом скрыть правду коммуникантом от реципиента [7].

Обзор англоязычных информационных изданий выявил следующие примеры применения языковых средств инклюзивного языка, которые можно объединить в несколько категорий.

I. Инклюзивные термины, предназначенные для искоренения расово-этнических и религиозных предубеждений:

- **Native American health leaders are urging the US government to distribute urgently needed equipment and funding to help contain the spread of coronavirus among tribal member** (The Guardian).
- **Canada's vulnerable indigenous communities have begun sealing themselves off to prevent devastating Covid-19 outbreaks on overcrowded reservations** (The Times).
- **But for the only speaking characters of colour left in the show, Martin and the writers chose not to give them any sort of fist-pumping triumph, just devastation** (The Guardian).
- **But what's new is that some members of the Hong Kong and other Asian diasporas in Canada and the United States are also amplifying xenophobic stories** (The Nation).
- **My worries were confirmed after viewing both films; they are just Christmas movies featuring Jewish characters** (The New York Times).
- **According to press reports, he may even include non-Muslim-majority countries such as Belarus and Myanmar** (The Nation).

II. Инклюзивные термины, связанные с гендерной идентичностью:

1. Гендерно-нейтральная лексика:
 - **Gender inclusive Barbie is also available to buy: Mattel unveiled their new 'gender inclusive' and 'free of labels' range in September 2019** (Mail Online).
 - **Behind the scenes, businesspeople worry that Beijing has become more interested in solidifying its control over people's lives than promoting economic growth** (The New York Times).

- *The father-of-two had been a dedicated National Health Service **nurse** for over 30 years* (The Sun).

- *As many **firefighters** should be preparing for wildfire season, they are grappling with the fact that how they live and work could spread the coronavirus* (The New York Times).

- *"We tried peaceful protests, but the government refused to respond to our demands," says Lorie Lai, **the chairperson** of the General Union of Hong Kong Speech Therapists, a union on the front line of the movement that was founded last November* (The Nation).

- *Until last season my **partner**, Megan Harris, was a footballer and we played together at Lincoln Ladies* (Mail Online).

- *Ask whether you've discussed your decision with your **spouse** or **civil partner** as it probably affects them too* (The Sun).

- *Nasa Voyager 2 Space probe, which left Earth in 1977, becomes second **human-made** object to leave our Solar System* (The Sun).

- *But Ms Patel said industries relying on a migrant **workforce** should look closer to home when recruiting new **employees*** (The Irish Times).

2. Эгалитарные структуры:

- ***Women and men** are kept separate and they do not see each other in person until they are engaged* (The Sun).

- *Gap in academic skills of **girls and boys** widens* (The Guardian).

III. Политкорректные лексические единицы, устраняющие стигматизированные возрастные ассоциации:

- *Nearly a quarter of **elderly people** are not looking forward to Christmas because of loneliness and fears that it will bring back bad memories, according to research* (Mail Online).

- *We're looking forward to returning at a later date to document the agony and the ecstasy of **the third age**...* (The Sun).

- *For **senior citizens**, it will finally include dental care, hearing aids, and eyeglasses* (The Nation).

- *Muller said several **elderly people** were infected in another facility in Budapest but the number of cases was in the single digits* (Mail Online).

IV. Выражения, связанные с состоянием физического и ментального здоровья:

- *Children thrive on predictability, and a **parent with a mental illness** can be unpredictable* (The Irish Times).

- *The practice has proved controversial among **students with dyslexia**, for example, who claim it discriminates against them* (The Irish Times).

- *The woman, who asked to remain anonymous, works for a charity in Merseyside, supporting **adults with varying levels of autism** in an assisted living facility and visiting people in their own homes* (Mail Online).

- *He also endorsed programs supporting **people with autism and developmental disabilities*** (The New York Times).

V. Терминология, отражающая гражданско-правовой, политический и социально-экономический статус человека:

- *Thousands of **unhoused people** remain on the streets or in overcrowded shelters as hotel rooms sit unused* (The Guardian).

- *A 2019 count by the Los Angeles Homeless Services Authority reported that there were close to 60,000 **homeless people** living in LA County, including 36,000 within the city limits* (Mail Online).

- *Mecca has a large number of **undocumented immigrants** and cramped housing for migrant workers* (The Irish Times).

- *But new immigrant arrivals have been falling in recent years due to a drop in **unauthorized immigrants** coming to the US, mainly from Mexico* (The Sun).

- *The Labour party has called for major changes to universal credit to ensure **low-income** families hit by the coronavirus lockdown receive sufficient financial support throughout the crisis* (The Guardian).

- *Chris Hoene, executive director of the nonprofit California Budget & Policy Center, which advocates for **low-income people**, said that even if it takes a few months to get the meals to vulnerable seniors, "the need is still going to be there"* (Mail Online).

- *We have over eight million people – that is 20 percent of the workforce – aged between 16 and 64 that are **economically inactive** right now* (The Irish Times).

- *At another point she is a **sex worker** who dances seductively around a pool table to gain a client or two* (The Irish Times).

Кроме того, были обнаружены политические эвфемизмы, предназначенные для камуфлирования информации, которая может вызвать конфликтную ситуацию, и манипуляции общественным мнением [2; 3]:

- *Eastern forces waging war on Libyan capital Tripoli have said they will suspend **military operations** for the month of Ramadan* (The Irish Times).

- *Fine Gael would have to await the tenure of James Dillon as leader from 1959 and, for Fianna Fáil, the onset of the Lynch era in 1966, for party leaders not directly linked with active **military involvement** in republican struggle* (The Irish Times).

Проведённое исследование примеров употребления инклюзивной лексики позволило сформулировать определённые закономерности применения принципов инклюзивного языка в англоязычной периодике:

1. Наиболее насыщенные политически корректными терминами являются информационные заметки и дайджесты, обозревающие события в таких сферах общественной жизни, как политика и экономика.

2. Самые многочисленные примеры толерантных и нейтральных лексических единиц относятся к описаниям проблем расово-этнической, религиозной, гендерной и социально-экономической дискриминации и её устранению.

Таким образом, инклюзивность языка представляет собой мощную культурно-поведенческую и языковую тенденцию [1], проявляющуюся в стремление сформировать и распространить новые способы языкового выражения вместо тех, которые способны задеть чувства или достоинство человека, ограничить его права хабитуальной безусловной невежливостью, недипломатичными замечаниями или оскорбительным поведением по отношению к расе, возрасту, гендерной самоидентификации, социальному статусу и прочим признакам, а также в направленности к проведению процесса коммуникации сознательно и тактично.

Соответственно, инклюзивный язык отражает и продвигает идеи природного разнообразия, равноправия и при этом неоднородности мира, что позволяет воспитывать в человеке толерантность и уважение как к самому себе, так и к окружающим.

Список источников

1. Бабаева А. В., Шмелева Н. В. Репрезентации «человеческой исключительности» в культурном потоке Нового времени // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 1. С. 12.
2. Майба В. В. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 102–108.
3. Маринина Е. В. О некоторых тенденциях языковой политики США и Великобритании // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 78–86.
4. Фролова С. В. Социокультурные факторы формирования профессионального мировоззрения современного учителя: вызовы нового мира образования // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 2. С. 3.
5. Leigh D. R. Am I Wrong because I'm Politically Correct? Ten Reasons to Embrace Inclusive Language Revision // Priscilla Papers. 1997. Vol. 11, Issue 4. P. 12–15.
6. Luck C. Rewriting Language. How Literary Texts Can Promote Inclusive Language Use. UCL Press, 2020. 204 p.
7. Nowrasteh A. Why People Talk about Politics in Euphemisms // Foundation for Economic Education. December 11, 2017. URL: <https://fee.org/articles/why-people-talk-about-politics-in-euphemisms/> (дата обращения: 10.10.2019).
8. Nurkhamitov M. R., Zagladina E. N., Shakhnina I. Z. Special Aspects of Military and Political Euphemisms: Usage in Modern English Press // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. July 2019. Vol. 8, No. 2. P. 83–87.

References

1. Babaeva A. V., Shmeleva N. V. Reprezentacii «chelovecheskoj isključitel'nosti» v kul'turnom potoke Novogo vremeni. Vestnik Mininskogo universiteta. 2022;10(1):12.
2. Majba V. V. O strukture yazyka politkorrektnosti (na primere anglijskogo i russkogo yazykov). Politicheskaya lingvistika. 2012;2(40):102–108.
3. Marinina E. V. O nekotoryh tendenciyah yazykovoj politiki SSHA i Velikobritanii. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2012;(2):78–86.
4. Frolova S. V. Sociokul'turnye faktory formirovaniya professional'nogo mirovozzreniya sovremennogo uchitelya: vyzovy novogo mira obrazovaniya. Vestnik Mininskogo universiteta. 2022;10(2):3.
5. Leigh D. R. Am I Wrong because I'm Politically Correct? Ten Reasons to Embrace Inclusive Language Revision. Priscilla Papers. 1997;11(4):12–15.
6. Luck C. Rewriting Language. How Literary Texts Can Promote Inclusive Language Use. UCL Press. 2020:204.
7. Nowrasteh A. Why People Talk about Politics in Euphemisms // Foundation for Economic Education. December 11, 2017. URL: <https://fee.org/articles/why-people-talk-about-politics-in-euphemisms/> (дата обращения: 25.08.2022).
8. Nurkhamitov M. R., Zagladina E. N., Shakhnina I. Z. Special Aspects of Military and Political Euphemisms: Usage in Modern English Press. Academic Journal of Interdisciplinary Studies. July 2019;8(2):83–87.

Информация об авторах

- Е. Е. Белова** – кандидат филологических наук, доцент.
М. В. Архипова – кандидат психологических наук, доцент.
А. Е. Косарева – магистр педагогического образования.

Information about the authors

- E. E. Belova** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.
M. V. Arkhipova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.
A. E. Kosareva – Master of Education Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 09.09.2022; принята к публикации 20.09.2022.

The article was submitted 10.08.2022; approved after reviewing 09.09.2022; accepted for publication 20.09.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 11–20.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):11–20.
 Научная статья
 УДК 811.161.1

**Концепт «Война» во фразеологических образах
 (на материале произведений русских писателей-эмигрантов)**

Мария Михайловна Голикова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, mmgolikova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7029-3599

Аннотация. Статья посвящена изучению фразеологических образов, принимающих участие в реализации концепта «Война». Предметом исследования послужили фразеологические единицы, полученные методом сплошной выборки из произведений писателей первой и второй волн эмиграции. Целью работы выступила характеристика фразеологических образов как одного из средств формирования концепта «Война». Работа освещает разные стороны концепта в русской лингвокультуре, а также демонстрирует, как на его осмысление способна повлиять эмиграция авторов. Методологический аппарат исследования включает в себя как общенаучные, так и частнонаучные методы, ведущими из которых становятся компонентный и сопоставительный анализ, контекстологический метод, а также фрагменты корреляционного анализа и кросс-культурного метода. В результате удалось выявить основные аспекты концепта «Война», раскрывающиеся при помощи фразеологических образов (эмоции, чувства, реалии армейской жизни и т.п.). Наиболее продуктивными при этом стоит считать соматические образы, а также образы, так или иначе связанные с лингвокультурными артефактами. Результаты исследования способствуют дальнейшему изучению существенных характеристик фразеологического образа, а также становятся важным опытом в лингвистическом изучении текстов писателей русского зарубежья.

Ключевые слова: фразеология, фразеологический образ, концепт, русская эмиграция
Для цитирования: Голикова М. М. Концепт «Война» во фразеологических образах (на материале произведений русских писателей-эмигрантов) // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 11–20.

Original article

**The concept of «War» in phraseological images
 (based on the works of Russian emigrant writers)**

Maria M. Golikova

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, mmgolikova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7029-3599

Abstract. The article is devoted to the study of phraseological images involved in the implementation of the concept of «War». The subject of the study was phraseological units obtained by the method of continuous sampling from the works of writers of the first and second waves of emigration. The aim of the work was to characterize phraseological images as one of the means of forming the concept of «War». The work highlights different aspects of the concept of Russian linguoculture, and also demonstrates how the emigration of authors can influence its understanding. The methodological apparatus of the research includes both general scientific and private scientific methods, the leading of which are component and comparative analysis, contextual method, as well as fragments of correlation analysis and cross-cultural method. As a result, it was possible to identify the main aspects of the concept of «War», revealed with the help of phraseological images (emotions, feelings, realities of army life, etc.). At the same time, somatic images, as well as images somehow related to linguistic and cultural artifacts, should be considered the most productive. The results of the study contribute to further study of the essential characteristics of the phraseological image, and also become an important experience in the linguistic study of texts by writers of the Russian diaspora.

Keywords: phraseology, phraseological image, concept, Russian emigration
For citation: Golikova M. M. The concept of «War» in phraseological images (based on the works of Russian emigrant writers). *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2022;4(84):11–20. (In Russ.).

Введение. Современный вектор исследования фразеологии предполагает пристальное внимание к самым разным аспектам функционирования фразеологических единиц (далее – ФЕ) в текстах, создаваемых в разные социоисторические эпохи. Уделяя внимание как внешней, формальной, так и внутренней, содержательной стороне ФЕ, можно выявить их роль в формировании языковой картины мира, отображении этноязыковых доминант, репрезентации лингвокультурных маркеров в соответствии с ценностно-эстетическими предпочтениями писателей, оказавшихся в экстраординарных условиях творческой деятельности. Невозможно не учитывать и значимость ФЕ в художественном тексте как элемента идиостиля писателя, а также инструмента создания экспрессивного описания человека и/или окружающей его инокультурной среды.

Такие свойства ФЕ во многом обуславливаются спецификой фразеологических образов (далее – ФО), положенных в их основу. Однако сущность самого понятия ФО в современной науке до сих пор понимается по-разному (ср. работы Д. О. Добровольского, А. Н. Баранова, Т. М. Филоненко, Ю. П. Солодуба, В. И. Зимина, Н. В. Баско и др.). Наиболее сложной представляется задача найти границу между ФО и фразеологическим значением (далее – ФЗ), ФО и внутренней формой (далее – ВФ). Ключ к пониманию этого вопроса все исследователи подбирают по-своему, в т.ч. воспринимая ФО как поверхностную картинку, буквально передающую содержание ФЕ, или же как полный эквивалент ВФ. Такая неоднозначность в трактовке важнейшего элемента ФЕ обуславливает необходимость не только теоретического осмысления понятия ФО, но и изучения его особенностей на примере образных устойчивых выражений. Так, например, ФЕ *заварить кашу* строится на представлениях о распространённом в народе блюде – каше. Процесс приготовления каши может различаться в зависимости от рецептуры, но обычно он занимает определённое время, а также требует некоторых усилий (нужно следить, чтобы каша не «убежала», не образовались комочки и т.п.). Это приносит человеку определённые хлопоты. Употребляемая в составе слова *заварить* приставка *за-* указывает на фазу совершения действия, а именно на его начало. Все это в конечном счёте влияет и на семантику выражения: начало сложного, длительного и порой не очень приятного действия. Отрицательная коннотация обычно подчёркивается контекстом, указывающим на нежелательность такого действия: «– Эх, *заварил же ты кашу!* – *хлопнул рукой по сиденью Василий*» [Юрасов, 1972: 301]. Таким образом, можно заметить, что раскрытие сущности ФО позволяет не только определить грани семантики всего выражения, но и выявить его культурологическую значимость.

Понятие фразеологического образа. Наше понимание ФО основывается на концепции докторской диссертации Т.М. Филоненко [Филоненко, 2004: 74]. В соответствии с её основными положениями, ФО квалифицируется нами как некое наглядное изображение, воссоздающее в сознании человека ту или иную дискурсивную ситуацию или любой связанный с этой ситуацией атрибут. При этом такого рода «картинка» отнюдь не является зеркальным отражением реального события или явления (подобные трактовки можно встретить в работах не только российских, но и зарубежных учёных, например, G. Nikolovski [7], A. Naciscione [7]). Она («картинка») трансформирована языковым сознанием писателя, а потому несёт на себе отпечатки различных социокультурных особенностей восприятия эпохи: его личного опыта, коллективного опыта народа, исторических реалий, культурного фона, традиций и других факторов, отображающих лингвокультурный стиль эпохи. Это, в конечном счёте, обуславливает и специфику самого ФЗ, в частности его коннотативных особенностей. Примером может послужить ФЕ *выжечь калёным железом* 'полностью уничтожить что-либо, в т.ч. прибегая к жёстким мерам'. Её ФО основывается на представлении о невероятной болезненности прикосновения раскалённого железа к телу человека (именно такой была пытка в Средневековье). Специфика образа привела к тому, что появившаяся на его основе ФЕ имеет выражённую негативную коннотацию и используется в тех случаях, когда субъект стремится показать не только полное уничтожение чего-либо, но и крайнюю жестокость намерений исполнителя этого действия. ФЕ нередко используется в случаях, когда говорится о тоталитарной политике государства, поэтому к ней нередко прибегают писатели-эмигранты, стремясь описать реалии страны, которую они вынужденно покинули: «*Прошлое в помощниках калёным железом выжигает: Кагановичу послал подписать смертный приговор братьям, Молотову – приговор на жену, чтоб никаких близких!*» [16, с. 217].

Чрезвычайно сложными являются взаимоотношения ФО и концепта. Под концептом нами понимается «мыслительное образование, которое существует в сознании человека наряду с предметно-чувственным образом, конкретным предметом мысли и понятием» [1, с. 6]. Имея насыщенное смысловое наполнение, концепт не является аналогом образа, т.к. не соотносится с конкретным референтом. Учитывая смысловую многогранность ФО, его изучение как одного из значимых конструктов концепта представляется весьма перспективным. Это достигается за счёт исследования ФО, соотносимых со значимым для конкретного исторического периода концептом, что и становится важнейшей задачей настоящей исследовательской работы.

Концепт «Война» в текстах писателей-эмигрантов. Исследование основывается на изучении концепта «Война», представляющегося чрезвычайно важным для русской лингвокультуры в связи с историческими реалиями России. Материалом послужили произведения писателей-эмигрантов 1-й и 2-й волн, на долю которых, так или иначе, выпали связанные с военной событиями (Гражданская война, Первая и Вторая мировые войны и т.д.). Для многих писателей (в особенности покинувших страну в 40-е годы) именно война стала причиной эмиграции, что не могло не отразиться в их творчестве. Учитывая длительный запрет на публикацию «второй литературы», стоит отметить, что многие произведения писателей-эмигрантов оказывались недоступными русскому читателю, что обуславливает и недостаточное количество исследований, посвящённых языковым в особенности лингвокультурным особенностям этих текстов.

Значимость концепта «Война» для носителя русского языка обуславливает и внимание исследователей к изучению его особенностей (см. работы В. Б. Крячко, Л. Н. Венедиктовой и др.). Так, Л. Н. Венедиктова, характеризуя структуру коррелирующего с концептом фрейма, выделила ряд соотносимых понятий, куда включаются *борьба, конфликт; война и её виды; боевая техника, вооружение; военные действия; взаимоотношения участников войны; исход войны и её последствия* [2, с. 87]. В. Б. Крячко отмечает, что набор ключевых признаков и понятий невозможно обозначить полностью, потому он остаётся открытым. Стоит отметить, что во многом это зависит от условных границ понимания самого концепта. На наш взгляд, ошибочно полагать, что концепт «Война» связан исключительно с событиями, непосредственно связанными с боевыми действиями. Он обязательно должен отражать и влияние этих событий на человека, его внутренний мир и окружающие реалии, а также охватывать области, так или иначе сопутствующие

военным действиям (например, жизнь в плену, работа в тылу, устранение последствий войны и т.п.). Такова, например, ФЕ *тыловая крыса*, наглядно демонстрирующая отношение фронтовиков к военным, предпочитающим отсиживаться за пределами поля боя («*А то, понимаешь, за спиной начальника Свердловского отдела думал, что кобениться может. Тыловая крыса*» [16, с. 199]). Коннотативные особенности ФЕ усиливаются за счёт контекста: автор показывает, что субъект совершал негативно окрашенные действия *за спиной* у кого-то, т.е. тайком, исподтишка. Разруха нередко изображается за счёт описания уничтоженных городов: «*Странно, что это их улица, дом где они жили, стоит напротив, а ведь был разрушен – камня на камне не осталось*» [16, с. 155]. Образ, связанный с уничтожением даже камней – наиболее прочного материала – помогает ярче осознать, насколько серьёзными оказались разрушения. Внимания заслуживают и ФЕ, репрезентирующие тот или иной образ, связанный с бытом солдат: «– *Хоть бы автомат был, – прищурился на зарево Селезнев, пыхая «козьею ножкой»...*» [14, с. 18]. Под «козьею ножкой» здесь стоит понимать папиросу-самокрутку. Изогнутая под прямым углом, она действительно напоминает ногу козы, что и породило ФЕ. Использование таких самокруток на фронте было весьма частотным, следовательно, ФЕ позволяет более точно детализировать описание.

Исследованные нами произведения писателей-эмигрантов связаны с разными войнами, что обуславливает не только широту понимания нами концепта «Война», но и разноплановость выявленных ФО. Перечень военных событий, отразившихся в исследованных нами произведениях, выглядит следующим образом:

1. Первая волна:

- А. И. Куприн, роман «Юнкера», повесть «Поединок» – жизнь военных до Революции 1917 г., в т.ч. бывших участников боевых действий;
- И. С. Шмелев, роман-эпопея «Солнце мёртвых» – Гражданская война, её последствия;
- Л. Н. Андреев, рассказ/повесть «Красный смех» – абстрактная, реально не существовавшая война (произведение написано под впечатлением от событий Русско-японской войны 1904–1905 гг.).

2. Вторая волна:

- Л. Н. Ржевский, роман «Между двух звёзд», рассказ «Клим и Панночка» – Великая Отечественная война, жизнь в немецком плену и лагере «перемещённых лиц»;
- В. И. Юрасов, повесть «Враг народа», роман «Параллакс» – жизнь в послевоенной Германии и СССР;
- Г. Андреев, рассказы «Два Севостьяна», «При взятии Берлина» – Великая Отечественная война, в т.ч. глазами старого эмигранта.

Речевая организация текстов вышеприведённых писателей, в т.ч. и образная составляющая, во многом обуславливается принципиальными особенностями самого феномена эмиграции. Так, негатив в адрес власти, ставший у многих основным поводом покинуть Родину, экстраполируется на все, что делают сильные мира сего (партийные деятели, чиновники, командиры, пусть и не высшего звена). Это обуславливает особую коннотацию исследуемых ФЕ: экспрессия, негативная оценочность, язвительная ирония и т.п. Это может затронуть и такие, казалось бы, фундаментальные понятия, как, например, патриотизм (*квасной патриотизм*).

Примечательно, что наполнение концепта «Война» напрямую связано с репрезентируемой дискурсивной ситуацией, т.е. с тем, о каком конкретно историческом событии идёт речь. Так, например, рассказывая о мировых войнах (равно как и об абстрактных сражениях, как у Л. Н. Андреева), авторы обычно стремятся подчеркнуть их жестокость, противоестественность, разрушительность влияния как на внутренний мир человека, так и на всю его жизнь. Неслучайно столь частотными становятся образы, связанные с *кровью* («*А сколько там крови пролило и выстрадано страданий!*» [15, с. 520]), *страхом* («*Они сидят рядом с нами, потерявшие страх, они провожают нас всюду...*» [10, с. 66]), *смертью* («*Он же, солдат, и на верную смерть охотником вызваться готов...*» [12, с. 239]) и т.д. Можно заметить, что ФЕ, описывающие психоэмоциональное состояние человека, являются одними из самых частых в эмигрантских произведениях о войне. Это придаёт текстам особо настроение, имеющее преимущественно минорный характер. Достаточно часто задействуются образы, показывающие *усталость* бойцов («*Больше всего на свете, я видел, хотелось ему сейчас завалиться спать, но он произносил все это из последних сил, металлической скороговоркой, глядя мимо моего лица в угол*» [13, с. 211]), в т.ч. психологическую, ведущую к апатии и отрешённости («*Выходит, опять маяться? И конца этому не видно*» [16, с. 39]). Такие образы характеризуются «прозрачностью», позволяющей легко выявить внутреннюю форму и семантику каждой ФЕ. Посредством ФЕ также может изображаться чувство *голода*, так часто преследующее солдата на поле боя. Интересно, что подобные ФЕ в эмигрантских текстах, связанных с концептом «Война», имеют особую специфику. Так, положенные в их основу образы не характеризуются яркостью и оригинальностью, однако все они так или иначе соотносятся со *смертью*. Это обуславливается спецификой войны как таковой: испытывая регулярную нехватку провизии, бойцы постоянно подвергают организм испытаниям, а длительный голод, в частности в плену, и вовсе способен стать причиной гибели («*И сейчас вы, наверно, умираете с голоду*» [14, с. 88]; «*Что ж ей было родной матери голодной смертью дать помереть?*» [16, с. 72]).

В рамках концепта «Война» чрезвычайно значимыми становятся чувства и эмоции, связанные с гневом, агрессией и иными проявлениями отрицательного отношения не только к врагу (в широком его понимании, см. далее), но и к самой ситуации в целом. Так, например, стоит отметить *жесткость*, порой граничащую с *жестокостью*. Образы, формирующие соответствующие ФЕ, характеризуются императивностью. Любой, даже самый *жесткий* приказ должен выполнять

быстро и беспрекословно, чего бы он ни стоил исполнителю («Я знал, что мерзавца надо, что называется, ошеломить чем-нибудь. Остановить любой ценой» [14, с. 225]; «Была только мысль – во что бы то ни стало успеть прийти в лагери к восьмью часам вечера и в срок явиться дежурному офицеру» [12, с. 211]). Такие порядки, сочетающиеся с постоянным ужасом войны, не могут не влиять на психику человека, заставляя его испытывать **нервозность, гнев, проявления агрессии**. Неслучайно в исследованных текстах так много ФЕ, связанных именно с этими эмоциями. В отличие от обычных произведений о войне, эмигрантские тексты нередко показывают, что объектом подобных эмоций становятся не только внешние враги, но и внутренние, в роли которых может выступать государство, партия, военачальники, политруки и т.п. («С этой же усмешечкой Седых скрипнул зубами и, повернувшись без обычного «есть», с гранатами за поясом скрылся в камышах» [16, с. 70]).

С чувственно-эмоциональной сферой тесно связано и ментальное здоровье человека. В рамках концепта «Война» обращает на себя внимание активное развитие темы **сумасшествия** посредством использования ФЕ. Утрата рассудка, способности здраво и трезво мыслить – закономерный результат стрессов и потрясений, с которыми человек сталкивается на поле боя. Человеческая психика не выдерживает страшных военных сцен, постоянного вида смерти и боли. Очень ярко это представлено, например, в антимилитаристском рассказе Л. Андреева «Красный смех», где описываются не реальные, а вымышленные, абстрактные события. Демонстрируя читателю весь ужас любой войны, автор обращает внимание именно на сумасшествие, охватывающее и военных, и мирных жителей, и на тех, кому удалось вернуться с фронта живым: «Я не понимаю войны и должен сойти с ума, как брат, как сотни людей, которых привозят оттуда» [10, с. 53]. При этом потеря рассудка воспринимается как нечто обязательное во время войны: «Отечеством нашим я объявлю сумасшедший дом; врагами нашими и сумасшедшими – всех тех, кто ещё не сошёл с ума...» [10, с. 44]. Потеря рассудка репрезентируется также не только за счёт прямого указания на сумасшествие, но и в принципе при помощи указания на утрату возможности мыслить здраво: «Кажется, в одном из черных провалов, куда я свалился, со мною сделалось дурно, и я потерял сознание, но не знаю, было ли это действительно, или мне показалось, так как вспоминаю я себя только бегущим» [10, с. 69]; «Он сам, хотя с утра ничего не пил и не ел, чувствовал себя очень странно: голова кружилась, и страх минутами сменялся диким восторгом – восторгом страха» [10, с. 29]. И в других своих произведениях писатель также проводит мысль о том, что затуманенный разум – обязательный спутник военных действий: «И странно было то, что среди всей этой сумятицы, от которой кругом шла голова, крови и огня, спокоейно шла обычная жизнь...» [10, с. 174]. Примечательно, что одним из проявления сумасшествия в рамках концепта «Война» становится утрата страха. Ужас, испытываемый на поле боя, представляется писателям настолько естественным состоянием, что его отсутствие осознаётся как помутнение разума: «Они сидят рядом с нами, потерявшие страх, они провожают нас всюду и всегда мы под ними, как под черным кружевным зонтиком, как под движущимся деревом с черными листьями» [10, с. 66]. В отдельных случаях трезвость ума может рассматриваться как мерило сохранности разума человека, его готовности сохранять собственную жизнь: «– Да, и страх! Я с ума, пока, не сошёл, – на верную смерть идти» [16, с. 293]. В некоторых же эмигрантских текстах сумасшествие воспринимается как самое страшное, что может произойти с человеком. Утрата способности здраво мыслить и объективно оценивать действительность, по настоящему определять, кто прав, а кто виноват, становится страшнее смерти: «Умерите, скорей умерите... ведь ужасно теперь... теперь! сойти с ума!» [15, с. 508]. В то же время сохранение самообладания и трезвого ума расценивается как чрезвычайно полезный навык, повод для гордости: «Знаешь: тебя за то, что не терял головы там, в Дуниловичах, представили к медали, и ещё кое-кого, но начдив послал к матери – за панику, говорит, да награждать!» [13, с. 236].

Тексты, описывающие русскую армию в конце XIX столетия и на рубеже XIX–XX веков, охватывают преимущественно события, связанные с повседневным бытом военных. Герои таких произведений – это люди, чья жизнь связана с постоянной готовностью пойти в бой, а также воспоминаниями об уже прожитых сражениях. Детальнее всего такую картину рисует А. И. Куприн. Примечательно, что в повести «Поединок», написанной в 1905 г. (задолго до эмиграции писателя и вскоре после Русско-японской войны, а также на фоне существующей социальной напряжённости, общественных волнений) быт русской армии представлен в значительно более негативном свете, чем в романе «Юнкера», созданном в 1932 г. Можно предположить, что свою роль здесь играет некая ностальгия, испытываемая А. И. Куприным. По прошествии времени многие события оцениваются иначе, в особенности, когда человек находится вдали от Родины и скучает по ней. Это обуславливает и специфику ФО. Так, в «Поединке» они характеризуются выраженной отрицательной коннотацией. Автор стремится подчеркнуть агрессию, царящую в армии, что сказывается и на используемых ФО:

- «Его воловьи глаза расширились, лицо налилось кровью, в углах задрожавших губ выступила густая слюна» [11, с. 285] – образ, основанный на наблюдении за разгневанным человеком;

- «Нет-с, в прежнее время никаких личностей не было, и лупили их, скотов, как сидоровых коз, а у нас были и Севастополь, и итальянский поход, и всякая такая вещь» [11, с. 226] – образ, требующий дополнительной интерпретации (существуют разные гипотезы) и демонстрирующий жестокость по отношению к солдатам;

- «– А ты не смей под руку говорить! – крикнул он, сверкая черными глазами» [11, с. 199] и др.

Рассказывая о младшем офицерском составе и солдатах, автор всячески подчёркивает подавленность состояния героев, их психологический дискомфорт и склонность к рефлексии. ФО здесь зачастую построены на отрицании положительных фактов («*Теперь Ромашов чувствовал, что он уже не в силах сопротивляться ему, но он уже не боялся его...*» [11, с. 311]) или, наоборот, утверждению негативных («*Репетят без толку, а на смотрю сядут в калошу*» [11, с. 126]). Это репрезентирует впечатления самого Куприна от обстановки в русской армии, его отношение к царящим в ней порядкам.

Иная картина создаётся в романе «Юнкера». Использование большого количества книжных ФЕ, образы которых концентрируются вокруг абстрактных понятий *чести, духа, совести* и т.п., позволяет представить героев эталонами классического русского офицерства, демонстрирующего лучшие качества каноничного военного. Такой офицер – гордость русской армии – демонстрирует образ «России, которую мы потеряли», отражая массовые настроения эмиграции. Интересно, что такая идеализированная картинка создаётся в ретроспективном срезе тем же писателем, который ранее изображал русскую армию совсем по-другому.

Рассматривая произведения, связанные с Гражданской войной, можно заметить явный акцент на её братоубийственном характере. Отсюда – активное использование экспрессивных ФЕ, основанных на ярких ФО: «– *А в чеку?! Выведу в расход в две минуты!*» [15, с. 582]; «*Тридцать семь лет все работой жил, а тут... за два года все соки вытянули, как червь гибну!*» [15, с. 561]; «*Я человек прямой, но ежели со мной зуб за зуб... ладно!*» [15, с. 554]. Обращает на себя внимание подчёркнутое нивелирование религиозности, столь свойственной русскому обществу ранее. Это тоже служит дополнительным репрезентантом жестокости, воцарившейся в обществе: «*У него детки малые на руках мозоли... Креста на вас нету!*» [15, с. 543]. Акцент делается и на межличностных отношениях, в частности, острых социальных конфликтах, возникших после Революции: «*Конечно, вы господского звания... а мы люди рабочие, как сказать... чёрной крови...*» [15, с. 607].

Репрезентируя события Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) с помощью ФЕ, писатели стремятся продемонстрировать разные её стороны. Это и быт солдат, и их эмоциональное состояние, и материально-экономические последствия. Сюда же примыкают образы, помогающие показать жизнь в плену, тылу, а также вскоре после ВОВ. Стоит отметить, что многие из этих образов имеют под собой реальные исторические основания. Авторы исследуемых произведений, будучи непосредственными участниками событий (как до войны, так и во время и после неё), активно задействуют «свежие» ФЕ. Исследование таких единиц и их образно-коннотативного потенциала позволяет сделать любопытные наблюдения. Так, чаще всего фразеологизированными историческими маркерами становятся популярные лозунги, высказывания политических деятелей (в т.ч. трансформированные), названия популярных фильмов и художественных произведений:

- «*Устраиваемся на новом месте. «Жить стало лучше, жить стало веселее»...*» [14, с. 330] – про жизнь в лагере пленных бойцов РОА;
- «*Вот вам и «будем бить врага на его собственной территории». Помните, говорилось?»*» [14, с. 49] – крылатое выражение, взятое из речи маршала К. Е. Ворошилова (митинг в Киеве, 16.09.1936). Столь позитивное напутствие в тексте произведения использовано при характеристике немецкого наступления на Москву, которому предшествовала оккупация разных населённых пунктов;
- «*Она не знала, что у нас "граница на замке"...*» [9, с. 273] – ФЕ вошла в употребление после выхода в 1937 г. одноименного фильма. Изначально она имеет выраженную положительную коннотацию – *замок* призван показать людям, что они надёжно защищены. Однако в изученном тексте образ надёжно запертой границы приобретает другое значение: он представляет государство тюрьмой, вырваться из которой человеку не под силу.

Эти и подобные им примеры позволяют увидеть, что «фразеологические советизмы» используются авторами преимущественно в противоположном значении, порой с ироничной окраской. Это демонстрирует отношение писателей к советской власти, что обуславливается фактами, сопутствующими всей второй волне эмиграции, которая захватила людей, имевших определённые претензии к правящей партии: кто-то до войны был арестован по политическим статьям, а кто-то не имел возможности безбоязненно вернуться на Родину после того, как попал в немецкий плен. Обиды на власть и недовольство отдельными аспектами её политики обуславливают черты, не столь свойственные ФЕ и ФО в текстах писателей первой волны эмиграции, где прослеживается скорее тоска по прошлому и его идеализация, а не жёсткая передача текущих реалий.

Специфика ФО, способствующих формированию концепта «Война», во многом обуславливается особенностями их стержневого компонента. Так, например, важное место занимают соматические компоненты. Их можно считать своеобразным «экраном», преломляющим окружающие реалии сквозь специфичную «я-призму». Соотнося то или иное явление с частью тела (максимально близким для себя образом), человек особенно ярко демонстрирует своё субъективное восприятие описываемого объекта/действия/явления и отношение к нему. К соматическим ФЕ стоит также причислять и те, не называются отдельные соматизмы, но репрезентируются определённые жесты, внутренние физиологические процессы и т.п. В текстах писателей-эмигрантов образы, создаваемые подобными ФЕ, могут выполнять разные функции:

- «*Слива уничтожающе прищурился и сбоку, сверху вниз, выпятив вперёд нижнюю губу под короткими сидящими усами, оглядел с ног до головы Ромашова*» [11, с. 226] – демонстрация специфики отношений между старшим и младшим офицерским составом. Соматический ФО иллюстрирует масштабность действия, производимого субъектом: объект полностью попадает в поле

его зрения, как бы становится маленьким, что подчёркивает доминирование субъекта. Контекст, содержащий экспрессивные лексемы, придаёт образу дополнительную тревожно-негативную коннотацию;

- «*Страх, забытый в суматохе последнего месяца, ударил в голову, как хмель*» [16, с. 399] – ФО, базирующиеся на соматизмах, зачастую служат для репрезентации эмоционального фона субъекта. Страх, ненависть, уныние и другие эмоции, сопровождающие солдата, являются очень личностными, поэтому гораздо ярче передаются при помощи соматических образов. Примечательно, что подобные эмоции оказывают негативное влияние на психику человека, в течение длительного времени разрушают его изнутри, поэтому и суть образа репрезентирующих их ФЕ тоже построена на причинении ущерба: *ударить, порвать, схватить, слююдать* и т.п. Такой механизм формирования ФО также способствует более точной передаче исходного смысла;

- «*Разве не обращалось прежде всего на этих самых разрушителей, не взывало: зуб за зуб! кровь за кровь!*» [14, с. 301] – образ, базирующийся на архетипичных представлениях о крови не просто как о физиологической субстанции, питающей органы, а как об особом носителе генетического кода, некоей «памяти рода». Для русской лингвокультуры характерно понимание крови как «средоточия и символа жизни, субстанции жизненной силы, обиталища души» [5, с. 677]. Зубы же «по народным представлениям связаны с понятием жизненной силы, возраста, со сверхъестественными способностями» [5, с. 359]. Неслучайно именно вокруг этих соматизмов традиционно формируются образы, связанные с мстостью, в т.ч. за близкого человека, члена рода (при этом все чаще упомянутые ФО можно встретить и вне «семейного» контекста: духовная близость людей, в т.ч. идеологическая и/или фронтовая, оказывается ничуть не слабее, чем генетическая). В контексте эмигрантской прозы подобные образы зачастую призваны показать единение людей, вынужденных покинуть Родину, в особенности в условиях реального или условного противостояния метрополии. Близость взглядов и поступков подчёркивается при помощи соматизмов, в т.ч. за счёт указания на реальное «соприкосновение»: «*Тогда они поднялись и все так же, плечо к плечу, вышли тихонько на улицу*» [14, с. 318]. Все это не может не сказаться и на специфике дихотомии «свой-чужой», столь важной для концепта «Война».

«Свой-чужой» в осмыслении концепта «Война». Изучая эмигрантскую прозу и в особенности её образную составляющую, можно заметить, что к «чужим» при описании военных действий примыкают не только представители вражеской «иноземной» стороны, но и соотечественники, не разделяющие те или иные политические взгляды по ключевым вопросам, способным стать основой для отъезда за пределы Родины (отношение к большевизму, действиям властей, отдельным социальным группам и т.д.). «Своими» же становятся те, кто разделяет принципиально значимую позицию. Так, например, чрезвычайно ярко это просматривается при описании жизни военнопленных, боящихся возвращения домой или же надеющихся на изменение государственного курса: «*Страшно треплют нервы советчики*» (= «чужие») [14, с. 365], «*Все они наступают на горло собственной песне*», *Володя, – сказал Ф. Ф.* (= «свой» [14, с. 344].

«Враг» в концепте «Война» действительно занимает важное место. Формирование его образа реализуется, безусловно, не только при помощи соматических образов. В первую очередь, стоит отметить глубокую эмоциональную окрашенность ФЕ, репрезентирующих «вражескую» тематику. Так, очень часто ФО, лежащие в основе таких выражений, формируются без участия непосредственно лексемы *враг*, имея скорее описательный характер. Например, неоднократно фиксировалось соотнесение врага с мифологической гидрой: «*Бой мой с гидрой – калейдоскоп, чёртова карусель: лица, рожи, оскалы, мольбы и застрявший где-то в гортани мат, покорство и отпор, умильность и презрение*» [13, с. 227]. Примечательно, что гидра, с которой борется говорящий, – его однополчане и их семьи, стремящиеся всеми силами обзавестись заграничными товарами даже во время войны. ФО здесь основан на мифологическом сюжете – тяжёлой схваткой со страшным чудовищем, контекстуально он дополняется эмоционально окрашенными лексемами *рожа, оскал, мат* и т.п. Все это формирует резко негативное отношение к объекту, а также демонстрирует столь характерное для эмигрантской литературы стремление рассказчика обособиться от толпы, показать свою инаковость по отношению к жителям метрополии.

Не только мифические, но и реальные существа могут оказаться в основе образа, описывающего врага. Такова, например, ФЕ *тыловая крыса* 'военный, не принимающий реального участия в боевых действиях'. ФО основывается на представлении о крысе как о «грязном» животном, далёком от высоконравственных поступков и заботящемся исключительно о сохранении собственной жизни. В условиях войны для каждого, от рядового до офицера, основным критерием оценки становится доблесть и умение проявить себя на поле боя. Соответственно, лицо, стремящееся спастись от угрозы в штабе или тылу, подвергается презрительному осуждению, что и порождает вышеупомянутый ФО. В системе эмигрантских текстов такая личность фактически становится одним из «видов» врагов, причём позорное наименование закрепляется за ней навсегда, даже в послевоенный период: «*А то, понимаешь, за спиной начальника Свердловского отдела думал, что кобениться может. Тыловая крыса*» [16, с. 199]. Здесь вновь обращает на себя внимание экспрессивная окраска соседствующих лексем, в частности, глагола *кобениться*, имеющего в русском языке достаточное количество нейтральных синонимов.

Нередко ФО, использующиеся при описании врага, обусловлены текущей дискурсивной ситуацией. Так, примерно с 30-х годов XX века в активное использование вошла ФЕ *изменник родины*, связанная с ростом политических репрессий. Со временем семантика выражения несколько сместилась с человека, совершившего предусмотренное уголовным кодексом преступление, на человека, в принципе сделавшего что-либо не так (похожее явление произошло и с ФЕ *враг народа*). Можно предположить, что семантический сдвиг произошёл из-за слишком активного

функционирования в обществе, сделавшего факт реальной или мнимой госизмены столь обыденным явлением, что оно спокойно вклинилось в повседневную действительность. Интересна и грамматическая организация выражения: уместнее звучало бы *изменник родине*, тогда как родительный падеж зависимого слова в целом меняет грамматическое значение, что влияет и на семантику (теперь *изменник* будто бы родине принадлежит). Примечательно, что в текстах писателей-эмигрантов можно встретить и такой «правильный» вариант, однако наиболее употребительной все-таки стоит считать узуальную формулировку. В эмигрантских текстах ФЕ употребляется преимущественно в своём прямом значении: «*Ну, не прорвись мы – попали бы в плен: там в штабе ошиблись, просчитались, а мы за это попали бы в «изменники родины»*» [16, с. 39]. Обращает на себя внимание и контекст употребления ФЕ: он связан либо с пленом, либо со стремлением в политических преступлениях, то со обстоятельствами, предполагающими реальное уголовное преследование и зачастую и становящимися основной причиной эмиграции.

Схожими параметрами обладает ещё более употребительная ФЕ *враг народа*, употреблённая в качестве заголовка повести В. Юрасова. Выражение восходит к римскому праву, активно употреблялось во время Великой французской революции, однако в русском языке прочно закрепилось в период сталинских репрессий (неслучайно его, как и описанную выше ФЕ, можно встретить только в текстах эмигрантов второй волны). Если изначально значение ФЕ базировалось только на обвинении в политических преступлениях, то со временем оно расширилось: *врагами* стали и те, кого сочли неблагонадёжным, а затем выражение приобрело ироничную окраску, номинируя лиц, совершающих отнюдь не самые тяжёлые преступления, но подвергающихся (реально или потенциально) порицанию за свои проступки. В текстах писателей-эмигрантов угол зрения смещается. Так, ФЕ может использоваться номинально, дублируя «официальную» точку зрения и номинируя тех, кто осуждён по политической статье или может быть осуждён в перспективе. В таком случае выражение зачастую помещается в кавычки: «*«Саботажник», «вредитель», «враг народа» и сотни других – всё это слова без полноценного содержания, но с впечатляющей окраской, нужной пропагандистам...*» [14, с. 387]. При этом сам контекст указывает на тот факт, что сам автор не испытывает негативных чувств к объекту, т.е. не ощущает его своим врагом. Соответственно, даже использование лексемы *враг* в составе ФЕ не служит указанием на оппонента, тогда как упомянутые ранее выражения без столь прямой отсылки могут реализовывать подобную номинацию.

Образ врага раскрывается и посредством крылатых выражений, в т.ч. тех, что находились в активном употреблении, пока автор текста не покинул пределы страны. Таковой, например, можно считать ФЕ *кто наш враг, кто против нас, тот должен пасть*, вошедшую в обиход из популярной песни «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» на стихи И. Френкеля. Она создана на основе «Гимна рабочим» Н. Минского, где выделенная строчка звучит несколько иначе: *кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть*. Очевидно, что первоначальная версия расширяет границы «враждебности», указывая, что враг не обязательно должен воевать с субъектом, он может попросту не придерживаться его взглядов. Подобный вариант, коррелирующий с политической репрессией, можно встретить и произведениях эмигрантов: «*И мой вам совет – никогда, вы слышите, никогда не нарушайте приказ – «кто не с нами, тот наш враг», а врагов мы уничтожаем беспощадно*» [16, с. 98]. Примечательно, что история выражения гораздо глубже политических песен, она восходит к Евангелию: *Кто не со Мною, тот против Меня* (Матфей 12:30 и Лука 11:23). Стоит отметить, что евангельский вариант в принципе не предполагает идей враждебности, чего нельзя сказать о его более позднем переосмыслении. Использование подобных выражений в текстах не только позволяет раскрыть суть дихотомии «свой – чужой» (чужой здесь тот, кто придерживается точки зрения, идущей в разрез с линией партии), но и служит ярким индикатором культурного фона эпохи, показывая, что было «на языке».

Особое место в содержании концепта «Война» занимает описание бытовых аспектов. Особо ярко это просматривается в произведениях писателей-эмигрантов, принимавших непосредственное участие в боевых действиях. Так, например, могут активно использоваться фиксированные номинации для тех или иных предметов/явлений: «*Хоть бы автомат был, – прищурился на зарево Селезнев, пылая «козьею ножкой»...*» [14, с. 18] (*козья ножка* – самокрутка Г-образной формы. ФО основан на внешнем сходстве такой самокрутки с передней ногой козы. Образность единицы зачастую осмысливается и самими авторами, потому выражение нередко употребляется в кавычках). Сами по себе *козьи ножки* не являются сугубо военным атрибутом, однако на фронте число курящих чрезвычайно велико, в связи с чем подобная ФЕ активно используется при описании военных действий. Отдельные выражения возникают уже непосредственно на фронте. Таковой, например, можно считать ФЕ *походно-полевая жена*, употребляющуюся по отношению к женщинам, с которыми у бойцов возникали кратковременные романы, не предполагающие продолжения после завершения войны («*Там же, на фронте, она стала его «ППЖ» – «походно-полевой женой»*» [16, с. 21]). Выражение строится по стандартной модели, используемой для ряда военных номинаций (*походно-полевыми* могут быть кухни, госпитали и т.п.), обозначающих нечто обыденное, перемещающееся за бойцами, но при этом связанное только с нахождением на фронте. Это обуславливает и специфику ФО: *походно-полевая жена* (или сокращённо ППЖ) – спутница, присутствие которой имеет значение только в боевых условиях благодаря чему у выражения появляется негативная, пренебрежительная коннотация.

Интересными для изучения становятся ФЕ, образы внутри которых с течением времени подверглись серьёзному переосмыслению. Такова, например, ФЕ *красный уголок*. В исследованных текстах она употребляется в «советском» значении и обозначает место в том или ином помещении, специально выделенное под размещение агитационных материалов и проведение политически значимых мероприятий («*...правда, в это как раз время шло в красном уголке, в зале, какое-то партсовещание, так что вряд ли мог нас застукать*

Каширин, но все равно – эта навязанная конспирация раздражала меня» [13, с. 239]). Эта ФЕ соотносится с практически идентичным с формальной точки зрения выражением *красный угол* 'самое красивое место в избе, где висят иконы'. Принципиальная разница в семантике обеих ФЕ произрастает из специфики ФО, каждый из которых в итоге восходит в одну точку. Исходный образ строится на понимании *красного* как *красивого*. Соответственно, место в избе, где стоят иконы и где можно помолиться, воспринимается как наиболее красивое, наиболее значимое для всех домочадцев. При этом сам угол отождествлялся с храмом: иконы здесь примерно равны алтарю, стоящий под ними стол – церковному престолу, а сам угол обычно был обращен к юго-востоку. Обновление образа произошло в соответствии с советскими реалиями, поэтому весь религиозный аспект оказался утраченным. Сохраняется идея главенства номинируемого места по отношению ко всем остальным в помещении. «Новая религия» влияет и на атрибутику: иконы сменяются портретами вождей, политической агитацией и т.п. Семантика цвета также претерпевает свои изменения: теперь *красный* употребляется скорее в прямом смысле, т.к. именно красный цвет занимает ведущее место в оформлении материалов (цвет государственного флага, распространяющийся и на всю идеологическую символику). Однако «новый» образ выстраивается именно на базе старого, что подчеркивается и уже упоминавшейся ранее нарочитой близостью компонентного состава ФЕ. Получается, что новая культура как будто стремится вытеснить старую, не разрывая при этом свою связь с ней.

Переосмысление уже существующих ФЕ нередко встречается в эмигрантских текстах, причём в рамках концепта «Война» оно происходит особенно часто. Военный мир – мир особый, со своими порядками и законами. Именно поэтому привычные образы нередко получают новую жизнь, что не может не сказаться на семантике выражений. Так, например, ФЕ *в лоб* преимущественно употребляется в значениях 'прямолинейно' или 'навстречу', тогда как в военной сфере семантика меняется, что отмечено во ряде фразеологических словарей (с соответствующей пометой): «*Подойти в лоб невозможно, артиллерийский обстрел вызвать нельзя...*» [8, с. 281]; «*За одним поворотом прямо в лоб налетело несколько английских истребителей*» [11, с. 337]. Можно увидеть характерные особенности употребления ФЕ в данных случаях, что позволяет определить её значение как 'по фронту, напрямую'. В основе ФЕ оказывается образ *лба* как находящегося спереди участка тела человека, однако военный контекст несколько трансформирует этот образ, привнося в него элемент резкости и минимизируя метафорическую составляющую по сравнению с первым отмеченным нами значением.

Как уже можно заметить, концепт «Война» выходит за рамки исключительно боевых действий, концентрируясь преимущественно на человеке и его восприятию тех или иных событий. Немаловажным здесь становится речевой портрет участников этих событий (в случае в художественными текстами – литературных героев). Так, стоит отметить, что речь военных на поле боя обладает набором определённых характеристик, в числе которых можно выделить точность, лаконичность, а порой и яркую эмоциональность. Такие параметры, а также специфика самой дискурсивной ситуации, приводят к повышению частотности обценной лексики, что отражается и в исследуемых текстах. Примечательно, что наиболее острые выражения и образы подменяются эвфемизмами: «– *Там майор мерина своего прислал нам в обменку. Сам он на нем, бывало, как фуй на заборе*» [14, с. 245]; «– *А фуг с ним! – вскинула Тамара подбородок...*» [13, с. 212]. Такие ФЕ базируются на простых, доступных любому носителю языка образах, характеризующихся высокой экспрессивностью, что зачастую необходимо для демонстрации негативного отношения к объекту речи и/или своих ярких эмоций по поводу того или иного явления. Высокой частотностью обладают ФО с использованием теонимов и демонимов, при этом вторые фигурируют значительно чаще, что также отражает пейоративность передаваемых в эмигрантских текстах настроений: «*Вот, глядите сюда (он водит пальцем по планшетке с картой города): эта вот площадь с ратушей и кварталы вокруг – наши, и черт догадал! весь тут как раз местный ГУМ и торговля*» [14, с. 226]; «*Прямо... поубивать к чёртовой матери!*» [15, с. 618]. Нередко подобные выражения носят междометный характер и употребляются не столько для характеристики и/или оценки объекта речи, сколько для демонстрации собственных эмоций: «*Нет, когда же я, чёрт побери, освоюсь с этой фортификационной путаницей, да будут прокляты и полковник Колосов и его учитель Цезарь Кюи*» [12, с. 109].

Отдельно стоит отметить влияние зарубежной фразеологии, фиксируемое в текстах эмигрантов. Примечательно, что при репрезентации концепта «Война» на первый план выходят ФЕ, связанные не столько с языком страны, где проживает писатель, сколько с языком агрессора, в частности, немецким. За редким исключением подобные ФЕ представляют собой фатические формулы, характерные для немецкой лингвокультуры: «– *Петер! Майн Готт, Петер! Грюс Готт!*» [16, с. 320] (*grüß Gott* 'здравствуйте'); «– *Товарищ лейтенант, заберите гнедиге фрау и объясните, чтобы она шла по своему делу в немецкую полицию*» [16, с. 83] (*gnädige Frau* 'милостивая сударыня'); «– *Гуте нахт, – про себя сказала девушка, повернулась спиной к матери и прижалась лицом к подушке*» [16, с. 32] (*Gute Nacht* 'спокойной ночи'). Это обусловливается не только стремлением писателя ярче передать бытовой колорит, но и проникновением иностранных выражений в его собственную речь (произведения, где активно используются подобные ФЕ, созданы преимущественно в эмиграции, т.е. в период, когда сам автор активно взаимодействовал с другим языком). По приведённым примерам можно заметить, что подобные ФЕ несут характер универсалий и строятся в целом по тем же моделям, что эквивалентные им русские. ФО таких выражений также практически идентичны. Подобными чертами обладают и междометные ФЕ («– *Майн Готт, герр майор! Что же делать?*» [1]; *mein Gott* 'мой бог'). Исключением можно считать ФЕ типа *gnädige Frau*, т.к. в современном русском языке практически отсутствуют постоянные лексемы и ФЕ, номинирующие собеседника в процессе общения. Примечателен также тот факт, что в текстах писателей-эмигрантов подобные ФЕ передаются преимущественно при

помощи кириллицы. Это также может свидетельствовать о своего рода промежуточном положении таких выражений в речи самих писателей и, как следствие, их героев, нередко также являющихся эмигрантами.

Заключение. Нами были рассмотрены основные аспекты концепта «Война», репрезентирующиеся при помощи ФЕ. Так, к основным признакам концепта можно отнести высокую частотность образов, связанных с *кровью, страхом, смертью*. Значимое место занимает репрезентация чувств и эмоций человека, в частности таких, как *гнев, ненависть, агрессивность* и т.п. Активно репрезентируются ментальные особенности человека, а также их трансформация под воздействием военных событий (отсюда столь распространённой становится тема *сумасшествия*). На специфику концепта также может влиять дискурс (в частности то, какая конкретно война описывается автором). Безусловно, приведённый перечень нельзя считать исчерпывающим, т.к. сюда можно отнести ряд отдельных периферийных областей (например, *память, разрушительные последствия войны, международные отношения* и т.п.). Важно отметить, что ФЕ, лежащие в основе всех вышеприведённых выражений, характеризуются разноплановостью, а сам подбор ФЕ с той или иной составляющей в эмигрантской литературе имеет ряд своеобразных отличий (в первую очередь на коннотативном уровне, а также в области возможных трансформаций). Интересно также, что в подавляющем большинстве ФЕ, раскрывающих суть концепта «Война» сама лексема *война* не задействована ни в структурном, ни в образном плане. Так, в ФЕ из исследованных текстов она встретилась лишь в нескольких афоризмах: *на войне все средства хороши* и *À la guerre comme à la guerre* (досл. 'а на войне как на войне'). Такие выражения можно считать своего рода квинтэссенцией наиболее частотных образов, представляющих *войну* как величайшую катастрофу, ломающую жизни людей и наносящую непоправимый урон их психике. Особое внимание стоит уделить изучению концепта «Война» в эмигрантском освещении, ведь языковое сознание эмигрантов существенно отличается от языкового сознания жителей метрополии, в т.ч. за счёт влияния значимых экстралингвистических факторов. Отношение к «бывшей» Родине и войне как одной из причин эмиграции обуславливает подбор специфичных ФЕ, зачастую характеризующихся высокой эмотивностью и многоплановостью.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Концепт – понятие – категория в свете современной лингвистики // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 18 (89). Вып. 7. С. 5–12.
2. Венедиктова Л. Н. Концепт «Война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2004. 180 с.
3. Крячко В. Б. Понятийные характеристики концепта «Война» в английской и русской лингвокультурах // Известия ВГПУ. 2007. № 2. С. 26–30.
4. Сычева Т. В. Вербализация концепта «Человек» фразеологическими единицами с компонентом – названием вещества в русском языке // Альманах современной науки и образования. 2012. № 9 (64). С. 205–209.
5. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.
6. Филоненко Т. М. Фразеологический образ в языках моделях пространства, времени и количества : дис. ... д-ра филол. наук. Магнитогорск, 2004. 435 с.
7. Mirchevska-Bosheva B., Nikolovski G. Frazeološka podoba smrti v makedonskem in slovenskem jeziku // Jezik in slovstvo. 2020. № 65. P. 316–337.
8. Naciscione A. Visual representation of phraseological image. URL: https://www.researchgate.net/publication/303165559_Visual_representation_of_phraseological_image (дата обращения: 22.04.2022).
9. Андреев Г. Горькие воды. Очерки и рассказы. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. 328 с.
10. Андреев Л. Н. Собрание сочинений : в 6 т. Москва : Художественная литература, 1990. Т. 2. 579 с.
11. Куприн А. И. Избранное. Москва : Правда, 1977. 456 с.
12. Куприн А. И. Собрание сочинений : в 9 т. Москва : Правда, 1964. Т. 8. 412 с.
13. Ржевский Л. Д. Звездапад. Анн-Арбор : Эрмитаж, 1984. 273 с.
14. Ржевский Л. Д. Между двух звезд. Нью-Йорк : Издательство имени Чехова, 1953. 410 с.
15. Шмелев И. С. Собрание сочинений : в 5 т. // Солнце мертвых: Повести. Рассказы. Эпопея. Москва : Русская книга, 1998. Т. 1. 641 с.
16. Юрасов В. Параллакс. Нью-Йорк : Новое Русское Слово, 1972. 486 с.
17. Юрасов В. Враг народа. Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1952.

References

1. Alefirenko N. F. Koncept – ponyatie – kategoriya v svete sovremennoj lingvistiki. Nauchnye vedomosti. Seriya «Gumanitarnye nauki». Vyp. 7. 2010;18(89):5–12.
2. Venediktova L. N. Koncept «Vojna» v yazykovoj kartine mira (sopostavitel'noe issledovanie na materiale anglijskogo i russkogo yazykov): dis. ... d-ra filol. nauk. Tyumen'. 2004:180.
3. Kryachko V. B. Ponyatijnye harakteristiki koncepta «Vojna» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah. Izvestiya VGPU. 2007;(2):26–30.
4. Sycheva T. V. Verbalizaciya koncepta «Chelovek» frazeologicheskimi edinicami s komponentom – nazvaniem veshchestva v russkom yazyke. Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2012;9(64):205–209.
5. Filonenko T. M. Frazeologicheskij obraz v yazykah modelyah prostranstva, vremeni i kolichestva: diss. ... d-ra filol. nauk. Magnitogorsk. 2004:435.

6. Slavyanskij drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'. Ed. N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1995–2012;(1–5).
7. Mirchevska-Bosheva B., Nikolovski G. Frazеолошка podoba smrti v makedonskem in slovenskem jeziku. Jezik in slovstvo. 2020;(65):316–337.
8. Naciscione A. Visual representation of phraseological image. URL: https://www.researchgate.net/publication/303165559_Visual_representation_of_phraseological_image (data obrashcheniya: 22.04.2022).
9. Andreev G. Gor'kie vody. Ocherki i rasskazy. Frankfurt am Main: Posev. 1954:328.
10. Andreev L. N. Sobranie sochinenij: in 6 vol. Moscow: Hudozhestvennaya literature. 1990;(2):579.
11. Kuprin A. I. Izbrannoe. Moscow: Pravda. 1977:456.
12. Kuprin A. I. Sobranie sochinenij: in 9 vol. Moscow: Pravda. 1964;(8):412.
13. Rzhеvskij L. D. Zvezdopad. Ann-Arbor: Ermitazh. 1984:273.
14. Rzhеvskij L. D. Mezhdv dvuh zvezd. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova. 1953:410.
15. Shmelev I. S. Sobranie sochinenij: in 5 vol. Solnce mertvyh: Povesti. Rasskazy. Epopeya. Moscow: Russkaya kniga. 1998;(1):641.
16. Yurasov V. Parallaks. New York: Novoe Russkoe Slovo. 1972:486.
17. Yurasov V. Vrag naroda. New York: Izd-vo imeni Chekhova. 1952.

Информация об авторе

М. М. Голикова – аспирант.

Information about the author

M. M. Golikova – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 25.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 21–24.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):21–24.
 Научная статья
 УДК 811.112.2'367:81.42:629.78(09)

**Мифологический статус концепта *атом/дух*
 в научно-философской картине мира К. Э. Циолковского**

Ксения Николаевна Гущина

Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия, k.churzina@yandex.ru

Аннотация. Статья раскрывает специфику репрезентации научно-философской картины мира К. Э. Циолковского, основанной на принципе синтеза двух концептуальных понятий – атом и дух. Объединение ключевых концептов способствует аккумуляции и распространению когнитивно-дискурсивного потенциала на все уровни языка и языковой личности анализируемого автора, в результате чего интегрированное понятие атом/дух приобретает статус индивидуально-авторской мифемы. Кроме того, пример интеграции понятий демонстрирует механизм зависимости языковой и ментальной уровней миромодели. Внутренняя структура исследуемого объекта раскрывается в русле когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию лингвистических явлений, позволяющего выявить специфику речемыслительных операций субъекта речи. Проведённый анализ концепта вскрывает синкретическую природу авторского метода моделирования научно-философской картины мира.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивное сознание, языковое сознание, мифема, концепт-мифема, когнитивная лингвистика, К. Э. Циолковский

Для цитирования: Гущина К. Н. Мифологический статус концепта атом/дух в научно-философской картине мира К. Э. Циолковского // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 21–24.

Original article

**The mythological status of the atom/spirit concept
 in K. E. Tsiolkovsky's Scientific and Philosophical picture of the world**

Ksenia N. Gushchina

Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia, k.churzina@yandex.ru

Abstract. The article reveals the specifics of the representation of K. E. Tsiolkovsky's scientific and philosophical picture of the world, based on the principle of synthesis of two conceptual concepts – atom and spirit. The combination of key concepts contributes to the accumulation and dissemination of cognitive-discursive potential at all levels of the language and linguistic personality of the analyzed author, as a result of which the integrated concept of atom/spirit acquires the status of an individual author's mytheme. In addition, the example of integration of concepts demonstrates the mechanism of dependence of the linguistic and mental levels of the world model. The internal structure of the object under study is revealed in line with the cognitive-discursive approach to the study of linguistic phenomena, which makes it possible to identify the specifics of speech-thinking operations of the subject of speech. The analysis of the concept reveals the syncretic nature of the author's method of modeling the scientific and philosophical picture of the world.

Keywords: discourse, discursive consciousness, linguistic consciousness, mytheme, concept-mytheme, cognitive linguistics, K. E. Tsiolkovsky

For citation: Gushchina K. N. The mythological status of the atom/spirit concept in K. E. Tsiolkovsky's Scientific and Philosophical picture of the world. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):21–24. (In Russ.).

Языковое сознание субъекта речи и его репрезентация в тексте в виде индивидуально-авторского образа мира, с одной стороны, выражает детерминированность языковых явлений процессами, происходящими в сознании субъекта речи [9], с другой стороны, сам текст в лингвокогнитивной теории рассматривается как некий семиотический комплекс, «в котором оказываются запечатлёнными направленность и состояние сознания человека, его личностные логические оценки и эмоциональные реакции на предмет (тему)» [1]. Следовательно, авторская картина мира, вербализованная в словесном произведении может дать представление о специфике языкового сознания субъекта речи К. Э. Циолковского. Немецкий философ Х. Г. Гадамер афористично запечатлел эти гипотезы в тезисе: «Язык – это среда, в которой объединены «Я» и мир» [3, с. 247], то есть лингвокогнитивный анализ текста даёт возможность проследить, как запечатлено это самое «Я» автора в структуре мира, создаваемого языком.

Уникальность творческого метода К. Э. Циолковского заключается в интердискурсивной природе текстов, что и предопределили научный интерес и выбор материала для настоящей работы. Авторская сквозная научная мысль К. Э. Циолковского деанонимизируется через различные творческо-мировоззренческие установки и представляет собой синтез субдискурсивных разновидностей – научно-философский, научно-художественный и научно-технический, каждый из которых в своей идейно-смысловой и аксиологической парадигме раскрывает футуристический для своего времени космический проект об устройстве Вселенной, полётах в космос и перспективе освоения человеком космического пространства. Соединение различных творческих установок в системе цельной научной картины мира образует свертхтекстовое единство (см. рис.).

Рис. Научная мысль К.Э. Циолковского

Научно-философский дискурс К. Э. Циолковского является базовой системой идей и взглядов в структуре общенаучной картины мира, позволяющей рассмотреть научно-философский дискурс и проследить, как движется реализация научной мысли от языка к дискурсу и дискурсивному сознанию. Итак, авторская интерпретация субстанциональной основы бытия К. Э. Циолковского влечёт за собой обращение к двум ключевым понятиям идеалистической и натуралистической философии – *атом* и *дух*, которые автор в семантике текста объединяет. Так, в его труде «Философия вселенной» читаем: «Я признаю только такой дух, который составлен из материи более разреженной и элементарной...», «атом входит в состав сложных агрегатов, какковы есть организмы, и в нем зарождается ощущение сообразное сложности того организма, в состав которого входит...», далее об атоме «нечто постоянное... неразрушимая основа материи..., истинный, неделимый, последний элемент материи...», – следовательно, по К. Э. Циолковскому, «этот дух и есть первичный атом» [8, с. 34]. То есть автор снимает традиционную для классической философии антиномию духовного и материального взаимопродуцированием понятий. Для филологического анализа представляет интерес лингвокогнитивная и когнитивно-дискурсивная обусловленность интеграции, имеющих разное лексическое значение, и как этот процесс влияет на дискурсивный синтез.

Таким образом, *цель исследования* – определить лингвокогнитивные принципы объединения и концептуализации понятий *атом* и *дух*, тем самым выявить их когнитивно-дискурсивный потенциал.

Гипотеза – диада *атом(дух)* обладает когнитивно-дискурсивным потенциалом, распространяя свой функционал на разные уровни организации текстовой модели мира, а также хранят в себе принципы лингвокреативного мышления автора. В таблице 1 представлена схема лингвокогнитивной взаимосвязи, проявляющейся на разных уровнях языка, языковой личности, дискурса и дискурсивного сознания субъекта речи в системе научно-философской картины мира К. Э. Циолковского.

Таблица

Схема лингвокогнитивных зависимостей репрезентации научно-философской картины мира К. Э. Циолковского

Уровни языка	Грамматический	Синтаксический	Лексико-семантический
Процессы	Агентивность	Предложения агентивного типа	Синонимизация, семантическое дублирование
Уровни языковой личности / процессы	Вербально-семантический / ассоциативные синонимические модели	Когнитивный / дискурсивный синтез	Прагматический / бинарное кодирование модели мира
Дискурсивное сознание	Синкретический образ мышления		

К. Э. Циолковский, моделируя научно-философскую картину мира, достаточно часто дублирует по лексико-семантическому принципу ключевые понятия, например: *атом(дух)*, *причина(Бог)*, *эфир(небытие)* и др. Такие диады обладают большим когнитивно-дискурсивным потенциалом, влияя на все последующие уровни организации картины мира, а также хранят в себе принципы лингвокреативного мышления автора. Для анализа остановимся на понятии *атом/дух*. Схема реализации лингвокогнитивной зависимости представлена в таблице 1.

К. Э. Циолковский описывает значение *атома* как источника и субстрата всего сущего, обладающего чувственными свойствами: «он испытывает страдания, свойственные жизни незнательных животных и диких людей» [8, с. 41]. Естественнонаучная топография К. Э. Циолковского ставит *атом* как наименьшую единицу любого вещества в центр научно-философской картины мира, семантизируя тем самым материалистическую основу бытия. Это находит отражение в грамматике и синтаксисе текста. Симптоматично, что именно лексема *атом* в синтаксической структуре произведения выступает в качестве грамматического, логического и даже волевого субъекта, имеющего свои объекты воздействия, что продуцирует явление агентивности. То есть в грамматике предложения слово *атом* структурно и логически является производителем действия и, соответственно, способствует формированию предложений агентивного типа. Агентивная семантика, предполагающая «контролируемость и волеизъявление» грамматического субъекта, «накладывает» на лексему *атом* определённые обязательства, то есть его внутренне семантическое наполнение равноценно категориальному признаку одушевлённости. Следовательно, витальная сущность концепта *атом* заложена в содержании самого понятия, что позволяет снять противопоставление живого и неживого, органического и неорганического в физической картине мира: «... материя, комбинируясь, – пишет К. Э. Циолковский, – путём самозарождения, хотя и очень медленно даёт жизнь...» [8, с. 18]. Н. Д. Арутюнова отмечает, что агентивный

субъект «имеет ещё одну важную задачу – эксплицировать значение предиката, создавая для него семантический фон» [2, с. 168]. Вербализация идеи жизнечувствительности *атома*, химическая формула которого к середине XX века уже была открыта, потребовала отражения этого явления на лексико-графическом уровне. Таким образом, понятие *атом* становится тем самым «фоном» на котором семантически проявляются изоморфные и жизнечувствительные свойства концепта как частицы материи, которая находится в непрерывном процессе превращения и трансформации, следовательно, в тексте К. Э. Циолковского читаем «*мы всегда жили и всегда будем жить, но каждый раз в новой форме и, разумеется, без памяти о прошедшем*» [8, с. 78].

Кроме того, лексическая репрезентация идеи «жизнечувствительности» любой частицы материи, в том числе и неживой, проводится автором посредством синонимизации с понятием другой лексико-семантической природы. Если *атом* невидим невооружённым глазом и бессмертен, следовательно, существует в виде ещё и нематериальной субстанции – *духа*, и «этот дух есть первичный *атом*». При этом дублирующее понятие *дух* выводится логическим суждением из первоначального понятия *атома*: «... *нерушимая основа материи ... , самый простейший элемент материи ... , он бессмертен, вечно и неизменяем. Если его назвать духом, то такой дух действительно существует*» [8, с. 118]. Так, в онтологическом дискурсе К. Э. Циолковского к понятию *атом* примыкает концепт *дух*, актуализируя религиозно-философский компонент интегрированного понятия. Оба понятия в семантике текста соотносятся своими репрезентативными функциями и свойствами и частично взаимозаменяемы в номинативной системе картины мира: «*Малейшая частица материи, её основа (атом), есть дух ... поэтому дух бессмертен, не имеет ни начала, ни конца. Он не уничтожаем, как не уничтожаема сущность вещества*» [8, там же]. Таким образом, диада *атом(дух)* в сущности являются контекстуальными синонимами при том, что узувальные (фактические) их значения разнятся. Следовательно, можно предположить, что синонимизируются не значения слов как таковые, а ментальные репрезентации явлений, которые находят ассоциации в сознании субъекта речи, притягиваясь конкретными точками аттракции, то есть тем, что предопределено содержательной структурой слова, например, семемами *взаимобратимость, неотделимость, чувствительность, неосознаемость*. Значения слов *атом* и *дух*, суммируясь «развиваются», меняют не только свою семантическую структуру, но и, как писал А. Р. Лурия, «ту систему психологических процессов, которая её осуществляет» [7, с. 123], в нашем случае это текстовая репрезентация сознания субъекта речи.

Корреляция понятий способствует наложению и слиянию дискурсивных планов – научно-философского и религиозно-философского, что, в свою очередь, обеспечивает большую продуктивную способность в том смысле, что каждый концепт соотносится в текстовой структуре с соответствующими лексико-семантическими полями. Каждое понятие в тексте существует в своём лексическом окружении, частично пересекаясь: например, *атом* существует в поле слов – *вещество – материя (живая и «мёртвая») – тело – земля – мир – Вселенная (космос) – эфир (Эфирный остров)* и др.); *дух* в поле слов – *вещество – материя (живая и «мёртвая») – бог – идея (или причина) – вселенная(космос) – страдание(блаженство)* и др.), тем самым создаётся семантическая двуплановость картины мира. Следовательно, бинарный концепт *атом(дух)* является точкой наложения вариативных моделей единого универсума.

Внутренняя структура концепта *атом(дух)* представляют собой образование фреймовой природы, то есть некий «нерасчлennный образ», интерпретация которого возможна только в структуре более крупной системы – в нашем случае это индивидуально-авторская модель мира, но только по отношению к общепринятой концепции или интерпретации. Похожее концептуальное удвоение наблюдается в произведениях устного народного творчества – например, мифах и сказках. Удвоение понятий по своей внутренней организации напоминает мифологическую структуру, которая «стремится сначала к оперированию оппозициями, а потом к их снятию с разницей лишь в природе противопоставлений», то есть индуцирование концептов *атом* и *дух* напоминает процесс индивидуально-авторской мифологизации при помощи дублирующего компонента, что, в свою очередь, формирует в структуре авторской научно-философской картине мира иной порядок реальности: сумма компонентов концепта не сводится только к лексическому сложению лексем, стремиться выйти за пределы означаемого. Так, К. Леви-Стросс в монографии «Структурная антропология», анализируя природу мифа, пишет: «Повторения в мифе выявляют его слоистую структуру, слои которого не бывают идентичны и призваны дать логическую модель разрешения этого противоречия» [4, с. 47]. Так в процессе вербализации «осознаётся и переживается в упорядоченной и умопостигаемой форме настоящее», создаётся некий образ авторского переживания, и в той мере, в какой это «переживание самоорганизуется, механизмы, находящиеся вне контроля индивидуума, произвольно саморегулируются, приходя в конце концов к упорядоченному функционированию». На наш взгляд, этот концепт-мифема *атом/дух*, который создаётся языковыми средствами в совокупности с индивидуальным креативным восприятием автора, позволяет приблизиться к пониманию «производящего её сознания», то есть понять мышление субъекта речи К. Э. Циолковского.

А. Р. Лурия отмечал, что разница между примитивным мышлением и научным лишь «в самой природе явлений, подвергаемых анализу» [7, с. 254]. Посредством этого бинарного концепта-мифемы *атом/дух* в структуре научно-философской картины мира раскрывается идея кругооборота и жизнечувствительности материи. Слияние понятий различной семантической и дискурсивной природы репрезентует лингвокогнитивное образование, восходящее к синкретическому образу мышления и мифопоэтическому художественному сознанию (который, например, представлен в народном творчестве, только в нашем случае мы говорим не о коллективном мифе, а об индивидуально-авторском). Это такая разновидность текстового сознания, которая основана, по А. Н. Веселовскому, «нерасчлennно-слитном восприятии» окружающего мира, подразумевающее даже «не смешение, а отсутствие различий» между ними, то, что мы наблюдаем на примере соединения *атома* и *духа*.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики : монография. Москва : Гнозис, 2005. 326 с.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Москва, 1976. С. 167–177.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод : Основы филос. герменевтики : пер. с нем. ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. Москва : Прогресс, 1988. 704 с.
4. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. В. В. Иванова. Москва : Академический Проект, 2008. 555 с.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Москва : Политиздат, 1977. 307 с.
6. Лурия А. Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. Москва : Изд-во Москов. ун-та, 1979. 186 с.
7. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека / Под ред. Е. Д. Хомской, Э. И. Кандель. Москва : Издательство Московского университета, 1962. 433 с.
8. Циолковский К. Э. Философия Вселенной. Москва : Эксмо, 2018. 160 с.
9. Чейф У. Л. Значение и структура языка. Москва : Либроком, 2009. 430 с.

References

1. Alefirenko N. F. Spornye problemy semantiki. Moscow. 2005:326.
2. Arutyunova N. D. Predlozhenie i ego smysl. Moscow. 1976:167–177.
3. Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filos. Germenevtiki. Moscow. 1988:704.
4. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya. Moscow. 2008:555.
5. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. Moscow. 1977:307.
6. Luriya A. R. Yazyk i soznanie. Moscow, Moscow University Publ. 1979:186.
7. Luriya A. R. Vysshie korkovye funkcii cheloveka. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 1962:433.
8. Ciolkovskij K. E. Filosofiya Vselennoj. Moscow. 2018:160.
9. Cheif U. L. Znachenie i struktura yazyka. Moscow. 2009:430.

Информация об авторе

К. Н. Гущина – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

K. N. Gushchina – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 03.10.2022.

The article was submitted 03.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 03.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 25–27.

Humanitarian Researches. 2022;4(84):25–27.

Научная статья
УДК 378.811.111

Medical terminology as an object of study

Sara G. Dzhabrailova¹, Tatiana V. Lukoyanova²

^{1,2}Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

¹sara_dzhabrailova@mail.ru

²lukoyanova_tanya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3736-9739>

Abstract. The importance of a foreign language in medical professional and educational activities is undeniable. Knowledge of a foreign language makes it possible for a future medical worker to constantly improve their skills by having a practice abroad, exchanging experience and knowledge with foreign colleagues. Professional growth is influenced by the level of knowledge of medical terminology. The author stressed that for the correct use of terms, it is necessary to understand the meanings of lexical units by medical specialists. After revealing the structure of the term and the meanings of its components, students understand the “nature” of the concept more deeply. In the course of the study a semantic analysis of terms was carried out and the importance of the conscious use of English medical terminology was confirmed.

Keywords: medical terminology, term, Latin terminology, English medical terminology, anatomical terminology, clinical terminology

For citation: Dzhabrailova S. G., Lukoyanova T. V. Medical terminology as an object of study. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):25–27. (In Russ.).

Original article

Медицинская терминология как объект изучения

Сара Гамидовна Джабраилова¹, Татьяна Владимировна Лукоянова²

^{1,2}Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

¹sara_dzhabrailova@mail.ru

²lukoyanova_tanya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3736-9739>

Аннотация. На сегодняшний день значимость иностранного языка в медицинской профессиональной и учебной деятельности неоспорима. Знание иностранного языка даёт возможность будущему медицинскому работнику постоянно повышать свою квалификацию, проходя практику за рубежом, обмениваясь опытом и знаниями с иностранными коллегами. На профессиональный рост влияет уровень владения медицинской терминологией. Автор подчёркивает, что для корректного использования терминов необходимо понимание значений лексических единиц специалистами-медиками. Раскрыв структуру термина, выявив значения его компонентов, студенты глубже понимают сущность понятия. В процессе исследования проведён семантический анализ терминов и подтверждена значимость осознанного употребления английской медицинской терминологии.

Ключевые слова: медицинская терминология, термин, латинская терминология, английская медицинская терминология, анатомическая терминология, клиническая терминология

Для цитирования: Джабраилова С. Г., Лукоянова Т. В. Медицинская терминология как объект изучения // *Гуманитарные исследования*. 2022. № 4 (84). С. 25–27.

Today the importance of a foreign language in medical professional and educational activities is undeniable. The concept of language education is aimed at professionally oriented training based on taking into account the needs of students in learning a foreign language. Knowledge of a foreign language enables future medical workers to improve their qualifications, read medical literature in the original, attend international conferences, study and practice abroad, exchange experience and knowledge with foreign colleagues.

At a medical university students of different specialties get acquainted with medical terminology in the first year in Latin classes. This knowledge is necessary when students study specialized disciplines such as “Human Anatomy and Physiology”, “Histology”, “Pharmacology”, “Pharmacognosy”, etc. At the seminars in English much attention is also paid to the medical terminology of various fields of medicine. It should be noted that when we have the topics “Human skeleton”, “Body systems”, “Medicinal plants”, “Medicines and preparations”, there are a large number of terms with Greek-Latin roots. For example: doctor (from Latin doctor (from docere – to teach) – teacher, an expert, authority on a subject; borrowed through the French doctor), recipe (from Latin receptum – accepted obligation, guarantee), trunk (from Latin trunkus – a stock, lopped tree trunk; borrowed through the French tronc – alms box, tree trunk, headless body), infection (from Latin inficio, infeci, infectum – to infect; borrowed through the French infection), pediatrics (from Greek. paed – child), etc.

We would like to start our article with the answer of the question what is a term. In our research, we use the definition given by B. N. Golovin “a term is a word or phrase having a professional meaning, expressing and forming a professional concept used in the process and for the cognition and development of a certain range of objects ... of a certain profession” [1, с. 20]. From a cognitive point of view, the term is a linguistic sign of a special concept, a result of the verbalization of scientific knowledge [6, с. 21]. Undoubtedly, any profession generates its own terminology. Commonly used and therefore

non-terminological words can merge into terminology and acquire the meanings and functions of terms in the speech of professionals [4, c. 245]. For example, a pharmacist finding the definition of the lexical unit "birch" will pay attention not to the botanical description, but to the medicinal properties of this plant. Birch leaves and buds have anti-inflammatory, antimicrobial, wound healing properties, as well as absorbable properties.

It should be noted that the use of terms by representatives of the same profession ensures communication in the process of joint activity and affects the degree of its effectiveness. The use of terms relieves participants of communication from differences in understanding and application of the same lexical units, reduces losses in perception and assimilation of information. That is why a number of terminologists insist that the term should be unambiguous and precise (V. M. Leychik, A. A. Reformatsky, etc.).

In our opinion, basic information about the word formation and etymology of terms lets medical students use medical terminology more effectively. After all, in order for new information entering the brain to be assimilated, it must be recognized and comprehended by a student [5, c. 403]. After that information is fixed in the mind in form of knowledge, skills and abilities [2, c. 14]. And if the information is assimilated, then there is no need to memorize big lists of lexical units, it is possible to predict the meaning of terms. For example: myocard (myocardium) = myo (muscle) + card (ium) (heart) – cardiac muscle, endocarditis = endo (in, inside) + card (heart) + -itis (inflammation) – inflammation of endocardium (thin serous membrane that lines the interior of the heart), pericarditis = peri (around) + card (heart) + -itis (inflammation) – inflammation of the pericardium (serous membrane that surrounds the heart).

Two completely different phenomena can be observed in medical terminology: a very precisely developed, internationally standardized anatomical terminology and a rapidly developing clinical terminology of all branches of medicine. The main reason for the origin of new medical terms is the rapid development of scientific knowledge and the need for rapid nomination of new devices, diseases, symptoms, etc.

As a rule, terminology is updated with new terms due to:

1. Formation of new lexical units;
2. Changes in the meanings of previously formed lexical units. For example: hysteria (from hystero – uterus) was originally used to describe specific disorders of state of health and behavior of women. Currently, it is a neurological disease that has its own clinical picture, symptoms and causes of occurrence;
3. Borrowings.

According to the results of our research, about 40 % of English medical terms have French origin, some of which were borrowed through French from Latin. For example: disease (from French *desaise* "discomfort", "disease" – *des* – "not" + *aise* "easy"), cramp (from French *crampe* – *krapmhe* "spasm" – *kramph* "curved"), delivery (childbirth, from French *deliverée* – *delivrer* "to set free", "to liberate"), curette (curette, from French *curette* – *curer* "to clean out" – from Latin *curare* "to take care"), bowel (from the French *boel* "intestine" – from Latin *botellus* "small intestine" diminutive of *botulus* "sausage"), cartilage (from the French *cartilage* – from Latin *cartilago* "cartilage"), etc. 30 % of the terms analyzed by us are borrowed from the German language. For example: hand from *die Hand* (hand, wrist), finger from *der Finger* (finger), nose from *pragem. nusus* – from *die Nase* (nose), arm from *der Arm* (portion of the upper human limb from shoulder to the wrist), etc. About 8 % of the terms are terms of Greek origin (diabetes, pneumonia, myopia (nearsightedness), trauma, etc.).

A number of medical terms in the English language are calque. For example: leukocyte from Latin *leucocytus*, erythrocyte from Latin *erythrocytus*, monocyte from Latin *monocytus*. But it should be noted that they are used not only as the calques. There are several translation variants of these terms forming synonymous series. For example: leukocyte (*leuco* – white + *cytus* – cell) – white blood cell, erythrocyte (*erythro* – red + *cytus* – cell) – red blood cell, red blood corpuscle, phagocyte (*phago* – to eat + *cytus* – cell) – a protective cell in human blood that engulfs and destroys viruses, bacteria and waste materials – phagocytic cell – defensive cell (protective cell), scavenger cell (scavenger – garbage collector)). At the same time the terms leukocyte, erythrocyte, phagocyte are most often used in medical literature, and their synonyms are used in articles aimed at the average reader.

It should be stressed that if in the past the national medical terminology often borrowed medical terms from Latin, at present this process of word formation is rather unproductive. New lexical units are mainly terms of English origin. For example: linear cutter (stapler) – linear cutter, linear stitching-cutting stapler, (medical) stapler.

In conclusion, we would like to note the need for a conscious study of medical terms. After revealing the structure of the term and the meanings of its components, students understand the "nature" of the concept more deeply. It is important to discuss the etymology of terms with medical students. This will give them a deeper understanding of the history of medicine and will allow them to have a look at the terms from a different point of view.

References

1. Golovin B. N. Lingvisticheskie terminy i lingvisticheskie idei. *Voprosy jazykoznanija*. 1976;(3):20–34.
2. Kiseleva L. A. Professional'no-jazykovaja kartina mira specialista-medika. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Serija: Lingvistika. 2018;(4):13–18.
3. Lejchik V. M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», Izd-vo LKI. 2007:256.
4. Lukojanova T. V. Medicinskij termin kak kognitivnaja edinica, otrazhajushhaja uporyadochenie special'nogo znanija. Terminy v kommunikativnom prostranstve: materialy nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Diskursologija, terminologija, jekologija jazyka v sovremennoj lingvistike» (11 maja 2018). Otv. red. S.I. Madzhaeva. Astrakhan: Publishing house of the Astrakhan State Medical University. 2018:244–251. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35628334> (date of the address: 2.09.2022).

5. Lukojanova T. V. Metafory-terminy v podsysteme «hirurgicheskij instrumentarij» v nemecckom jazyke. Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. XX: Ot kognitivnoj lingvistiki k kognitivnomu terminovedeniju: sbornik nauchnyh trudov. Moscow: In-t jazykoznanija RAN; Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015:401–408. URL: <https://www.mendeley.com/reference-manager/reader/f8b927fc-c73f-3c24-bc8d-8ea789565910/5c46a0d2-1268-5ffd-39cb-d5fb181679ce> (date of the address: 10.09.2022)

6. Madzhaeva S. I. K voprosu o funkcionirovanii terminov v medicinskom diskurse. Gumanitarnye issledovanija. 2014;4(52):20–23.

7. Reformatskij A. A. Vvedenie v jazykovedenie: uchebnik dlja vuzov. Moscow: AspektPress. 2002:536.

Список источников

1. Головин Б. Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 20–34.

2. Киселева Л. А. Профессионально-языковая картина мира специалиста-медика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 4. С. 13–18.

3. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

4. Лукоянова Т. В. Медицинский термин как когнитивная единица, отражающая упорядочение специального знания // Термины в коммуникативном пространстве: мат-лы научно-практ. конф. с международным участием «Дискурсология, терминология, экология языка в современной лингвистике» (11 мая 2018) / Отв. ред. С. И. Маджаева. Астрахань : Изд-во АГМУ, 2018. С. 244–251. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35628334> (дата обращения: 2.09.2022).

5. Лукоянова Т. В. Метафоры-термины в подсистеме «хирургический инструментарий» в немецком языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XX : От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению : сб. науч. тр. Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. С. 401–408. URL: <https://www.mendeley.com/reference-manager/reader/f8b927fc-c73f-3c24-bc8d-8ea789565910/5c46a0d2-1268-5ffd-39cb-d5fb181679ce> (дата обращения: 10.09.2022).

6. Маджаева С. И. К вопросу о функционировании терминов в медицинском дискурсе // Гуманитарные исследования. 2014. № 4 (52). С. 20–23.

7. Реформатский А. А. Введение в языковедение: учебник для вузов. Москва : Аспект-Пресс, 2002. 536 с.

Информация об авторах

С. Г. Джабраилова – преподаватель кафедры латинского и иностранных языков.

Т. В. Лукоянова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

S. G. Dzhabrailova – Lecturer of the Department of Latin and Foreign Languages

T. V. Lukoyanova – Candidate of Philological Sciences, associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.09.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 13.10.2022.

The article was submitted 10.09.2022; approved after reviewing 10.10.2022; accepted for publication 13.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 28–31.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):28–31.
Научная статья
УДК 80/81

**Особенности функционирования сложноподчиненных предложений
с относительным придаточным во французском языке**

Елена Валентиновна Донченко¹, Азалия Рафиковна Уразалиева²

¹Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

²Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

¹edontchenko@mail.ru

²azaliya.urazalieva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена определению основных структурно-семантических характеристик сложноподчиненного предложения с относительным придаточным во французском языке. Среди множества лингвистических исследований сложного предложения с относительным придаточным во французском языке нет единой точки зрения о семантике, функциональной нагрузке относительного придаточного предложения и его связи с главным предложением. Необходимым условием относительного придаточного является наличие antecedenta в главном предложении. Семантика antecedenta определяет выбор наклонения, видовременных форм глагола придаточного предложения и особенности выражения таксисных отношений в сложноподчиненном предложении с относительным придаточным.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, antecedent, относительное придаточное предложение, относительное местоимение, наклонение, синтаксическая функция

Для цитирования: Донченко Е. В., Уразалиева А. Р. Особенности функционирования сложноподчиненных предложений с относительным придаточным во французском языке // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 28–31.

Original article

**Features of the functioning of complex sentences
with a relative clause in French**

Elena V. Donchenko¹, Azaliya R. Urazalieva²

¹Astrakhan State University, Astrakhan, Russia,

²Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

¹edontchenko@mail.ru

²azaliya.urazalieva@mail.ru

Abstract. This article is devoted to determining the main structural and semantic characteristics of a complex sentence with a relative clause in French. Among the many linguistic studies of a compound sentence with a relative clause in French, there is no single point of view on the semantics, functional load of the relative clause and its connection with the main clause. A necessary condition for a relative clause is the presence of an antecedent in the main clause. The semantics of the antecedent determines the choice of mood, aspectual-temporal forms of the verb of the subordinate clause and the features of the expression of taxis relations in a complex sentence with a relative clause.

Keywords: complex sentence, antecedent, relative clause, relative pronoun, mood, syntactic function

For citation: Donchenko E. V., Urazalieva A. R. Features of the functioning of complex sentences with a relative clause in French. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):28–31. (In Russ.).

Анализируя формальные характеристики сложного предложения с относительным придаточным во французском языке, необходимо отметить, что существует множество различных структур относительного придаточного предложения и его связи с главным предложением. В представлении говорящего придаточное предложение всегда играет менее важную роль, чем главное, и представляет тему: *Et qui comprendrait seulement tous les signes de la messe, il saurait déjà beaucoup* [10, с. 569]. Однако некоторые учёные определяют относительные предложения в первую очередь как придаточные, которые содержат основную информацию высказывания: *Quant à moi, je suis un homme qui a toujours méprisé de tels applaudissements*. Более того, некоторые учёные считают, что различие между главным и относительным придаточным носит субъективный и психологический характер [4, с. 75].

Различают относительные придаточные:

детерминативные, которые тесно связаны с главным и не могут быть удалены, не изменив при этом значения всего предложения, например:

Il entra du pas d'un homme qui n'a pas une minute à perdre.

La doctrine qui met le souverain bien dans la volupté du corps,

laquelle a été enseignée par Epicure, est indigne d'un philosophe [10, с. 12].

Первое относительное придаточное является детерминативным и не может быть удалено в отличие от второго придаточного, которое является объяснительным и может быть опущено. На примере детерминативных предложений можно проследить, насколько тесной бывает взаимосвязь между главным и придаточным предложениями.

• **объяснительные**, которые выражают признак или дополнительное значение, служащее объяснению или уточнению значения слова, к которому оно относится, содержит дополнительную информацию и может быть опущено, не изменяя при этом значения предложения в целом: *Mon frère, qui était timide, refusa de la suivre.*

Необходимым условием введения относительного придаточного предложения является наличие antecedента в главном предложении. В качестве antecedента могут выступать не только отдельные слова, но и целые предложения. По мнению А. Мартинэ, подчинение не является статусом одного только придаточного предложения, но имеет отношение к семантике детерминации всего высказывания в целом [5, с.129–130]. Совершенно очевидно, что относительное придаточное с antecedентом в полной мере отвечает этой концепции, так как придаточное определяет antecedent, который находится в главном предложении. *J'allais contempler le soleil // qui se couchait sur la mer.* Относительное предложение дополняет antecedent главного предложения – *le soleil.*

Относительные придаточные предложения могут быть без antecedента и тогда они вводятся:

- относительным местоимением: *Qui vivra verra.*
- неопределённой формой относительного местоимения: *quiconque, n'importe qui, qui que ce soit qui: Quiconque a vu le père Aubry cheminant seul avec son bâton* [10, с. 568];
- группой, в составе которой относительное местоимение с antecedентом, выраженным указательным местоимением: *Ceux dont il a gagné la croyance et l'appui. Tel qui rit vendredi dimanche pleurera* (Dicton). *M. Chélan trouva dans ses manières un certain feu tout mondain, bien différent de celui qui eût dû animer un jeune lévite* (Stendhal).

Относительное придаточное предложение выполняет функцию определения и относится всегда к одному из членов главного предложения, выражающего понятие объекта. Учёные спорят об основной синтаксической роли относительного предложения. Используя метод трансформации, Л. Теньер заключает, что в предложении: *Les livres que vous avez sont précieux* (Книги, которыми вы владеете, очень ценные), относительное придаточное *que vous avez* является определением, так как может быть заменено на прилагательное, например: *les livres rares sont précieux* (редкие книги очень ценны). При этом смысл предложения практически не меняется [8, с. 103–108].

По мнению А. Сешэ, любое относительное предложение можно заменить на прилагательное или на причастный оборот: *L'homme que j'ai vu: 'vu par moi'*. Таким образом, функция относительных предложений в рамках сложного предложения легко определяется исследователями путём замены как функция определения [7, с. 187]. Используя сравнение синтаксических функций прилагательного и относительного предложения в одном контексте, Э. Бенвенист приходит к аналогичному выводу (*Le premier utilisa un ton plus doux et qui n'a pas ces élans oratoires*) [2, с. 208], где придаточное предложение выполняет функцию определения, как и прилагательное *doux*, что подчёркнуто сочинительной связью между ними.

Сходство относительного предложения с прилагательным отмечается и на семантическом уровне. Наряду с тем фактом, что относительное придаточное может быть заменено прилагательным без искажения смысла, следует указать, что для уточнения значения прилагательного используется относительное предложение (*beau: celui qui a les traits réguliers du visage, honnête, celui qui dit la vérité, etc.*).

По мнению А. Сешэ, относительное придаточное дополняет семантику antecedента, что отличает этот вид предложений от других придаточных: *La subordonnée relative est complément de l'antécédent.* Оно не обязательно выражает качество antecedента [7, с. 188].

Анализ показывает, что относительное придаточное предложение принадлежит к тому же синтагматическому классу, что и прилагательное-определение, но не является определением. Однако французские учёные Р. Л. Вагнер и Ж. Пэншон утверждают, что заключение об их эквивалентности было бы поспешным [10, с. 569]. Такой же точки зрения придерживается К. Туратье. Учёный утверждает, что сравнивать относительное придаточное и прилагательное можно, если предложение может выполнять функцию именной части сказуемого (*attribut*), поскольку функция последнего подобна функции определения. Чаще всего относительное придаточное выполняет функцию именной части сказуемого, которое выражено глаголом восприятия или наблюдения [10, с. 36].

Ça me fend le cœur, de voir cette bonne terre qui se gâte (Zola, *Terre*, p. 164).

Некоторые исследователи утверждают, что относительное придаточное можно причислить к разряду сложных прилагательных, т.к. оно выполняет функцию определения [2, с. 210]. Другие же считают, что даже частичное уподобление предложения прилагательному-определению неправомерно, так как прилагательное не имеет монополии на функцию определения [10, с. 52], а эту функцию прекрасно выполняет и существительное (*le style gendarme, des manières peuple, la question argent*) [1, с. 308]. Функция определения, которую выполняет относительное придаточное предложение, не делает а priori из этого предложения прилагательного-определения. К. Туратье утверждает, что семантико-логические связи, которые существуют между относительным придаточным предложением и прилагательным-определением, не становятся от этого менее тесными.

Le très gentil petit enfant anglais qui est extrêmement poli, dont on m'avait parlé mais que je voyais pour la première fois, vint m'ouvrir la porte [9, с. 28–29].

Учёные задаются вопросом, правомерно ли давать синтаксическое объяснение семантико-логическому сходству между относительным придаточным предложением и прилагательным-определением. По мнению К. Туратье, связь между прилагательным-определением и относительным предложением носит семантико-логический характер. Впрочем, подтверждением семантической природы эквивалентности между прилагательным и относительным придаточным предложением является их принадлежность к одному парадигматическому классу, характеризующему имя-существительное, так как они выполняют одну и ту же синтаксическую функцию определения [9, с. 62]. Этого достаточно, чтобы объяснить, что после имени существительного прилагательное можно всегда заменить на относительное предложение, и, с другой стороны, говорящий может выразить относительным предложением понятие, которое невозможно передать прилагательным. Если согласиться с утверждением, что семантическая составляющая интерпретирует высказывание на основании семантики входящих в неё морфем, становится понятным, что прилагательное и относительное придаточное предложение имеют одинаковые логико-семантические свойства, так что, выполняя одинаковые функции, они приобретают подобную семантику. Относительное придаточное – это определительное предложение из числа придаточных, и оно принадлежит к одной парадигме с прилагательным:

N + Adj (прилагательное)

PR (proposition relative – относительное придаточное)

Можно привести примеры других придаточных предложений, выступающих в аналогичной функции. Например,

– сравнительное придаточное: *C'était un médecin original et comme on n'en voit plus.* (Эмо был оригинальный врач, каких больше не увидишь);

– придаточное времени: *Elle me racontait sa lutte quand elle recevait mes lettres.* (Она рассказала мне, как боролась, когда получала мои письма); *Il lui fit raconter sa vie depuis qu'ils s'étaient perdus de vue* [3, с. 126].

Однако К. Туратье отрицает возможность рассматривать эти предложения как определительные, так как заменить их на прилагательное-определение невозможно [9, с. 36–37].

Относительное придаточное предложение получило своё название благодаря относительному местоимению, которое вводит это предложение и дополняет имя существительное или местоимение, являющееся антецедентом. Ж. Муанье называет относительное местоимение именем, лишённым понятийной основы [6, с. 13].

Относительные придаточные предложения вводятся относительными местоимениями *qui, que, quoi, dont, où, le quel*, которые, в свою очередь, выполняют синтаксическую функцию в придаточном предложении:

– *L'appartement, dont toutes les portes étaient ouvertes, et qui était demeuré tel, qu'on l'avait rangé au printemps, offrait un aspect sinistre.* (Martin du Gard);

– *Sa tunique et ses pieds avaient la couleur des chemins sur lesquels il errait tant d'années.* (France).

Относительные придаточные предложения в рамках сложного вводятся простой или сложной формой относительного местоимения.

При этом возможно согласование придаточного с антецедентом: *Il tendit à Frédéric le portecigares encore plein et qu'il avait gardé religieusement avec l'espoir de le rendre* (G. Flaubert).

Основную функцию относительного местоимения можно назвать анафорической. Это означает, что существует элемент, которому местоимение передаёт и от которого принимает семантическое наполнение. Как правило, антецедент предшествует придаточному предложению. Однако можно привести примеры, когда придаточное предшествует антецеденту: *Elle me montra, qui jouait dans son jardin, un de ces ânes charmants de Provence, aux longs yeux résignés.*

По мнению Р. Л. Вагнера и Ж. Пенсона, относительными можно назвать предложения, вводимые относительным местоимением или наречием (*dont, où*). Эти предложения играют различную роль в сложном предложении и выполняют разные функции, в зависимости от наличия или отсутствия антецедента в главном предложении. В первом случае они выполняют функции подлежащего и могут быть предикативным ядром сложного предложения (*Voilà qui est bien!*). Во втором случае они играют роль прилагательного и называются относительными детерминативными [10, с. 568–569].

Иногда трудно отличить относительное местоимение от вопросительного, так как формы их совпадают (*qui, que, quoi, le quel*). И даже если *dont* является относительным местоимением, *ce dont* может вводить вопросительное придаточное предложение. Таким образом, существуют формы, которые имеют два параллельных употребления: *qui, ce qui, ce que, ce dont, où*. Понять их семантику позволяет только значение управляющего глагола:

- *Il regarde ce que tu lis* (относительное);
- *Il demande ce que tu lis* (вопросительное);
- *Il étudie ce dont vous lui avez parlé* (относительное);
- *Il demande ce dont vous lui avez parlé* (вопросительное).

В сложном предложении относительное придаточное может выполнять функцию:

- подлежащего илименной части сказуемого: *N'a pas de nid qui passe.* (V. Hugo); *La vie ambulante est celle qu'il me faut* (J.-J. Rousseau);
- дополнения: *J'aperçus dans la chambre voisine...tout ce qui annonce les préparatifs de voyage* (A. de Musset);
- определения: *Menez-moi chez ce monsieur de Louvois, qui sans doute me conduira chez Sa Majesté* (Voltaire).

Чаще других в этих предложениях используются:

- формы изъявительного наклонения: *Et qui nous livre au mal n'est-il pas l'auteur du mal?* (Voltaire);

- формы сослагательного наклонения: *Qui m'eût vu alors se fût fait une idée juste...* (A. France);

- формы на *-rais*: *Qui m'aurait vu alors se serait fait une idée juste* (A. France).

Употребление наклонения в придаточном относительном во многом определяется грамматической семантикой антецедента, которая является определяющей в выборе наклонения придаточного предложения. Употребление форм изъявительного наклонения является самым распространённым: *J'entrevois une solution qui pourra vous satisfaire.*

В целом выбор наклонения зависит от намерения говорящего: *Les seules distractions que je prenais alors, c'était la recherches des papillons.* (Ch. Nodier) *Il était le premier homme que je rencontrais et pour qui comptait plus que tout la vie de l'esprit* (F. Mauriac).

Употребление сослагательного наклонения в относительном придаточном свидетельствует о наличии семы вероятности, ограничения, исключительности или цели в семантике антецедента:

- *Connaissez-vous un homme qui n'ait aimé qu'une femme ?* (A. de Musset);

- *Le seul homme supérieur qu'elle crût connaître, c'était son père* (F. Mauriac);

- *Il prétendait qu'il n'était pas de héros ni de saint qui n'eût fait plus d'une fois le tour de soi-même* (F. Mauriac).

Список источников

1. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. Berne, Suisse : A. Franck, 1965. 416 p.
2. Benveniste E. La phrase relative, problème de syntaxe générale. Paris, 1957. 356 p.
3. Boer de C. Syntaxe du français moderne. Paris, 1954. P. 126.
4. Brondal, Essais de linguistique générale, Einar Munksgaard, Copenhague, 1943. 540 p.
5. Martinet A. Eléments de linguistique générale. A. Colin, 1970. 336 p.
6. Moignet G. Le pronom personnel français. Essai de psycho-systématique historique. Paris, Klincksieck, 1965. 192 p.
7. Sechechaye A. Essais sur la structure logique de la phrase. Paris, Champion. 1950. 260 p.
8. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris : Klincksieck, 1966. P. 103–108.
9. Touratier Ch. La relative. Essai de théorie syntaxique. Paris : Librairie C. Klincksieck, 1980. 516 p.
10. Wagner R. L. et Pinchon J. Grammaire du français classique et moderne. Paris : 1962. 648 p.

References

1. Bally Ch. Linguistique generale et linguistique francaise. Berne, Suisse: A. Franck. 1965:416.
2. Benveniste E. La phrase relative, probleme de syntaxe generale. Paris. 1957:356.
3. Boer de C. Syntaxe du francais modern. Paris. 1954:126.
4. Brondal, Essais de linguistique generale Einar Munksgaard. Copenhague. 1943:540.
5. Martinet A. Elements de linguistique generale. A. Colin. 1970:336.
6. Moignet G. Le pronom personnel francais. Essai de psycho-systematique historique. Paris, Klincksieck. 1965:192.
7. Sechechaye A. Essais sur la structure logique de la phrase. Paris, Champion. 1950:260.
8. Tesniere L. Elements de syntaxe structurale. Paris: Klincksieck. 1966:103–108.
9. Touratier Ch. La relative. Essai de theorie syntaxique. Paris: Librairie C. Klincksieck. 1980:516.
10. Wagner R. L. et Pinchon J. Grammaire du francais classique et moderne. Paris. 1962:648.

Информация об авторах

Е. В. Донченко – кандидат филологических наук, доцент.

А. Р. Уразалиева – старший преподаватель.

Information about the authors

E. V. Donchenko – Candidate of Philological Sciences, docent.

A. R. Urazalieva – senior teacher.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 01.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 32–34.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):32–34.
Научная статья
УДК 81'272 (063)

К вопросу о языковой политике в отношении русского языка

Ольга Викторовна Коннова¹, Анастасия Викторовна Глазкова²

¹Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

²Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Россия

¹vip.konnova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3456-6278>

²anastasiak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5314-1056>

Аннотация. Процесс языковой глобализации вызывает постоянные изменения в структуре языка. Наиболее ярко реагирует лексический состав языка, заимствования являются характерным показателем межкультурного взаимодействия и взаимовлияния. Но на сегодняшний день процесс заимствования приобрёл лавинообразный характер, и многие учёные говорят о том, что необходимо решать этот вопрос на уровне законодательства. В статье рассматриваются существующие статьи в Российском законодательстве, регламентирующие употребление иноязычных слов. Также рассматриваются законы о языковой политике в Германии и во Франции.

Ключевые слова: заимствования, языковая политика, глобализация, языковая культура, англицизмы

Для цитирования: Коннова О. В., Глазкова А. В. К вопросу о языковой политике в отношении русского языка // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 32–34.

Original article

On the question of the language policy in regard to the Russian language

Olga V. Konnova¹, Anastasiia V. Glazkova²

¹Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

²Astrakhan State University name of V. N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia

¹vip.konnova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3456-6278>

²anastasiak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5314-1056>

Abstract. The process of linguistic globalization causes permanent changes in the structure of the language. The lexical composition of the language reacts most vividly, borrowings are a characteristic indicator of intercultural interaction and mutual influence. But to date, the process of borrowing has become an avalanche, and many scientists say that it is necessary to resolve this issue at the level of legislation. The article deals with the existing articles in the Russian legislation regulating the use of foreign words. Language policy laws in Germany and France are also being considered.

Keywords: borrowings, language policy, globalization, language culture, anglicisms

For citation: Konnova O. V., Glazkova A. V. On the question of the language policy in regard to the Russian language. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):32–34. (In Russ.).

Русский язык является инструментом общения нашего народа. И сегодня мы наблюдаем снижение уровня культуры русской речи. Изобилие ненормативной лексики, стремление использовать иноязычные слова не всегда однозначных в своём употреблении обедняют устную речь русского языка. Средства массовой информации способствуют прогрессу всем вышеупомянутым явлениям. На данный момент мы вынуждены говорить о защите языка, о том, что красота и экология нашего языка нуждается в более жёстких мерах регламентирования на уровне законодательства.

Для того чтобы понять всю сложность сложившейся ситуации, необходимо обратиться к первоисточникам. Какие же есть законы, регулирующие нормы употребления качественного, лишённого инородных, обезличивающих выражений русского языка. Существует закон «О языках народов Российской Федерации», который гласит, что языковая политика нашего государства направлена на сохранение, развитие и улучшение всех языков народов Российской Федерации. О поддержке русского языка как государственного сказано крайне мало. В Российской Федерации нет языковых стандартов государственного языка, определяющих его идеологические и культурные особенности, национальные лингвистические традиции, специфику национальной лексики. В нашей стране даже нет соответствующего органа, в чьих полномочиях бы было регламентировать его нормы. Напомним, что Совет по русскому языку был упразднён в мае 1997 года.

На сегодняшний день во многих странах очень остро стоит вопрос о сохранении чистоты языка. В условиях современной глобализации многие культуры остро ощущают влияние английского языка. Проникновение англоязычных заимствований отмечается во всех слоях языка на мировом уровне. К сожалению, сегодня законы, регламентирующие статус русского языка, связаны с попыткой решения мультилингвистических проблем, касающихся этнических вопросов, где русский язык выступает наряду с языками других народов РФ и иностранными языками. Большинство проблем, выделяемых лингвистами, связаны непосредственно с многоязычием и поликультурностью нашей страны. Однако, на сегодняшний день необходимо обратить внимание не только на статус русского языка, но и на его состояние.

В статье 1 пункт 6 закона «О государственном языке Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 20.05.2005) говорится о недопустимости использования ненормативной лексики, а также использовании иностранных слов, аналогов которых нет в общепотребительной литературной лексике [8]. Тем не менее, мы можем отметить, даже не ссылаясь на официальные источники, что современные средства массовой информации изобилуют иноязычной лексикой, не говоря уже о рекламе, которая пестрит иноязычными вкраплениями. Невольно вспоминается реклама автомобиля *Naval Jolion*, довольно навязчиво звучащая из всех СМИ. Слова «лайкать», «тестить», «драйвить» повторяются несколько раз в течении короткого ролика. В конце видеоверсии мелким шрифтом приводится перевод слов «лайкать» и «драйвить» как «выражать одобрение в соцсетях» и «водить автомобиль» соответственно, видимо, для тех, кто ещё не перешёл на современный «англо-русский язык». И таких примеров можно привести очень много. Социальные сети, средства массовой информации являются основным источником подобного рода лексики. Изучая мнение учёных в нашей стране можно прийти к выводу, что мнения разделились. Кто-то говорит о том, что русский язык на протяжении многих столетий обогащался за счёт заимствований (Л. П. Крысин, С. А. Беляева, Л. А. Нестерская) и проводят параллель с XVIII веком, когда под влиянием иностранных слов русский язык не только обогатил словарный состав, но и приобрёл две новые буквы алфавита «ф» и «э», другие говорят о невероятном засилии иноязычной лексики, масштабы которого не сравнятся с процессами, происходящими на протяжении предыдущих столетий и настаивают на необходимости внедрения русских эквивалентов (Я. С. Циммерман, Н. Я. Данилевский). Существует также мнение, что процесс заимствования – это естественный процесс в рамках языковой глобализации. На сегодняшний день мы говорим не о процессе заимствования иноязычных слов, и даже не интернационализмов, а именно англицизмов. Хотя, по мнению научного сотрудника университета Глазго Джона Данн, глобализация оказывает влияние не только на лексический состав языка, но и на грамматическую структуру, на номинации людей, систему аббревиаций и т.д. [2].

В нашей стране процесс проникновения иноязычных элементов в языковую среду никак не регламентируется, о чем сообщалось ранее. Как же складывается ситуация в других странах? Например, во Франции с 1964 года был введён термин «*franglais*» или «*frenglish*» – это совокупность англоязычных лексических элементов во французском языке. Учёные отмечают, что основной причиной употребления англицизмов является стремление казаться современными, модными.

В связи со сложившейся ситуацией во Франции 1975 году был принят закон Ба-Лориала. Он был направлен на защиту французского языка в коммерческой, трудовой и рекламной сферах. Позже в 1994 году был издан «Закон об использовании французского языка». Его появление было спровоцировано чрезмерным употреблением иноязычных терминов.

В 2003 году на законодательном уровне были разработаны документы, касающиеся внутренней и внешней политики Франции. Также существует Декрет об обогащении французского языка от 1996 года. Очевидно, что языковая политика Франции направлена на сохранение и укрепление роли французского языка на международном уровне. В качестве примера можно привести строгие правила употребления англицизмов в средствах массовой информации. Для многих лексических единиц английского происхождения созданы и употребляются французские эквиваленты. Например, для слова «*hashtag*» используется французское слово «*mot-dièse*» или «*croisillon*», для «*hacker*» – «*foiineur*» и т.д. [3].

В Германии ситуация обстоит несколько иначе. Языковое законодательство Германии также регламентирует использование немецкого языка деловой сфере. Об этом говорится в параграфе 5 Закона об установлении обязательной формы документации (нем. *Beurkundungsgesetz*).

Однако языковая политика Германии осложняется языковым многообразием. Так, наряду с немецким языком, в Германии довольно активно используются верхнелужицкий, нижнелужицкий, фризский, датский, нижнегерманский. В Германии также ведётся активная языковая пропаганда немецкого языка среди эмигрантов [4].

Безусловно, на сегодняшний день процессу глобализации подвержены многие языки мира, европейские в большей степени. С одной стороны, это способствует сближению языков и культур, с другой стороны, на наш взгляд, очень важно сохранять особенность и уникальность родного языка, не потерять культурный фонд и многовековые традиции. На наш взгляд, сегодня на государственном уровне назрела необходимость принятия закона, регламентирующего нормы употребления русского языка в отношении заимствований иностранных слов. Эта мера позволила бы уберечь язык от засилия иноязычной лексики, выделяя в качестве прерогативы использование национальных эквивалентов. Всё это способствовало бы сохранению чистоты и национального своеобразия русского языка по примеру других стран, для которых этот вопрос является также актуальным и имеет статус государственного.

Список источников

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа // Благословение. Институт Русской цивилизации. Москва, 2011. С. 320.
2. Джон Данн. Языковая глобализация и русский язык // Троицкий вариант. 2015. № 19. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432771/Yazykovaya_globalizatsiya_i_russkiy_yazyk (дата обращения: 17.06.2022).
3. Довгаль Н. Д. Языковая политика во Франции // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 5. URL: <https://human.snauka.ru/2015/05/11187> (дата обращения: 02.06.2022).
4. Кожевникова Е. И. О некоторых тенденциях языковой политики в Федеративной Республике Германии // Legal Linguistics. 2021. № 19. С. 15–19. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)1902](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)1902). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-tendentsiyah-yazykovoy-politiki-v-federativnoy-respublike-germanii> (дата обращения: 02.06.2022).
5. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е. А. Земской. Москва : Языки русской культуры, 2000.

6. Нестерская Л. А. Языковые средства формирования оценочности в современной публицистике // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Москва : МАКС Пресс, 2002. Вып. 21. 184 с.

7. Сулейманов А. А. Языковая политика в Российской Федерации // Молодой учёный. 2019. № 23 (261). С. 551–553. URL: <https://moluch.ru/archive/261/60149/> (дата обращения: 12.07.2022).

8. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 10.06.2022).

References

1. Danilevskij N. Ya. Rossiya i Evropa. Blagoslovenie. Institut Russkoj civilizacii. Moscow. 2011:320.

2. Dzhon Dann. Yazykovaya globalizaciya i russkij yazyk. Troickij Variant. 2015;(19). URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432771/Yazykovaya_globalizatsiya_i_russkiy_yazyk (date of the application: 17.06.2022).

3. Dovgal' N. D. Yazykovaya politika vo Francii. Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2015;(5). URL: <https://human.snauka.ru/2015/05/11187> (date of the application: 02.06.2022).

4. Kozhevnikova E. I. O nekotoryh tendentsiyah yazykovoj politiki v Federativnoj Respublike Germanii. Legal Linguistics, 2021;(19):15–19. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)1902](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)1902), <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-tendentsiyah-yazykovoy-politiki-v-federativnoy-respublike-germanii> (date of the application: 02.06.2022).

5. Krysin L. P. Inoyazychnoe slovo v kontekste sovremennoj obshchestvennoj zhizni. Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995). Ed. E. A. Zemskaya. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 2000.

6. Nesterskaya L. A. Yazykovye sredstva formirovaniya ocenochnosti v sovremennoj publicistike. Yazyk, soznanie, kommunikaciya. Ed. V. V. Krasnyh, A. I. Izotov. Moscow: MAKS Press. 2002;(21):184.

7. Sulejmanov A. A. Yazykovaya politika v Rossijskoj Federacii. Molodoy uchenyj. 2019;23(261):551–553. URL: <https://moluch.ru/archive/261/60149/> (date of the application: 12.07.2022).

8. Federal'nyj zakon «O gosudarstvennom yazyke Rossijskoj Federacii» ot 01.06.2005 № 53-FZ (poslednyaya redakciya). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (data obrashcheniya: 10.06.2022).

Информация об авторах

А. В. Глазкова – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии.

О. В. Коннова – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Information about the authors

A. V. Glazkova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Romance Philology.

O. V. Konnova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.08.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 25.09.2022.

The article was submitted 19.08.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 25.09.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 35–40.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):35–40.
Научная статья
УДК 81

**Вербальные средства выражения этикета
в деловом общении у французов и русских**

Елена Вениаминовна Кузнецова

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия,
lena_kouznetsova@mail.ru

Аннотация. Несмотря на ряд работ о вербальном деловом общении, следует отметить, что существует ещё недостаточное количество материала контрастивного характера по деловому общению между представителями разных национальностей. Для овладения иностранным языком недостаточно просто знать смысл слов и правила грамматики. Необходимо как можно больше узнать о мире изучаемого языка, особенностях его вербальных и невербальных средств коммуникации, являющихся национальным явлением.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, этикет, деловое общение

Для цитирования: Кузнецова Е. В. Вербальные средства выражения этикета в деловом общении у французов и русских // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 35–40.

Original article

**Verbal means of expressing etiquette
in business communication among French and Russian**

Elena V. Kuznetsova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia, lena_kouznetsova@mail.ru

Abstract. Despite a number of works on verbal business communication, it should be noted that there is still an insufficient amount of contrastive material on business communication between representatives of different nationalities. To master a foreign language, it is not enough just to know the meaning of words and the rules of grammar. It is necessary to learn as much as possible about the world of the language being studied, the features of its verbal and non-verbal means of communication, which are a national phenomenon.

Keywords: intercultural communication, etiquette, business communication

For citation: Kuznetsova E. V. Verbal means of expressing etiquette in business communication among French and Russian. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84): 35–40. (In Russ.).

В современном мире коммуникация приобретает все большее значение не только на личном национальном и международном, но и на профессиональном уровне, национальном и международном. Поэтому в последние десятилетия наблюдается повышенный интерес учёных к изучению особенностей вербальной коммуникации в сфере делового общения. Межкультурная коммуникация предполагает восприятие партнёров по обмену как представителей другой культуры, различных типов менталитета.

Культура делового общения помогает установить и развить сотрудничество и партнёрство между коллегами, руководителями и подчинёнными, партнёрами и конкурентами. Современный человек должен в этой связи владеть наукой деловых отношений, уметь устанавливать и поддерживать положительные отношения с людьми, преодолевать противоречия, разрешать конфликты, брать на себя в случае необходимости роль посредника, должен уметь обращать свою деятельность во благо других людей, а также своей работы, своего дела. Таким образом, человек должен владеть этикетом делового общения.

С французского языка «этикет» переводится как «ярлык или этикетка». Изначально такие этикетки, на которых излагались правила поведения, допустимые для мероприятия, раздавали на светских приёмах. Во всех словарях этикет трактуется как совокупность правил и норм поведения, регулирующих внешние проявления человеческих взаимоотношений, как составная часть внешней культуры человека и общества. По определению И. Н. Кузнецова, деловой этикет – это разработанный порядок поведения и общения в сфере бизнеса и при установлении деловых контактов [1, с. 5]. Знание современного делового этикета помогает избежать неприятных моментов и сгладить конфликтные ситуации, возникающие при общении. В языках различных стран мира можно встретить собственный речевой этикет. Фразы и выражения, которые используются жителями одного государства, на территории другой страны могут быть совершенно неуместны. В мире огромное разнообразие этикетных правил, касающихся тонкостей культурного общения, именно поэтому знания языковых традиций помогут лучше понять культуру другого народа, его менталитет, национальные ценности. Однако необходимо подчеркнуть, что запреты для всех государств одинаковы, совершенно недопустимо повышение голоса, оскорбительные выражения, грубость и пренебрежение в адрес партнёра.

Вербальные (речевые, словесные) средства делового общения отражают сущностную логико-смысловую канву деловой коммуникации. Они включают в себя различные речевые конструкции, фразеологические обороты, характерные для официального делового стиля языка. Кроме профессионального языка, который требует предельной точности речи, в деловой коммуникации может присутствовать и разговорная лексика, разного рода речевые шаблоны, эмоционально-окрашенные неологизмы, метафоры. Они выполняют в основном целевую коммуникативную функцию в спонтанно возникающих диалогах, беседах деловых партнёров.

Так, например, И. Н. Кузнецов выделяет следующие составляющие правильной речи:

1. Словарный состав (исключая нецензурные, жаргонные слова и диалектизмы);
2. Словарный запас (чем он богаче, тем ярче, выразительнее и разнообразнее речь);
3. Произношение (необходимо уметь чётко и внятно говорить, чтобы другой человек или аудитория смогли слышать и понять то, что хочет донести говорящий);
4. Грамматику (деловая речь требует соблюдения общих правил грамматики, для того, чтобы речь звучала правильно);
5. Стилистику (к хорошему стилю речи предъявляются такие требования, как недопустимость лишних слов, правильный порядок слов, отсутствие стандартных и избитых выражений) [1].

Всякое общение должно начинаться с приветствия, так как оно играет важную роль в процессе делового общения и начинается оно с правильного обращения. Французские и русские учёные выделяют следующие важные пункты обращения при приветствии:

1. Обращение. При общении с французами необходимо использовать такие обращения, как «Мадам/Madame» и «Месье/Monsieur» не добавляя при этом имя собеседника. И здесь очень важно знать, что в обращениях во французском языке в первую очередь обращаются к женщине. При общении с русскими коллегами принято обращаться к партнёрам по имени и отчеству. При общении с высокопоставленными людьми, русские иногда могут употреблять такие формы как «Госпожа/Господин».

2. Порядок обращения. И в России, и во Франции принято сначала приветствовать старшего по рангу. При равном статусе собеседников, при приветствии сначала обращают внимание на возраст, если возраст одинаковый, то тогда на пол. И у французов, и у русских первым с гостем всегда здоровается хозяин, первым с клиентом здоровается руководитель.

3. Возраст. При приветствии, у французов сначала здоровается тот, кто старше. У русских наоборот, сначала должен тот, кто моложе. Если необходимо поприветствовать сразу и старших и младших собеседников, то и во Франции, и в России, сначала необходимо поприветствовать старшего по возрасту.

Необходимо также отметить, что французы используют слово «Bonjour / Здравствуйте» при деловой встрече в течение дня и «Bonsoir / Добрый вечер» после 18.00. У русских принято говорить: «Здравствуйте», «Доброе утро» если время встречи назначено до 12:00, «Добрый день» если переговоры проходят в промежутке с 12:00 до 18:00, или «Добрый вечер» если партнёры договорились о беседе после 18:00.

Обращение на «ты» и «вы» во время делового разговора также регламентируется вербальным деловым этикетом. Употребление данных форм во французском и русском языках совпадает. Так, выбор между формами «ты» и «вы» (tutoyer или vouvoyer), как и у французов, так и у русских, зависит от социальных отношений, существующих между собеседниками. Горизонтальная разновидность коммуникативного поведения, то есть общение между друзьями и коллегами, имеющими одинаковый профессиональный статус – предполагает обращение на «ты», при вертикальном типе коммуникативного поведения, то есть начальник / подчинённый, принято говорить «вы».

Исследователи отмечают, что во время деловых совещаний и встреч, у французов не принято обсуждать такие темы, как вероисповедание, семейное положение, отношение к политике и материальное обеспечение, тогда как русские спокойно могут переходить на любые темы во время делового разговора, главное, чтобы они не утомляли собеседника.

При завершении деловых переговоров, бесед и встреч, и в России, и во Франции существует вербальный этикет прощания (Salutations: Электронный ресурс).

1. Независимо от статуса, возраста и пола, первым прощается тот, кто первым уходит.

2. Гость первым прощается с хозяином.

При прощании у русских обычно употребляются следующие фразы: «До свидания!», «Всего доброго!», «Всего хорошего!». У французов принято использовать такие прощания, как: «Au revoir / До свидания!», «Bonne journée / Хорошего дня!», «Bonne soirée / Хорошего вечера!», «Bonne fin de la journée / Хорошего окончания дня!».

Остановимся на анализе примеров вербальной коммуникации в деловом общении: собеседование при приёме на работу. Было просмотрено 159 видео роликов: 37 видео из серии «Le français des affaires», 26 видео с собеседованием по приёму на работу во французские компании, 69 видео с собеседованием по приёму на работу в русские организации, 12 художественных фильмов на французском языке и 15 художественных фильмов на русском языке, в которых есть сцена приёма на работу.

Согласно французскому психологу Ж.-М. Фурш, существует четыре основных этапа прохождения собеседования [3]:

1. Introduction / Введение. Оно может длиться от 30 секунд и до 3 минут. Чрезвычайно важно оставить хорошее первое впечатление. Чтобы быть вежливым, необходимо прийти заранее на встречу, а также следить за своим рукопожатием, голосом, мимикой, внешним видом, жестами и взглядом. Наниматель должен заговорить первым: предложить присесть, самостоятельно представиться, а затем попросить представиться собеседника.

2. *Présentation et argumentation* / Представление. Несмотря на то, что у нанимателя есть резюме, для соискателя необходимо как можно подробнее представить информацию о себе.

3. *Présentation de l'entreprise* / Представление компании. В течение этого этапа работодатель рассказывает о том, чем занимается компания. Для человека, который хочет устроиться на работу необходимо заранее поинтересоваться работой компании и показать свой интерес задавая вопросы и предлагая свои знания, умения и навыки.

4. *Conclusion* / Вывод. Работодатель суммирует итоги собеседования и сообщает время для рассмотрения кандидатуры [3].

Просмотрев и проанализировав отобранные видео материалы, мы заметили, что большая часть собеседований проходит по данной схеме и в анализе вербальных компонентов, мы будем опираться на данные этапы делового собеседования.

Первый этап собеседования – это приветствие. Перед тем, как встретиться с HR-менеджером или самим руководителем организации, соискатель встречает секретаря. Когда кандидат приходит на randevу, он представляется и называет время, на которое назначен приём. Встреча с секретарём была представлена только в 18 видео на французском языке и 12 видео на русском языке. Среди просмотренных видеороликов выделены следующие фразы:

– Bonjour! Je m'appelle ... et j'ai rendez-vous avec Madame / Monsieur ... à 14h30. Здравствуйте! Меня зовут ... и у меня встреча с Мадам / Месье ... в 14:30.

– Bonjour! J'ai le rendez-vous avec Madame / Monsieur ... à 8h15. Je suis Здравствуйте! У меня встреча с Мадам / Месье в 8:15. Меня зовут

– Добрый день! У меня встреча с Господином / Госпожой ... в 10:20. Меня зовут

– Здравствуйте! Меня зовут У меня встреча с ... в 15.20.

Дальше секретарь или представитель руководителя предлагает присесть и подождать:

– Vous pouvez passer dans la salle d'attente pour quelques instants. Je vous appellerai / Вы можете пройти в комнату ожидания, я вас позову.

– Passez là pour l'instant, je vous appellerai / Пройдите туда, я вас позову.

– Присядьте, пожалуйста. Я скажу вам, когда Госпожа / Господин ... будет готов вас принять.

Затем сам секретарь, представитель работодателя или сам работодатель могут позвать кандидата на собеседования используя фразы:

– «Entrez, s'il vous plait / Заходите, пожалуйста» или «Bonjour! Je vous en prie, entrez / Здравствуйте, прошу вас, заходите» – во французской компании.

– «Bonjour! Vous êtes ... ? Entrez, s'il vous plait / Здравствуйте Вы ...? Заходите, пожалуйста!» – во французской компании.

– Проходите, пожалуйста. Госпожа / Господин ... вас ждёт – в русской компании.

Затем, и французский, и русский работодатель предлагает присесть, используя следующие фразы:

– «Installez-vous, s'il vous plait / Располагайтесь, пожалуйста».

– «Assayez-vous, s'il vous plait / Присаживайтесь, пожалуйста».

Таким образом, встреча с секретарём проходит одинаково и для французов, и для русских. Необходимо отметить единственное различие: французы обращаются «Madame / Monsieur» к работодателю независимо от того, в какой организации они находятся, тогда, как русские обращаются «Госпожа / Господин» при собеседовании в серьёзных компаниях (банк, суд, международных компаниях), и по имени отчеству, когда собеседование проходит в простых организациях (институт, школа, больница).

Следующий этап – это представление. 100 % французских нанимателей первым делом представляются сами. Обычно они называют свои имя и фамилию, затем должность и рассказывают о своих обязанностях в компании. После своего представления, работодатель предлагает представиться соискателю. Проанализировав все видео, мы составили список следующих фраз:

– Veuillez-vous présenter / Представьтесь, пожалуйста.

– Parlez de vous, s'il vous plait / Расскажите о себе, пожалуйста.

– Je suis le patron de cette entreprise. J'ai souhaité de vous rencontrer parce que j'ai trouvé des choses intéressantes dans votre CV. Je vous propose de parler de vous Durant une minute / Я директор этой компании. Надеюсь с вами встретиться, потому что нашёл несколько интересных вещей в вашем резюме. Предлагаю вам рассказать о себе в течение одной минуты.

В России только 62 % интервьюеров сначала говорят о себе, остальные 38 % сразу рассматривают резюме и начинают задавать вопросы, касающиеся опыта работы и образования.

Дальше представляется сам кандидат. Просмотрев видео материалы, мы пришли к выводу, что представление происходит одинаково и у французов, и у русских. Сначала кандидат называет своё имя и фамилию, возраст, семейное положение, должность, по которой он хочет работать, дальше он продолжает говорить о своём образовании и прошлом опыте работы. Мы также заметили, что соискатель во Франции всегда приходит со своим резюме и протягивает его работодателю, даже если оно у него уже есть, тогда, как в России в некоторых компаниях собеседование часто происходит без резюме вовсе.

После представления кандидата, интервьюер продолжает задавать вопросы. Это уже второй этап, в котором кандидат уточняет и раскрывает то, что написал в резюме. Во Франции 66 руководителей продолжают разговор, задавая вопросы об образовании:

– Quelle est votre formation / Какое у вас образование?

– Parlez moi de votre formation, s'il vous plait / Расскажите мне о вашем образовании, пожалуйста.

– J'ai bien étudié votre CV et votre profil nous intéresse beaucoup. Est-ce que vous pouvez me parler de votre formation / Я изучил ваше резюме и нас очень интересует ваша кандидатура. Не могли бы вы мне рассказать о вашем образовании?

Дальше французский интервьюер задаёт вопрос о профессиональном опыте. 12 % французских работодателей начали беседу сразу же с вопросов об опыте работы:

– Parlez-moi de votre expérience professionnelle, s'il vous plaît / Расскажите мне о вашем опыте работы, пожалуйста.

– Est-ce que vous pouvez me parler de votre expérience professionnelle, s'il vous plaît? / Не могли бы вы мне рассказать о вашем профессиональном опыте?

– Vous avez beaucoup d'expérience dans votre CV. Est-ce qu'il y a une qui vous a touché plus qu'une autre / В вашем резюме много профессионального опыта. Какой из них для вас был полезнее, чем остальные?

– Concernant votre première expérience, est-ce que vous pouvez m'en parler? / Насчёт вашего первого профессионального опыта, не могли бы вы мне о нем рассказать?

– Je regarde à nouveau votre CV et il y a une chose qui me gêne. Qu'est-ce que vous faisiez en 2012 / Просмотрев снова ваше резюме, я нашёл одну вещь, которая меня смущает. Чем вы занимались в 2012 году?

В России, 74 % работодателей первым делом спрашивали о желаемой заработной плате, а также о том, сколько кандидат получал на предыдущем рабочем месте:

– Какая заработная плата вас интересует?

– Сколько бы вы хотели получать?

– Какую заработную плату вы получали раньше и сколько вы хотите получать сейчас?

– Какая заработная плата вас будет удовлетворять?

– Можно поинтересоваться, сколько вы зарабатывали на предыдущей работе и устраивало ли вас это?

Остальные 26 % российских работодателей начинали разговор с вопросов о предыдущем рабочем месте и о профессиональном опыте. Вопросы об образовании прозвучали только 16 % интервьюеров:

– Из-за чего вы решили сменить работу? Вас уволили?

– Вы уже работали в ... сфере?

– Расскажите, пожалуйста, кем вы работали раньше и в чем заключалась ваша рабочая деятельность?

– Вы имеете опыт в данной сфере?

– Почему вы уволились и решили искать новую работу? Не устраивал коллектив или возникли другие проблемы? Расскажите об этом.

Как и французские HR-менеджеры, так и русские считают обязательным задать вопрос о сильных и слабых сторонах соискателя:

– Si vous devez parler de vous, donnez-moi 3 qualités et 3 défauts / Если вы должны рассказать о себе, то какие 3 преимущества и 3 недостатка вы мне назовёте?

– Est-ce que vous pouvez me citer vos qualités et vos défauts / Можете ли вы мне назвать ваши качества и недостатки?

– Pourquoi je dois vous embaucher / Почему я должен вас нанять?

– Qu'est-ce que vous pouvez me dire pour me donner à vous la préférence / Что вы можете мне рассказать, чтобы мое предпочтение было на вашей стороне?

– Опишите себя одним словом.

– Расскажите о ваших качествах и недостатках.

– Почему мы должны выбрать именно вашу кандидатуру на эту должность?

– Почему именно Вы достойны работать в нашей компании?

Мы можем отметить, что вопросы о положительных и отрицательных качествах от французских и русских интервьюеров схожи.

При анализе видео материалов мы также обратили внимание на вопрос о знании иностранных языков. Такой вопрос прозвучал у французов и у русских не во всех компаниях. Только в банковских организациях работодатели интересовались знанием английского языка и пытались на нем разговаривать с кандидатом:

– Parlez-vous anglais / Вы говорите по-английски?

– Est-ce que vous pouvez vous présenter en anglais / Можете ли вы представиться на английском?

– Est-ce que nous pouvons continuer à parler en anglais / Можем ли мы продолжить говорить на английском?

– Quelle langue étrangère parlez-vous. / На каком иностранном языке вы говорите?

– Вы говорите на иностранном языке? Если да, то на каком? В конце второго этапа, некоторые интервьюеры задавали вопрос об увлечениях претендента. Только 5 французских и 2 русских HR-менеджеров интересовались этим:

– Vous faites du sport / Вы занимаетесь спортом?

– Comment vous passez le temps libre / Как вы проводите свободное время?

– Avez-vous des passe-temps / У вас есть хобби? У вас есть какие-нибудь увлечения? Какие? 58 % французских работодателей также интересовались наличием водительского удостоверения у кандидатов:

– Est-ce que vous avez le permis de conduire / Есть ли у вас водительское удостоверение?

– Et en ce qui concerne de la mobilité, vous avez prévu quoi / Что касается передвижения? Как вы собираетесь передвигаться?

– Comment allez-vous au travail / Как вы добираетесь до работы?

Русские работодатели не задавали такой вопрос вовсе.

Таким образом, можно сделать вывод, что представление кандидата в России и во Франции происходит практически одинаково. Сначала, претендент рассказывает о себе, работодатель внимательно слушает, затем задаёт вопросы. Мы заметили, что французские HR-менеджеры сначала интересуются образованием и опытом работы соискателя, тогда как русские интервьюеры сначала интересуются причиной смены работы и желаемой заработной платой кандидата. Общим вопросом во время проведения второго этапа собеседования у французов и у русских является выявление положительных и отрицательных качеств кандидата. Также, можно отметить, что всего 45 % русских и французских работодателей хотят знать об увлечениях соискателей и 53 % интересуется знанием иностранных языков. Различием также является вопрос о наличии водительских прав, большая часть французских менеджеров задают такой вопрос кандидатам, тогда как русские руководители этим не интересуются вовсе.

Следующий этап – это представление компании. Французские работодатели предпочитают сначала узнать, что может рассказать об их компании сам кандидат. Таким образом, они проверяют интерес соискателя к работе в их компании:

- Pourquoi vous avez choisi notre entreprise? / Почему вы выбрали именно нашу компанию?
- Qu'est-ce que vous connaissez au niveau du service / Что вы знаете о наших услугах?
- Est-ce que vous pouvez me parler du lien entre le métier pour lequel vous postulez et votre ancien métier / Можете ли вы мне назвать связь между работой, которую вы хотите получить и между вашей предыдущей должностью?
- Qu'est-ce que vous préférez: le travail en équipe ou seul / Что вы предпочитаете: работать в команде или в одиночку?
- Vous êtes-vous renseigné sur l'entreprise / Вы что-нибудь разузнали о нашей компании?
- Avez-vous regardé notre site / Вы смотрели наш сайт?
- Quelle phrase se trouve sous notre logo / Какая фраза находится под нашим логотипом?

Дальше, французские интервьюеры самостоятельно рассказывают все необходимое о своей компании, и о том, что требуется от кандидата при выполнении работы.

При прохождении собеседования в России, большая часть HR-менеджеров (около 92 %) сразу начали рассказывать о компании и о том, что необходимо будет делать.

Как видно, третий этап собеседования проходит по-разному в России и во Франции. Для французских руководителей необходимо знать, что соискатель заранее заинтересован работой компании и тем самым показал интерес к новой должности именно в их организации. Российские HR-менеджеры самостоятельно рассказывают историю и специфику их организации и не особо интересуются тем, что уже знает претендент об их офисе.

После представления фирмы или организации, у кандидата обычно возникают определённые вопросы по поводу работы. Мы выделили следующие вопросы у французских и русских соискателей:

- J'ai une question consacrée à la rémunération / У меня есть вопрос по поводу заработной платы.
- Quel est le contrat / Какой контракт?
- Je voudrais savoir l'information sur le produit / Я бы хотел знать информацию о продукте.
- Quelles sont les conditions du travail? L'horaire est fixe ou variable / Какие условия работы? График работы, фиксированный или нет?
- Qu'est-ce que vous pensez de ma candidature? / Что вы думаете по поводу моей кандидатуры?
- Je voudrais savoir la suite du processus du recrutement / Я бы хотел знать процесс приема на работу.
- Как вы оформляете на работу? По трудовому кодексу или составляете простой договор?
- Будет ли запись в трудовую книжку?
- Как вы выдаёте заработную плату? В конверте или отправляете на банковскую карту?

Как мы видим, интересующие французских и русских кандидатов вопросы одинаковые. В основном, и те, и другие хотят узнать, в чем состоит специфика их работы, гибкий или не гибкий график, количество рабочих часов, систему выходных дней и отпусков, а также контракт, который будет оформляться между самим соискателем и работодателем. И французские, и русские психологи отмечают тот факт, что претенденту необходимо задать несколько вопросов во время собеседования, тем самым он показывает свой интерес к работе.

Во время последнего завершающего этапа французы и русские использовали следующие фразы:

- On vous appellera (contactera) dans quelques jours / Мы вам позвоним (с вами свяжемся) через несколько дней.
- Je pense je vous appellerai mardi / Думаю, я вам позвоню во вторник.
- Nous vous appellerons. Je vous remercie d'avoir cette entretien et je vous tiendrai au courant de suite que nous donnerons à cette candidature / Мы вам позвоним. Благодарю вас за собеседование и буду держать вас в курсе.
- Tout cela me semble très bien. Nous avons encore quelques candidats à voir. Mais je vous recontacte dans quelques jours. En tous cas, merci beaucoup d'être venu / Прекрасно. У нас есть ещё несколько кандидатур, но я вам позвоню через несколько дней. Во всяком случае, спасибо за то, что пришли.

– Ce que je propose c'est d'examiner avec beaucoup d'attention votre candidature car vous n'êtes pas seule. Ce que je vous promets c'est de vous contacter la semaine prochaine par telephone / Я изучу подробнее ваше резюме, так как вы не единственная кандидатура. Единственное, что я вам обещаю, позвонить на следующей неделе.

– Хорошо, спасибо. Мы вам перезвоним.

– Все понятно. Мы вам позвоним.

Завершающие собеседование фразы у французов и у русских похожи между собой. При прохождении собеседования в обеих странах позвучала фраза «Мы вам позвоним». Единственное различие в том, что французы предпочитают уточнить, когда они могут перезвонить («mardi prochain / следующий вторник», «la semaine prochaine / на следующей неделе», «dans quelques jours / через несколько дней»).

В большинстве случаев беседы проходят по идентичному принципу: приветствие – представление кандидата – представление компании – заключение. Для начала и завершения беседы, французы и русские используют практически одни и те же фразы. Представление кандидатов происходит одинаково как во Франции, так и в России. Разница появляется только во время разговора работодателя и соискателя. Французские и русские работодатели задают вопросы в разном порядке, что указывает на то, что является важным для работодателя во французской и в русской организациях. Для делового человека, который хочет работать в другой стране, необходимо изучать специфику той страны, в которой или с которой он хочет работать, чтобы успешно строить свою карьеру, уметь себя вести в соответствии с нормами другой культуры, а также понимать иностранных собеседников.

Коммуникативные нормы поведения у французов и у русских обладают существенной национально-культурной спецификой. Знание этих норм необходимо учитывать и французам, и русским, которые хотят налаживать контакты на международной арене.

Список источников

1. Кузнецов И. Современный этикет. Москва : Дашков и К., 2006. 494 с.
2. Salutations: Comment bien saluer? Et qui en premier? URL: <https://www.weka.ch/themes/competences-personnelles/communication/gestion-des-entretiens/article/salutations-comment-bien-saluer-et-qui-en-premier/>.
3. L'entretien d'embauche. URL: <http://www.reussirsesentretiens.fr/entretien-embauche-le-blog>.

References

1. Kuznetsov I. Sovremennyiy etiket. Moscow: Dashkov i K. 2006:494.
2. Salutations: Comment bien saluer? Et qui en premier? URL: <https://www.weka.ch/themes/competences-personnelles/communication/gestion-des-entretiens/article/salutations-comment-bien-saluer-et-qui-en-premier/>.
3. L'entretien d'embauche. URL: <http://www.reussirsesentretiens.fr/entretien-embauche-le-blog>.

Информация об авторе

Е. В. Кузнецова – кандидат педагогических наук.

Information about the author

E. V. Kuznetsova – Candidate of Pedagogical Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.06.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 17.08.2022.

The article was submitted 27.06.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 17.08.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 41–46.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):41–46.
 Научная статья
 УДК 8:81'42

**Лингвопрагматика нарратива Homo ludens
 в литературно-художественном дискурсе**

Елена Николаевна Лучинская¹, Юлия Николаевна Кучерявых²

^{1,2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹bekketsam@yandex.ru

²amagikana90@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей повествования в художественном дискурсе. Цель статьи состоит в описании лингвопрагматики нарратива Homo ludens, понимаемой как ключевой признак творческой деятельности автора. Игра слов, языковая игра, как процесс и результат индивидуальной творческой деятельности способствует тому, что Homo ludens создаёт свою культурно-языковую авторскую реальность. Поднимается вопрос о единстве культуры, фоновых знаниях реципиента, игре рассказчика с предметом повествования и его репрезентации. Таким образом, нарративность определяется как особая стратегия текстообразующего способа представления мира или фрагмента мира в форме сюжетно-повествовательных высказываний. Доказывается, что изучение литературно-художественного дискурса перспективно в аспекте дискурсивно-концептуального взаимодействия повествователя-рассказчика, исследующего субъективацию текстовой и художественной реальности в целом, творческой деятельности Homo ludens, представленной в образе персонажа художественного текста, речевые способности которого помогают ему в выборе тех или иных языковых средств или приёмов языковой игры.

В исследовании подчёркивается, что в основе комплексных лингвистических исследований художественных текстов лежит антропоцентрический подход к анализу языковых единиц. Центральными категориями исследования в рамках художественно-литературного дискурса признаются следующие: рассказчик-нарратор, субъективирующий художественную реальность; речевое общение; каламбур; «игра смыслов», доступная реципиентам, обладающим культурными фоновыми знаниями, необходимыми для интерпретации «вертикального» контекста повествования.

Ключевые слова: литературно-художественный дискурс, культура, нарратив, мультикодовость, коммуникация, лингвопрагматический подход, дискурс-анализ, пресуппозиция, семантика, синтактика, прагматика, текст, языковая игра, Homo ludens

Для цитирования: Лучинская Е. Н., Кучерявых Ю. Н. Лингвопрагматика нарратива Homo ludens в литературно-художественном дискурсе // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 41–46.

Original article

**Lingvopragmatics of Homo ludens Narrative
 in Literary and Fictional Discourse**

Elena N. Luchinskaya¹, Yulia N. Kucheryavikh²

^{1,2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹bekketsam@yandex.ru

²amagikana90@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of narration in fictional discourse. The purpose of the article is to describe the linguistic pragmatics of the Homo ludens narrative, understood as a key feature of the author's creative activity. The wordplay as a process and a result of individual creative activity contributes to the fact that Homo ludens creates their own cultural and linguistic authorial reality. The article raises the question of the unity of culture, the background knowledge of the recipient, the storyteller's play with the subject of narration and its representation. Thus, narrativity is defined as a special strategy of the text-forming way of representing the world or a fragment of the world in the form of plot-narrative statements. It is proved that the study of literary-fiction discourse is promising in the aspect of the discursive-conceptual interaction of the narrator-narrator investigation who subjectifies the textual and artistic reality in general, the creative activity of Homo ludens, represented in the image of the character of a literary text, whose speech abilities help him to choose one or another language means or wordplay techniques.

The study emphasizes that complex linguistic studies of literary texts are based on an anthropocentric approach to the analysis of language units. The central categories of research within the framework of fictional and literary discourse are recognized as follows: narrator-narrator, subjectivizing artistic reality; speech communication; wordplay; "play of meanings" available to recipients who have cultural background knowledge necessary to interpret the "vertical" context of the narrative.

Keywords: literary and fictional discourse, culture, narrative, narrator (narrator), strategy, communication, linguo-pragmatic approach, discourse analysis, presupposition, text, wordplay, Homo ludens, background knowledge, language means

For citation: Luchinskaya E. N., Kucheryavikh Y. N. Lingvopragmatics of Homo ludens Narrative in Literary and Fictional Discourse. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):41–46. (In Russ.).

На современном этапе развития антропоцентрического гуманитарного знания наибольшее внимание привлекают структурно-семантический и прагматический аспекты речевой деятельности человека, являющиеся основой для создания приёмов и способов фиксации, накопления и передачи как индивидуального, так и коллективного знания и опыта в области культуры.

Неотъемлемым фактором существования мировой культуры, как и антропогенного мира в целом, является игра, проявляющаяся посредством языка и «возвышающая вещи до уровня речетворящего духа, который переходит из вещественного в ментальное, где абстрактное выражение – это речевой образ или игра слов» [22, с. 7]. Именно с помощью языка человек творит свою «бытийность» – «второй, вымышленный мир рядом с миром природы, представляющий собой некое игровое поле и на этом основании имеющий много общего с игрой» [22, с. 12], а сам трансформируется из *Homo sapiens* в *Homo ludens* и *Homo faber*, обладающих уникальным фондом фоновых, пресуппозиционных, знаний, которые и позволяют создавать свою действительность, репрезентированную в творческой деятельности.

В процессе изучения языкового творчества как естественного процесса, основанного на восприятии культуры как игры, полагаем, что творчество, в том числе и речевое, возникает из процесса состязательности и подражательности, во-первых, субъективности восприятия действительности в форме творческого соревнования и опыта игрового элемента, творящего культуру, во-вторых. Именно под влиянием игры как процесса и результата индивидуальная креативная деятельность развивается, прежде всего, субъективно, но согласно конкретным правилам, осознаваемым вне понятия правды и вне повседневной жизни, овладевая ими, *Homo ludens* не преследует материального интереса, но творит свою культурно-языковую авторскую действительность.

Данные условия подчёркивают индивидуальность творческого процесса и важность бессознательного в текстовой деятельности реципиентов, а также лежащие в основе этого процесса энциклопедические фоновые знания адресанта и адресата прямой или опосредованной коммуникации.

Лингвокогнитивный, структурно-семантический и лингвопрагматический подходы являются основными при определении и выборе необходимых для определённой коммуникативной ситуации семиотических кодов, основанных на фонде фоновых знаний, заложенных в сознании адресата и адресанта и необходимых для интерпретации поступающей информации. В процессе изучения особенностей языковой игры как основного деятельностного речевого элемента повествователя-нарратора, или *Homo ludens* вообще, применяются дискурс-анализ, метод интерпретации, контекстуальный анализ, комплексный лингвистический анализ текста, опирающийся на постулат о деятельностном характере языка, а также на принцип рассмотрения текста как целостности в единстве всех его структурных элементов (языковых и внеязыковых) для выявления и описания взаимодействия текстового и концептуального смыслового пространства в различных репрезентациях художественно-литературного дискурса.

Проблема описания особенностей и системности креативной текстовой деятельности автора в настоящее время является актуальной и определяется двойкой событийностью, включающей в себя дискурсивный аспект и нарративный компонент речевого события, являющийся двойкособытийным: «неразрывное объединение события, о котором рассказывается, с событием самого рассказывания» [1, с. 403–404]. Отмеченная связь культуры, фонда фоновых знаний реципиента, игры рассказчика с предметом повествования и его репрезентацией, определяют нарративность как «специфическую стратегию текстообразующего способа представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история (фабула, интрига), преломлённая сквозь призму определённой (определённых) точки (точек) зрения» [1, с. 65]. Следовательно, в подобной фазе языковой игры автор по умолчанию «осознает свою собственную речь, поэтому неизмеримо возрастает роль дискурсивной рефлексии, особенно в плане порождения текста» [10, с. 15], учитывающего основания для выбора языкового знака, опирающегося на правила языковой игры, «связанные с традициями, привычками и социальными устоями общества, то есть речь говорящего строится на основе норм, закреплённых в языке» [там же]. Таким образом, очевидно влияние процесса игры *Homo ludens* на возникновение искусства слова как процесса, развитие его внешних и внутренних форм, основанных на дискурсивном погружении и нарративном компоненте художественной действительности, кроме того, с понятием «игра» непосредственно связана культуротворящая деятельность и когнитивные механизмы творческого воображения *Homo faber*.

Согласно В. И. Тюпа [19; 20; 18], В. П. Рудневу [14], В. А. Масловой [13], Дж. Серлю [15], в фокусе литературно-художественного дискурса находятся языковые игры «с пустыми термами (вымышленными персонажами)» [14, с. 4], а ситуативно-событийная вымышленность и субъективность повествователя формируют сюжетную фикциональность (*fictional discourse*), невозможную без репрезентации нарратором, фокусирующим или дефокусирующим [8, с. 40] образ объекта на основе личного целеполагания. Таким образом, литературно-художественный дискурс характеризуется: созданием «особой виртуальной реальности, своей версии модели мира»; «динамичным процессом взаимодействия автора и читателя, с одной стороны, и языковыми, социальными и культурными правилами, с другой»; «социально-индивидуальной действительностью, то есть через концепты, категории и другие смыслопорождающие процессы речи» [13, с. 11], непосредственно связанные с культурными и коннотативными составляющими фокусировки нарратора-повествователя.

Мы полагаем, что литературно-художественный дискурс (*fictional discourse*), являясь общим единством, взятом в своей конкретной целостности, обладает эстетической ценностью не только в процессе порождения или восприятия художественного текста, но и с учётом прагматически направленной коммуникативной ситуации, соотносимой с эстетическим и культурнообусловленным сообщением. Кроме того, нарратив и нарратор, как репрезентант процесса наррации художественного

текста, воспринимается нами как предметно-единичное, индивидуальное, ограниченной пространственно-временным континуумом и субъективностью его восприятия, которая может опираться на фонд фоновых знаний как рассказчика, так и его реципиента. Следовательно, синтез общего (fictional discourse) и единичного (нарратив) является особенным (художественный текст), одновременно содержащим и подчинённым структурно-семантическим и прагматическим законам речевой деятельности и процесса текстопорождения.

Таким образом, в настоящем исследовании под литературно-художественным дискурсом мы склонны, вслед за Л. А. Манерко, понимать синкретическую взаимообусловленность текстового и концептуального-смыслового пространства [12, с. 112], посредством которого возможна реализация «игры смыслами», языковой игры как значимого структурного элемента художественного текста, опирающихся как собственно на языковую систему, так и на «вертикаль» текста, учитывающую когнитивно-прагматическую составляющую процесса и результата речетворчества. В свою очередь, нарратив воспринимается нами в качестве структурного компонента сюжетно-повествовательного дискурса, состоящего из «референтного события или истории», а также из, собственно, «события (акта) рассказывания» [17], опирающегося, в том числе, на языковую игру нарратора – Homo ludens.

Целью данного исследования явилось описание структурно-семантических и прагматических особенностей формирования литературно-художественного дискурса как одного из основных компонентов культуры, опирающегося на мультикодность культурного знака, концептуально-смысловое пространство текста, субъективно функционирующего в рамках процесса наррации, учитывающей фонд фоновых знаний как автора, так и читателя-интерпретатора, репрезентирующего «вертикальный» контекст, например, в процессе языковой игры. Доказано, что мультикодность культуры предполагает сочетание языкового (вербального) кода с кодом какой-либо иной семиотической системы, способствующей созданию уникальной «бытийности» Homo ludens, языковая игра которого основана на знании «вертикального» контекста культуры и речевых склонностях [11] к выбору и использованию тех или иных языковых средств в процессе коммуникации.

Проведённый нами анализ художественных текстов показывает, что homo ludens или нарратор устанавливает определённый субъективный ракурс восприятия того или иного события, ограниченный «некоторым семантическим горизонтом, предлагающим адресату картину мира, активируемую в качестве обобщённого риторического сверттопоса коммуникационного сотрудничества» [18, с. 92]. В свою очередь, амбивалентность «рассказывания о событии» и «события рассказывания» субъективируется нарратором, основываясь на мультикодности художественного текста, сочетании игровых и структурно-смысловых вербальных средств, формирующих содержательный и прагматический аспекты художественного текста, как частного случая репрезентации литературно-художественного дискурса.

Появление в лингвистике таких понятий, как прагматика текста, нарратив, пресуппозиция, концепт, дискурсивный анализ, теория игр (в том числе языковых) расширяют наши знания о речевых возможностях носителей языка. А учитывая субъективированную нарратором амбивалентность событийности и её восприятия, значимой становится семантическая организация художественного произведения, а также семантика, синтактика и прагматика – наиболее, на наш взгляд, интересные, с точки зрения исследования дискурса, области лингвистики.

В процессе исследования было показано, что возникновение языкового творчества – естественный процесс, основанный на игре как процессе, имеющем свои истоки в традициях древних культур и способствующем развитию социума, потому что именно в креативной деятельности Homo ludens проявляются такие игровые качества: свобода, организация, импульс и развлечение. Кроме того, в процессе «персонификации абстракций» значимыми становятся «териоморфное воображение» и «аллегории», которые являются первоосновой «персонификации человеческих свойств» [22] – одного из древнейших путей создания аллегорий, восходящих к раннему устному народному творчеству и формам религиозного культа: «Персонификация – это привычная форма духовной деятельности, из которой мы в нашей повседневной жизни ещё вовсе не выросли» [22, с. 200]. Персонификация является структурной основой создания персонажа-нарратора художественного текста, а его языковое (речевое) игровое поведение субъективированно и опирается на речевые склонности и культурный мультикод, репрезентированный в его речи в форме пресуппозиций или аллюзий к культуре. Следовательно, териоморфное воображение, мифологема, а позже – культурема, легче интерпретируются, исходя из игрового поведения человека, нацеленного на познание мира и себя в нем через выражение абстрактного, представленного в конкретном образе, который «от начала до конца является некоей игрой духовного свойства» [22, с. 198].

В современной лингвистической науке одним из центральных является вопрос о том, как культурный контекст, художественная составляющая входят в речь конкретного персонажа и далее в текст. Э. Бенвенист [4], Т. Ван Дейк [6], Дж. Серль [15] и др. утверждают, что для ответа на поставленный вопрос важно понимание дискурса как объекта исследования в рамках теории языка, определении термина «литературно-художественный дискурс» с позиции комплексного лингвистического анализа, учитывающего культурологический компонент и эстетику словесного творчества. Среди названных категорий дискурс является первичным – синкретическим явлением концептуального-смыслового пространства эстетической направленности культуры, реализующей «игру смыслами» и «языковую игру», например, повествователя, фокусирующего или дефокусирующего внимание читателя-интерпретатора на том или ином художественном объекте или тексте. Речевые склонности к выбору средств и способов языковой игры повествователем, выбор культурем для «обыгрывания» и создания аллюзий или пресуппозиций, а также обычная диалогическая речь, в том числе и персонажей художественного текста как эталон,

признаются главными факторами, влияющими на речь индивидуумов в социуме: «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание, и не психо-физиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [7, с. 113]. Таким образом, очевидна связь высказывания с «жизнью» и «формами», определяющими природу дискурса, как «речи, погруженной в жизнь» [2, с. 136], а, следовательно, литературно-художественный дискурс – «текст, погруженный в ситуацию общения» [9, с. 5–6], искусственно сформированную автором-создателем и воспринятую читателем-исследователем-интерпретатором посредством художественного текста, «с учётом эстетических факторов порождения и восприятия высказываний в конкретных видах и формах искусства» [21, с. 30]. В свою очередь, данный дискурсивный аспект языковой рефлексии основан на феноменологической парадигме исследования и традициях структурно-семантического и прагматического подходов к изучению полифонии [3] языкового знака. Дальнейшее исследование взаимодействия нарратора-повествователя, *Homo ludens*, репрезентированного в персонаже художественного текста, как предметно-единичного явления, и литературно-художественного дискурса, как общего концептуального единства, объединённых особенным, представленным конкретным художественным текстом, подчинённым законам речевой деятельности, находит отражение в дискурсивной теории М. Фуко, понимающего дискурс как «форму социального поведения» [23], а художественный текст как объект для выявления «лингвистического характера социальных и культурных процессов и структур» [16, с. 198].

В процессе исследования был сделан вывод о том, что исследование литературно-художественного дискурса перспективно в аспекте изучения дискурсивно-концептуального взаимодействия нарратора-повествователя, субъективирующего текстовую и художественную действительность в целом, креативной деятельности *Homo ludens*, репрезентированного в образе героя художественного текста, обладающего речевыми склонностями к выбору тех или иных средств или способов языковой игры [10] и социально-событийного речевого взаимодействия автора и читателя-интерпретатора, пресуппозиционно обладающих фондом энциклопедических, культурологических, фоновых знаний. В связи с этим важно акцентировать внимание не столько на самих семиотических кодах (мифологемах, культуремах и др.), сколько на изучении их взаимодействия и взаимообусловленности в рамках литературно-художественного дискурса. Следовательно, в аспекте лингвистической прагматики, расширяющей диапазон исследуемых явлений, важно уделить внимание взаимодействию следующих наук: лингвистики, культурологии, психологии, стилистики, риторики, теории литературы и теории языка. Полагаем, что ни один из перечисленных аспектов формирования текстового пространства не существует и не функционирует обособленно, а прагматическая, воздействующая, направленность текста рассматривается как эстетическое системное свойство, изначально обладающее коммуникативной природой: «эстетически обусловленная прагматичность текста обладает способностью вызывать эстетический эффект, предусмотренный интенцией автора, его коммуникативной стратегией и эстетическим отношением к действительности» [5, с. 242]. По нашему мнению, автор обычно выражает эксплицитно только самое необходимое, а значительная часть информации остаётся «за кадром», то есть имплицитна, формируя подтекст [10], интерпретируя который важен учёт «взгляда» нарратора, установки на языковую игру и прагматическое восприятие слова в рамках литературно-художественного дискурса. Таким образом, комплексные лингвистические исследования литературных текстов основываются на антропоцентрическом подходе к анализу языковых единиц, центральными категориями исследования в рамках художественно-литературного дискурса признаются: повествователь-нарратор, субъективирующий художественную действительность; речевая коммуникация; языковая игра; «игра смыслов», доступная реципиентам, обладающим культурологическими фоновыми знаниями, необходимыми для интерпретации «вертикального» контекста повествования и др. Тенденция к взаимодействию лингвистики со смежными науками способствует более полному рассмотрению феномена репрезентации культуры в текстовой деятельности как писателя, так и в монолическом или диалогическом единстве, объединённом нарратором-повествователем, или творческой игровой, в том числе языковой, деятельности *Homo ludens*.

Список источников

1. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 46.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва : Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва, 1972.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва : Прогресс, 1974.
5. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Москва, 2007.
6. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Москва : Прогресс, 1989.
7. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Ленинград : Прибой, 1929.
8. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика. Москва : Языки славянских культур, 2014. 320 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
10. Кучерявых Ю. Н. Языковая игра в художественных текстах А. Т. Аверченко: прагматические характеристики и структурно-семантические формы реализации: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. Краснодар, 2019. 202 с.
11. Малевинский С. О. Лингвистические мифы и основания реалистической лингвистики. Москва: Флинта, 2017. 224 с.

12. Манерко Л. А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. 2013. № 1. С. 100–118.
13. Маслова В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста. Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2014.
14. Руднев В. П. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса: дис. ... д. филол. н.: 10.02.19 – Теория языка. Москва, 1996.
15. Серл Дж. Р. Философия языка. Москва : Едиториал УРСС, 2010. 208 с.
16. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков : Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 356 с.
17. Тюпа В. И. Аналитика художественного. Москва : РГГУ, 2001.
18. Тюпа В. И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике. Москва, 2010.
19. Тюпа В. И. Прологомены к теории эстетического дискурса // Дискурс. 1996. № 2. URL: http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse2_3.htm.
20. Тюпа В. И. Художественный дискурс: (введение в теорию литературы). Тверь : Тверской государственный университет, 2002.
21. Федешенко В. В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 16–35.
22. Хейзинга И. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и перевод Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. Санкт-Петербург.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
23. Foucault M. Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977 // Gordon C. (ed.). Brighton : Harvester, 1980. 271 p.

References

1. Andreeva V. A. Literary narrative: text and discourse. In: Izvestiya RGPU im. A. I. Herzen. 2007;(46).
2. Arutyunova N. D. Discourse. In: Linguistic Encyclopedic Dictionary. Soviet Encyclopedia. Moscow. 1990:136–137.
3. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Fiction literature Publ. Moscow. 1972.
4. Benveniste E. General linguistics. Progress Publ. Moscow. 1974.
5. Bolotnova N. S. (2007) Philological analysis of the text. Flinta: Science. Moscow.
6. Fedeshchenko V. V. Artistic discourse: to the definition of the term in the perspective of linguistic aesthetics. In: New Philological Bulletin. 2021;1(56):16–35.
7. Foucault M. (1980) Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977. Harvester Publ. Brighton.
8. Huizinga J. Homo ludens. The man playing. Comp., foreword. and translation by D. V. Silvestrov; commentary, index by D. E. Kharitonovich. Ivan Limbakh Publishing House. St. Petersburg. 2011.
9. Iriskhanova O. K. Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics. Languages of Slavic cultures Publ. Moscow. 2014.
10. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. Peremena Publ. Volgograd. 2002.
11. Kucheryavykh Yu. N. Language game in the literary texts of A.T. Averchenko: pragmatic characteristics and structural-semantic forms of implementation: diss. ...cand. philol. Sciences: 10.02.19 – Theory of language. Krasnodar. 2019.
12. Malevinskiy S. O. Linguistic myths and foundations of realistic linguistics. Flinta Publ. Moscow. 2017.
13. Manerko L. A. Structures of knowledge presented in artistic and academic discourses. In: Bulletin of Moscow University. Episode 22: Translation Theory. 2013;(1):100–118.
14. Maslova V. A. Cognitive and communicative aspects of a literary text. Vitebsk State University Publ. Vitebsk. 2014.
15. Rudnev V. P. Theoretical and linguistic analysis of artistic discourse: dis. ... d. philol. N.: 10.02.19 – Theory of language. Moscow. 1996.
16. Searl J. R. Philosophy of language. Editorial URSS Publ. Moscow. 2010.
17. Ticher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. Methods of text and discourse analysis. Humanitarian Center Publishing House. Kharkov. 2009.
18. Tyupa V. I. Prolegomena to the theory of aesthetic discourse. In: Discourse. 1996;(2). URL: http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse2_3.htm.
19. Tyupa V. I. Artistic analytics. RGGU Publ. Moscow. 2001.
20. Tyupa V. I. Artistic discourse: (introduction to the theory of literature). Tver State University. Tver. 2002.
21. Tyupa V. I. Discourse formations. Essays on comparative rhetoric. [Discourse formations: essays on comparative rhetoric]. Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. Moscow. 2010.
22. Van Dyck T. A. Language. Cognition. Communication. Progress Publ. Moscow. 1989.
23. Voloshinov V. N. Marxism and the philosophy of language. The main problems of the sociological method in the science of language. Surf Publ. Leningrad. 1929.

Информация об авторах

Е. Н. Лучинская – доктор филологических наук.
Ю. Н. Кучерявых – кандидат филологических наук.

Information about the authors

E. N. Luchinskaya – Candidate of Philological Sciences.
Y. N. Kucheryavikh – Doctor of Philological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 17.08.2022.

The article was submitted 27.06.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 17.08.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 47–51.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):47–51.
Научная статья
УДК:81'276:0047385

**Функциональная специфика
китайского и русского интернет-сленга в речевом этикете**

Лю Хуэй

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, aichiroudeliuhuihui@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются и обобщаются основные черты и функции интернет-сленга, примеры его употребления. Применены следующие методы исследования: анализ частоты употребления интернет-сленга в современной речи, сравнение интернет-сленга в русском и китайском языках, а также лонгитюдное включенное наблюдение, лингвистический анализ примеров употребления данных выражений в социальных сетях, на форумах, перехода их в разговорную речь. Автор приходит к закономерному выводу о том, что интернет-сленг формирует киберязык и является закономерным следствием резких изменений в социальной среде, в которой существует язык (упрощение речи, употребление заимствованных слов, профессионализмов и жаргонизмов в речи). Кроме того, необходимо соблюдение экологии языка и речевого этикета при употреблении интернет-сленга.

Ключевые слова: интернет-сленг, киберязык, сленг, онлайн-общение, социальная коммуникация

Для цитирования: Лю Хуэй. Функциональная специфика китайского и русского интернет-сленга в речевом этикете // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 47–51.

Original article

**Functional specifics
of Chinese and Russian internet slang in speech etiquette**

Liu Hui

Kuban State University, Krasnodar, Russia, aichroudeliuhuihui@gmail.com

Abstract. The article discusses and summarizes the main features and functions of Internet slang, examples of its use. The following research methods were used: analysis of the frequency of using Internet slang in modern speech, comparison of Internet slang in Russian and Chinese, as well as longitudinal participant observation, linguistic analysis of examples of the use of these expressions in social networks, forums, their transition into colloquial speech. The author comes to the logical conclusion that Internet slang forms cyberlanguage and is a natural consequence of dramatic changes in the social environment in which the language exists (simplification of speech, the use of borrowed words, professionalism and jargon in speech). In addition, it is necessary to observe the ecology of the language and speech etiquette when using Internet slang.

Keywords: Internet slang, cyber language, slang, online communication, social communication

For citation: Liu Hui. Functional specifics of Chinese and Russian internet slang in speech etiquette. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):47–51. (In Russ.).

С быстрым развитием Всемирной паутины все больше и больше людей предпочитают общаться через Интернет. В силу особой природы онлайн-мира, контекст виртуального общения сильно отличается от реального, поэтому стиль языка, используемого интернет-пользователями, роли, которые они играют, содержание их разговоров и термины, которые они используют, приобрели свои собственные характеристики. Появление и распространение интернет-сленга породило новую лингвистическую культуру, а формирование онлайн-языков является результатом резкого изменения способа общения людей в эпоху Интернета, объективной потребности в современной текстовой коммуникации в виртуальных сетях, а также соучастия трансформации общества и его популяризации и глобализации.

Интернет-сленг – это новая форма языка, используемая людьми в процессе общения в Интернете, являющаяся одной из функций сети. Хотя он существует только в Интернете, он постепенно проникает в реальную жизнь людей по мере того, как Интернет-общение становится все более распространённым, становясь устойчивыми выражениями.

Язык, как носитель культуры позволяет увидеть стоящие за ним культурные характеристики. Это производное от сочетания языка и Интернета, которое развивалось в ногу со временем, отражая образ жизни, лежащий в основе социальной системы, а также выражая ценности пользователей по отношению к основной культуре и содержа богатую культурную информацию.

Согласно социолингвистике, язык по своей природе является системой символов, сочетающих звук и значение для целей социальной коммуникации [12, с. 134], и является результатом комбинации сил в данном обществе [13, с. 12]. Появление Интернета стало одним из самых эпыхальных событий конца двадцатого века. Глобальное распространение и повседневное использование Интернета и его коммуникационных функций ускорило социальные изменения и изменило традиционный способ общения людей в человеческом обществе. В виртуальной сетевой среде часто бывает так, что употребляемые слова теряют своё буквальное значение и обретают

новое, поэтому в Интернете был создан и стал популярным своеобразный языковой вариант – интернет-сленг, а также так называемые выражения-«мемы». Это язык, который был согласован пользователями Интернета, но который также меняется каждый день в соответствии с текущими модными тенденциями, политической, социальной или экономической ситуацией, с развитием технологий и т.д. Интеграция интернет-сленга в язык людей значительно обогатила их словарный запас и повысила выразительность языка. Так он становится неотъемлемой частью языка.

Резкое изменение способа общения людей послужило мотивацией для формирования интернет-сленга. Появление данного явления – это не неизбежный результат внутренних противоречий в самой языковой системе, а скорее объективный факт, являющийся следствием резких изменений в социальной среде, в которой существует язык. Изучение социальных корней формирования интернет-сленга является необходимым условием для его рационального понимания.

1) Язык создаётся и развивается в связи с необходимостью человеческого общения. С точки зрения традиционного человеческого межличностного общения, существуют две основные формы коммуникации: устная и письменная. Эти две формы коммуникации имеют различные пространственные представления. Письменная коммуникация осуществляется в основном в книгах, письмах и т.д. и имеет диахронические характеристики; голосовая коммуникация осуществляется в устных разговорах и имеет синхронные характеристики. С развитием технологий, хотя и появилась диахроническая голосовая коммуникация (например, аудиозапись, голосовые сообщения и т.д.), она не обладает универсальностью и стилем жизни межличностного общения. Популяризация Интернета и его коммуникационных терминалов полностью разрушила традиционные временные и пространственные стереотипы межличностного общения, что привело к появлению третьей формы коммуникации, которая является одновременно популярной и универсальной: современное текстовое общение в виртуальной среде. Эта форма межличностного общения придала текстовой коммуникации синхронный характер, а синхронные голосовые сообщения приобрели текстовый характер. Резкое изменение в межличностном общении человека неизбежно требует совместимого с ним средства коммуникации, и новым языковым средством межличностного общения в виртуальных сетях стал новый языковой вариант – язык Интернета. С объективной точки зрения, эпоха Интернета, порождённая технологическим прогрессом, вызвала резкое изменение традиционного способа межличностного общения и адаптивное изменение языка общения, что является фундаментальной мотивацией для формирования киберязыка.

2) Объективная потребность в синхронном текстовом общении в виртуальных сетях является реальной мотивацией для производства языка интернета. Социолингвистические исследования выявили две противоположные тенденции в процессе языковой коммуникации: одна – унификация и стандартизация языковых форм общения, другая – специализация и индивидуализация языковых форм общения. Эти два фактора обеспечивают рамки, в которых развивается и функционирует лингвистическая вариативность [13, с. 46]. Стандартизация и нормирование форм языкового общения разрабатываются лингвистическими органами с целью обеспечения эффективности и лучшей результативности деятельности по языковому общению. Однако пользователи языка часто сосредотачиваются на простоте и удобстве фактического использования и хотят освободиться от всевозможных ограничений, что приводит к специализации и индивидуализации языковых форм общения. При межличностном общении в виртуальных сетях существенное отличие от традиционного современного общения заключается в том, что текстовые выражения заменяют устные. Для обеспечения эффективной и бесперебойной коммуникативной связи очевидно, что традиционные текстовые выражения не могут быть адаптированы к потребностям коммуникативного межличностного общения в виртуальных сетях. Появился лингвистический вариант, основанный на повышении оперативности созвучного межличностного общения – интернет-сленг.

Типы языка в Интернете

Мгновенный характер онлайн-общения означает, что пользователям Интернета приходится максимально быстро облекать свои мысли в слова и передавать их через Интернет, что порождает широкий спектр выражений. Можно выделить следующие три типа киберязыка.

1. Смайлики. В повседневном общении лицом к лицу мимика, жесты, интонация и тон голоса собеседника часто обогащают смысл слов и даже могут передавать более тонкие значения, чем сами слова. Однако при общении через Интернет собеседники не встречаются, поэтому мимика, жесты, интонация и тон голоса в общении отсутствуют. Чтобы компенсировать это, пользователи Интернета используют смайлики для выражения таких эмоций, как волнение, возбуждение, счастье, грусть, гнев и удивление. Рассмотрим некоторые наиболее популярные невербальные этикетные средства.

Самые ранние смайлики в сети – смайлы ASCII, а в них «:-D» означает «радость», «:-*» означает «поцелуй», «;-)» означает «подмигивание», «:-x» означает «молчание», «:-O» означает «удивление». Смайлики ASCII имеют две характеристики: во-первых, они состоят из знаков пунктуации, букв и других символов на клавиатуре компьютера. Во-вторых, символы имеют форму справа и слева, то есть имеют поперечную структуру. Среди них очень популярны в России такие знаки, как «)» и «(» или «:)», которые передают значения улыбки, добродушного отношения. Например: «Привет) меня зовут... Очень рад с вами познакомиться». Знак «(» или «:(» – несет смысл грусти, сожаления. Например: «К сожалению я не могу(». В Китае такие системы знаков уже давно не используются. Данные знаки воспринимаются китайцами как скобки, а не как символы. Однако широко используется знак «~» выполняющий аналогичную функцию знака «)». Например: «我来啦~» («Приду»).

Каомодзи. После введения в Японии смайликов система ASCII была преобразована и появилась инновационная система каомодзи, включающая горизонтальные смайлы. Японцы изменили поперечную форму символов ASCII в процессе перестройки и инноваций, образуя набор символов в продольных формах. Переработанные каомодзи, имеющее пиктографическое значение в интернете, можно использовать отдельно от текста. Например: «<()>» означает

«счастье», « (# ▽ #) » означает «стеснение», « (∩_~^~) ∩_ » означает «презрение», « (▽) ~■□~ (▽) » означает «выпить до дна», « (>_<) » означает «мучение», « (' □') » означает «гнев, злость». Сегодня многие участники интернет-коммуникации в Китае предпочитают использовать каомодзи, чтобы показать свою привлекательность, когда они переписываются в интернете. Но в России данная система смайлов не получила широкого распространения и в целом малоизвестна.

Эмоджи. В настоящее время эмоджи стал важным инструментом для онлайн-чатов молодых людей и существует относительно общее понимание того, что представляет собой эмоджи

как в России, так и в Китае. Например: 😍 означает «нравиться, любить»; 👍 означает «хвалить»; 😘 означает «целовать, любить»; 🍷 означает «целовать»; 🤐 означает «молчать,

никому не говорить»; 😂 означает «смеяться до слёз» и т.д. Использование смайликов повышает эффективность сетевого обмена, и через смайлы можно ясно понять, что именно собеседник хочет сказать, и уменьшить количество ситуаций недопонимания.

2. Сокращения. В Интернете люди часто используют сокращённые формы английского и своего родного языка, чтобы сэкономить время. Поскольку большинство пользователей Интернета молодёжь и систематически изучают английский язык, это популярный способ использования английских сокращений. Например: BF (boyfriend), BBS (bulletinboardsystem), BTW (ByTheWay), GA (GoAhead), E-ME (EmailMe); а также по-русски «го» – от английского глагола «go»; «оч» – сокращение от слова «очень», «ролф» – «шутка, смех, юмор», «лан» – сокращение от слова «ладно», «чел» – сокращение от слова «человек» и т.д. В китайском языке ввиду его особенностей, сокращения слов выражаются иероглифами. Большинство китайских жаргонных слов произошли от омофонов и лишь некоторые от английского языка или с помощью использования латиницы, например: MM (красавица), GG (брат), XX (спасибо) и т.д. Иногда пользователи Интернета также могут использовать гармоник или даже арабские цифры, например, 586 («я кланюсь»), 520 («я люблю тебя»), 1314 («вся жизнь») и т.д. Для пользователей Интернета стало очень распространённым сочетать различные материалы, смешивая китайские и английские иероглифы без ущерба для общения, например: 请 call 我 (пожалуйста, позвоните мне), 大家+U(все+U) (goforit), B2B (businesstobusiness), F2F (facetoface), me2 (me, too) и т.д.

3. Мемы. В современном интернет-общении часто используются так называемые мемы – (от английского «Internetmeme») – информация в разнообразной форме (медиаобъект, фраза (цитата), явление), как правило, иронического характера, внезапно приобретающая популярность посредством быстрого распространения в Интернете в социальных сетях, на форумах, в блогах, мессенджерах и др. Мемами могут считаться не только слова, но и изображения, видео- или звукозаписи, которые вызывают равнодушное отношение, смех, являются актуальными согласно моде, общественным явлениям и т.д., устойчиво распространяются во Всемирной паутине, приобретают черты «вирусного» явления.

В российской интернет-среде самыми популярными мемами являются: «Ждун» – означает ожидание несбыточного, «GrupruCat» – скрытое или явное недовольство, «LOL» – означает очень смешную шутку, изображение в виде плаката в стиле «Демотиватор» – бессмысленность, обречённость, фото с надписью «Как тебе такое, Илон Маск?» – означает нечто незамысловатое и сделанное из подручных средств, но функциональное и эффективное, «Fасeralm» – раздражение, стыд, уныние, «Дрейк в оранжевой куртке» – означает способ расставить приоритеты, сравнивая два варианта, «Наташа, мы всё уронили» (фото с несколькими котами, смотрящими в объектив фотокамеры сверху вниз, обращающимися к спящей хозяйке, которая находится за кадром) – означает неуспех, неудачу, потерю и т.д. В Китае почти всегда мемами являются фото с иероглифами, и их значения воспринимаются буквально. Например, мем «Fасeralm» в Китае означает безысходность.

Интернет не имеет границ, и любой человек, любой язык, любая культура могут свободно общаться здесь, нарушая границы времени и пространства. Интернет-сленг – это продукт их общения. Как только он появился, он привлёк внимание людей своим уникальным внешним видом. Благодаря свободе интернет-среды, воображение и индивидуальность создателей интернет-языков достигают максимума. В результате язык Интернета имеет свои отличительные особенности.

1. Простота. Интернет-коммуникация – это вид мгновенной коммуникационной деятельности, коммуникаторы должны получать и передавать информацию друг другу вовремя, чтобы обеспечить бесперебойный поток коммуникации, поэтому скорость является необходимым условием, простота сетевого языка позволяет достичь этого условия. Простота требует не только краткости самого языка, но и лёгкости ввода и быстроты передачи информации адресату. Именно поэтому язык Интернета настолько экономичен в использовании слов, а также в скорости ввода, например, буквенных слов, числовых сочетаний и смайликов: 886 (пока), F2F (facetoface), СПС (спасибо) и т.д.

2. Новизна. Современное общество поощряет освобождение индивидуальности и стремление к свободе и инновациям. Люди стремятся ко всему новому и творческому, стремятся быть непохожими на других и продвигать свою индивидуальность, что придаёт интернет-сленгу ярко выраженную новизну. Отчасти это переосмысление существующих слов, а отчасти – создание новых. Например, в данной ситуации «楼上» (наверху) и «楼下» (внизу) по смыслу относятся к предыдущему или следующему посту, а не к району; «水» (вода) по смыслу относится к несерьёзному отношению к делу, а не к настоящей воде, и так далее. Интернет предоставляет широкое пространство для свободного выражения воли, мнений и идей, что заставляет людей

использовать язык гибко и по-новому, это также является естественным выражением стремления пользователей Интернета к новизне и переменам.

3. Развлечение. Темп жизни ускоряется, и люди находятся под большим давлением. Многие люди стремятся создать в мире Интернета атмосферу юмористического и весёлого общения, которая может сделать людей расслабленными, способными свободно говорить и получить небольшую передышку. Например, «恐龙» (динозавр) иронично обозначает уродливую женщину, а «青蛙» (лягушка) – уродливого мужчину, и эти кокетливые выражения приносят бесконечное веселье в жизнь людей.

4. Образность. Для того чтобы создать больше возможностей для общения «лицом к лицу», пользователи Интернета в полной мере используют смайлики для создания множества ярких образов выражений, имитирующих реальное общение. Такие смайлики не только привлекательны и удобны для ввода, но и добавляют большой интерес и реалистичность в жизнь виртуальной сети.

Таким образом, язык – это специфическое социальное явление, которое развивается по мере развития общества. Онлайн-общение не стоит на месте, в популярных СМИ оно меняется ещё быстрее: появляются новые слова, а старые исчезают по мере того, как меняется мода. Для того чтобы студенты могли лучше применять изучаемый язык, необходимо изучать интернет-сленг как неотъемлемую часть современного языка, однако не следует забывать и об экологии языка и речевом этикете.

Список источников

1. Баранова А. Р., Ахсанова Л. Н., Моисеева А. А. Интернет-сленг // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 4–4 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-slang-1> (дата обращения: 13.09.2022).
2. Голованова Д. С., Якименкова И. Н. Влияние интернет-сленга на речевую культуру современной молодёжи // Юный учёный. 2019. № 3 (23). С. 1–3. URL: <https://moluch.ru/young/archive/23/1409/> (дата обращения: 11.09.2022).
3. Лимарова Е. В., Сон Л. П. Интернет-сленг: словообразовательные процессы (на материале английского и русского языков) // Вестник ЧелГУ. 2018. № 4 (414). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-slang-slovoobrazovatelnye-protsessy-na-materiale-angliyskogo-i-russkogo-yazykov> (дата обращения: 03.09.2022).
4. Лобастова И. С. Влияние интернет-сленга на речевую культуру подростков // Инновационная наука. 2020. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-internet-slenga-na-rechevuyu-kulturu-podrostkov> (дата обращения: 13.09.2022).
5. Ян Е. А. Интернет-сленг в современном китайском языке: социолингвистический аспект перевода // Молодой учёный. 2019. № 4 (242). С. 451–454. URL: <https://moluch.ru/archive/242/55948/> (дата обращения: 13.09.2022).
6. Эпштейн М. Слово-2018. Подведены вербальные итоги года // Сноб (дата обращения: 10.09.2022).
7. Феминитивы, политизация, заимствования и сетевой сленг: лингвисты – о том, что происходит с русским языком // Esquire.ru (дата обращения: 12.09.2022).
8. «Язык угадывает то, что нам нужно»: лингвист Максим Кронгауз – о жаргонах, феминитивах и раздражающих словах // RUSSIAN.RT.COM (дата обращения: 06.09.2022).
9. Яндекс: подбор слов / статистика запросов // Яндекс. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 14.09.2022).
10. Интернет-сленг. URL: <http://www.wikireality.ru/wiki/Интернет-сленг> (дата обращения: 12.09.2022).
11. Google Trends: Узнайте, что ищут пользователи со всего света // Google.com (дата обращения: 02.09.2022).
12. 郭熙. 中国社会语言学 (增订本) [M]. 浙江大学出版社, 2004.6, 134.
13. Ronald Wardwar. 社会语言学引论 [M]. 复旦大学出版社, 2009. 12, 46, 29, 61.

References

1. Baranova A. R., Akhsanova L. N., Moiseeva A. A. Internet-slang. Eurasian Union of Students. 2016;4–4(25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-slang-1> (date of access: 13.09.2022).
2. Golovanova D. S., Yakimenkova I. N. Influence of Internet slang on the speech culture of modern youth. Young scientist. 2019;3(23):1–3. URL: <https://moluch.ru/young/archive/23/1409/> (date of access: 09.09.2022).
3. Limarova E. V., Son L. P. Internet slang: word-formation processes (on the material of English and Russian languages). Vestnik ChelGU. 2018;4(414). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-slang-slovoobrazovatelnye-protsessy-na-materiale-angliyskogo-i-russkogo-yazykov> (date of access: 03.09.2022).
4. Lobastova I. S. The influence of Internet slang on the speech culture of adolescents. Innovative science. 2020;(8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-internet-slenga-na-rechevuyu-kulturu-podrostkov> (date of access: 09/13/2022).
5. Yang E. A. Internet slang in modern Chinese: a sociolinguistic aspect of translation. Young scientist. 2019;4(242):451–454. URL: <https://moluch.ru/archive/242/55948/> (date of access: 09/13/2022).
6. Epstein M. Word-2018. Verbal results of the year summed up. Snob (date of access: 09/10/2022).
7. Feminitives, politicization, borrowings and network slang: linguists about what is happening with the Russian language. Esquire.ru (date of access: 12.09.2022).

8. "The language guesses what we need": linguist Maxim Krongauz – about jargons, feminitives and annoying words. RUSSIAN.RT.COM (date of access: 09.06.2022).
9. Yandex: word selection. Query statistics. Yandex. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (date of access: 09/14/2022).
10. Internet slang. URL:[http://www.wikireality.ru/wiki/Internet slang](http://www.wikireality.ru/wiki/Internet_slang) (date of access: 09/12/2022).
11. Google Trends: Find out what users around the world are looking for. Google.com (date of access: 09.02.2022).
12. 郭熙. 中国社会语言学 (增订本) [M]. 浙江大学出版社, 2004.6, 134.
13. Ronald Wardwar. Introduction to Sociolinguistics [M]. Fudan University Press, 2009;(12):46.

Информация об авторе

Лю Хуэй – аспирант.

Information about the author

Liu Hui – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 22.10.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 22.10.2022; accepted for publication 25.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 52–55.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):52–55.
Научная статья
УДК 81

Некоторые особенности тифлокомментирования
в немецкоязычном пространстве

Ольга Николаевна Кошелева¹, Антонина Николаевна Маслова²

¹Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

²Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

¹ninlil@mail.ru

²tonja-ch@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам профессиональной области тифлокомментирования. Рассматривается область его применения, указывается разница между описательным и интерпретационным тифлокомментированием, приводятся основные правила для создания аудиоописаний, действующие в немецкоязычном пространстве. Также описываются некоторые проблемы, возникающие при создании аудиоописаний и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: тифлокомментирование, тифлокомментарий, описательный комментарий, интерпретационный комментарий

Для цитирования: Кошелева О. Н., Маслова А. Н. Некоторые особенности тифлокомментирования в немецкоязычном пространстве // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 52–55.

Original article

Some features of audio commentary
in the German-speaking space

Olga N. Kosheleva¹, Antonina N. Maslova²

¹Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia,

²Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

¹ninlil@mail.ru

²tonja-ch@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of the professional field of audiovisual commentary. The scope of its application is considered, the difference between descriptive and interpretive audio commentary is indicated, the basic rules for creating audio descriptions that are in force in the German-speaking space are given. Some of the problems that arise when creating audio descriptions are described and the ways to solve them are suggested.

Keywords: audio description, audio commentary, descriptive commentary, interpretive commentary

For citation: Kosheleva O. N., Maslova A. N. Some features of audio commentary in the German-speaking space. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):52–55. (In Russ.).

Говоря о проблеме тифлокомментирования (греч. *typhlos* – слепой) следует в первую очередь упомянуть тот факт, что это не просто деятельность, которая описывает то, что можно увидеть. Оно скорее является своего рода переводом, и переводчик, в данном случае аудиодескриптор, несёт ответственность за последствия неправильного перевода. Тифлокомментирование – это отдельная сложная профессиональная область, для которой нужна хорошая подготовка, значительный практический опыт и тесное сотрудничество с целевой группой.

Тифлокомментирование как идея «кино для слепых» было придумано в 1974 году американским журналистом Грегори Фиризером, который в 1971 году благодаря хорошему запасу слов пересказывал премьеру фильма «Ровно в полдень» для своей незрячей подруги. Позже в мемуарах он рассказал, что именно в тот момент родилась идея создать специальный комментарий к фильмам для слепых [3].

За рубежом для тифлокомментирования используется также термин аудиодескрипция – словесное описание зрительных образов – как более нейтральный термин [2], однако в данной статье эти термины используются как синонимы.

На данный момент существует закон, согласно которому все фильмы и мультфильмы на большом экране кинотеатров должны содержать субтитры и тифлокомментарии. Данный вид перевода применяется в различных ситуациях. Тифлокомментирование обеспечивает акустическое описание фильмов, спектаклей, опер, живых выступлений, музейных выставок и т.д. для слепых и слабовидящих людей. Оно по сути является услугой для слепых и слабовидящих людей, при которой аудиодескриптор выражает словами, то, что зрячие могут воспринимать зрением. Аудиокомментарии также могут стать поддержкой для людей с СДВГ, помочь им лучше справиться и сконцентрироваться на том, что происходит в фильме. Помимо всего прочего, аудиокомментарии помогают людям, которые лучше воспринимают акустическую информацию или тем, кто в силу ситуации не имеет доступа к изображению. Однако, несмотря на то, что аудиокомментарии могут помочь широкому кругу людей, например, иностранцам, изучающим язык, пожилым, людям с аутизмом, они предназначены в первую очередь для людей с нарушениями зрения.

При этом нарушения зрения могут быть самыми разными. Например, люди, слепые от рождения, никогда не видели окружающий мир. В отличие от людей, потерявших зрение в течение жизни, из-за болезни или несчастного случая, люди, слепые от рождения, не имеют никаких визуальных воспоминаний.

С другой стороны, у людей с нарушениями зрения может присутствовать так называемое остаточное зрение, которое зависит от степени нарушения.

В нашей статье мы остановимся на первичной целевой группе, при этом хотим подчеркнуть, что все описания нарушений зрения взяты нами из научных источников, и люди, страдающие проблемами, могут описывать свои ощущения иначе. Поэтому особенно важно включать в процесс создания аудиокomentarиев людей с нарушениями зрения или слепых людей.

С медицинской точки зрения, говоря о нарушении зрения, мы имеем в виду «нарушение зрения, которое не поддаётся коррективке». Острота зрения и/или поле зрения – т.е. область, которую мы видим, когда мы смотрим прямо вперёд, не двигая головой и глазами – строго ограничены в случае нарушения зрения. Союз слепых и слабовидящих в Берлине предлагает к использованию симулятор нарушения зрения, который показывает влияние пяти наиболее распространённых проблем. К ним относится катаракта, при которой хрусталик глаза становится мутным и поражённый глаз видит, как будто через вуаль. Зрение постепенно ухудшается, и если катаракту не лечить, она может привести к слепоте. Или ретинит пигментный – поражение сетчатки, при котором изменяется поле зрения при поздней стадии до такой степени, что больные видят только как будто через туннель.

Слепота считается наиболее выраженной формой нарушения зрения. Она характеризуется резко ограниченным зрением или его отсутствием. О полной потере зрения говорят, "когда у человека отсутствует возможность воспринимать свет". Полная слепота в большинстве случаев неизлечима; она не может быть устранена визуальными средствами или хирургическим вмешательством.

Есть слепые от рождения и люди, потерявшие зрение в течение жизни. Часто может возникнуть врождённая слепота из-за пренатальных пороков развития оптической системы или наследственных заболеваний сетчатки. В промышленно развитых странах приобретённая слепота встречается чаще, чем врождённая слепота, она часто вызывается заболеваниями сетчатки, такими как возрастная дегенерация макулы или сахарный диабет.

Как упоминалось ранее, люди, которые потеряли зрение в определённый период своей жизни способны опираться на определённый набор визуальных воспоминаний, а слепые от рождения не могут. Однако некоторые исследования показали, что даже у слепых людей может присутствовать зрительное ощущение, даже если оно выражено по-разному [4]. При этом зрительное воображение также стимулирует зрительную область мозга подобно зрительному восприятию зрячих людей. Таким образом слепые люди создают конкретные мысленные образы – предметы, пейзажи, людей и цвета. Слепые от рождения имеют определённые знания о цветах: вы знаете, что небо голубое, а снег белый. Многие слепые от рождения люди ассоциируют с цветами определённые представления об объектах или эмоциональных качествах, таких как запах или вкус. Например, красный цвет ассоциируется с тёплым, коричневый цвет – с запахом влажной земли. Тифлокомментирование помогает людям с нарушениями зрения воссоздать образ с помощью текста, который они слышат.

Вероятно, самое важное научное определение тифлокомментирования в немецкоязычном пространстве взято из одной из первых диссертаций на немецком языке, посвящённых проблемам аудиодескрипции, выполненной Берндом Бенеке [4, с. 43], который сам занимался тифлокомментированием на одной из немецких радиостанций Bayerischer Rundfunk (BR).

При создании аудиокomentarия происходит акт перевода, который должен быть согласован с уже предложенной информацией, и при котором данная уже предложенная информация не должна быть переведена, поэтому перевод пьес, опер или фильмов происходит не в полном объёме, а лишь частично.

Сочетание аудиокomentarия и оригинального звука фильма создаёт так называемый аудиофильм. Основываясь на определении тифлокомментирования как частичного перевода, предложенном Бенеке, можно сделать вывод, что аудиоописание всегда должно быть соотносено с оригинальной звуковой дорожкой фильма.

Рассмотрим пример:

Сюжет фильма: Том входит на кухню. Он одет в красный свитер.

Оригинальный звук: Жена приветствует Тома словами: «Доброе утро. Том, на тебе новый красный свитер».

Аудиоописание: в данном случае описание могло бы быть «Том входит в кухню», так как красный свитер уже упоминается в оригинальном саундтреке к фильму.

В немецкоязычном пространстве общественные телерадиостанции предпочитают так называемое описательное тифлокомментирование. Согласно имеющемуся правилу аудиокomentarий не должен объяснять, оценивать или интерпретировать. Он должен содержать максимально точные описания, но не интерпретировать картину, подлежащую описанию. Выбирая слова для тифлокомментария, необходимо учитывать их оценочность, стилевую принадлежность и экспрессивность. Следует использовать слова с нейтральной стилистической окраской, понятные большинству аудитории.

Например, для описания счастья при тифлокомментировании можно услышать следующий текст: «У женщины загораются глаза, и она улыбается». В интерпретационном аудиоописании, фразы частично предпочитают за пределами немецкоязычного пространства, фраза могла бы прозвучать так: «Женщина выглядит счастливой». Кроме того, при интерпретационном аудиокomentarии также описываются настройки камеры и перспектива, например, «вода движется в нашем направлении». Тот факт, что описательное тифлокомментирование предпочтительнее в немецкоязычных странах, не означает запрет на интерпретационное. Аудиокomentarий может содержать элементы интерпретации или быть полностью интерпретационным.

Основой успешного аудиоописания является «анализ содержания и формальных аспектов фильма» (NDR 2019). Из этого анализа выводится то, что должно быть непременно упомянуто в аудиоописании, а затем оно детально планируется, желательно, при участии слепых или слабовидящих аудиодескрипторов.

В немецкоязычном пространстве действует основное правило по отношению к оригинальному звуку фильма, которое гласит, что исходный звук фильма или прямой трансляции должен быть согласован с аудиокomentarием, и он по возможности не должен на него накладываться. Это правило также согласовано с мыслью об инклюзивности: люди с нарушениями зрения и слепые люди должны получать ту же информацию, что и все остальные, т.е. здесь оригинальный звук фильма или трансляции. Согласно швейцарским правилам аудиоописание никогда не должно изменять диалоги, звуковые эффекты, если они дополняют событие или описание; менять музыку, если она важна.

Такое строгое правило («никогда») хорошо, с одной стороны, потому, что оно чёткое, с другой стороны оно может создать проблемы, если фильм или трансляция практически не имеет перерывов в исходном звуке, поэтому описания не могут быть вставлены, не перекрывая звук.

Согласно Бенекке, другими важными правилами для создания аудиокomentarия являются:

1. Аудиоописание должно быть простым и понятным, т.е. обычно в каждое предложение должна быть включена только одна единица информации.

2. Как упоминалось выше, события, предметы и выражение лица должны быть точно описаны, но не интерпретированы. Интерпретацию смогут сделать сами реципиенты.

3. Поскольку описывается непосредственно увиденное, текст должен быть составлен в настоящем времени.

4. Формулировка «мы видим», а также технические термины фильма следует избегать.

5. Имена людей и названия мест следует использовать только после того как они были упомянуты в фильме. До этого следует пользоваться общими терминами, например, «молодой человек» или «сын», если об этом говорилось ранее.

6. Для введения понятия (сцены, лица и т.д.) сначала употребляется неопределённый артикль, в дальнейшем определённый.

7. В аудиоописании следует избегать местоимений.

8. Шумы, которые невозможно чётко распознать (например, когда месит хлебное тесто на столе) или особые звуки, которые могут иметь значение должны быть описаны. Бенекке называет это описанием когерентности.

9. Дополнительная информация, необходимая для понимания фильма, может быть добавлена в «предполагаемом гиперописании». Здесь намеренно описано больше, чем на первый взгляд необходимо. Так, образ Джеймса Бонда связан в том числе с эксклюзивными автомобилями. Если Джеймс Бонд ведёт машину в кадре, эксклюзивность может быть подчеркнута упоминанием марки, хотя автомобиль может быть описан просто как «красная машина». Введение дополнительной информации даёт возможность перехода от описательного к интерпретирующему звуковому описанию.

Вышеупомянутые правила для описательного тифлокомментирования также создают определённые трудности, потому что звуковые паузы в фильме не всегда идеальны или достаточно длинны для полного описания, которое может требовать больше текста. Ниже приведены некоторые примеры, чтобы показать какие проблемы кроются в описательном тифлокомментировании:

В самом начале фильма Ziello (Hilber 2014) есть сцена, в которой хлопает дверь. Этот звук слышно довольно хорошо, и он не обязательно должен быть упомянут. Но если в трактовке сцены хлопанье дверью символизирует или поясняет что-то – оно должно быть упомянуто в комментарии. В этом моменте фильма дверь комнаты для посетителей в тюрьме захлопывается, и два человека смотрят туда в шоке. Хлопанье дверью в этой сцене может быть истолковано как указание на попадание в ловушку. Следовательно, при создании стандартного немецкого аудиоописания к фильму был упомянут взгляд тех, кто оказался в ловушке, на двери, чтобы обозначить, что хлопанье дверей может иметь значение. Таким образом, за звуком хлопнувшей двери следуют комментарии: «Оба смотрят на дверь».

Сложностью при тифлокомментировании может стать также описание культурных реалий. Существующие исследования, согласно которым наиболее эффективным способом передачи культурных реалий является название реалии и с последующим её описанием [1]. Если позволяет экранное время, то важные сцены можно дополнить более развёрнутым комментарием, что делает текст понятным для более широкой аудитории.

В тифлокомментировании следует избегать диалектизмов, просторечных выражений, которые могут затруднить понимание текста для большой аудитории, а также сложноподчинённых предложений и сложных синтаксических конструкций.

Подводя итог, можно констатировать, что основная целевая группа для тифлокомментирования – слепые и слабовидящие зрители. При создании аудиокomentarия очень важным является участие аудиодескрипторов с подобными нарушениями зрения, способными сделать комментарий наиболее адекватным для восприятия.

Список источников

1. Борщевский И. С. Способы передачи культурных реалий в межсемиотическом переводе (на примере аудиодескрипции) // Филология и лингвистика. 2019. № 1 (10). С. 25–30. URL: <https://moluch.ru/th/6/archive/119/3977>.

2. Моцаж М. Аудиодескрипция, или тифлокомментирование как жанр киноперевода. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25691763> (дата обращения: 20.11.2018).

3. Тифлокомментирование. История и интересные факты. – URL: <https://fondbezrukova.ru/blog/tiflok-istoriya-i-fakti>.

4. Benecke B. Audiodeskription als partielle Translation. Modell und Methode (Translatorische Forschungsbeiträge 4). vi + 197 pp. Münster : LIT Verlag, 2014.

5. Jekat Susanne J., Puhl Steffen, Carrer Luisa, Hagmann David, Lintner Alexa, Lopes Torres Sabrina, Parli Michelle. Audiodeskription verständlich erklärt. Einblicke in Theorie und Praxis. Winterthur, ZHAW digitalcollection, 2021.

References

1. Borshchevsky I. S. Sposoby peredachi kul'turnyh realij v mezhsemioticheskom perevode (na primere audiodeskripcii). Filologia I lingvistika. 2019;1(10):25–30. URL: <https://moluch.ru/th/6/archive/119/3977>.
2. Moczah M. Audiodeskripcia ili tiflokommentirovanie kak zhanr kinoperevoda. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25691763>.
3. Tiflokommentirovanie. Istoriya i interesnye fakty. URL: <https://fondbezrukova.ru/blog/tiflok-istoriya-i-fakti>.
4. Benecke B. Audiodeskription als partielle Translation. Modell und Methode (Translatorische Forschungsbeiträge 4). vi + 197 pp. Münster: LIT Verlag, 2014.
5. Jekat Susanne J., Puhl Steffen, Carrer Luisa, Hagmann David, Lintner Alexa, Lopes Torres Sabrina, Parli Michelle. Audiodeskription verständlich erklärt. Einblicke in Theorie und Praxis. Winterthur, ZHAW digitalcollection. 2021.

Информация об авторах

О. Н. Кошелева – кандидат филологических наук, доцент.
А. Н. Маслова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

O. N. Kosheleva – Candidate of Philological Sciences, assistant professor.
A. N. Maslova – Candidate of Philological Sciences, assistant professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 20.10.2022.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 20.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 56–61.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):56–61.
Научная статья
УДК 82.0; 070

Язык новостного медиатекста экологического содержания

Ольга Владимировна Перезовова¹, Елена Владимировна Возилова²

¹Южно-Уральский государственный университет (Научно-исследовательский университет), Челябинск, Россия

²филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» в г. Челябинске, Челябинск, Россия

¹perezovovaov@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1593-1727>

²vozilova@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ медиатекстов экологической направленности, целью которого является изучение влияния медиаэффектов на молодёжную аудиторию и исследование её когнитивных, аффективных, поведенческих реакций. Даются теоретическое осмысление эффектов медиа, структурно-содержательные особенности построения текстов (рекламный, журналистский, художественный), а также воздействие медиатекстов экологической направленности. В статье обоснована актуальность исследования в контексте неоднородности медиапотока в современной информационной повестке, в которой превалирует креализованный поликодовый текст. Основными задачами исследования являются теоретико-методологический анализ вопроса изучения экомедиатекстов; определение эффекта воздействия данных материалов, получение и анализ результатов восприятия материалов экологической направленности в рекламных, журналистских и художественных медиатекстах и интерпретация результатов. Предлагаются результаты опроса по отслеживанию рефлексии молодёжной аудитории на тексты разного уровня. Анализ результатов позволил сделать предварительные выводы, подтверждающие приоритет и лидерство рекламных текстов.

Ключевые слова: экологическая проблематика, новостной текст, опрос, социальное самочувствие, молодёжная аудитория, медиатекст, контент-анализ, поведенческие намерения

Для цитирования: Перезовова О. В., Возилова Е. В. Язык новостного медиатекста экологического содержания // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 56–61.

Original article

The language of environmental news media texts

Olga V. Perevozova¹, Elena V. Vozilova²

¹South Ural State University (National Research University)", Chelyabinsk, Russia

²branch of Higher Educational Institution of Air Force "Air Force Academy" in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia

¹perezovovaov@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1593-1727>

²vozilova@gmail.com

Abstract. The article presents an analysis of media texts of environmental orientation, which aims to study the impact of media effects on the youth audience and the study of its cognitive, affective, behavioral reactions. The article provides a theoretical understanding of media effects, structural and content features of the construction of texts (advertising, journalistic, artistic), as well as the impact of media texts of environmental orientation. The article substantiates the relevance of the study in the context of heterogeneity of the media stream in the modern information agenda, in which prevails created polycode text. The main objectives of the study are theoretical and methodological analysis of the issue of studying eco-media texts; determining the effect of these materials, obtaining and analyzing the results of the perception of environmental materials in advertising, journalistic and artistic media texts and interpretation of the results. The results of the survey to monitor the reflection of the youth audience to the texts of different levels are offered. Analysis of the results made it possible to draw preliminary conclusions confirming the priority and leadership of advertising texts.

Keywords: environmental issues, news text, survey, social well-being, youth audience, media text, content analysis, behavioral intentions

For citation: Perevozova O. V., Vozilova E. V. The language of environmental news media texts. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2022;4(84):56–61. (In Russ.).

Введение. Вопрос исследования медиатекстов сегодня является актуальным по многим причинам. В современном медиапотоке существенно увеличилось количество поликодовых текстов, специфика восприятия которых недостаточно изучена. Также не мало важен тот факт, что развитие всевозможных форм медиа изменило требования аудитории к подаче информации. Специфика поликодовых журналистских, рекламных, художественных текстов не изучена в полной мере, не получено их научное объяснение с точки зрения восприятия в молодёжной аудитории. Возникает научная и практическая потребность в выявлении особенностей воздействия экоконтента через призму трёх текстов (рекламного, новостного, художественного), имеющих

свою специфику и при этом обобщённым поликодовым характером функционирования в медиатокке.

Цель исследования – провести сопоставительный анализ трёх видов текста для понимания, какой из представленных материалов привлекает наибольшее внимание у молодёжной аудитории. Для достижения цели был очерчен круг задач: исследование специфики восприятия рекламного, журналистского и художественного экомедиатекстов с учётом неконтролируемых и осознанных реакций респондентов. Методы исследования представлены совокупностью инновационных и традиционных инструментов: айтрекинга и опроса.

Теория вопроса и постановка проблемы. Проблематика исследования достаточно новая, хотя в науке имеются существенные наработки. О влиянии медиа на общественные отношения писала А. Анисимова [1], Д. Добринская [5], Е. Шаркова [16], уделялось внимание социальным особенностям коммуникаций в исследованиях Т. Дридзе [6]. Особое место в изучении медиа занимает экологическая проблематика, что находит отражение в трудах отечественных учёных О. Жбанниковой [8], Е. Есиной [7], Н. Калининой [10], отмечавших специфическую проблематику в современных СМИ и перспективы их развития в экологическом аспекте. Воздействие экологической информации на поведение медиааудитории рассматривалось и в трудах зарубежных учёных Ю. Лю, Х. Ли, выявивших сущность проэкологического поведения, прогнозируемого под воздействием СМИ [13], в трудах С. Нистрома, сформулировавшего концептуальную парадигму СМИ об экологии [12], а также во взглядах К. Новича, П. Сэндмана, доказавших влияние СМИ на решение экологических проблем. Экологическая проблематика в СМИ как способ переосмысления отношения к окружающей среде отмечается в трудах В. Слоутера [15], В. Беннет [4], Т. Уилсона, М. Бейтса. Большое внимание к медиатекстам экологической проблематики обращено со стороны лингвистов и языковедов, изучающих стилистические, семантические особенности экологических СМИ [10, 11, 13].

Все исследуемые теории позволили расширить понимание изучаемой проблемы и подобрать методы сбора и обработки информации для анализа эмпирической базы.

Методы и методика исследования. Важной частью исследования выступила подборка стимульного материала – медиатекстов экологической направленности. Медиатексты были отобраны с учётом воссоздания ситуации, в процессе его просмотра в лаборатории, приближенной к ситуации просмотра информации в сети Интернет. После просмотра каждому респонденту было предложено пройти онлайн-опрос.

При этом подчёркиваем важность применения опроса после просмотра стимульных изображений в процессе айтрекингового исследования, так как важно фиксировать как неосознанные (неконтролируемые) реакции (движение взгляда) респондентов, так и осознанные ответы на вопросы, посвящённые впечатлению от просмотренных медиатекстов.

Опрос состоял из пяти идентичных вопросов для каждого блока медиатекстов, выявляющий когнитивный аспект (уровень запоминаемости), эмоциональный аспект (уровень привлекательности) и конативный аспект (поведенческий уровень) данных медиатекстов.

Результаты исследования. После прохождения процедуры айтрекинга студентам было предложено сразу ответить на вопросы, касающиеся восприятия просмотренного контента, направленного на выявление запоминания материала и его оценки. Опрос ориентирован на выявление групповых предпочтений, в опросе принимало 93 человека. Вопросы условно можно разделить на три блока, первый блок имеет когнитивный компонент и содержательно направлен на выявление в восприятии информации важных и второстепенных элементов медиатекста, а также на запоминание разных типов текста (рекламный, новостной и художественный). Второй блок вопросов касался определения аффективного компонента в виде эмоциональной оценки объекта, отклик испытуемого на предложенный стимульный материал. Третий блок вопросов имеет конативный компонент и направлен на выявление поведенческих установок, готовности к определённым действиям, связанных с просмотренным материалом по экологической проблематике.

Рассмотрим более подробно предложенные испытуемым блоки вопросов.

Первый блок вопросов был связан с выявлением внимания к структурным элементам рекламного медиатекста. Испытуемым было предложено определить, какой из материалов привлёк их внимание больше всего, просматривая экоплакаты на определённую экологическую тему, связанную с загрязнением воды, нехваткой питьевой воды и загрязнением воздуха.

Структурно стимульный материал представлял собой целостную, ясную композицию, в центре которой находится изображение, отражающее экологическую проблему. В каждом, из представленных рекламных медиатекстов, находился вполне узнаваемый символ, который транслирует негативный ассоциативный ряд, например, удушающая петля, узел, грязь, дымящие трубы, автомобильные выхлопы. Все эти легко считываемые и в то же время негативные символы, выполняют функцию привлечения внимания аудитории и формирование целостного образа определённой экологической проблематики. Цветовое сопровождение рекламного медиатекста представляет собой спектр от насыщенных, ярких тонов до весьма сдержанных или умеренных. Цвет и его насыщенность сказывается на силе производимого им эмоционального впечатления. Влияние цветовой гаммы мы будем учитывать при рассмотрении производимого эмоционального воздействия медиатекста.

Второй блок вопросов нацелен на изучение эмоциональной реакции, вызванной стимульным материалом затрагивающий различные аспекты экологии. Сформулированные вопросы данного блока, должны были отразить эмоциональную шкалу негативных, нейтральных и положительных эмоций. Эмоциональные реакции кратковременны, имеют разную степень выраженности на раздражитель в данном случае имеется в виду экологическая проблематика, представленная в медиа. В предложенной эмоциональной шкале необходимо было определить оценочную функцию быструю, обобщённую оценку на предложенный стимульный материал. Испытуемым была предложена следующая шкала эмоций: гнев, грусть, безразличие, удивление, радость, восхищение.

Гнев как наиболее сильная эмоция считается отрицательной, связана с внутренним ощущением злости, раздражения, негодования, возмущения, нервозности, враждебности и агрессии. Следующая из предложенных негативных эмоций была предложена «грусть». Грусть вызывает эмоциональный дискомфорт, который связан с обеспокоенностью, безрадостностью, сожалением, иногда чувством вины, стыда, одиночества, печалью и даже отчаянием.

Следующий уровень эмоций – нейтральный предложенный испытуемым вариант такой «безразличие» связан с отсутствием эмоций по предложенным стимулам. Безразличие – уменьшение выраженности всех эмоций в виде ровного, равнодушного отношения ко всем происходящим событиям. Положительные эмоции отражены в категории – «радость» и «восхищение». Радость и восхищение – эмоции, которые дают достаточно большой спектр положительных ощущений: счастья, веселья, наслаждения, удовлетворённости, блаженства, гордости, возбуждения, удовольствия, эйфории, признания, дружелюбия, доверия, доброты, симпатии, увлечённости. Оценивая эмоциональную шкалу восприятия экологической информации, следует отметить разнообразную палитру эмоций от негативной «гнева», «грусти» нейтральной – «безразличие» до положительной – «радости».

Третий блок вопросов был связан с поведенческими установками испытуемых, целью которых было выяснить влияют ли тексты и изображения экологической проблематики на целенаправленный характер деятельности? Предложенные варианты поведенческих установок отражали разнообразный спектр поведения в отношении экотематики от активных действий до их отсутствия. Испытуемым были предложены следующие модели поведения, связанные с экологической проблематикой:

- пересмотреть свои установки по отношению к экологии;
- изменить своё повседневное мышление;
- вступить в экологические сообщества, группы;
- помочь экологическим движениям;
- заставляет ли данный материал задуматься над экологическим будущим?
- ни к чему.

Первые варианты ответов отражают активную общественную позицию индивида и желание поменять экологическую ситуацию к лучшему, путём целенаправленной деятельности или изменения своих взглядов относительно экологии. Последний вариант поведенческой установки, предложенный в опросе, фиксировал индифферентную позицию в отношении экологической проблематики – «ни к чему» данный материал не мотивирует.

Данные блоки вопросы ориентированы на три группы медиатекстов: рекламного, новостного и художественного.

Рекламные медиатексты, исходя из опроса, привлекли больше всего внимания у респондентов (65,6 %). Основная проблематика в данных медиатекстах – качество воды и её бережение, загрязнение воздуха.

Оценивая эмоциональную шкалу, то предложенный эмоциональный спектр был весьма разнообразен, однако у большинства респондентов доминировало чувство «грусти» (60,2 %). Следующий по частоте ответ – это «безразличие». Другие ответы не превышали 6 %. Рассматривая влияние рекламных медиатекстов на поведенческие и мировоззренческие установки можно отметить широкий диапазон ответов от активных действий до отсутствия таковых.

Большинство испытуемых отвечали, что увиденный рекламный текст заставляет «пересмотреть свои установки по отношению к экологии» (42 %), затем следует ответ – «изменить своё повседневное мышление» (29 %), в одинаковом процентном соотношении набрали два противоположных по своей направленности ответа – «помочь экологическим движениям» (26 %) и «ни к чему» не побуждает просмотренный материал (26 %). Оценивая воздействие рекламных медиатекстов в контексте когнитивного, аффективного и конативного воздействия, необходимо отметить важную визуальную, образную составляющую, которая влияет на восприятие экологической информации. Опрос выявил, что большинство респондентов запомнили рекламный медиатекст. На восприятие информации оказывает влияние и цветовое сопровождение рекламной информации. На стимульных материалах, представленных респондентам, встречались следующие цвета: серый (присутствует в пяти материалах), чёрный (присутствует в четырёх материалах), зелёный (в двух), голубой (в одном). Таким образом, в большей части рекламных медиатекстов используется серо-чёрное цветовое решение в создании целостного образа экологической проблематики. Часто используемый серый цвет «производит впечатление стабильности, здравого смысла, вместе с тем некоторые его оттенки унылы и способны вызывать грустные эмоции, а темно-серые оттенки – даже подавлять». Чёрный цвет, по мнению психологов, может усугубить депрессивное положение, затягивает процесс грусти и отстранённости от окружающего мира. Зелёный цвет является самым благоприятным цветом для человека, на многих людей он оказывает успокаивающее и целительное воздействие. Голубой цвет пассивен, «он выражает чувство дружелюбно-нейтралитета». При восприятии полного рекламного текста и невербальной части цветовые реакции обладают определённой степенью схожести с ответами респондентов. При восприятии вербальной части у большинства реципиентов возникает чувство «грусти», другая часть опрошенных осталась равнодушной к экологической проблеме, данный показатель выражается в выбранном, у части опрошиваемых, чувстве «равнодушие».

Вербальные (слова, предложения, звукоряд) и невербальные компоненты (видеоряд, иллюстрации, фотографии и др.) в рекламном медиатексте создают целостный образ для восприятия экологической информации, усиливая те или иные способы воздействия на аудиторию. Анализируя ответы респондентов, связанные с определением поведенческих и мировоззренческих установок, после просмотра материала по экологической проблематике, лидером является ответ – «пересмотреть свои установки по отношению к экологии» (42 %), вторым по популярности ответом было – «изменить своё повседневное мышление» (29 %). Первый и второй ответы можно оценить, как желание по-другому взглянуть на экологическую проблему и оценить степень её

важности, данный тип ответов можно отнести к пожеланиям или намерениям, не более того. Третий по популярности ответ среди опрошенных – это «помочь экологическим движениям» (26 %) и «ни к чему» не побуждает (26 %). Несмотря на противоположные, по сути ответы, их объединяет отсутствие поведенческой активности. Единственный из предложенных вариантов ответов, который демонстрировал побудительный мотив к конкретным действиям был – «вступить в экологические сообщества, группы», оказался самым невостребованным, его выбрало минимальное количество респондентов. Выявляя побудительный мотивы к действиям у опрошенных, просмотревшие экологические рекламные медиатексты, можно отметить определённую последовательность или логику поведения: желание и намерение изменить своё отношение к экологической проблеме, также желание помочь, и то и другое являются намерением, не действием. Рекламные медиатексты с экологической проблематикой не вызвали побудительной мотивации к активной деятельности. Часть опрошенных выразила своё отношение, выбирая ответ «ни к чему» не мотивирует предложенный материал, что свидетельствует об отсутствии актуальности данной проблемы у респондентов, однако говорить о полном индифферентном отношении к теме экологии говорить нельзя, так как намерение «пересмотреть свои установки по отношению к экологии» и «изменить своё повседневное мышление» среди предлагаемых ответов нашли наибольший отклик.

Далее были рассмотрены журналистские тексты. Журналистский текст имеет документальную основу. Испытуемым были предложены медиатексты экологической тематики, представленные региональными СМИ, выборка осуществлялась с учётом наиболее актуальных для области экологических проблем – это загрязнение и качество воды и воздуха. Респондентам были представлены несколько скринов статей, набравших больше количество просмотров в местных масс-медиа. Медиатекст представлял единую композицию изображения и текста, структурно выглядел следующим образом – заголовок, изображение, новостной текст. В изображениях прослеживается определённая схожесть, город окутанный сильным смогом, в первую очередь, это касается тем, связанных с загрязнением воздуха. Вопросы, предложенные испытуемым, были такие же, как и для рекламных медиатекстов, направленные на выявление эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций.

Первый вопрос был связан с выявлением внимания к журналистским экологическим медиатекстам. Материал, который запомнился больше всего (32 %), посвящён проблеме воздуха, в городе был зафиксирован сильный смог. Большая часть композиции стимула отдана изображению дымящихся труб над городом. На фоне дыма и тумана показаны дома и центральная автомагистраль. Общий фон изображения серый, напоминающий сизый дым автомобильных выхлопов. На горизонте города размыты контуры крыш домов, погруженные под туманом и смогом. Заголовок созвучен с общим фоном изображения и подкрепляется первыми строками лид-абзаца основного новостного текста, подтверждающем проблемы воздуха в городе.

Следующие материалы, которые привлекли внимание, были посвящены проблемам воды. Второй по популярности материал среди респондентов был связан загрязнением воды (19,4 %). Большая часть композиции стимула отдана изображению болотистой местности, зеленеющей мутная вода, из которой видна труба. Общий фон запустения и нечиистой составляет смысловую композицию стимульного материала. Данный материал имеет следующий заголовок – «Запах гуталина и сероводорода»: челябинец обнаружил зловонный водоём недалеко от города». Ещё один материал можно отметить как один из популярных, связанных с качеством питьевой воды с броским, даже провокационным заголовком – «Уй вам, а не воду». Большая часть композиции стимула отдана изображению городского сквера с случайным прохожим. На фоне храма и пешеходной дороги около фонаря нет никаких изображений воды. Заголовок не связан с изображением.

Лидером по просмотрам и по количеству фиксации стал материал, посвящённый проблеме воздуха, в котором был зафиксирован сильнейший выброс сероводорода. Проанализировав время фиксации в композиции журналистского медиатекста, и выявив зоны интереса, можно отметить, что больше внимания у респондентов вызывает заголовок и текст. Изображение в новостном медиатексте представляет вторичный интерес.

Второй блок вопросов нацелен на изучение эмоциональной реакции, вызванной стимульным материалом. Вопросы данного блока, должны были отразить эмоциональную шкалу негативных, нейтральных и положительных эмоций. Испытуемым была предложена та же эмоциональная шкала, что и в случае с рекламным медиатекстом. Оценивая эмоциональную шкалу респондентов, больше половины (58,1 %) отмечали чувство «грусти». Следующий по частотности ответ – это «безразличие» (21,5 %), на третьем месте было чувство «гнева» (12,9 %). Совершенно очевидно, что экологические проблемы не могут вызвать положительных эмоций, поэтому ответы в большей степени характеризовали отрицательные эмоции.

Третий блок вопросов был связан с поведенческими установками испытуемых. Предложенные варианты поведенческих установок были точно такие же, как и для рекламных медиатекстов. Прослеживается некоторое совпадение и в ответах, на первом месте по популярности был ответ – «пересмотреть свои установки по отношению к экологии» (41 %), второй по популярности ответ – «ни к чему» не побуждает (30 %), на третьем месте – «изменить своё повседневное мышление» (25 %). Когнитивно-поведенческий компонент в данном блоке опроса продемонстрировал низкую мотивационную активность.

Третья группа экологических медиатекстов – это художественные. Экопоэтика является реакцией человеческой культуры на изменения в пространстве, или шире – окружающей среды. Для данного исследования были отобраны материалы трёх профессиональных писателей и трёх непрофессиональных авторов из сообщества в социальной сети «ВКонтакте», посвящённые экологической проблематике. У всех шести стихотворений ключевой является тема проблем с экологией, все стихотворения посвящены челябинскому локусу. Лидером опроса в первом блоке вопросов является материал, посвящённый необходимости обращения к проблемам окружающей среды её бережному отношению, стихотворение небольшое 8 строк (28 %). Автор

привлекает внимание с помощью риторических вопросов, императивных и побудительных предложений, использования топонимов. Второй по популярности поэтический материал, который привлёк внимание принадлежит непрофессиональному поэту, выражающему свою любовь к родной природе и обеспокоенному проблемами экологии (18 %). Третьим лидером стал стимульный материал, в котором автор выражает переживание за неблагоприятную экологическую обстановку, которая влияет на здоровье людей (16 %).

Второй блок вопросов, выявляющий эмоциональную реакцию на экопоэтику, отразил негативные и нейтральные эмоции у респондентов. Так лидером в вопросе – «какие эмоции вызывает данный материал?» является чувство «грусти» (47,3 %), второй по популярности ответ был связан с нейтральным чувством – «безразличия» (34,4 %), на остальные ответы приходится меньше пяти процентов. Указанные эмоции были выбраны респондентами во всех группах медиатекстов (рекламного, журналистского, художественного).

Последний блок вопросов направлен на выявление поведенческих установок испытуемых, после просмотра и прочтения текстов, изображений экологической проблематики. Варианты ответов, предложенные респондентам, отражали разнообразный спектр поведения от активных действий до их отсутствия. Лидером среди ответов был – данный материал «ни к чему» не побуждает (42 %), на втором месте был ответ – «пересмотреть свои установки по отношению к экологии» (28 %) и третий по популярности ответ – «изменить своё повседневное мышление» (26 %). Поведенческий компонент в данном блоке опроса продемонстрировал самую низкую мотивационную активность, что наглядно продемонстрировано в ответе данный материал «ни к чему» не побуждает, среди всех групп медиатекстов, именно художественный текст вызвал низкую мотивационную активность. При этом понимание важности экологической тематики проявляется у большинства респондентов в намерении изменить своё отношение к экологической проблеме, а на вопрос – «заставляет ли данный материал задуматься над экологическим будущим?», большинство респондентов ответило положительно.

Выводы. Исследование разных групп медиатекстов экологической проблематики направлено на выявление воздействия медиа на восприятие, сознание, поведение показало определённые тенденции и алгоритмы восприятия. Визуальная информация (рекламные медиатексты) представляет наибольший интерес у аудитории, так по результатам айтрекинг-исследования и опроса наиболее запоминающимся оказались рекламные тексты экологической направленности. А первую очередь благодаря композиционно-структурным элементам – ярким визуальным образам, узнаваемым символам и грамотному цветовому решению. В новостных материалах журналистских медиатекстов изображение и заголовок привлекает больше внимания, чем основной текст, а в поэтических медиатекстах наибольшее внимание привлекает топонимика как экологический маркер конкретного локуса.

Выявляя поведенческие установки молодежной аудитории, также прослеживается совпадение в ответах разных типов медиатекста, большинство выразили намерение «пересмотреть свои установки по отношению к экологии» и «изменить своё повседневное мышление». Отмечается низкая мотивационная активность в аспекте реальных действий по решению экологических проблем.

Список источников

1. Анисимова А. С. Интернет-отношения в современном обществе: проблемы упорядочения // Вестник Волгоградского университета. 2016. № 1. Серия 5. С. 58–67.
2. Базилова Б. А. Цвет и психика : монография. Харьков : ХГАК, 2001. С. 44.
3. Буренкова О. А. Влияние цвета на психофизиологическое состояние личности // Успехи современного естествознания. 2013. № 10. С. 153–154.
4. Беннетт В. Коммуникация глобального активизма // Информация, коммуникации и общество. 2003. Т. 6, № 2. С. 143–168.
5. Добринская Д. Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 21–40.
6. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 145–152.
7. Есина Е. А. Экологическая проблематика в современных СМИ и перспективы их развития в экологическом аспекте // Вестник экологического образования в России. 2015. Т. 4. С. 14–18.
8. Жбанникова О. Д. Формы и методы освещения экологических проблем в российских интернет-ресурсах. Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2016. 62 с.
9. Ивлиев П. В., Кошелюк Б. Е. Деятельность СМИ в освещении экологических проблем // Закон и право. 2021. № 7. С. 58–62.
10. Калинина Н. В. Место экологической журналистики в современной медиасфере // Вестник АмГУ. 2016. Вып. 72. С. 16–21.
11. Лободенко Л. К., Баштанар И. М. Лексико-стилистические особенности аналитических жанров медиатекстов региональных интернет-СМИ // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 13, № 4. С. 46–52.
12. Лю Ю., Ли Х. Проэкологическое поведение, прогнозируемое воздействием СМИ, участием социальных сетей, а также когнитивными и нормативными факторами // Экологическая коммуникация. 2021. С. 1–15.
13. Перевозова О. В., Чердынькова А. Б. Стилистические особенности экологических текстов региональных интернет-СМИ: проблемы и перспективы // Наука и образование в XXI веке : мат-лы III Междунар. научно-практ. интернет-конф. (18 февраля 2022 г.). Нур-Султан, 2022. С. 29–32.

14. Перезовова О. В., Харитоновна О. Ю. Контент-анализ интернет-СМИ по экологической проблематике: региональный аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2022. Т. 22, № 2. С. 102–109.
15. Слоутер В. Переосмысление экологического активизма в постсетевую эру // Экологическая коммуникация. 2008. Т. 2, № 2. С. 212–228.
16. Шаркова Е. А. Экологическая журналистика в регионе риска // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 264–269.

References

1. Anisimova A. S. Internet-otnosheniya v sovremenном obshchestve: problemy uporyadocheniya. Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 5. 2016;(1):58–67.
2. Bazyma B. A. Cvet i psihika. Har'kov: HGAK. 2001:44.
3. Burenkova O. A. Vliyanie cveta na psihofizilogicheskoe sostoyanie lichnosti. Uspekhi sovremenного estestvoznaniya. 2013;(10):153–154.
4. Bennett V. Kommunikaciya global'nogo aktivizma. Informaciya, kommunikacii i obshchestvo. 2003;6(2):143–168.
5. Dobrinskaya D. E. Sociologicheskoe osmyslenie interneta: teoreticheskie podhody k issledovaniyu seti. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016;(3):21–40.
6. Dridze T. M. Social'naya kommunikaciya kak tekstovaya deyatel'nost' v semiosociopsihologii. Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1996;(3):145–52.
7. Esina E. A. Ekologicheskaya problematika v sovremennyh SMI i perspektivy ih razvitiya v ekologicheskом aspekte. Vestnik ekologicheskogo obrazovaniya v Rossii. 2015;(4):14–18.
8. Zhbannikova O. D. Formy i metody osveshcheniya ekologicheskikh problem v rossijskikh internet-resursah. Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet. 2016:62.
9. Ivliev P. V., Koshelyuk B. E. Deyatel'nost' SMI v osveshchenii ekologicheskikh problem. Zakon i pravo. 2021;(7)58–62.
10. Kalinina N. V. Mesto ekologicheskoy zhurnalistiki v sovremennoj mediasfere. Vestnik AmGU. 2016;(72):16–21.
11. Lobodenko L. K., Bashtanar I. M. Leksiko-stilisticheskie osobennosti analiticheskikh zhanrov mediatekstov regional'nyh internet-SMI. Vestnik YUUrGU. Seriya: Lingvistika. 2016;13(4):46–52.
12. Lyu YU., Li X. Proekologicheskoe povedenie, prognoziruемое vozdeystviem SMI, uchastiem social'nyh setej, a takzhe kognitivnymi i normativnymi faktorami. Ekologicheskaya kommunikaciya. 2021:1–15.
13. Perezovova O. V., CHerednyakova A. B. Stilisticheskie osobennosti ekologicheskikh tekstov regional'nyh internet-SMI: problemy i perspektivy. «Nauka i obrazovanie v HKHI veke». Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy internet-konferencii (18 fevralya 2022). Nur-Sultan, 2022:29–32.
14. Perezovova O. V., Haritonova O. Yu. Kontent-analiz internet-SMI po ekologicheskoy problematike: regional'nyj aspekt. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvenного universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. 2022;22(2):102–109.
15. Slouter V. pereosmyslenie ekologicheskogo aktivizma v postsetevuyu eru. Ekologicheskaya kommunikaciya. 2008;2(2):212–228.
16. Sharkova E. A. Ekologicheskaya zhurnalistika v regione riska. Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2012;(1):264–269.

Информация об авторах

О. В. Перезовова – кандидат педагогических наук, доцент.

Е. В. Возилова – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

O. V. Perezovova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

E. V. Vozilova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 20.08.2022.

The article was received in the editorial office on 08.07.2022; approved after review on 12.08.2022; accepted for publication 20.08.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 62–69.

Humanitarian Researches. 2022;4(84):62–69.

Научная статья

УДК 003.86+811.133.1

Doi: 10.54398/18184936_2022_4_62

**Проблемы передачи графических и пунктуационных средств
в переводе песенного текста¹**

Марина Ильинична Свешникова¹, Елена Игоревна Сернова²

^{1,2}Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹mshveshnikva@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5630-9267>

²eis67@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме передачи пунктуационно-графической организации песенного текста в переводе. Анализируются переводы песен с французского языка на русский и с русского языка на французский. Показано, что тексты песен оформляются по особым правилам, так как они относятся к песенному дискурсу и представляют особый тип текста, частично креолизованный текст, как фиксация вербально-невербального произведения в устной форме. Графически-пунктуационное оформление песенного текста должно соответствовать музыкальной мелодии в строчно-слоговой партитуре, что не всегда сохраняется при переводе песни на другой язык.

Ключевые слова: песенный текст, перевод, графика текста, пунктуация, строчно-слоговая партитура

Для цитирования: Свешникова М. И., Сернова Е. И. Проблемы передачи графических и пунктуационных средств в переводе песенного текста // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 62–69. http://dx.doi.org/10.54398/18184936_2022_4_62.

Original article

**Problems of transfer of graphic and punctuation means
in the translation of the song text**

Marina I. Sveshnikova¹, Elena I. Sernova²

^{1,2}Astrakhan State University named after V. N. Tatischev, Astrakhan, Russia

¹mshveshnikva@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5630-9267>

²eis67@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of transmitting the punctuation-graphic organization of the song text in translation. Translations of songs from French into Russian and from Russian into French are analyzed. It is shown that the lyrics are formed according to special rules, since they relate to song discourse and represent a special type of text, partially creolized text, as a fixation of a verbal-nonverbal work in oral form. The graphic and punctuation design of the song text should correspond to the musical melody in the line-syllabic score, which is not always preserved when a song is translating into another language.

Keywords: song text, translation, text graphics, punctuation, line-syllabic score

For citation: Sveshnikova M. I., Sernova E. I. Problems of transfer of graphic and punctuation means in the translation of the song text. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):62–69. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.54398/18184936_2022_4_62.

Песня – это наиболее знакомое каждому человеку художественное произведение. Исполнение песен сопровождает нас практически с рождения в различных вариантах, начиная от маминой колыбельной до тяжёлого рока. Во время учёбы песенный материал часто используется учителями, особенно, при обучении иностранным языкам, так как считается, что аутентичные песни помогают учащимся легче усваивать грамматические формы, новые слова, запоминать и воспроизводить нужные ритм и интонацию иностранной речи [8, с. 235]. Песня является и наиболее распространённой формой вокальной музыки, которая объединяет легко запоминающуюся мелодию и текст. В широком значении песня включает в себя всё, что поётся, в узком значении песня – это малый лирический стихотворный жанр, характеризующийся простотой музыкально-словесного строя и существующий в культуре всех народов [10, с. 302]. Некоторые исследователи так и считают, что песенные тексты на данном этапе развития культуры фактически выполняют функции лирической поэзии [18, с. 120]. При этом не стоит забывать, что песня оказывает огромное влияние на слушателя, на его сознание, даже на мировоззрение. Слушая песню и воспринимая текст, мы вынуждены обращаться к своим общим знаниям, для того чтобы правильно интерпретировать услышанное. Песня, содержащая ценности духовной культуры, формирует модели поведения и транслирует их последующим поколениям [25, с. 256].

Однако, несмотря на распространённость и воспроизводимость песен, следует особо указать на достаточно сложную организацию таких произведений. Песня выступает единством вербального и невербального знаков, реализуемых музыкальной, звуковой сущностью [15, с. 467],

являясь продуктом специфического песенного дискурса, который представляет собой составную часть культурного пространства любого этноса. Преимущественно монологическое, реже хоровое, или комбинированное исполнение в устной форме вызывает отклик у слушателей, то есть приводит к особому рода коммуникации, когда результат воздействия на адресата, даже скорее на его подсознание, требует декодирования на различных уровнях восприятия [23, с. 132]. Кодом для песенной коммуникации, безусловно, является музыкальное произведение, комплекс вербально-невербальных элементов. Вербальными элементами служат тексты песен, содержащие передаваемую информацию, а невербальность отражается в экстралингвистических параметрах отправителя сообщения. Музыкальный жанр, характер исполнения, поведение музыкантов, цели передачи сообщения, характер публики – все это несёт дополнительные сведения, без которых декодирование невозможно [15, с. 269]. Адресат песни воспринимает и анализирует текст только после восприятия музыкальной составляющей. Поэтому можно понять нейтральное отношение слушателей к недостаткам стихотворных текстов – в сочетании с мелодическим компонентом они незаметны, однако без музыкального сопровождения их недостатки более очевидны [10, с. 303–304].

Трудность исследования песенных текстов состоит именно в том, что они представляют собой сложное единство музыкального и вербального компонентов [18, с. 3], само существование которого зависит от звукового (устного) воплощения. В тексте может выделяться ритмическая структура и звуковая организация, структура тематических регрессий, структура связности сверхфразовых единств, информационная структура, денотативная структура и т.д. Е. С. Кубрякова, Г. П. Мельников [12, с. 23] рассматривают структуру как совокупность элементов + множества отношений между ними. Структура, по их мнению, представляет собой исключительно сеть отношений и связей, т.е. схему отношений. Структура, сводимая к схеме отношений, является составной частью системы; система, помимо признака «наличие структуры», включает и предлагает другие, не менее важные характеристики: «целостность», воплощённость структуры в определённую субстанцию и наличие общей функции у системы как целого [12, с. 23–24], что очень важно именно в таком сложном «лёгком» жанре, как песня.

Несмотря на свою многовековую популярность, песня не является изученной в полной мере в связи со сложностями, возникающими при исследовании её музыкальной составляющей и её междисциплинарным положением. Следует отметить, что песню, как и некоторые другие типы текстов, достаточно сложно точно классифицировать: на сегодняшний день не существует детальных характеристик и однозначного описания песенных текстов, что предполагает необходимость дальнейшей разработки данной проблематики.

Многие исследователи рассматривают песню, как креолизованный текст, то есть единство мелодического и вербального компонентов, которые взаимодополняют друг друга. Креолизованные тексты могут быть текстами с частичной креолизацией и текстами с полной креолизацией [5, с. 127–128]. Считается, что песня представляет собой текст с частичной креолизацией, поскольку её составляющие могут существовать самостоятельно: мелодии песен иногда исполняются инструментально, без слов, а тексты могут издаваться как поэтические сборники [10, с. 303]. Также стоит отметить и некоторую специфику поэтических текстов, лежащих в основе песен: так, среди текстов песенного дискурса практически нет полностью нарративных текстов, редко используются нерифмованные тексты, практически постоянна структура текста (куплеты и повторяющийся после каждого куплета припев) и т.д. По мнению З. В. Русляковой [20, с. 13] вся система связи, выходящая за рамки одного предложения формирует дискурсивную связность. Связность, по мнению автора, является условием дискурсивной цельности, которая представляет собой характеристику всего микро- или макротекста как единого законченного целого. Связность элементов в таком небольшом по объёму тексте, как песня, играет большое значение и для внутренней организации, и для последующего целостного слухового восприятия адресатом.

Несмотря на то, что песня задумывается и создаётся в письменной форме, её исполнение происходит, как мы уже указывали, в звуковом варианте. Причём звуковой ряд представляет взаимодействие нескольких ритмов: музыкального и артикуляционно-стихового. При этом каждый из этих разноплановых рядов существует по своим законам [7, с. 360–361]. Текст песни должен соответствовать музыкальной мелодии. Для этого он должен быть специальным образом организован, но средства организации имеют разную природу в разных аспектах текста – в графическом и фонетическом. В графическом аспекте [23, с. 133] (записанный текст) средствами внутренней и внешней организации могут быть: знаки препинания; пробелы между словами, заглавная буква в начале предложения; «красная строка» в начале абзаца, расстояние между поэтическими строфами. В фонетическом аспекте (произносимый текст) используются: паузы (остановки), в том числе для взятия дыхания; особые ритмические окончания: группы слогов с определённым положением ударения; поэтические рифмы (одна из функций рифм – выделение окончания стиха); изменения речевой интонации (обычно понижение, иногда – повышение) [22, с. 105].

Текст, положенный на музыку получает специфическое членение уже под воздействием музыкальных факторов [22, с. 149]. И здесь графика, даже если в поэтическом тексте она вторична, (обусловлена внутренними закономерностями структуры текста), имеет первостепенное значение. Если в поэтическом тексте ведущую роль в членении текста играют пунктуационные знаки, то в песенном тексте главенствующую позицию занимает графическое оформление текста с разграничением строк и строф. Запись же текста с музыкальным (нотным) сопровождением существенно отличается даже от стихотворного варианта. На примере старинной песни «Vive Henri IV» [29] можно увидеть, как текст раскладывается по нотному стану (см. Рис. 1).

Vive Henri IV
 Vive Henri IV
 Vive ce roi
 vaillant!
 Vive Henri IV
 Vive ce roi
 vaillant!
 Ce diable à
 quatre
 A le triple talent
 De boire de
 battre
 Et d'être un vers
 galant.

Vive Hen-ri qua-tre, Vi-ve ce roi vail-lant! Ce diable à qua-tre A
 le tri-ple ta-lent De boire et de bat-tre, Et d'être un vert ga-lant!

Рис. 1. Ноты с текстом французской песни «Vive Henri IV»

Стоит обратить внимание на то, что в обычном тексте песни использование пунктуационных средств довольно ограничено, что нельзя сказать о развёртывании текста с нотным сопровождением. Именно в таком варианте записи песни мы видим особое расположение пунктуационных знаков, что очень важно для французского языка: запятая после нечитаемой буквы «e» перед союзом *et*, что несвойственно французской пунктуации, маркирует произнесение факультативного звука «e» для заполнения музыкального такта: *battre, Et*.

Этот вариант можно назвать строчно-слоговой партитурой, которая позволяет певцу правильно распределить текст по музыкальной мелодии, разложить слоги по соответствующим тактам, зафиксировать дыхательные группы и паузы. Музыка вступает в синтез с текстом, и образуется весьма сложная, многоплановая система членения [22, с. 166]. Словесный текст – поэтический или прозаический – имеет собственную ритмическую организацию, которая обладает специфическими особенностями. В музыке ритмическая организация имеет принципиально другую природу, так как важнейшая особенность этого вида искусства – фиксация длительностей, ясная соотносённость их друг с другом [22, с. 184]. Поэтому для песенного текста очень важны маркеры не только смыслового, но и мелодического (музыкального) членения.

Особое значение для создания, восприятия и интерпретации текста имеет пунктуация и средства её репрезентации [9, с. 244]. Пунктуация есть графическое изображение интонационного рисунка высказывания. В данной работе, вслед за А. А. Реформатским, под *пунктуацией* понимается совокупность знаков препинания, пробелов, абзацев, шрифтовых выделений, а также расположение текста на плоскости [27, с. 214]. Элементы интонации – мелодика речи, паузы, логическое ударение [2, с. 26] – в письменной речи передаются именно пунктуационными знаками, что особенно важно в поэтическом и песенном тексте, на что указывают многие исследователи.

А. А. Корниенко [11, с. 238–269], анализируя формально-типографические особенности текстовой структуры, выделяет пробелы (красной строки и внутри абзаца), курсив, жирный шрифт, астериск, немаркированность текстовых сегментов, и считает, что они выполняют текстообразующую функцию. По её мнению, данные типографические средства также значимы, как и лексико-синтаксические, т.к. принимают участие в порождении смысла текста и поэтому являются полноценными лингвистическими знаками. Система позиций и совокупность знаков, их фиксирующих (или снимающих) в конкретном речевом произведении связывает потенциальный ритмо-мелодический, лексический, синтаксический уровни, в единстве целенаправленно выражает общую установку, замысел, поддерживает образный строй, создаёт эмоциональный регистр и выявляет суггестивный потенциал текста [9, с. 249–250]. А. Б. Шапиро [27, с. 78] указывает на то, что пишущие иногда ставят знаки пунктуации, не считаясь с общепринятым их употреблением. При этом возможна различная степень отступления от установленных правил. По его мнению, пока отступления остаются в пределах, не препятствующих общению пишущего с читающим, т.е. не приводящих к затруднённому или превратному пониманию написанного, пунктуация продолжает выполнять свою основную социальную функцию. Вполне правомерно предположить, что каждый художественный текст, написанный рукой Мастера, имеет свою пунктуационную стратегию и пунктуационную тактику, обнаружение которых даёт внимательному взору возможность воспринимать художественную модель мира в представленном художником ракурсе [9, с. 252]. Однако в песенном тексте расположение пунктуационных средств приобретает особое значение: это своеобразные сигналы исполнителю для правильного членения текста. Поэтому, хотя графика текста не рассматривается как один из уровней языка, т.к. предложение не сегментируется на знаки препинания, а только маркируется ими, и фонемы не образуются буквами, в поэтических и песенных текстах используются различные графические стилистические приёмы. Это использование различных средств пунктуации, использование заглавных букв, особенностей шрифта, расположение текста на странице, деление текста на строфы. Особенно важное место в ряду графических стилистических средств занимает пунктуация, поскольку наряду с функцией членения предложения на составляющие его синтаксические части, членением текста на предложения и указанием общей характеристики предложения (вопрос, восклицание, утверждение) пунктуация указывает и многие элементы, важные в эмоционально-экспрессивном отношении, например, эмоциональные паузы, иронию, и многое другое [1, с. 216].

Ещё большее значение такие маркеры и графические приёмы имеют в переводе песенного текста, так как музыкальное исполнение требует безусловного совпадения текста с музыкой

на слоговом уровне. И это при том, что поэтический перевод сложнее прозаического именно потому, что очень трудно, сохраняя содержание, одновременно сохранить размер и рифму. Лексические соответствия словам исходного языка в переводящем языке чаще всего не рифмуются и могут иметь совершенно иную смысловую и акцентную структуру [13, с. 314]. Но даже если есть техническая возможность сохранить размер, различия в длине слов заставляют стих звучать по-разному. Перевод без понимания тема-рематического и грамматического членения предложения текста оригинала также неосуществим [17, с. 440]. Мы можем увидеть такие расхождения, зафиксированные в тексте на примере перевода одной из песен Беранже «Le sénateur» [3, с. 34].

Le sénateur
 Mon épouse fait ma gloire :
 Rose a de si jolis yeux !
 Je lui dois, l'on peut m'en croire,
 Un ami bien précieux.
 Le jour où j'obtins sa foi,
 Un sénateur vint chez moi.
 Quel honneur!
 Quel bonheur !
 Ah ! monsieur le sénateur,
 Je suis votre humble serviteur.

Знатный приятель
 Я всей душой к жене привязан;
 Я в люди вышел... Да чего!
 Я дружбой графа ей обязан.
 Легко ли! Графа самого!
 Делами царства управляя,
 Он к нам заходит, как к родным.
 Какое счастье! Честь какая!
 Ведь я червяк в сравненье с ним!
 В сравненье с ним,
 С лицом таким –
 С его сиятельством самим!

Сравнивая оригинальный текст и перевод В. Курочкина [4, с. 17], можно заметить расхождения в оформлении и членении текста: смена размерного ряда, увеличение количества стоп, замена пунктуационных знаков, перекомпоновка строк, разноплановое начало строки в конце куплета.

В музыкальном произведении (романс А. Даргомыжского «Червяк» [26]) строчно-слоговая партитура соответствует членению только текста перевода на русский язык (см. Рис. 2). Оригинальный французский текст подобной трансформации не поддаётся, чтобы спеть его на музыку А. Даргомыжского, необходимы значительные изменения.

Рис. 2. Ноты романса А. Даргомыжского «Червяк» со строчно-слоговой партитурой текста

Чтобы перевод песни можно было исполнить в музыкальном формате, строчно-слоговая партитура оригинального текста и текста перевода должны полностью совпадать. В качестве примера можно процитировать фрагмент песни «Tout va très bien, Madame la Marquise» [28, с. 19] из её перевода на русский язык, который прочно обосновался в нашей эстрадной культуре.

A pein' fut-il rev'nu de sa surprise
 Que M'sieur l'Marquis s'est suicidé,
 Et c'est en ramassant la pell'
 Qu'il renversa tout's les chandell's,
 Mettant le feu à tout l'château
 Qui s'consuma de bas en haut ;
 Le vent soufflant sur l'incendie,
 Se propagea sur l'écurie,
 Et c'est ainsi qu'en un moment
 On vit périr votre jument !

Не вынес он подобного сюрприза
 И застрелился в тот же час.
 Упавши мёртвым у печи,
 Он опрокинул две свечи,
 Попали свечи на ковёр,
 И запылал он, как костёр,
 Погода ветреной была –
 Ваш замок выгорел дотла.
 Огонь усадьбу всю спалил,
 А с ней конюшню охватил.

Примечательно, что в этом фрагменте во французском тексте отмечены случаи выпадения гласной «е», так как речитатив этой части песни произносится в быстром темпе и не все гласные получают тактовое выражение в музыкальной мелодии. Текст перевода [14, с. 40] полностью совпадает с таким вариантом текста по числу слогов и полностью соответствует музыкальной мелодии [6] (см. Рис. 3).

Рис. 3. Строчно-слоговая партитура фрагмента песни «Всё хорошо, прекрасная Маркиза!»

В переводе русских песен на французский язык (если предполагается их музыкальное исполнение) необходимо учитывать графическое расположение текста по строчно-слоговой партитуре на родном языке. Это позволит правильно распределить слоги по мелодическому ряду и найти подходящие аналоги для передачи звукового ряда. В качестве примера можно процитировать фрагмент романа П. Булахова «Нет, не люблю я вас» [21, с. 180–181].

Нет, не люблю я вас
 Нет, не люблю я вас, да и любить не
 стану!
 Коварных ваших глаз не верю
 я обману.
 Остыл огонь души и сердце
 охладело!
 Вы очень хороши, да мне какое
 дело!...

Je ne veux plus aimer
 Je ne veux plus aimer, vous n'avez pas de chance,
 En vos yeux, à jamais, je n'ai plus de confiance.
 Le feu s'éteint dans l'âme, le cœur est froid, – que
 faire!
 Vous êtes une très belle dame, ce n'est plus mon
 affaire!...

Текст перевода на французский язык [21, с. 45] полностью совпадает по строчно-слоговой партитуре [16]. Однако, для этого была произведена существенная перегруппировка и расширение текста ввиду того, что слова во французском языке значительно короче, чем в русском.

На строчно-слоговой партитуре хорошо видно, насколько текст на французском языке совпадает с русским оригиналом по звуковому отражению (см. Рис. 4).

НЕТ, НЕ ЛЮБЛЮ Я ВАС

Музыка П. Булахова
Слова Зименко

Умеренно

1. Нет, не люб-лю я вас, да и лю-бить не
Je ne veux plus ai-mer, vous n'a-vez pas de
ста-ну! Коварных ва-ших глаз не
chan-se, En vos yeux, à ja-mais, je
ве-рю я об-ма-ну. О-стыл о-гонь ду-
n'ai plus de con-fian-ce. Le feu s'é-teint dans
-ши, и серд-це о-хла-де-ло!
l'âme, le cœur est froid,-que fai-re!
Вы о-чень хо-ро-ши, да мне ка-ко-е
Vous êtes une très belle dame, ce n'est plus mon a-
де-ло!.. 2. По-ра мне по-бе-
ffai-re!..

Рис. 4. Строчно-слоговая партитура перевода романса «Нет, не люблю я вас!»

Таким образом, при переводе важно сохранять не только значение каждой фразы, но и её интонационный строй, который на письме маркируется графическо-пунктуационными средствами, и, как результат, находят созвучность поэтическая лирика русского и французского языков.

Список источников

1. Байгазиев Д. Т. Лингвостилистические особенности песенного дискурса в английском и кыргызском языках // Известия вузов. 2014. № 1. С. 216–218.
2. Байшашева К. У., Бекбаева В. К. Пунктуация как графическое изображение выразительного чтения // Magyar Tudomány Journal. 2020. № 38.
3. Беранже П.-Ж. Избранное. На франц. яз. Москва : Прогресс, 1980. 422 с.
4. Беранже П.-Ж. Избранное. Москва : Правда, 1979. 592 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста. Москва : Логос, 2003. 173 с.
6. Все хорошо, прекрасная маркиза! Французская песенка // Стихи (перевод с французского) А. Везыменского. URL: www.notarhiv.ru.
7. Гавриков В. А. Русская песенная поэзия второй половины XX – начала XXI веков как текст (проблема взаимодействия литературы с другими видами искусства) : дис. ... д-ра филол. наук. Москва : Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, 2011. 633 с.
8. Игнатовская О. А. Музыка как средство развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся // Сборник материалов Международного научного конгресса «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы». Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2016. С. 234–237.
9. Кольцова Л. М. Текстовая пунктуация и её содержательные свойства // Cuadernos de Rusfstica Espaiola. 2004. № 1. С. 243–254.
10. Копачева А. Р., Норкина А. С. Песня как разновидность креолизованного текста / А. Р. Копачева, А. С. Норкина // Материалы VII Междунар. науч. конф. «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах». Челябинск. 2014. С. 302–305.
11. Корниенко А. А. Современная французская новелла в поисках новых форм. Пятигорск : ПГЛУ, 2000. 292 с.
12. Кубяркова Е. С., Мельников Г. П. О понятиях языковой системы и структуры языка // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. Москва : Высшая школа, 1972. С. 23–27.
13. Ломова Е. А. Специфика и особенности поэтического художественного перевода // Русский язык и культура в зеркале перевода : мат-лы II междунар. науч. конф. Москва : Высшая школа перевода МГУ, 2010. С. 314–319.
14. Любовь нечаянно нагрянет : От Утесова до... Москва : ООО Ламанд Энттерпрайсиз, 1999. 416 с.
15. Маркович Л. Б. Песенный дискурс как коммуникативный процесс // Горизонты современной русистики : сб. ст. Междунар. науч. конф., посвященной 90-летию юбилею академика В. Г. Костомарова (30–31 января 2020 г.). Москва : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 466–471.

16. Нет, не люблю я вас // Слова Зименко. URL: www.notarhiv.ru.
17. Павлова А. В. Фразовое ударение в аспекте перевода (на русско-немецком материале) // Материалы II международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода». Москва : Изд. Высшая школа перевода МГУ, 2010. С. 439–442.
18. Плотницкий Ю. Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 24 с.
19. Реформатский А. А. Лингвистика и полиграфия // Культура и письменность Востока, 1993. С. 214.
20. Русякова З. В. Корневой повтор в синтаксических конструкциях современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1981. 16 с.
21. Русские романсы и песни в переводе на французский язык: учебное пособие / Сост. М.И. Свешникова. Астрахань : Изд. Дом «Астраханский государственный университет», 2014. 99 с.
22. Рымко Г. А. Теоретические проблемы тексто-музыкальной формы : дис. ... канд. искусствоведения. Москва : Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, 2013. 375 с.
23. Свешникова М. И., Сернова Е. И. Проблемы пунктуации в переводе стихотворной пьесы с русского языка на французский // Гуманитарные исследования. – 2022. № 1. С. 131–137.
24. Такун Ф. И. Славянский базар. Москва : Современная музыка, 2005. 510 с.
25. Хорошева Е. А., Савина Е. В. Особенности передачи русскоязычного песенного дискурса во французской культуре // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 3 (34). С. 256–268.
26. Червяк. Комическая песня / Слова В. Курочкина (из Беранже). URL: www.notarhiv.ru.
27. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. Москва : Просвещение, 1955. 231 с.
28. Tout va très bien, Madame la Marquise / Paroles et musique: Paul Misraki // La Langue Française. 2002. № 3. С. 19.
29. Vive Henri IV. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0_%D0%B7%D0%B4%D1%80%D0%B0%D0%B2%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83%D0%B5%D1%82_%D0%93%D0%B5%D0%BD%D1%80%D0%B8%D1%85_IV.

References

1. Bajgaziev D. T. Lingvostilicheskie osobennosti pesennogo diskursa v anglijskom i kyrgyzskom yazykah. *Izvestiya vuzov*. 2014(1):216–218.
2. Bajshasheva K. U., Bekbaeva V. K. Puntuaciya kak graficheskoe izobrazhenie vyrazitel'nogo chteniya. *Magyar Tudományos Journal*. 2020;(38).
3. Beranzhe P.-Zh. *Izbrannoe. Na franc. yaz.* Moscow: Progress. 1980:422.
4. Beranzhe P.-Zh. *Izbrannoe.* Moscow: Pravda. 1979:592.
5. Valgina, N. S. *Teoriya teksta.* Moscow: Logos. 2003:173.
6. Vse horosho, prekrasnaya markiza! Francuzskaya pesenka. *Stihi (perevod s francuzskogo) A. Vezymenskogo.* URL: www.notarhiv.ru.
7. Gavrikov V. A. *Russkaya pesennaya poeziya vtoroj poloviny XX – nachala XXI vekov kak tekst (problema vzaimodejstviya literatury s drugimi vidami iskusstva).* Moscow: Institut mezhdunarodnogo prava i ekonomiki im. A. S. Griboedova. 2011:633.
8. Ignatovskaya O. A. *Muzyka kak sredstvo razvitiya inoyazychnoj kommunikativnoj kompetencii obuchayushchihhsya. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa «Inostrannaya filologiya. Social'naya i nacional'naya variativnost' yazyka i literatury».* Simferopol': KFU im. V. I. Vernadskogo. 2016:234–237.
9. Kol'cova L. M. *Tekstovaya puntuaciya i eyo soderzhatel'nye svojstva.* Cuadernos de Rusfstica Espaiola. 2004;(1):243–254.
10. Kopacheva A. R., Norkina A. S. *Pesnya kak raznovidnost' kreolizovannogo teksta. Materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. « Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah».* Chelyabinsk. 2014:302–305.
11. Kornienko A. A. *Sovremennaya francuzskaya novella v poiskah novyh form.* Pyatigorsk: PGLU. 2000:292.
12. Kubyarkova E. S. i dr. *O ponyatiyah yazykovoj sistemy i struktury yazyka. Obshchee yazykoznanie. Vnutrennyaya struktura yazyka.* Moscow: Vysshaya shkola. 1972:23–27.
13. Lomova E. A. *Specifika i osobennosti poeticheskogo hudozhestvennogo perevoda. Materialy II mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda».* Moscow: Vysshaya shkola perevoda Publ., MGU. 2010:314–319.
14. Lyubov' nechayanno nagryanet: Ot Utesova do... Moscow: OOO Lamand Enterprajsiz. 1999:416.
15. Markovich L. B. *Pesennyj diskurs kak kommunikativnyj. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 90-letnemu yubileyu akademika V. G. Kostomarov (30–31 yanvarya 2020 g.) «Gorizonty sovremennoj rusistiki».* Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina. 2020:466–471.
16. Нет, не люблю я вас. URL: www.notarhiv.ru.
17. Pavlova A. V. *Frazovoe udarenie v aspekte perevoda (na russko-nemeckom materiale). Materialy II mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda».* Moscow: Vysshaya shkola perevoda Publ., MGU. 2010:439–442.
18. Plotnickij Yu. E. *Lingvostilicheskie i lingvokul'turnye harakteristiki angloyazychnogo pesennogo diskursa. Avtoref. diss. ...kand. filol. Nauk. Samara. 2005:24.*
19. *Reformatskij A. A. Lingvistika i poligrafiya. Kul'tura i pis'mennost' Vostoka.* 1993:214.
20. *Ruslyakova Z. V. Kornevoj povtor v sintaksicheskijh konstrukcijah sovremennogo anglijskogo yazyka. Avtoref. dis. ... kand.filol.nauk. Moscow. 1981:16.*
21. *Russkie romansy i pesni v perevode na francuzskij yazyk: uchebnoe posobie. Sost. M. I. Sveshnikova. Astrahan': «Astrahanskij gosudarstvennyj universitet» Publ. 2014:99.*

22. Rymko G. A. Teoreticheskie problemy teksto-muzykal'noj formy. Diss... kandidata iskusstvovedeniya. Moscow: Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya imeni P.I.Chajkovskogo. 2013:375.
23. Sveshnikova M. I., Sernova E. I. Problemy punktuacii v perevode stihotvornoj p'esy s russkogo yazyka na francuzskij. Gumanitarnye issledovaniya. Astrahan'. 2022;(1):131–137.
24. Takun F. I. Slavyanskij bazaar. Moscow: Sovremennaya muzyka. 2005:510.
25. Horosheva E. A., Savina E. V. Osobennosti peredachi russkoyazychnogo pesennogo diskursa vo francuzskoj kul'ture. Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2019;3(34):256–268.
26. Chervyak. Komicheskaya pesnya. Slova V. Kurochkina (iz Beranzhe). URL: www.notarhiv.ru.
27. Shapiro A. B. Osnovy russkoj punktuacii. Moscow: Prosveshchenie. 1955:231.
28. Tout va très bien, Madame la Marquise. Paroles et musique: Paul Misraki. La Langue Française. 2002;(3):19.
29. Vive Henri IV. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0_%D0%B7%D0%B4%D1%80%D0%B0%D0%B2%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83%D0%B5%D1%82_%D0%93%D0%B5%D0%BD%D1%80%D0%B8%D1%85_IV!

Информация об авторах

М. И. Свешникова – кандидат педагогических наук, доцент.
Е. И. Сернова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about authors

M. I. Sveshnikova – Candidate of science (Pedagogics), Associate Professor.
E. I. Sernova – Candidate of science (Philology), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.09.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 15.10.2022.

The article was submitted 14.09.2022; approved after reviewing 10.10.2022; accepted for publication 15.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 70–73.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):70–73.
Научная статья
УДК 81

Городские инскрипции как объект лингвистического исследования

Жулдыз Галимжановна Султанова

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия,
sultanovazhuldyz1307@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается история научной традиции в изучении языка города и становление данного направления в отечественной лингвистике. Описываются классические и современные направления (социологическое и лингвогеографическое направления, лингвистическое градоведение) и подходы в исследовании языка города. Приводятся существующие определения понятия «инскрипция» и даётся определение понятию «городская инскрипция» как одной из форм существования языка города.

Ключевые слова: язык города, городское пространство, коммуникация, городские инскрипции

Для цитирования: Султанова Ж. Г. Городские инскрипции как объект лингвистического исследования // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 70–73.

Original article

Urban inscriptions as an object of linguistic research

Zhuldyz G. Sultanova

Astrakhan State University named after V. N. Tatischev, Astrakhan, Russia,
sultanovazhuldyz1307@gmail.com

Abstract. The article discusses the history of the scientific tradition in the study of the language of the city and the formation of this direction in Russian linguistics. Classical and modern directions (sociological and linguo-geographical directions, linguistic urban studies) and approaches to the study of the language of the city are described. The existing definitions of the concept of "inscription" are given and the meaning of the "urban inscription" concept as one of the forms of the language of the city is explained.

Keywords: language of the city, urban space, communication, urban inscriptions

For citation: Sultanova Zh. G. Urban inscriptions as an object of linguistic research. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):70–73. (In Russ.).

Открытое городское пространство является естественной средой для коммуникации субъектов данного пространства. И язык города является инструментом реализации этой коммуникации. Язык города гетерогенен, он представляет собой совокупность разнородных языковых образований, несущих в себе информацию о городе, «аккумуляторе памяти, личной, исторической, литературной, мифологической» [1, с. 11], о происходящих экономических, политических, культурных, социальных, духовных и других событиях в жизни горожан. «Речевые декорации города демонстрируют тенденции развития современного русского языка, активные процессы межъязыкового взаимодействия в условиях глобализации, особенности социальной и функциональной дифференциации языка» [9, с. 5]. Городские инскрипции как одна форм существования языка города представляют собой «гибкую или специфически неустойчивую совокупность сообщений семиосферы городского пространства, складывающуюся в процессе социальной и культурной деятельности людей и выражающую комплекс жизненных ценностей граждан. Существующая культура городских инскрипций продиктована временем и общественно-политическими событиями, традициями и бытом местных людей» [16, с. 137]. Филологи изучают язык города в совокупности или системе, природу и процесс взаимодействия отдельных составляющих, а также функционирование языка в условиях современной городской коммуникации.

В науке существует множество научных подходов в изучении языка города: семиотический, антропоцентрический, социолингвистический, аксиологический и др. Академик А. А. Шахматов был одним из первых, кто рассматривал городское пространство с точки зрения лингвистики. В основе его научных описаний языковых явлений был принцип историзма [19, с. 79]. В прошлом столетии в русском языкознании традиционно выделялось два направления в изучении языка города: социологическое и лингвогеографическое. В рамках первого направления, основоположником которого был советский лингвист академик Б. А. Ларин, язык города рассматривается как социально-коммуникативная система, так как само по себе понятие «город» социально по своей природе, и его изучение опирается на «социологические характеристики города как целого и характеристики компонентов его сложной структуры. Строго говоря, описанию языка города должно предшествовать его социологическое описание с элементами его истории. Должны быть учтены состав и структура населения, образ жизни и занятия людей, структура коммуникации» [7, с. 16]. Основоположник направления отмечал, что «нельзя понять эволюции и судьбы

литературного языка, пока к этому материалу не применены социологические принципы исследования» [8, с. 190]. Учёные Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев, М. Н. Петерсон и другие стояли у истоков нового лингвистического направления – социальной диалектологии, когда «социальный» статус языка занимал из ведущих мест в языковедческой проблематике [13].

В рамках лингвогеографического направления, одним из родоначальников которого считается И. И. Срезневский, важнейшим выступает территориальный аспект функционирования языка [17]. Шире проблема территориального варьирования литературного языка была рассмотрена филологом Н. М. Каринским [5].

В 60–70-е годы прошлого века после довольно длительного застоя исследования языка города возобновились, когда лингвисты активно изучали литературную разговорную речь, а позднее внимание учёных было направлено на просторечие как одну из форм языка города [2].

К концу XX в. отечественной лингвистике начали активно издаваться различного рода словари, в том числе местных жаргонов, а также научные сборники, посвящённые комплексному изучению языка города [14; 21]. Помимо сборников всесторонние исследования языка города представлены в исследованиях Л. А. Шкатовой, Е. В. Красильниковой, О. Б. Сиротининой, М. В. Китайгородской, Б. Я. Шарифуллина и др. В своих работах лингвисты отмечают, что язык любого города обладает своей спецификой, самобытностью и индивидуальностью. «В каждом городе есть особенности языкового общения: понятные, но непривычные слова, названия, обороты речи; освоив их без каких бы то ни было учебников, носитель перестаёт замечать специфику городской речи, воспринимая её факты как естественные и едва ли не единственно возможные» [10, с. 81]. Поэтому на сегодняшний день актуальны исследования в рамках регионального направления, касающиеся изучения языкового быта конкретных городов, например, Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Красноярска, Перми, Новосибирска, Волгограда и мн. др. В отечественной лингвистике особое внимание учёных направлено на изучение языкового облика крупных городов как средоточия коммуникаций. Языковой быт провинциальных городов так же, пусть и в меньшей степени, привлекает внимание учёных-исследователей, так как и в них присутствует тенденция самоидентификации.

На современном этапе «язык города представляет собой многоуровневое и разноаспектное образование» [20, с. 197], состоящее из гетерогенных элементов, поэтому исследовательские подходы несут универсальный многоаспектный характер. Так, профессор Н. П. Пешкова полагает, что «общая теория исследований данного направления должна носить междисциплинарный характер, поскольку полное и исчерпывающее изучение современного лингвистического ландшафта требует привлечения знаний социальной психологии и социологии, социолингвистики и психолингвистики» [11, с. 92]. Это обусловило оформление особой дисциплины лингвистического градоведения – направления, изучающего «номинации городских объектов, торговых вывесок, афиш, рекламных текстов, объявлений, граффити и т.д.» и предполагающего «обращение к языку города как фрагменту городской культуры, важнейшей из подсистем городской семиотики, которая рассматривается в контексте других семиотических подсистем – архитектуры, истории, быта, моды, городских праздников и т.д.» [12, с. 22].

Н. В. Михайлюкова подчёркивает важность интегрированного семиотического подхода к рассмотрению города как «особого субстрата, позволяющего исследовать его сущность в органическом соединении всех проявлений урбанистического пространства» [9, с. 9]. При семиотическом подходе город понимается как текст культуры, и его изучение имеет междисциплинарный характер. Каждый город «имеет свой "язык"». Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определённая система знаков, реализуемая в тексте» [18, с. 261]. Феномен «текста города» был и остаётся объектом многих исследований.

Стоит отметить термин «урботекст», представленный городской рекламой, плакатами, вывесками, объявлениями, граффити и другими жанрами городских письменных текстов. Таким образом, в лингвистических исследованиях языка города выделяется два основных направления изучения живой речи горожан и визуального письменного портрета города.

В последнее время активно занимаются изучением наиболее актуальных малых письменных форм в языковом пространстве города, поскольку они фиксируют политические, экономические, социальные, культурные и иные изменения в жизни. Однако в данной области отсутствует чёткая терминологическая система для обозначения городских текстов, большинство учёных сосредотачивают свои исследования на том или ином жанре, а имеющиеся обобщающие работы все же представляются нам неполными. В дальнейших работах мы будем оперировать термином «городская инскрипция», составляющая визуальный языковой портрет города.

В ходе анализа русскоязычных и англоязычных словарей, было установлено, что под термином «инскрипция» прежде всего понимают любого рода надпись. Она может быть написана, начертана, высечена или выгравирована на любой твёрдой поверхности, например, на бумаге, металле, коже, дереве, и на любом предмете, например, книге, фотографии, медали, надгробии, стене, камне. Она может носить исторический, религиозный, информационный, поздравительный и иного рода характер. Инскрипция может означать отдельный элемент письменной речи человека, а также сам процесс создания надписи и быть сделана от руки или с помощью какого-либо инструмента. Помимо этого, термин «инскрипция» может иметь специальные значения, такие как «фармакологический рецепт». В русской терминологии термин «инскрипция» имеет также специальное значение и является социально-экономическим, используется и в юридической литературе и означает наименование государственной облигации. Как правило, в научных трудах различных областей под термином «инскрипция» больше понимают историческое текстовое наследие давних эпох, нежели текст современного города. Нас же с вами интересуют не столько исторические

надписи, сколько инскрипции, локализованные в современном городе, но это отнюдь не отменяет возможность формирования исторических инскрипций визуального языкового портрета современного города.

Важно заметить, что примеры использования термина «инскрипция» или сочетание «городская инскрипция» в статьях наблюдаются крайне редко. Так, например, О. А. Дмитриева и О. С. Миронова под «городскими инскрипциями» понимают всю совокупность надписей «различного объёма, от слова до развёрнутого текста, размещённых в пределах города на разнообразных поверхностях, выполняющих разные функции» [3, с. 75]. Здесь стоит отметить, что ряд учёных рассматривают городские инскрипции исключительно с лингвистической стороны, в которой инскрипции выражены в текстовой форме.

Т. Е. Иванова и А. В. Олянич рассматривают инскрипции с позиции лингвосемиотики, изучают их в рамках креолизованного текста молодёжных футболок, который состоит, собственно, из вербальной составляющей, то есть инскрипции, и невербальной составляющей, то есть образов, принадлежащих другим знаковым системам. Исследователи изучают прагматическую направленность инскрипций и выделяют инскрипции нейтрального содержания, позитивно ориентированные призывы, инспиративные инскрипции. Особое внимание обращают внимание на явление карнавализации (смеховой эффект), целью которого является аттракция «институционалов» и «снятие социального напряжения» [4, с. 65–70].

З. С. Касьянова и В. В. Метелева рассматривают городские инскрипции с позиции социокультурного подхода и подчёркивают их «экзотичность», что объясняется характерным английским или французским «присутствием» в языковом сознании русских, выраженное в обилии иноязычной лексики в составе городских инскрипций [6, с. 154–155].

Впервые термин «инскрипция» вводит в своих работах А. Chudzik и обозначает этим термином не только выраженные в текстовом плане городские надписи, но «любые сообщения, графически и лингвографически оформленные в доступном открытом городском пространстве, преимущественно на фасадах зданий, сооружений вдоль улиц и вокруг площадей» [22, с. 9–10], то есть инскрипции обретают не только текстовый, но и образный план выражения.

Ж. Р. Сладкевич и К. Велондек определяют городские инскрипции как «средство передачи полиинтенциональной информации, а также способ коммуникации отдельных лиц и социальных групп». По их мнению, городские инскрипции выступают в качестве «семиотически насыщенной формы опосредованной коммуникации (отсутствует прямой контакт с автором высказывания) между субъектами, функционирующими в данном пространстве» [15, с. 110–111]. Учёные определяют городскую надпись как «символически организованное пространство, в котором интерпретатор имеет дело со знаками различных семиотических систем, и в этом знаковом пространстве ему приходится оперировать культурными смыслами и конвенциями, заданными в словесной и графической форме» [15, с. 126].

Таким образом, городское инскрипционное пространство представляют собой культурно распознаваемый поликодовый текст, систему инскрипций – знаков разных уровней, в которой вербальная и визуальная составляющая дополняют друг друга, создавая семиотически организованную целостность и выступая средством коммуникации субъектов данного пространства.

Список источников

1. Абашев В. В. Неосозаемое тело города. Опыт работы со смыслом // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 10–16.
2. Городское просторечие. Проблемы изучения / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. Москва : Наука, 1984. 189 с.
3. Дмитриева О. А., Миронова О. С. Лингвокультурная специфика городских надписей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12–1 (54). С. 74–76.
4. Иванова Т. Е., Олянич А. В. Лингвосемиотика молодёжных инскрипций в русскоязычной агрикультуре: стратегии непрямого импакта // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 3 (19). С. 63–71.
5. Каринский Н. М. Язык образованной части населения города Вятки и народные говоры // Учёные записки Института русского языка и литературы (РАНИОН). Москва, 1928. Т. 3. С. 43–66.
6. Касьянова З. С., Метелева В. В. Городские инскрипции: социокультурный аспект // Дискурс в синтагматике и парадигматике. 2017. С. 150–156.
7. Красильникова Е. В. Язык города как лингвистическая проблема // Живая речь уральского города. Свердловск, 1988. С. 5–18.
8. Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. Москва, 1977. С. 189–199.
9. Михайлюкова Н. В. Социолнгвистика: языковой облик современного города: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2019. 290 с.
10. Михалоп К.П., Шмелева Т.В. Словарь Города // Филологические науки. 1987. № 4. С. 81–84.
11. Пешкова Н. П. Лингвистический ландшафт как отражение процессов глобализации и национальной самоидентификации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (819). С. 90–102.
12. Подберезкина Л. З. Лингвистическое градоведение: (О перспективах исследования языкового облика Красноярск) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Науч.-метод. бюллетень Красноярск. гос. унта. Красноярск, 1998. Вып. 6. С. 22–30.
13. Поливанов Е. Д. Русский язык сегодняшнего дня // Литература и марксизм. 1928. Т. 4. С. 67–180.
14. Разновидности городской устной речи: сб. науч. тр. / Под ред. Д. Н. Шмелева и Е. А. Земской. Москва : Наука, 1988. 259 с.

15. Сладкевич Ж. Р., Велондек К. Интертекстема как инструмент в диалогическом пространстве «прошлое – настоящее – будущее» в урбанистических практиках (интерсемиотической анализ городских надписей Гданьска и Калининграда) // Слово.ру : Балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 1. С. 108–133.
16. Султанова Ж. Г. Конститутивные признаки городских инскрипций // Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (76). С. 133–138.
17. Срезневский И. И. Замечания о материалах для «географии» русского языка // Вестник имп. географ. общества. Санкт-Петербург, 1885. Ч. 1, Кн. 1. С. 1–24.
18. Топоров В. Н. Петербург И «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического: избранное. Москва : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.
19. Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1–2. Петроград, 1916. 146 с.
20. Юнаковская А. А. Язык города как лингвистическая проблема // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 193–197.
21. Языковой облик уральского города : сб. науч. тр. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. 184 с.
22. Chudzik A. Inskrypcje w przestrzeni miejskiej: studium pragmatolingwistyczne: (na przykładzie napisów krakowskich z lat 2003–2005). Kraków, 2005. 261 с.

References

1. Abashev V. V. Neosyazhaemoe telo goroda. Opyt raboty so smyslom. Antropologicheskij forum. 2010;(12):10–16.
2. Gorodskoe prostorechie. Problemy izucheniya. Ed. E. A. Zemskaya, D. N. Shmelev. Moscow: Nauka. 1984:189.
3. Dmitrieva O. A., Mironova O. S. Lingvokul'turnaya specifika gorodskih nadpisej. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015;12–1(54):74–76.
4. Ivanova T. E., Olyanich A. V. Lingvosemiotika molodezhnyh inskripcij v russkoyazychnoj agrikul'ture: strategii nepryamogo impakta. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2015;3(19):63–71.
5. Karinskij N. M. Yazyk obrazovannoy chasti naseleniya goroda Vyatki i narodnye govory. Uchenye zapiski Instituta russkogo yazyka i literatury (RANION). Moscow. 1928;(3):43–66.
6. Kas'yanova Z. S., Meteleva V. V. Gorodskie inskripcii: sociokul'turnyj aspect. Diskurs v sintagmatike i paradigmатике. 2017:150–156.
7. Krasil'nikova E. V. Yazyk goroda kak lingvisticheskaya problema. Zhivaya rech' ural'skogo goroda. Sverdlovsk. 1988:5–18.
8. Larin B. A. K lingvisticheskoy karakteristike goroda (neskol'ko predposylok). Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie. Izbrannye raboty. Moscow, 1977:189–199.
9. Mihajlyukova N. V. Sociolingvistika: yazykovoj oblik sovremennogo goroda: uchebnik i praktikum dlya vuzov. 2nd ed. Moscow: Yurajt, 2019:290.
10. Mihalap K.P., Shmeleva T. V. Slovar' Goroda. Filologicheskie nauki. 1987;(4):81–84.
11. Peshkova N. P. Lingvisticheskij landshaft kak otrazhenie processov globalizacii i nacional'noj samoidentifikacii. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019;3(819):90–102.
12. Podberezkina L. Z. Lingvisticheskoe gradovedenie: (O perspektivah issledovaniya yazykovogo oblika Krasnoyarska). Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya: Nauch.-metod. byulleten' Krasnoyarsk. gos. unta. Krasnoyarsk. 1998;(6):22–30.
13. Polivanov E. D. Russkij yazyk segodnyashnego dnya. Literatura i marksizm. 1928;(4):67–180.
14. Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi. Ed. D. N. Shmelev, E. A. Zemskaya. Moscow: Nauka. 1988:259.
15. Sladkevich Zh. R., Velondek K. Intertekstema kak instrument v dialogicheskom prostranstve «proshloe – nastoyashchee – budushchee» v urbanisticheskikh praktikah (ntersemioticheskij analiz gorodskih nadpisej Gdan'ska i Kaliningrada). Slovo.ru: Baltijskij akcent. 2020;11(1):108–133.
16. Sultanova Zh. G. Konstitivnyye priznaki gorodskih inskripcij. Gumanitarnye issledovaniya. 2020;4(76):133–138.
17. Sreznevskij I. I. Zamechaniya o materialah dlya «geografii» russkogo yazyka. Vestnik imp. geograf. obshchestva. Saint Petersburg, 1885;1(1):1–24.
18. Toporov V. N. Peterburg I «Peterburgskij tekst russkoj literatury». Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995:259–367.
19. Shahmatov A. A. Vvedenie v kurs istorii russkogo yazyka. Ch. 1–2. Petrograd, 1916:146.
20. Yunakovskaya A. A. Yazyk goroda kak lingvisticheskaya problema. Vestnik Omskogo universiteta. 2011;(3):193–197.
21. Yazykovoj oblik ural'skogo goroda: Sb. nauchn. tr. Sverdlovsk: UrSU Publ. 1990:184.
22. Chudzik A. Inskrypcje w przestrzeni miejskiej: studium pragmatolingwistyczne: (na przykładzie napisów krakowskich z lat 2003–2005). Kraków. 2005:261.

Информация об авторе

Ж. Г. Султанова – аспирант.

Information about the author

Zh. G. Sultanova – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 30.10.2022.

The article was submitted 28.09.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 30.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (83). С. 74–79.
Humanitarian Researches. 2022;3(83):74–79.
Научная статья
УДК 81

**Исследование перевода танской поэзии в аспекте доместикации
(на материале переводов стихотворения
Ли Бо «Цзин Е Сы» на русский и английский языки)**

Ху Цзэнли

Сычуаньский университет, Чэнду, Китай, allaxy@icloud.com

Аннотация. Статья посвящена изучению реализации переводческих стратегий на примере «Цзин Е Сы» – поэтического шедевра Ли Бо, одного из величайших поэтов древнего Китая. Актуальность исследования обозначенного объекта определяется периодом древнекитайской поэзии, связанным с династией Тан, которая способствовала значительной высоте престижа поэтического творчества, недостижимого для последующих поколений. Поэзия во времена царствования династии Тан является кульминацией древнекитайской поэзии, и на пике этой художественной вершины находится поэт Ли Бо (701–762 гг.), чьё стихотворение «Цзин Е Сы» известно в Китае всем поколениям, а на страницах Интернета, в том числе и русскоязычных, его популярность сравнивается с пушкинским шедевром «Я вас любил...». Анализируемое стихотворение обладает глубоким китайским культурным оттенком и духом, привлекает исследовательский интерес синологов и переводчиков из многих стран. Представленный анализ переводов стихотворения Ли Бо «Цзин Е Сы» на русский и английский языки направлен на изучение конкретных методов перевода в аспекте применения стратегии доместикации, ориентированной на аудиторию перевода, охватывающую всех, кто создаёт переводную литературу, интересуется ею как читатель или как исследователь. Дается обоснование выбора стратегии доместикации, использования доместикации в аспекте формы и языка и в аспекте содержания. Представлена значимость стратегии доместикации для продвижения китайской традиционной культуры в широкие целевые западные аудитории.

Ключевые слова: стратегия доместикации, «Цзин Е Сы», стратегия перевода, переводы на русский и английский языки, аудитория перевода

Для цитирования: Ху Цзэнли. Исследование перевода танской поэзии в аспекте доместикации (на материале переводов стихотворения Ли Бо «Цзин Е Сы» на русский и английский языки) // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 74–79.

Original article

**The study of Tang poetry translation in the aspect of domestication
(on the material of Russian and English translations
of Li Bo's poem "Jing Ye Si")**

Hu Zenli

Sichuan University, Chengdu, China, allaxy@icloud.com

Abstract. The article studies the implementation of translation strategies on the example of a poetic masterpiece "Jing Ye Si" by Li Bai's, one of the greatest poets of ancient China. The relevance of the designated object is determined by the period of ancient Chinese poetry associated with the Tang dynasty, which contributed to the considerable prestige height of poetic creativity, unattainable for subsequent generations. Poetry during the Tang dynasty is the culmination of ancient Chinese poetry, and the poet Li Bai (701–762) is at the top of this artistic peak. His poem "Jing Ye Si" is known for all generations in China. Websites including Russian ones compare its popularity with Pushkin's masterpiece "I loved you...". The analyzed poem has a deep Chinese cultural connotation and spirit and attracts the research interest of sinologists and translators from many countries. The presented analysis of Li Bai's poem "Jing Ye Si" translations into Russian and English provides specific methods of translation in the aspect of applying the strategy of domestication focused on the audience of translation, covering everyone who creates translated literature, and is interested in it as a reader or researcher. Justification for the choice of domestication strategy, the use of domestication in the aspect of form and language, and in the aspect of content is given. The article presents the significance of domestication strategy for the promotion of Chinese traditional culture to broad target Western audiences.

Keywords: domestication strategy, "Jing Ye Si", translations into Russian and English, audience of translation

For citation: Hu Zenli. The study of Tang poetry translation in the aspect of domestication (on the material of Russian and English translations of Li Bo's poem "Jing Ye Si"). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):74–79. (In Russ.).

Древнекитайская поэзия имеет статус одной из самых древнейших и характеризуется обилием изысканных слов и глубоким смыслом. Славный период древнекитайской поэзии связан с династией Тан, которая способствовала такой значительной высоте престижа поэтического творчества, которая была недостижима для последующих поколений. Поэзия во времена царствования династии Тан является кульминацией древнекитайской поэзии, и на пике этой художественной вершины находится поэт Ли Бо, чьё стихотворение «Цзин Е Сы» известно в Китае всем поколениям, а на страницах Интернета, в том числе и русскоязычных, его популярность

© Ху Цзэнли, 2022

сравнивается с пушкинским шедевром «Я вас любил...». Несмотря на краткость и простоту языка стихотворения «Цзин Е Сы», трудно перевести лаконичный текст этого поэтического произведения на иностранные языки, сохранив его оригинальный художественный замысел и очарование. Обилие переводов «Цзин Е Сы» на русский и английский языки, однако, предоставляет богатый корпус текстовых вариантов для изучения переводческой практики.

1. Выбор стратегии доместикации. В последние десятилетия в исследованиях перевода наметились две очевидные тенденции: придание важности применению коммуникативной теории в переводческой практике и переход от акцента на лингвистической трансформации к большему акценту на культурной трансформации [3, с. 5]. Если сопоставить эти две тенденции с изучением иностранных переводов танской поэзии, то можно обнаружить, что культурные элементы, содержащиеся в поэзии, в большей степени передаются на основе коммуникативной эквивалентности, даже если при этом приносятся в жертву некоторые языковые характерные особенности исходного текста. Такая потеря неизбежна в процессе перевода поэтического текста. Танская поэзия – это текст, представляющий большую разницу между культурой исходного языка и культурой целевого языка. Иностранные читатели часто испытывают трудности с пониманием аллюзий, используемых в древнекитайской поэзии. Вопрос о специфике культурных элементов в древнекитайской поэзии стал большой проблемой в практике перевода, что определило два типа стратегий в переводе танской поэзии: доместикация и форенизация.

Термины «доместикация» и «форенизация» были введены известным американским теоретиком перевода Лоуренсом Венути. Доместикация приближает текст автора оригинала к культуре целевого языка, в то время как форенизация принимает языковые и культурные различия иностранного текста и переносит читателя в иностранный дискурс [2]. Стратегия доместикации ориентирована на аудиторию перевода (понятие «аудитория перевода» – это широкая категория, охватывающая всех, кто создаёт переводную литературу, интересуется ею как читатель или как исследователь), а стратегия форенизации – на автора оригинального текста. Аудитория перевода и автор оригинала – участники двух полюсов переводческой деятельности.

Разные версии перевода, следующие разным стратегиям, по-разному влияют на читателей и на культуру целевого языка: доместикация сосредоточена на выражении содержания оригинального текста в соответствии с привычным восприятием для читателей целевого языка переводной литературы, а форенизация требует принятия стиля выражения исходного языка и сохранения в переводе языковых особенностей оригинала.

Так, переводы поэзии Ли Бо на русский язык можно разделить на две основные категории. Во-первых, переводы китаеведов, которые характеризуются рифмованием как результатом уважительного отношения к исходному тексту, однако у читателей целевого языка они имеют невысокую востребованность и признание. Во-вторых, адаптированные переводы, которые сделаны профессиональными поэтами, не владеющими китайским языком, и которые перерабатывают переводы китаеведов. Такие переводы соответствуют особенностям русской поэзии и пользуются большей популярностью у читателей целевого языка [4]. Первая категория в основном следует принципу форенизации, а вторая – принципу доместикации. Доместикация и форенизация сами по себе не превосходят и не уступают друг другу, но разные цели и разные аудитории мотивируют переводчика использовать разные принципы перевода.

Широкой целевой аудиторией китайской культуры в XXI веке стала западная публика, которая имеет определённую психологическую подготовку восприятия поэтической переводной литературы: она знает, что читает на своём родном языке перевод зарубежной поэзии, и «определённого поэтического вкуса и аромата в переводе достаточно для удовлетворения ожидания от чтения» [6, с. 52]. Для того чтобы больше иностранных читателей принимали и наслаждались китайской поэзией, переводчикам можно использовать стратегию доместикации, то есть использование языкового выражения, предпочитаемого иноязычными народами, и литературного языка, соответствующего историческому развитию зарубежной страны. В целом, выбор стратегии доместикации позволяет лучше достичь коммуникативной цели поэтического перевода, а изучение перевода с точки зрения читательского восприятия больше соответствует цели продвижения культурного обмена между Востоком и Западом на новом этапе.

В. Н. Комиссаров предлагает четыре метода сравнительного анализа в переводоведении, два из которых заключаются в сравнении перевода с оригинальным текстом и в сравнении разных переводов одного и того же оригинального текста, сделанных разными переводчиками [1]. В данной статье используются эти два метода для анализа переводов стихотворения Ли Бо «Цзин Е Сы» («Jing Ye Si») на примере трёх вариантов на русском языке в переводе А. И. Гитовича, Ю. К. Щуцкого, С. А. Торопцева (Таблица 1), а также трёх вариантов на английском языке, сделанных американскими поэтами Witter Bynner и Fletcher W. J. и китайским переводчиком Сюй Юаньчуня – Xu Xuanchong / 许渊冲 (таблица 2).

Текст оригинала стихотворения Ли Бо «Цзин Е Сы»:

静夜思
床前明月光，疑是地上霜。
举头望明月，低头思故乡。

Таблица 1

Примеры перевода на русский язык

Перевод 1 А. И. Гитович	Перевод 2 Ю. К. Щуцкий	Перевод 3 С. А. Торопцев
Думы тихой ночью	Думы в тихую ночь	Грёзы тихой ночи
У самой моей постели Легла от луны дорожка. А может быть, это иней? Я сам хорошо не знаю. Я голову поднимаю – Гляжу на луну в окошко, Я голову опускаю – И родину вспоминаю.	В изголовье ложа Сияет, светлеет луна. Показалась похожей На иней упавший она. Посмотрел на луну я, Лицо к небу сам обратив, И припомнил родную Страну я, лицо опустив.	Пятно луны светло легло у ложа – Иль это иней осени, быть может? Взгляну наверх – там ясная луна. А вниз – и мнится край, где юность прожил.

Таблица 2

Примеры перевода на английский язык

Перевод 4 Witter Bynner	Перевод 5 Fletcher W. J.
In the Quiet Night	The Moon Shines Everywhere
So bright a gleam on the foot of my bed – Could there have been a frost already? Lifting myself to look, I found that it was moon-light. Sinking back again, I thought suddenly of home.	Seeing the Moon before my couch so bright I thought hoar frost had fallen from the night. On her clear face I gaze with lifted eyes: Then hide them full of Youth's sweet memories.
Перевод 6 : 许渊冲 (Xu Xuanchong / Сюй Юаньчуня)	
A Tranquil Night	
A bed, I see a silver light, I wonder if it's frost aground. Looking up, I find the moon bright; Bowing, in homesickness I'm drowned.	

2. Использование доместикации в аспекте формы и языка. Первый этап анализа – это обработка поэтического текста по форме и языку, то есть анализируется отношение переводчика к жанру и использование ритма в переводе. Перевод поэзии имеет принцип «трёх красот»: «красоты смысла», «красоты звука» и «красоты формы» [5, с. 77]. Красота формы – это внутренняя структура стихотворения, включая количество строк и слов. Красота звука относится к ритму и рифме стихотворения. Текст стихотворения «Цзин Е Сы» в оригинале состоит из четырёх строк по пять иероглифов в каждой, и всё стихотворение имеет стройную форму. В аспекте рифмы: 光 / *Guang*, 霜 / *Shuang*, 乡 / *Xiang* – рифмуется с «anq», что соответствует стилю рифмы ААВА. В двух последних строках: 举 'поднять' и 低 'опустить', 望 'смотреть' и 思 'думать', 明月 'луна' и 故乡 'родина' – ровные и ломаные тоны, определяющие семантическую принадлежность слова, что делает стихотворение запоминающимся и музыкально красивым.

В аспекте формы наблюдается у всех переводчиков замена оригинальной поэтической формы поэтикой, характерной для языка своей страны, но, следует отметить, что никто не перевёл поэтический оригинал в прозаический жанр.

В аспекте количества строк во всех переводах на английский язык сохраняется четырёх-строчная структура, приближённая к структуре оригинала, а переводы на русский язык в этом отношении отличаются. Так, в переводах (1, 2) А. И. Гитовича и Ю. К. Щуцкого используется стратегия доместикации в процессе переработки строк. Оригинальное стихотворение состоит из четырёх строк и двадцати иероглифов, и хотя оно по количеству слов сжато, но очень богато по содержанию. Традиционный метод перевода китайской поэзии на русский язык заключается в разделении содержания одной строки на две строки – переводы (1, 2) А. И. Гитовича и Ю. К. Щуцкого трансформировали оригинальное четырёхстрочное стихотворение в восьмистрочное. Хотя такая обработка и изменяет структуру оригинального стихотворения, но она больше соответствует для привычного восприятия русских читателей. В китайских стихотворениях из пяти иероглифов пауза часто стоит после второго иероглифа, а в стихотворениях из семи иероглифов – после четвёртого иероглифа. А. И. Гитович и Ю. К. Щуцкий разделили содержание одной строки на две строки, что также соответствует паузе, характерной для оригинального текста стихотворения.

С. А. Торопцев в своём переводе (3) сохраняет оригинальное количество строк, считая, что перевод «одна строка – на две» формально разрушает семантику и настроение китайской поэзии, которая характеризуется ограниченным использованием языковых средств для выражения бесконечных смыслов и представлением личного стиля автора. С. А. Торопцев настаивает на переводе китайского поэтического текста в том же количестве строк, сохраняя таким образом формальную красоту китайской поэзии.

Китайский иероглиф – это односложное слово с чётким фонетическим ритмом. Ритм в китайском языке проявляется в ровных и ломаных тонах и рифме, а в русском и английском языках – в рифме, длине слогов и расположении ударных и неударных слогов. Вследствие языковой разницы при переводе на английский и русский языки нельзя рифмовать по китайскому стилю рифмы ААВА, но в анализируемых поэтических текстах переводчики учитывали традиции ритма стихотворения и уделяли внимание созданию ритма. Следовательно, происходит комплексная компенсация: потеря языковой формы в отдельных словах и строках компенсирована текстом всего стихотворения.

В переводе (1) А.И. Гитовича строки 5. 6. 7. 8 – выстроенные строфы. Строки 5. 7. 8 рифмуются в «аю», с ударением на рифмующейся стопе на последнем слоге в конце строки: первые две строки используют комбинацию ямба и дактиля, третья строка использует хорей, а четвертая строка – комбинацию хорея и анапеста. Различные метры перемежаются, создавая удивительно прекрасный звуковой эффект. В переводе (2) Ю. К. Щуцкого используются перекрёстные рифмы в более широком смысле и используется рифмовка АВАВ. В переводе (5) Флетчера используется рифмовка ААВВ. В переводе (6) Сюй Юаньчуна используется рифмовка АВАВ. Эти четыре переводчика приняли стратегию доместикации, чтобы заменить ровные и ломаные тоны китайского языка метрами, обычно используемыми в поэзии целевой культуры, сохранив ритм исходного текста и облегчив чтение переведённого текста.

В переводе (3) С. А. Торопцева и в переводе (4) Биннера отсутствует ритмическая структура. Это отражает свободный крылатый характер западной поэзии, но в определённой степени такие переводы теряют ритм оригинала и лишены музыкальной красоты.

3. Использование доместикации в аспекте содержания. Поэзия Ли Бо известна своей романтичностью, его стихи отличаются сильной эмоциональностью. Поэт любил использовать различные риторические приёмы и различные образы для создания в своей поэзии великолепного и трогательного художественного настроения, и среди множества его стихотворений «Цзин Е Сы» особенно выделяется. В стихотворении нет цветистых фраз. Поэт выражает свою тоску по родине простыми, скромными и доступными всем словами. Содержание стихотворения понятно с первого взгляда, но смысл его глубок. Передача смысла и художественного настроения стихотворения – ключевой показатель достоинств перевода.

Образы – важный способ выражения смысла поэзии и средство выражения поэтом своих чувств. В коротком четырёхстрочном стихотворении «Цзин Е Сы» образ луны появляется два раза. Луна является символом тоски Ли Бо по родине, и поэт выражает свою ностальгию через образ луны. Воспроизведение образа исходного текста в переводе помогает лучше передать поэтический смысл, мысли и чувства. Каждый переводчик по-разному представляет образ луны, и соответственно каждый перевод отличается друг от друга эмоциональным эффектом. Луна является распространённым образом как в китайской, так и в западной литературе, однако из-за культурных различий образ луны имеет как сходства, так и очевидные различия в китайской и западной культурах.

В китайской традиционной культуре луна более символизирует родную страну и родину. В древние времена транспорт был неразвитым, и когда люди, находясь вдали от дома, видели рост и убывание луны, то думали о воссоединении с родными людьми или о разъединении с ними. Хотя далеко от родины ты видишь разные пейзажи, которые могут отличаться от привычных, но луна, которую видишь ты, всегда одна и та же.

Однако в западной культурной среде читателям трудно ассоциировать *moon* / луну с тоской по родине. Для западной аудитории перевода привычнее ассоциации *moon* с нежной женской фигурой или с любовью, а *луна* больше символизирует женскую энергию, девственность и т.д. Думается, ввиду отсутствия связи у читателей целевого языка символа луны с чувством тоски по родине Флетчер в переводе (5) реконструировал символическое значение луны, представленное в оригинале, и, используя метод адаптации, перевёл слово «луна» как *On her clear face*. Переводчик принял стратегию доместикации, чтобы сравнить луну с красивой женщиной, и заменил луну понятием, знакомым западной аудитории перевода.

С позиции культуры целевого языка стратегия доместикации больше соответствует языковой картине читателей целевого языка и легче воспринимается ими. Эту намеренную адаптацию можно рассматривать как прорыв с эстетической точки зрения читателя, но, с другой стороны, следует признать, что она в определённой степени влияет на правильное понимание читателем оригинального стихотворения. Кроме перевода (5) Флетчера, остальные пять переводов предлагают некоторые новации, основанные на тождественности смысла луны.

В переводе (1) А. И. Гитовича использован метод вольного перевода: он не буквально перевёл *明月光* (*свет луны*) в '*свет*', а перевёл как '*от луны дорожка*'. Такое образное описание лунного света мгновенно создаёт ассоциации в сознании читателя, и он как будто видит узкий лунный свет, льющийся на землю, что, несомненно, пробуждает у читателя чувство прекрасного, усиливая художественный эффект стихотворения.

В переводе (2) Ю. К. Щуцкого использован метод буквального перевода: *明月光* (*свет луны*) он перевёл как '*Сияет, светлеет луна*'. Он последовательно использует два глагола '*сияет*' и '*светлеет*', чтобы акцентировать яркие черты лунного света.

В переводе (3) С. А. Торопцев перевёл *明月光* (*свет луны*) как '*Пятно луны*'. Слова '*пятно*' и '*светло*' создают красоту рассеянного света и тени. Такие различные представления о лунном свете являются знакомыми выражениями для русских читателей.

Следует отметить, что в оригинале стихотворения нет чёткого указания на грамматическое время, но, чтобы соответствовать грамматике русского языка, А. И. Гитович и С.А. Торопцев использовали прошедшее время. Доместикация времени здесь лучше отражает состояние поэта, которого взволновало увиденное.

Самая большая разница между переводами на русский и английский языки и оригинальным текстом заключается в доместикации «Я» в стихотворении. Древнекитайская поэзия характеризуется несуществованием «Я». Поэты редко использовали личные местоимения напрямую. В китайской поэзии часто опущено подлежащее, чтобы собственная личность поэта не разрушала поэтическую обстановку. Отсутствие подлежащего в стихотворении может быть легко восстановлено читателем как ему угодно, что делает китайскую поэзию часто безличной и универсальной [7, с. 58].

Однако в русских и английских поэтических текстах часто используется личное местоимение, особенно часто встречается лирическое действующее лицо Я/И. С. А. Торопцев принимает стратегию форенизации и не прямо указывает лирического героя, что в некоторой степени компенсирует туманное настроение стихотворения в оригинале и иноказательность, привычную для китайцев. В остальных пяти переводах используется доместикация и прямо указывается лирический герой. Несмотря на отсутствие личности в оригинальном тексте стихотворения, все переводчики использовали первое лицо Я/И. Прямое выражение эмоций менее тонкое, чем в оригинальном тексте стихотворения, но более соответствующее характеру аудитории перевода целевого языка.

4. Краткое изложение переводческих стратегий. Анализ поэтической формы и поэтических образов в различных переводах на русский и английский языки стихотворения Ли Бо «Цзин Е Сы» позволил сделать следующие выводы о выборе стратегии перевода. С учётом того, что перевод танских стихов на иностранные языки призван привлечь интерес зарубежных читателей, расширить границы распространения китайской культуры и усилить международный культурный обмен, более целесообразно использовать при переводе поэзии Тан стратегию доместикации. Переведённые произведения танских стихов таким образом легче воспринимаются читателями целевого языка. Самое главное в поэтическом переводе – передать содержание и эмоции оригинального текста стихотворения, и перевод в соответствии с традиционным восприятием аудитории перевода целевого языка более доступен читателями для понимания авторского смысла и чувств. Доместикация и форенизация не являются парой противоречащих друг другу терминов. В большинстве переводческих практик эти две стратегии дополняют друг друга. Однако переводческая деятельность направлена на определённую аудиторию перевода, что определяет цель перевода и выбор стратегии для максимального соответствия запросам и требованиям целевой аудитории перевода.

Список источников

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Москва : Р. Валент, 2014. 407 с.
2. Venuti L. The Translator's Invisibility. London and New York : Routledge, 1995. 353 p.
3. 郭建中. 翻译中的文化因素: 异化与归化 // 外国语(上海外国语大学学报), 1998 年第 2 期, 第 3–5 页。= Го Цзяньчжун. Культурные факторы в переводе: доместикация и форенизация // Иностранные языки (журнал Шанхайского университета иностранных языков). 1998. № 2. С. 3–5.
4. 李春蓉, 谢·托罗普采夫. 诗仙远游: 李白诗歌在俄国的译介与研究 // 俄罗斯文艺, 2016 年第 1 期, 第 4–10 页。= Ли Чунронг, С. Торопцев. Гений поэт за рубежом: перевод и изучение поэзии Ли Бо в России // Русская литература и искусство. 2016. № 1. С. 4–10.
5. 许渊冲. 三谈“意美、音美、形美” // 深圳大学学报(人文社会科学版), 1987 年第 2 期, 第 70–77 页。= Сюй Юаньчун. Третье изучение «красоты смысла», «красоты звука» и «красоты формы» // Журнал Шэньчжэньского университета (Серия: Гуманитарные и социальные науки). 1987. № 2. С. 70–77.
6. 杨衍松. 古老的悖论: 可译与不可译 // 外语与外语教学, 2000 年第 9 期, 第 51–53 页。= Ян Яньсон. Древний парадокс: переводимый и неперевоодимый // Иностранный язык и преподавание иностранных языков. 2000. № 9. С. 51–53.
7. 詹杭伦, 刘若愚. 融合中西诗学之路, 北京: 天津出版社, 2005. 58 页。= Чжань Ханьлунь, Лю Жоюй. Слияние китайской и западной поэтики. Пекин : Издательство Вэньцзинь, 2005. 258 с.

References

1. Komissarov V.N. Modern translation studies. Moscow: R.Valent. 2014:407.
2. Venuti L. The Translator's Invisibility. London and New York: Routledge. 1995:353.
3. Guo Jiangzhong. Fan yi zhong de wen hua yin su. Wai guo yu (Shang hai da xue xue bao). 1998:2(3–5).
4. Li Chunrong, Xie Tuoluopucaifu. Shi xian yuan you: Li bai shi ge zai e guo de yi jie yu yan jiu. E luo si wen yi. 2006:1(4–10).
5. Xu Yuancong. San tan “yi mei”, “yin mei”, “xing mei”. Shen zhen da xue xue bao (ren wen she hui ke xue ban). 1998;(2):70–77.
6. Yan Yansong. Gu lao de bo bei lun: Ke yi yu bu ke yi. Wai yu wai yu jiao xue. 2000;(9):51–53.
7. Zhang Hanglun, Liu Ruoyu. Rong he zhong xi zhi lu. Beijing: Wen jin chu ban she. 2005:258.

Информация об авторе

Ху Цзэнли – аспирантка.

Information about the authors

Hu Zengli – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 09.09.2022; принята к публикации 20.09.2022.

The article was submitted 10.08.2022; approved after reviewing 09.09.2022; accepted for publication 20.09.2022.

**Репрезентация составных терминов и наименований
в «Большом универсальном словаре русского языка»¹**

Цю Синь¹, Лидия Глебовна Золотых²

^{1,2}Сычуаньский университет, Чэнду, Китай

¹qiuxin12121@163.com

²zolotykh_scu@mail.ru

Аннотация. Статья представляет результаты исследования особенностей репрезентации составных терминов и наименований на материале фразеологических зон словарных статей «Большого универсального словаря русского языка» (В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая – 2016). Неоднозначное отношение к признанию фразеологических сочетаний частью фразеологического фонда, а, следовательно, составных терминов и наименований, которые были включены академиком В. В. Виноградовым как «целостные словесные группы» в состав фразеологии на основании их структурно-семантической целостности, определило актуальность рассматриваемого вопроса. Анализ фразеологических зон позволил установить разную степень семантической активизации заголовочного слова в структуре составных терминов и наименований, а также разную степень семантической спаянности между заголовочным словом и другими структурными элементами в качестве фразеологических компонентов. Материал данной статьи является лишь частью представления заголовочных слов как фразеологических компонентов составных терминов и наименований, в связи с чем даётся обоснование широкого фразеологического диапазона «Большого универсального словаря русского языка» в плане дальнейшего изучения составных терминов и наименований. Определяется перспектива исследования составных терминов и наименований в аспекте изучения взаимосвязи дискурсивного пространства терминологических фразеологизмов и дискурса их функционирования.

Ключевые слова: составные термины и наименования, фразеологическая зона, заголовочное слово, фразеологический компонент, репрезентация

Для цитирования: Цю Синь, Золотых Л. Г. Репрезентация составных терминов и наименований в «Большом универсальном словаре русского языка» // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 80–85.

Original article

**Representation of composite terms and names
in “The Big Universal Dictionary of the Russian Language”**

Qiu Xin¹, Lidia G. Zolotykh²

^{1,2}Sichuan University, Chengdu, China

¹qiuxin12121@163.com

²zolotykh_scu@mail.ru

Abstract. The article presents the study results of compound terms and names peculiarities on the material of phraseological units of dictionary entries in “The Big Universal Dictionary of the Russian Language” edited by V. V. Morkovkin, G. F. Bogacheva, and N. M. Lutskaia (2016). The ambivalent attitude to the recognition of phraseological combinations as part of the phraseological fund and, consequently, composite terms and names included by Academician V. V. Vinogradov as “lexical complexes” on the basis of their structural and semantic integrity, determined the relevance of the issue under consideration. The analysis of phraseological units makes it possible to establish different degrees of the headword semantic activation in the structure of composite terms and names as well as different degrees of semantic cohesion between the headword and other structural elements as phrase components. The material of the article is only a part of headwords presentation as phrase components of composite terms and names in connection with which the wide phraseographic range of “The Big Universal Dictionary of the Russian Language” in terms of further study of composite terms and names is justified. The article determines research perspectives of compound terms and names in the aspect of studying the relationship between the discursive space of terminological phraseological units and discourse of their functioning.

Keywords: compound terms and names, phraseological zone, headword, phrase component, representation

For citation: Qiu Xin, Zolotykh L. G. Representation of composite terms and names in “The Big Universal Dictionary of the Russian Language”. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):80–85. (In Russ.).

© Цю Синь, Золотых Л. Г., 2022

¹ Работа выполнена в рамках Гранта по инновационной реформе поствузовского образования в Сычуаньском университете. Номер проекта GSKCSZ20200002 (GSKCSZ20200002(四川大学研究生培养教育创新改革项目)).

Интерес исследователей к терминологическим фразеологизмам – составным терминам и понятиям – как перспективному источнику фразеографического материала объясняется многоаспектностью фразеологизма как языковой единицы и, несомненно, связан с вопросом о «широком» и «узком» понимании объекта фразеологии, который обсуждается с момента выделения В. В. Виноградовым трёх типов фразеологизмов, концептуальных для лингвистики в целом. Несмотря на обоснование учёным отнесения составных терминов и наименований к фразеологическим сочетаниям [4, с. 132], в разнонаправленных фразеологических исследованиях постоянно появляются идеи для сужения состава фразеологии.

Так, А. И. Васильев предлагает ввести термин «**фразис** синонимичными которому будут названия: фразистический оборот и фразистическая единица. Это связано с тем, что класс фразисов образуют тысячи и тысячи в основном терминологических языковых единиц, употребляющихся во всех сферах науки, образования, финансов, производства, торговли, сельского хозяйства, строительства, спорта и т.д.». Таким номинациям, по мнению учёного, место за пределами фразеологии и их следует рассматривать «в отдельной науке», номинируемой «словом **фразистика**» [3, с. 4].

Д. В. Андрианова в сопоставительном анализе «принципов отражения фразеологизмов и устойчивых сочетаний слов в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» (1948–1965) и в «Большом академическом словаре русского языка» (издаётся с 2004 г.)» [1, с. 71] отмечает не только разницу «в трактовке тех или иных оборотов как идиом или просто устойчивых оборотов», но и «ряд прочих расхождений в понимании составителями природы различных выражений» [1, с. 75]. Отмеченные разнообразие теоретические установки авторов авторитетных толковых словарей на статус фразеологизмов впервые преодолевается в «Словаре современного русского литературного языка», где было введено «формальное разграничение типичных (устойчивых) сочетаний и собственно фразеологизмов (фразеологических сращений и фразеологических единств)» [1, с. 77].

Выбор «Большого универсального словаря русского языка», изданного в 2016 году, – результат 25-летнего труда авторского коллектива: В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая – объясняется его 1) фундаментальностью: 1456 страниц, из которых собственно словарные статьи занимают 1365 страниц; 2) всеохватностью: в Словаре представлены около 30 000 наиболее употребительных слов всех частей речи, составляющих ядро русского языка. Также «Большой универсальный словарь русского языка» (далее БУС) включает около 3000 раздельнооформленных номинативных единиц, характеризующих фразеологическую и страноведческую ценность заголовочного слова. Всеохватность описания слов в БУС не имеет аналогов в современной русской лексикографии и, как отмечают авторы, масштабно представлена разносторонними сведениями «обо всех существенных аспектах бытования и употребления важнейших русских слов» [8, с. 3]. Среди аспектов «сочетательная ценность слова получает характеристику в сочетаемости (что очевидно) фразеологической» зоне [11, с. 114], обозначенной в структуре словарной статьи \diamond (ромбом) – условным знаком для введения фразеологии. Именно из фразеологических зон словарных статей БУС как материала исследования методом сплошной выборки были собраны составные термины и наименования, выделенные нами в качестве объекта исследования.

Особенность репрезентации заголовочного слова как фразеологического компонента в структуре фразеологизма проявляется в его многократном повторении. Этот фразеологизм представлен во всех фразеологических зонах словарных статей, которые описывают полноточные слова, имеющиеся в его составе, а семантизация даётся «только один раз – в той статье, которая возглавляется грамматически опорным в данном фразеологизме словом» [8, с. 12]. Ср.: **Академический год** – см. **год**. **Академический отпуск** – см. **отпуск**. **Академический час** – см. **час**. **Академическая гребля** – вид гребного спорта, в к-ром спортсмены выступают на академических судах. **Академическая задолженность** – не сданные студентом в срок экзамены и/или зачёты по изучаемым учебным дисциплинам. **Академическое издание** – произведение печати, к-рое содержит научно выверенный текст, различные варианты, комментарии и другой справочный материал. **Академические суда (лодки)** – лёгкие спортивные лодки с узким удлинённым корпусом, вынесенными за борт уключинами и подвижными сиденьями [8, с. 25].

По результатам нашей выборки, употребление заголовочных слов в составе фразеологизмов репрезентируется в структуре более 2400 словарных статей БУСРЯ, где более 500 фразеологических зон включают составные термины и наименования. Например: 1. **Выйти в отставку** – перестать служить (о военнослужащих и государственных служащих высокого ранга). **Выйти на пенсию** – перестать работать, став пенсионером. **Выйти в эфир** – а) начать передавать что-л. по радио. **Выйти из берегов** – разлиться (о реке). **Выйти из бюджета** – допустить перерасход, истратить больше средств, чем запланировано бюджетом [8, с. 176]. 2. **Выходные данные (сведения)** – сведения о месте и времени выхода книги, о её тираже и т. п. [8, с. 177]. 3. **Комедия масок, комедия дель арте** *книжн.* – итальянская народная комедия, спектакли к-рой создавались посредством текстовой импровизации на основе устойчивого сценария и с участием традиционных персонажей (масок) [8, с. 438]. 4. **Коренные зубы** – задние пять зубов по обе стороны верхней и нижней челюсти. **Коренная лошадь, коренной конь** – лошадь в русской тройке, располагающаяся посередине, между двумя пристяжными [8, с. 450]. 5. **Альтернативная [гражданская] служба** – вид гражданской службы, к-рую гражданин обязан нести взамен военной, если последняя противоречит его убеждениям или вероисповеданию. **Действительная [военная] служба** – см. **действительный**. **Специальные службы / сокр. спецслужбы** *обычно мн.* – организации, к-рые работают в сфере государственной безопасности (разведка, контрразведка) [8, с. 1106].

Составные термины и наименования как «целостные словесные группы» были включены В.В. Виноградовым во фразеологический фонд на основании структурно-семантической целостности за счёт прямого и логически оправданного отношения «термина к обозначаемому им предмету или понятию», что и «делает соответствующую словесную группу эквивалентом слова. С познавательной точки зрения между составным термином – научным или техническим – и таким же простым номенклатурным ярлыком, например, названием какого-нибудь заведения,

предмета – большая разница. Но в бытовом языке эта разница часто стирается» [4, с. 132]. В качестве иллюстрации приведём репрезентацию в БУС заголовочного слова **ДОМ**, где во фразеологической зоне представлены 22 фразеологизма, из которых девять – составные наименования: **Белый дом** – а) резиденция Президента США в Вашингтоне; перен. правительство США как проводник той или иной политики (ср.: б) **неоффици**, место расположения правительства России – белое многоэтажное здание в центре Москвы). **Детский дом / сокр. детдом** – воспитательное учреждение для содержания детей, потерявших родителей или не имеющих возможность иметь нормальную семью. **Доходный дом** – многоквартирный дом, предназначенный для сдачи квартир внаём. **Игорный дом** – заведение, где играют в азартные игры на деньги. **Ночлежный дом** – помещение, предназначенное для того, чтобы в нём могли ночевать или проживать некоторое время бездомные люди. **Публичный дом** – заведение, в котором за плату оказываются сексуальные услуги. **Родильный дом / сокр. роддом** – медицинское учреждение, к-рое оказывает помощь при рождении ребёнка; здание такого учреждения, а также люди, к-рые в нём работают и/или находятся. **Дом быта** – предприятие, к-рое оказывает бытовые услуги населению (разнообразные виды ремонта, изготовление одежды, парикмахерские услуги и т. д.). **Дом моделей** – а) ателье высшего разряда по пошиву модной одежды; б) предприятие, фирма, к-рая занимается разработкой, изготовлением и продажей модной одежды [8, с. 266].

Неоднозначное отношение к включению во фразеологический фонд составных терминов и наименований определяет концепция В. Г. Дидковской, которая утверждает отсутствие у фразеологических сочетаний семантической целостности и существенное отличие свойств, «которые номинально объединяют их с фразеологизмами: устойчивость предстаёт как структурно-семантическая моделируемость, а связанная с ней воспроизводимость существует как матричная воспроизводимость» [5, с. 74]. Несомненно, разные обоснования статуса фразеологического сочетания отражаются не только во фразеологических словарях, но и, в первую очередь, толковых словарях, как наиболее доступных и востребованных источниках для удовлетворения запросов пользователей в поисках фразеологизма по известному слову – фразеологическому компоненту.

Замечание о достаточно полном представлении составных терминов «во всех типах терминологических словарей», где «их называют просто “двухкомпонентными” или “многокомпонентными” терминами» и не соотносят с терминологическими фразеологизмами, хотя «в различных словарях их удельный вес доходит до половины (а то и больше) всех терминов» [7, с. 16], актуализирует интерес к их репрезентации в БУС. Анализ фразеологических зон выявил разную степень семантической активизации заголовочного слова в структуре составных терминов и наименований, что объясняется развитием вторичных значений как результата «несколькоступенчатого процесса в естественном языке под влиянием детерминализации и деспециализации» [10, с. 319]. Например:

1. **Служба быта** – сфера бытового обслуживания населения (пошив и ремонт одежды, прачечные, парикмахерские, ремонт жилья и т.п.). **Служба доверия** – государственная или общественная структура, оказывающая срочную психологическую помощь нуждающимся в ней людям в форме беседы по телефону с психотерапевтом. **Служба занятости** – государственная структура, к-рая занимается вопросами трудоустройства безработных, их переквалификацией и выплатой пособий по безработице [8, с. 1106]. В компонентной структуре эксплицируется денотативная отнесенность данных терминологических фразеологизмов к государственным или социальным структурам.

2. **Пригласительный билет** – письменное (иногда именованное) приглашение на какое-л. мероприятие. **Проездной билет / разг. проездной** – билет в виде карточки, который даёт право проезда в определённом виде транспорта в течение всего обозначенного времени. **Единый билет / разг. единый** – проездной билет, который даёт право проезда на всех видах транспорта (муниципального). **Сезонный билет / разг. сезонка** – проездной билет, к-рый даёт право проезда в определённом виде транспорта (обычно в пригородных поездах) в течение всего сезона [8, с. 49]. Ассоциативная связь примеров данной группы с упрощёнными лексемами более иллюстрирует разговорный дискурс, чем принадлежность к терминологической системе.

3. **Педагогический совет / сокр. педсовет** – орган коллективного руководства школой и средним специальным учебным заведением, в состав к-рого обычно входят директор школы, его заместители, организаторы внеклассной воспитательной работы, все педагоги, председатель родительского комитета, школьный врач и библиотекарь. **Учёный совет** – а) коллективный орган руководства научной деятельностью вуза, научно-исследовательской и научно-производственной организации; б) совет по защите докторских и/или кандидатских диссертаций. **Совет Безопасности ООН** – один из основных органов Организации Объединённых Наций, функциями к-рого являются разрешение межгосударственных конфликтов и споров, поддержание международного мира и безопасности; в отличие от других органов его решения являются обязательными для стран – членов ООН [8, с. 1127]. В структуре составных терминов этой группы компонент *совет* актуализирует ассоциативную связь денотативного значения ‘коллегиальный совещательный орган’, усиливая семантику событийного элемента официального дискурса.

Проникновение терминологических словосочетаний как устойчивых номинативных единиц во фразеологический пласт общепотребительного языка не актуализирует массово в их семантической структуре экспрессивность и эмотивность, характерную для идиом. В своём большинстве они остаются «терминами определённой области знаний и фразеологическими единицами одновременно, принадлежа к различным стратификациям: термин, как известно, является лексической единицей, выражающей научное или специальное понятие; фразеологизм – устойчивое сочетание слов с осложнённой семантикой, общее значение которого невозможно вывести из значения его компонентов» [9, с. 3–4].

Анализ фразеологических зон, включающих составные термины, показывает разную степень семантической спаянности между заголовочным словом и другими структурными элементами в качестве фразеологических компонентов. Фразеологические сочетания vs свободные словосочетания и фразеологические сочетания vs идиомы, естественно, по-разному

проявляют общие и дифференциальные признаки. Для аргументации общности фразеологических сочетаний и свободных словосочетаний актуализируют грамматические отношения слов, составляющих указанные единицы, а также «аналитичность значения, сохранение живых синтаксических отношений и способа их выражения» [2, с. 359]. Можно согласиться со статусом промежуточного положения фразеологических сочетаний, выполняющих функцию «переходной ступени» от свободных словосочетаний к неразложимым фразеологизмам [2, с. 359]. Ср. репрезентацию общих и дифференциальных когнитивно-дискурсивных смыслов во фразеологизированных терминах родства: **Родной брат** – то же, что **брат** [1.0. Лицо мужского пола по отношению к другим лицам мужского и женского пола, являющимся детьми тех же родителей, а тжж. – в нестрогом употреблении – сын дяди или тётки]. **Единокровный брат** – брат, рождённый от того же отца, но другой матерью. **Единоутробный брат** – брат, рождённый той же матерью, но от другого отца. **Сводный брат** – сын отчима или мачехи от другого брака. **Молочный брат** – сын кормилицы по отношению к вскармливаемым ею другим детям, а также каждый из этих других детей мужского пола по отношению к детям кормилицы. **Названный брат** – мальчик, мужчина по отношению к неродному ему человеку, с которым он побратался, т. е. договорился считать друг друга братьями, относиться друг к другу как братья. **Двоюродный брат** – сын дяди или тётки. **Троюродный брат** – сын двоюродного дяди или двоюродной тётки [8, с. 67].

В структурно-семантической парадигме составных терминов выделяют «¹терминологические словосочетания, ²составные наименования, ³сложные термины, ⁴аналитические термины, ⁵многословные термины, ⁶многокомпонентные термины, ⁷нескогословные номинативные комплексы» [12, с. 654] (символы цифровой маркировки в приведённой выше цитате вставлены авторами статьи – Цю С. и Золотых Л.Г.). В БУС представлены все указанные выше виды, ср.: ¹*беглые гласные* (лингв.), *критическая масса*, *бумажные (безналичные, пластиковые, электронные) деньги*, *старая вера*; ²*проходной балл* (разг.), *большая политика*, *шестой континент* (публ.), *французская булка* (устар.); ³*внутренний конфликт*, *коридоры власти* (публ.), *внутренняя форма слова*; ⁴*банк-корреспондент*, *потребительская корзина*, *закрыть бюллетень*; ⁵*актёр на выходе*, *балет на льду*, *венчаться на царство* (истор.), *вид на жительство*; ⁶*адрес электронной почты*, *контрольный пакет акций*, *единство и борьба противоположностей*, *большая золотая медаль* (спорт.). ⁷**Абсолютная величина действительного числа матем.** – число, взятое без знака + (плюс) или – (минус) [8, с. 21]. **Международный олимпийский комитет / сокр. МОК; национальный олимпийский комитет / сокр. НОК** – общественная организация, к-рая занимается развитием, поддержкой и организацией международного (национального) олимпийского спортивного движения [8, с. 439]. **Чрезвычайный и Полномочный посол** – звание главы дипломатического представительства за границей, а также дипломат высшего дипломатического класса, носящий звание [8, с. 864]. Акцентируем репрезентацию аналитических терминов спортивной дискурсивной практики: **Ввести мяч в игру** – нанести первый удар по мячу, начав тем самым футбольную встречу или продолжив её после остановки. **Ввести шайбу в игру** – вбросить шайбу, разрешая тем самым начать хоккейную встречу или продолжить её после остановки [8, с. 87].

Приведённые группы иллюстрируют свободное значение и семантическую самостоятельность только одного компонента в структуре фразеологических сочетаний. Однако в сочетании компонентов составных терминов «участвуют в образовании их общего значения», проявляя разную степень функционально-семантического участия. «Это связано с тем, что одно из них имеет фразеологически связанное значение и нуждается в семантической поддержке другого слова (или группы слов)» [2, с. 356].

Семантика фразеологических сочетаний в результате детерминации, получая характерные черты терминосистемы, отличается однозначностью и точностью, ср.: 1. **Американский английский** – английский язык в той версии, в к-рой он используется в Соединённых Штатах Америки. **Американский испанский** – испанский язык в тех версиях, в к-рых он используется в испаноговорящих странах Латинской Америки. **Американский футбол** – сходная с регби спортивная командная игра с овальным мячом, распространённая в США, Канаде и некоторых других странах [8, с. 27–28]. 2. **Фотографическая бумага / сокр. фотобумага** – материал, на к-ром печатают фотографии, состоящий из бумажной основы и нанесённого на неё тонкого слоя фотографической эмульсии. **Наждачная бумага** – изделие для шлифовки и чистки металлических предметов, состоящее из бумажной основы и нанесённого на неё тонкого слоя толчёного твёрдого материала. **Копировальная бумага / разг. копирка** – тонкая бумага с нанесённым на неё слоем краски, легко отстающей при нажиме [8, с. 75].

Однако во фразеологических зонах БУС встречаются единичные случаи многозначных сверхсловных терминов, характеризующихся устойчивостью и экспрессивностью, к примеру: **Андреевский крест** – а) крест, перекладины которого пересекаются наискось (от имени апостола Андрея Первозванного, который, по преданию, был распят на таком кресте); б) голубой диагональный крест на Андреевском флаге; в) знак ордена Андрея Первозванного [8, с. 463]. **Золотой век** – а) в представлении древних народов: ранние счастливые времена существования человечества, жившего в полной гармонии с окружающим миром, не знавшего войн, вражды, бедности и т.п.; б) самый лучший, самый счастливый период чьей-л. жизни, период полного расцвета, полного осуществления планов, надежд [8, с. 90]. **Двойная бухгалтерия** – а) метод учёта, предполагающий фиксацию одних и тех же бухгалтерских операций в двух разных книгах; б) разг. действия, поведение, основанное на обмане [8, с. 76].

Взаимообусловленность антропоцентрической направленности БУС и его коммуникативной направленности связана с учётом «потребностей пользователей, изучающих русский язык как иностранный», «ориентацией на вид речевой деятельности» [11, с. 114], в частности, связана со степенью терминологической компетентности субъекта, определяющей потенциал «приобретения термином статуса общепотребительного фразеологизма. В процессе коммуникации наиболее значимую роль играет сфера осмысления. В рамках этой сферы и осуществляется постепенное преобразование термина во фразеологизм» [13, с. 205].

Частота выделения в исследованиях «подгруппы терминов, ставших терминологизмами: термины спорта, военного дела, морские термины, сфера охоты и азартных игр. <...> термины финансового дела, театра, юридической сферы, политики и дипломатии <...> медицинского дела» [6, с. 53], подтверждается репрезентацией составных терминов и наименований во фразеологических зонах словарных статей БУС. Отметим репрезентативную частотность фразеологических терминов некоторых научных направлений. 1. Имеющие целевую помету: **Правильная дробь матем.** – дробь, у к-рой знаменатель больше числителя. **Правильный многогранник матем.** – геометрическое тело со сторонами-гранями – одинаковыми правильными многоугольниками, все углы при вершинах к-рого равны [8, с. 879]. **Активная конструкция грамм.** – синтаксическая конструкция, к-рая состоит из подлежащего, обозначающего субъект действия, сказуемого, выраженного переходным глаголом в форме действительного залога, и прямого дополнения к этому глаголу, обозначающего объект действия [8, с. 26]. **Коренная порода; коренное месторождение геол.** – порода, месторождение, к-рые находятся на месте своего первоначального образования [8, с. 450]. 2. Представленные без отнесённости к научной области: **Короткие волны** – радиоволны длиной от 10 до 100 м, а также диапазон, в пределах к-рого принимаются радиоволны такой длины. **Короткое замыкание** – образование электрического контакта, не предусмотренного нормальными условиями работы, к-рое вызывает нарушение работы электрической цепи и часто выводит из строя питающийся от неё прибор [8, с. 453]. **Абсолютная истина** – совершенно достоверное знание о явлениях объективной действительности, к к-рому ничего уже нельзя прибавить [8, с. 21]. **Абсолютная монархия** – форма государственного правления, при к-рой верховная власть целиком принадлежит монарху [8, с. 21]. **Средние века** – период европейской истории и культуры со времени падения Римской империи до начала эпохи Возрождения, т.е. примерно с V в. (последний римский император малолетний Ромул Августул в 476 г.) до рубежа XIV–XV вв. [8, с. 90]. 3. Религиозные термины: **Американская православная церковь** – поместная автокефальная православная церковь, возглавляемая митрополитом и управляемая архиерейским синодом, юрисдикция к-рой распространяется не только на православных верующих, но и на часть верующих Канады, Мексики, Аргентины, Бразилии, Перу, Венесуэлы и Австралии [8, с. 28]. **Братья во Христе** – христиане [8, с. 67]. **Наперсный крест** – четырёх- или восьмиконечный крест, носимый священниками на персях (т. е. на груди) поверх облачения. **Непрестольный крест** – крест, к-рый находится на стоящем посредине алтаря престоле (рядом с Евангелием) и выносится священником на амвон во время проповеди, крестного хода. **Нательный крест** – маленький освящённый крест-распятие из золота, серебра, олова, дерева и т. п., к-рый человек получает при крещении и носит всю жизнь на груди (на цепочке или тесьме) под одеждой [8, с. 463]. Также во фразеологических зонах представлены такие составные наименования, как пищевые метафоры: **Рубленая котлета** – котлета, приготовленная из измельчённого мяса. **Отбивная котлета** – размячённый ударами и зажаренный кусок мяса с рёбрышками [8, с. 456]. **Кислые щи** – щи из квашеной капусты. **Зелёные щи** – щи из щавеля, шпината и т.п. **Суточные щи** – щи, к-рые едят на следующий день после из приготовления. **Пустые щи** – щи без мяса, жиров [8, с. 1421].

Составные термины и наименования, являясь фразеологическими сочетаниями, – номинативные единицы, образованные при взаимодействии и взаимовлиянии процесса фразеоморфирования и дискурсивных пространств терминологических образований разнонаправленных векторов научного познания, профессиональной и общественной практики индивида. Следует отметить, что дискурсивное пространство, выступая как дискурс порождения фразеологических терминологических сочетаний, имеет прозрачную связь с дискурсом функционирования, что возможно определить как дискурсивную практику.

В рамках одной статьи невозможно представить многоаспектность фразеографической интерпретации в БУС составных терминов и наименований. Анализируемый в данной статье материал исследования лишь частично репрезентирует заголовочные слова в качестве фразеоморфозографических компонентов составных терминов и наименований. Несомненная ценность «Большого универсального словаря русского языка» в плане изучения составных терминов и наименований объясняется широким фразеографическим диапазоном. Выбранные из фразеологических зон словарных статей БУС номинативные единицы используются как графические примеры для иллюстрирования аспектов исследования. Перспектива дальнейшего исследования составных терминов и наименований определяется изучением взаимосвязи дискурсивного пространства терминологических фразеологизмов и дискурса их функционирования – дискурсивной практики.

Список источников

1. Андрианова Д. В. Изменение лексикографических принципов представления фразеологизмов и устойчивых сочетаний слов в «Словаре современного русского литературного языка» и в «Большом академическом словаре русского языка» // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 71–82.
2. Ван Ваньвань. Место фразеологических сочетаний в системе языковых единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, Вып. 2. С. 355–360.
3. Васильев А. И. Фразеологический словарь языка В. И. Даля. Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2016. 202 с.
4. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды : Лексикология и лексикография. Москва : Наука, 1977. С. 118–139.
5. Дидковская В. Г. О системных свойствах фразеологических сочетаний // Вестник Череповецкого государственного университета 2015. № 2. С. 71–75.
6. Кудрявцева И. П. Прозрачность значения идиом терминологического происхождения в современном английском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2019. Вып. 5 (202). С. 53–57.
7. Малина З. М. Терминологические фразеологизмы и их презентация в словарях русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Москва, 1999. 18 с.

8. Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина / Под ред. В. В. Морковкина. Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА ; Словари XXI века, 2016. 1456 с. (Фундаментальные словари).
9. Никулина Е. А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 // Моск. пед. гос. ун-т. Москва, 2005. 40 с.
10. Никулина Е. А. К типологии английских терминологизмов // Преподаватель XXI века. 2015. № 4. С. 318–323.
11. Ольховская А. И. Рецензия на книгу : В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая Большой универсальный словарь русского языка // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 110–121.
12. Павлова Н. А. Фразеологизмы терминологического происхождения во фразеологическом описании // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 654–661.
13. Трубаева Е. И. Особенности терминологизации фразеологических единиц в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (54). 2015. Ч. 3. С. 204–206.

References

1. Andrianova D. V. Izmenenie leksikograficheskikh principov predstavleniya frazeologizmov i ustojchivyh sochetanij slov v «Slovare sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka» i v «Bol'shom akademicheskom slovare russkogo yazyka». Voprosy leksikografii. 2019;(15):71–82.
2. Van Van'van'. Mesto frazeologicheskikh sochetanij v sisteme yazykovykh edinic. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021;14(2):355–360.
3. Vasil'ev A. I. Frazeologicheskij slovar' yazyka V.I. Dal'ya. Elec : EGU im. I. A. Bunina. 2016:202.
4. Vinogradov V. V. Osnovnye ponyatiya russkoj frazeologii kak lingvisticheskoj discipliny. Izbrannye trudy : Leksikologiya i leksikografiya. Moscow: Nauka. 1977:118–139.
5. Didkovskaya V. G. O sistemnykh svojstvakh frazeologicheskikh sochetanij. Vestnik Serepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2015;(2):71–75.
6. Kudryavceva I. P. Prozhnchnost' znacheniya idiom terminologicheskogo proiskhozhdeniya v sovremennom anglijskom yazyke. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2019;5(202):53–57.
7. Malina Z. M. Terminologicheskie frazeologizmy i ih prezenta-ciya v slovaryah russkogo yazyka. Moscow. 1999:18.
8. Morkovkin V. V., Bogachyova G. F., Luckaya N. M. Bol'shoj univer-sal'nyj slovar' russkogo yazyka : Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina; ed. V. V. Morkovkin. Moscow: AST-PRESS KNIGA; Slovarei XXI veka. 2016:1456. (Fundamental'nye slovarei).
9. Nikulina E. A. Terminologizmy kak rezul'tat vzaimodejstviya i vzaimovliyaniya terminologii i frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka. Moscow. 2005:40.
10. Nikulina E. A. K tipologii anglijskikh terminologizmov. Prepodavatel' XXI veka. 2015;(4):318–323.
11. Ol'hovskaya A.I. Recenziya na knigu: Morkovkin V.V., Bogachyo-va G.F., Luckaya N.M. Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo yazyka. Voprosy leksikografii. 2016;(10):110–121.
12. Pavlova N. A. Frazeologizmy terminologicheskogo proiskhozh-deniya vo frazeograficheskom opisani. Problemy istorii, filolo-gii, kul'tury. 2009;2(24):654–661.
13. Trubaeva E.I. Osobennosti terminologizacii frazeologicheskikh edinic v sovremennom anglijskom yazyke. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Ch. 3. 2015;12(54):204–206.

Информация об авторах

Цю Синь – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русского языка.
Л. Г. Золотых – доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

Qiu Xin – Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Dean of the Faculty of Russian Language.

L. G. Zolotykh – Doctor of Philology Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.09.2022; одобрена после рецензирования 09.10.2022; принята к публикации 20.10.2022.

The article was submitted 10.09.2022; approved after reviewing 09.10.2022; accepted for publication 20.10.2022.

**Устойчивые ответные реплики
в лингвокультурологическом аспекте**

Мария Леонидовна Лаптева

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, hohlina2004@yandex.ru

Аннотация. В данной статье уточняется понятие устойчивой ответной реплики и место данных единиц во фразеологической системе русского языка. Выделяются типы устойчивых ответных реплик по функции в диалогической речи, описывается их лингвокультурологический потенциал: специфика отражения подобными репликами стереотипов и ценностных установок членов русского лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: устойчивая ответная реплика, лингвокультура, национально-культурная маркированность, разговорная речь

Для цитирования: Лаптева М. Л. Устойчивые ответные реплики в лингвокультурологическом аспекте // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 86–90.

Original article

Stable reciprocal replicas in the linguoculturological aspect

Mariya L. Lapteva

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, hohlina2004@yandex.ru

Abstract. This article clarifies the concept of a stable reciprocal replicas and the place of these units in the phraseological system of the Russian language. The types of stable response replicas by function in dialogic speech are distinguished, their linguistic and cultural potential is described: the specifics of the reflection of stereotypes and value attitudes of members of the Russian linguocultural community by such replicas.

Keywords: stable reciprocal replica, linguoculture, national-cultural marking, colloquial speech

For citation: Lapteva M. L. Stable reciprocal replicas in the linguoculturological aspect. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):86–90. (In Russ.).

Изучение устойчивых ответных реплик, характерных для русской диалогической речи, становится возможным с лингвокультурологических позиций, поскольку названные единицы дают представление о стереотипах русского коммуникативного поведения и мышления, об особенностях межличностных отношений, специфике проявления психических реакций говорящего, его культурных установках и понятии нормы в этикетном общении.

Такие черты коммуникативного поведения русских, как общительность, высокая эмоциональность, пониженная императивность этикетных норм и пониженная вежливость в диалогическом общении, выделенные Ю. Е. Прохоровым и И. А. Стерниным [11, с. 300–301], находят проявление в содержании ответных реплик, репрезентирующих различные реакции участников коммуникации на слова «другого» говорящего.

Актуальность данной статьи определяется тем, что, во-первых, в современной лингвистике до сих пор нет общепринятого термина для обозначения рассматриваемого языкового явления, во-вторых, не определен общий корпус устойчивых ответных реплик, не описаны детально их структура и семантика, а также функциональный и лингвокультурный потенциал.

Находясь на периферии фразеологического поля русского языка и отличаясь от ядерных фразеологических единиц по структуре и семантическим параметрам, устойчивые ответные реплики, тем не менее, представляют собой уникальное явление русской фразеологии и требуют особого исследовательского внимания со стороны современных фразеологов. В. Н. Телия совершенно справедливо указывает на необходимость изучения периферийных зон: «Без исследования взаимодействия и взаимопроникновения различных страт корпуса фразеологии невозможно создать сколько-нибудь полное впечатление о структурно-семантическом разнообразии фразеологизмов» [13, с. 288].

Попытки решить проблему терминологической квалификации рассматриваемых нами единиц предпринимались во фразеологии неоднократно. В разное время для подобных единиц были предложены такие термины, как контекстуальные устойчивые фразы (В. Л. Архангельский, 1964), контекстуальные пословицы и поговорки (В. П. Жуков, 1967), устойчивые фразы с конкретной ситуативной направленностью (Г. В. Эйгер, 1968), фразеорефлексы (В. Г. Гак, 1995), эхо-реплики (П. А. Клубков, 2002), формулы ответа (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, 2003), ответные реплики (В. Т. Бондаренко, 2005), ответные фразеореплики (Г. М. Мандрикова, 2008), фразеоиды (В. Г. Коган 2018). Остановимся, вслед за В. Т. Бондаренко, на термине «устойчивые ответные реплики», который подчёркивает, что данные языковые знаки обладают основными признаками – устойчивостью в языке и воспроизводимостью в речи. Сложность однозначного отнесения ответных реплик к фразеологическим единицам определяется тем, что в структурно-формальном отношении данные образования являются как однословными (– *Как?* – **Секрет фирмы.**), так и однословными (– *Как?* – **Молча.**).

Устойчивые ответные реплики подчиняются известной схеме «стимул – реакция», что проявляется в синтагматической связанности подобных единиц, их обусловленности предшествующим речевым актом, который является для них актуализатором. Данные реплики могут рассматриваться только как семантико-грамматическая часть диалогического единства.

Несмотря на активность использования ответных реплик в разговорной речи и их этнокультурную познавательную ценность, следует констатировать, что множество подобных единиц до сих пор остаётся незафиксированным в словарях. Единично устойчивые ответные реплики впервые были представлены в известном сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа» (1862 г.). Например:

– *Как ваше житье?* – **Наше житье: вставши да за вытье.**

– *Постой!* – **За постой деньги платят, а посиделки даром.**

Наиболее полным на сегодняшний день лексикографическим источником, отражающим данные языковые единицы, является словарь В. Т. Бондаренко «Устойчивые ответные реплики в диалогической речи» (2013).

Можно выделить несколько основных функций, которые выполняют устойчивые ответные реплики в диалоге:

1. Этикетная функция, характерная для реплик, выступающих своеобразными формулами речевого этикета, поддерживающими положительную тональность всего коммуникативного акта. Например:

– *Как здоровье?* – **Здоровье в порядке – спасибо зарядке.**

Однако чаще между коммуникантами разыгрывается псевдоэтикетное общение. Сравним:

– *Здрасьте!* – **Забор покрасьте!**

В данном контексте разговорная форма *здрасьте* используется не как приветствие, а как форма выражения удивления или недоумения, на что в качестве ответа появляется не менее неожиданная и логически не связанная с ситуацией общения реплика.

2. Функция уклонения от неуместных или нежелательных вопросов собеседника, реализованная в процессе использования ответных реплик, с помощью которых говорящий отвечает на вопрос неопределённо, размыто, не по существу, отшучиваясь, применяя языковую игру и пр. Например:

– *Зачем?* – **За острой необходимостью.**

– *Есть?* – **Есть, да не про твою (вашу) честь.**

Зачастую собеседник, с точки зрения говорящего, вторгается в его личную зону, проявляет чрезмерное любопытство, задаёт лишние вопросы, начинающиеся со слов *где, куда, откуда, почему*. В результате он может получить алогичный шуточный псевдоответ. Например:

– *Ты куда?* – **На кудыкину гору.**

– *Ты где?* – **В Караганде.**

Иногда псевдоответу предшествуют передразнивающие цитации, в отдельных случаях – повторяется вопросительное слово. Например:

– *Неудобно.* – **Неудобно в кармане зонтик раскрывать.**

– *Можно?* – **Можно, только осторожно.**

Предполагается, что отвечающий в это время пребывает в эго-состоянии Родителя или Взрослого (в терминологии Э. Берна), который пытается отучить собеседника (Ребёнка) задавать лишние или неуместные вопросы.

3. Коннотативная функция, характерная для реплик, дающих оценку «чужому» слову, которое в большинстве случаев воспринимается неодобрительно, вызывает порицание, нежелание, несогласие и пр. Например:

– *Пока!* – **За пока бьют в бока и ломают кости.**

– *Спорим?* – **Кто спорит, тот говна не стоит.**

При этом стимульная реплика может быть абсолютно нейтральной, и для адресанта ответная реакция адресата, возможно, окажется непредсказуемой. Сравним:

– *Спасибо!* – **Чтоб тебя скосило!**

Названными тремя основными функциями, безусловно, не ограничивается все многообразие использования устойчивых ответных реплик. Большая часть из них, на наш взгляд, является не чем иным, как проявлением лингвокреативных способностей говорящего, а употребляемые им ответные реплики – элементами языковой игры, отражающими специфику ведения носителями русского языка непринужденного обиходно-бытового разговора. Так, само количество ответных реплик во много раз превышает количество реплик-стимулов. На тривиальный вопрос *Как дела?* в русском коммуникативном пространстве функционирует не менее десятка устойчивых ответных реплик, от шуточных до циничных.

В словаре В. Т. Бондаренко зафиксированы следующие реплики: *Как в танке. Кручусь, как юла. Лучше не бывает. Все хоккей. Как обычно. Ничего. Полный абзац. Дела все в папках. Делов, как дров.*

В наших материалах отмечены и такие единицы, как *Вашими молитвами. Все пучком. Все тип-топ. Лучше всех. Дела идут, <контора пишет>. Как сажа бела. Дела у прокурора, а у нас делишки. Пока не родила, как рожу, так и скажу.*

Наряду с ответными репликами, являющимися безобидными и добродушными шутками, в корпусе находим и единицы, нацеленные на высмеивание адресата, унижение, издёвку и даже оскорбление.

– *Где?* – **У тебя на бороде.** или **В бане на гвозде.**

– *Куда?* – **Тащить кобылу из пруда.** или **Ж* резать провода.**

– *Почему?* – **По кочану и ложкой по лбу.**

Кроме того, анализируемые нами диалогические единства, отражая русский национальный характер, предполагают открытость и откровенность между собеседниками, поэтому некоторые ответные реплики в лаконичной, но семантически ёмкой форме раскрывают его важную особенность – коммуникативный пессимизм. Примером может служить целый ряд ответных реплик на вопрос *Как живёшь (живете)?* – *Живём без кручины: нет ни дров, ни лучины. Живём в тоске,*

спит на голой доске. Живём на горке, а хлеба ни корки. Живём, не плачем, так ревём. Живём, пока мышь головы не отъела. Живём хорошо: за нуждой в люди не ходим, своей хватает. Живём хорошо, а вот можем плохо. Жил бы хорошоенько, да денег маленько. Подобные реплики, демонстрирующие коммуникативному партнёру сложность и безрадостность жизни, неудовлетворённость ею, скрывающие за шуткой грусть, могут стать началом дальнейшего откровенного разговора или, напротив, завершить его.

Основное, на что хотелось бы обратить внимание в ходе анализа устойчивых ответных реплик, это на их отнесенность к единицам, объективирующим национальное мировидение и мировосприятие.

Ключевая роль, на наш взгляд, отводится устойчивым ответным репликам, которые используются в качестве так называемых эвфемизмов-оберегов [12, с. 68–74]. Образным основанием многих реплик-реакций становится *Бог (бог)*, который упоминается при ответе на тот же вопрос *Как живёшь (живете)? / Как поживаешь (поживаете)? / Как живётся? / Как жизнь? / Как житье?* Сравним: *Слава Богу. Бога гневить нечего. Бог милует. Живём, пока бог грехи терпит. Живём не широко, а узким бог помилует.* Заметим, что, в отличие от перечисленных выше ответных реплик, высказывания с компонентом *бог* передают позитивное восприятие говорящим окружающей действительности и собственной жизни.

Вспомним другие устойчивые реплики, которые содержат компоненты, называющие значимые элементы русской религиозной культуры. Помимо лексемы *бог*, встречаем реплики с компонентами *грех* и *молитва*:

- *Как жизнь? – Грех жаловаться.*
- *Как дела? – Ваши молитвами.*

Чувственное восприятие жизни у русского человека выражается в рефлексии на чувства и переживания ближнего. Действительно, в корпусе устойчивых ответных реплик встречаются единицы, являющиеся реакциями коммуниканта на высказывания с оценочными словами-предикативами: *жалко, неудобно, стыдно*, объективирующими морально-нравственное состояние человека, попавшего в ситуацию, когда он осознает, что его слова или поведение отклоняются от социальной нормы, противоречат установленным правилам и т.п.

Чувства жалости, стыда, неловкости особо значимы для русского самосознания в этическом плане, поэтому на признание говорящего в том, что он испытывает неловкость от осознания предосудительности или неблагоприятности своего поступка или положения, своих слов, собеседник, которому знакомо это чувство, в знак сочувствия субъекту эмоционального переживания может быстро предложить своего рода «формулы утешения», составляющие часть русского лингвокультурного «инвентаря»: *Стыд не дым, глаза не выест. Стыд не кислота, дырок не оставляет. Стыдно, у кого видно. Неудобно, когда сапоги (ботинки) жмут. Неудобно штаны через голову надевать. Неудобно спать на потолке – одеяло падает. Жалко у пчёлки и др.*

Приведённые языковые примеры наглядно показывают, что для членов русского лингвокультурного сообщества характерно особое чувственное восприятие жизни и сосредоточенность на внутренней (духовной) стороне жизни. Русский философ Н. А. Бердяев пишет в связи с этим следующее: «Русские – самый общительный народ в мире. У русских нет условностей, нет дистанции, есть потребность часто видеть людей, с которыми у них даже нет особенно близких отношений, выворачивать душу, ввергаться в чужую жизнь...» [3, с. 471].

В целом собранный языковой материал позволил разделить устойчивые ответные реплики на две большие группы:

- 1) собственно ответные устойчивые реплики, которые являются ответными реакциями на вопрос-стимул;
- 2) реактивные устойчивые ответные реплики, представляющие собой экспрессивную реакцию говорящего на какое-либо высказывание собеседника.

Распределение языкового материала на группы базируется на учёте того, какая именно реплика стимулировала появление ответного высказывания – вопросительная или невопросительная. Подчёркнём, что устойчивые ответные реплики, на наш взгляд, порождаются регулярными репликами-стимулами, которые также могут стать объектом лингвокультурологического комментирования.

Так, нами выделено 35 вопросов-стимулов, 30 из которых получены методом сплошной выборки из словаря В. Т. Бондаренко (*Кто там? Точно? Что делать?* и др.), а 5 стимульных реплик добавлены в результате наблюдений за диалогической речью носителей русского языка разных возрастных групп: студенческой молодёжи, людей среднего и старшего возраста (от 20 до 60 лет). В наших материалах зафиксированы, например, следующие вопросно-ответные единства:

- *Русский? – В попе узкий.*
 - *Купишь? – Купишь уехал в Париж (а остался один кукиш).*
 - *А вам не всё равно? – Нам татарам всё равно, что повидло (варенье), что говно.*
- (Ср. *Нам татарам лишь бы даром*).
- *(А) вдруг? – Вдруг бывает только пук.*
 - *А ты? – Насрал в кусты.*
 - *Что (чего) такой грустный? – Х*й сосал невкусный.*

Материал показывает, что среди устойчивых ответных реплик немало оценочных, в том числе и грубо-просторечных, вульгарных или обценных, на употреблении которых традиционно лежит запрет. Тем не менее они являются неотъемлемой частью русской лингвокультуры и активно используются носителями языка в устной речи.

С лингвокультурологических позиций интерес представляет немногочисленная подгруппа единиц, которые условно можно назвать авторскими, так как они восходят к репликам, принадлежащим герою какого-либо художественного произведения, фильма или мультфильма. Например:

- *Откуда? – От верблюда.*

В целом данное вопросно-ответное единство является цитатой из известной сказки в стихах К. И. Чуковского «Телефон» (1924 г.). Сама вопросная реплика достаточно широко

распространена в разговорной речи, а вот одна из множества потенциально возможных ответных – **От верблюда** – приобрела устойчивый характер и актуализируется благодаря тексту К. И. Чуковского. То же можно сказать и о вопросно-ответном единстве – *Что вам надо?* – *Шоколада*. Сравним:

– *Как?* – **Элементарно, Ватсон!**

Данная устойчивая ответная реплика вошла в речевое употребление после выхода советского сериала «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» (1979 г.), снятого по мотивам произведений Артура Конан Дойла. Языковая память поддерживается знанием отечественного кинематографа, где эту фразу произносил Шерлок Холмс после раскрытия очередного преступления. Согласно материалам нашего исследования, названное выражение всегда функционирует как ответная реплика, однако стимульная реплика может быть разной. Сравним: – *Откуда ты знаешь?* – **Элементарно, Ватсон** (Н.В. Нестерова. Лялька, или Квартирный вопрос); – *Вы что, сейфы вскрываете?* – **Элементарно, Ватсон**, – *хмыкнул Рома* (А. Берсенева. Полет над разлукой).

Сравним: – *Кто там?* – **Почтальон Печкин**.

Устойчивая ответная реплика связана с одним из героев советского мультфильма «Трое из Простоквашино» (1978 г.), который в 2018 году получил продолжение в виде мультсериала «Простоквашино». Следовательно, образ актуализируется в современном коммуникативном пространстве, а реплика сохраняется в языковом сознании современных носителей русского языка.

Напомним, что большая часть устойчивых ответных реплик, которые обозначаются нами как реактивные, строится на рифме, являющейся основным приёмом организации единства инициальной и ответной реплик. Часть подобных реплик включает в себя обсценную лексику, часть – создаёт каламбур, шутку, балагурство, часть – оксюморонный образ. Приведём несколько примеров для подтверждения наших слов:

– *Короче!* – **Магадан и Сочи**.

– *Добрый вечер!* – **Я диспетчер**.

– *Молодец!* – **Огурец!**

Подобные устойчивые ответные реплики направлены на балагурство. При этом собеседник намерено острит, паясничает, шутит.

Устойчивые ответные реплики, будучи частью фразеологического корпуса языка, выражают культурно значимую информацию в коннотативном аспекте значения, выступающем их образно-мотивированным основанием. «Интерпретация последних происходит на основе рефлексивного – бессознательного или осознанного – соотношения их значения в конкретной речевой ситуации с известными говорящему культурными установками» [13, с. 64].

К этнокультурно маркированным можно отнести устойчивые ответные реплики, которые содержат в себе информацию об артефактах, известных представителям только русской лингвокультурной общности. Например, реплика-стимул *Ну!* порождает такие реплики-реакции: *Лапти гну!* *Баранки гну!*, где слова «лапти» и «баранки» отличаются культурной коннотацией. *Лапти* в восприятии русских – это один из важнейших символов традиционного национального быта, который становится вербальной символической единицей, имеющей различные значения (чаще – о чём-то простом, незатейливом, недорогом). *Баранки* же соотносятся с пищевым кодом культуры и также получают вербализацию (*конфетки-бараночки, нести по баранки* и др.).

Анализируя устойчивые ответные реплики, приходим к выводу, что они могут передавать отношение русского человека к различным сферам своего бытия и деятельности. Остановимся на устойчивых ответных репликах, объективирующих отношение к работе. Среди них высокой степенью частотностиобладают выражения, демонстрирующие нежелание работать или спешить с работой, либо выражают отказ от неё. Так, ответными реакциями на вопрос «Как работа?» в речи носителей русского языка становятся реплики:

– *Работа дураков любит*.

– *Хорошая работа загонит в гроб и бегемота*.

– *Работа не волк, в лес не убежит*.

– *Пусть кони без отдыха пашут*.

– *Пусть медведь работает*.

– *Пусть трактор работает: он железный*.

Например, подтверждение находим в диалогической речи героев повести «Зона» С. Довлатова: «– *Как работаете, – поинтересовался Фидель, – надеюсь, с огоньком?* – **Пускай медведь работает, – ответила Надежда. Зина высказалась ещё более решительно: – Тяжелее хрена в руки не беру...** *Фидель уважительно приподнял брови*».

Таким образом, устойчивые ответные реплики – это национально специфическое языковое и речевое явление. Являясь меткими речевыми оборотами, такие реплики порождаются носителями русского языка, оперирующими понятиями и категориями, характерными именно для русского культурного пространства. Данные реплики способны передавать представления русских о мире и человеке в нём так же, как и другие единицы богатой фразеологической системы.

Следует отметить, что система устойчивых ответных реплик является открытой и ограничена, пожалуй, только возможностями лингвокреативного мышления носителей русского языка, чьё творческое начало порождает все новые и новые ответные реплики или трансформировать те единицы, которые приобрели свойство устойчивости и воспроизводимости.

Список литературы

1. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1964. 315 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Речевые формулы в русском языке (определение и типология) // Русский язык сегодня. Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX века. Москва: Азбуковник, 2003. С. 41–53.

3. Бердяев Н. А. Самопознание : Мемуары. Москва : СП «ДЭМ»: Междунар. отношения, 1990. 334 с.
4. Бондаренко В. Т. Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2013. 339 с.
5. Гак В. Г. Фразаорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995. № 4. С. 47–55.
6. Ейгер Г. В. Устойчивые фразы с конкретной ситуативной направленностью // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц / Отв. ред. В. Д. Архангельский. Тула : Изд-во Тульск. гос. пед. ин-та, 1968. С. 184–186.
7. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / Сост. В. П. Жуков. Москва : Сов. энциклопедия, 1967. 535 с.
8. Коган Е. С. О статусе некоторых устойчивых единиц в речи социальной микрогруппы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. № 3. С. 42–51.
9. Мандрикова Г. М. Ответные фразеореплики, или Зачем мы так говорим? // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Международная конференция (V Бодуэновские чтения) : Труды и материалы / Под общей ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. Новосибирск, 2015. С. 214–216.
10. Клубков П. А. Говорите, пожалуйста, правильно / П. А. Клубков. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 189 с.
11. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. Москва : Флинта, 2011. 326 с.
12. Романов С. И. Лингвокультурный потенциал эвфемизмов-оберегов // Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (77). С. 68–74.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

References

1. Arhangel'skij V. L. Ustojchivye frazy v sovremennom russkom yazyke. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostov. gos. un-ta. 1964:315.
2. Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Rechevye formuly v russkom yazyke (opredelenie i tipologiya). Russkij yazyk segodnya. Vyp. 2. Aktivnye yazykovye processy konca XX veka. Moscow: Azbukovnik, 2003:41–53.
3. Berdyaev N. A. Samopoznanie: Memuary. Moscow: SP «DEM»: Mezhdunar. otnosheniya. 1990:334.
4. Bondarenko V. T. Otvetnye repliki v russkoj dialogicheskoj rechi: slovar'. Tula: Tula State Pedagogical Un-ty named after L. N. Tolstoy Publ. 2013:339.
5. Gak V. G. Frazeeofleksy v etnokul'turnom aspekte. Filologicheskie nauki. 1995;(4):47–55.
6. Ejger G. V. Ustojchivye frazy s konkretnoj situativnoj napravlenno'st'yu. Problemy ustojchivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinic. Ed. V. D. Arhangel'skij. Tula: Tula State Pedagogical in-te Publ., 1968:184–186.
7. Zhukov V. P. Slovar' russkikh poslovic i pogovorok. Moscow: Sov. Enciklopediya. 1967:535.
8. Kogan E. S. O statuse nekotoryh ustojchivykh edinic v rechi social'noj mikrogruppy. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. 2018;(3):42–51.
9. Mandrikova G. M. Otvetnye frazeorepliki, ili Zachem my tak govorum? I. A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika. Mezhdunarodnaya konferenciya (V Boduenovskie chteniya): Trudy i materialy. Pod obshchey redakciej K. R. Galiullina, E. A. Gorobec, G. A. Nikolaeva. Novosibirsk, 2015:214–216.
10. Klubkov P. A. Govorite, pozhalujsta, pravil'no. Saint Petersburg: Norint. 2000:189.
11. Prohorov Yu. E., Sternin I. A. Russkie: kommunikativnoe povedenie. Moscow: Flinta. 2011:326.
12. Romanov S. I. Lingvokul'turnyj potencial evfemizmov-oberegov. Gumanitarnye issledovaniya. 2021;1(77):68–74.
13. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury». 1996:288.

Информация об авторе

М. Л. Лаптева – доктор филологических наук

Information about the author

M. L. Lapteva – Doctor of Philological Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.09.2022; одобрена после рецензирования 09.10.2022; принята к публикации 20.10.2022.

The article was submitted 10.09.2022; approved after reviewing 09.10.2022; accepted for publication 20.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 92–94.

Humanitarian Researches. 2022;4(84):91–94.

Научная статья

УДК 81

Doi: 10.54398/18184936_2022_4_92

К проблеме заимствования новых слов в ингушском языке

Марифа Магомедовна Султыгова¹, Альмира Магомедовна Казиева², Хадишат Исраиловна Нальгиева³

^{1,3}Ингушский государственный университет, Магас, Республика Ингушетия, Россия

²Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

¹marifa_sultygova@mail.ru

²kazieva@pglu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме заимствования новых слов, ставших языковым фактом ингушского языка, актуальности научных исследований, направленных на комплексное рассмотрение лексических единиц в аспекте неологии. Актуализируется проблема лексикографической фиксации неологизмов в словарях разных типов. Приведены некоторые основные методы неографирования в ингушском языке.

Ключевые слова: неологизмы, лексикография, неография, ингушский язык, заимствования, калькированная лексика

Для цитирования: Султыгова М. М., Казиева А. М., Нальгиева Х. И. К проблеме заимствования новых слов в ингушском языке // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 92–94. http://dx.doi.org/10.54398/18184936_2022_4_92.

Original article

On the problem of borrowing new words in the Ingush language

Marifa M. Sultygova¹, Almira M. Kazieva², Khadishat I. Nalgieva³

^{1,3}Ingush State University, Magas, Republic of Ingushetia, Russia

²Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

¹marifa_sultygova@mail.ru

²kazieva@pglu.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of borrowing new words that have become a linguistic fact of the Ingush language, the relevance of scientific research aimed at a comprehensive consideration of lexical units in the aspect of neology. The problem of lexicographic fixation of neologisms in dictionaries of different types is actualized. Some basic methods of non-graphing in the Ingush language are given.

Keywords: neologisms, lexicography, neography, Ingush language, borrowings, calque vocabulary

For citation: Sultygova M. M., Kazieva A. M., Nalgieva Kh. I. On the problem of borrowing new words in the Ingush language. *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2022;4(84): 92–94. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.54398/18184936_2022_4_92.

Лексику принято называть зеркалом времени, так как именно она отражает состояние и развитие общественной жизни. Наблюдаемые изменения в экономической, политической и общественной жизни так или иначе обуславливают перемены в словарном составе языка.

В ингушском языке происходит постоянный процесс обновления и развития словарного состава. Появление новых слов, прежде всего англицизмов и интернационализмов, привносят в языковое общение некоторые сложности, особенно на начальном этапе их появления в языке.

Актуальность исследования проблемы лексикографии новых слов обусловлена тем, что применительно к ингушскому языку отсутствуют научные исследования, касающиеся комплексного рассмотрения лексических единиц в аспекте неологии и адаптации новаций.

Исходя из указанного нами определены следующие задачи настоящей работы:

- 1) установить пути и способы появления новых слов в ингушском языке;
- 2) выявить тематические группы новых слов;
- 3) разработать рекомендации в вопросе отражения новых слов в лексикографических работах по ингушскому языку.

Научная новизна исследования состоит в том, что данная статья является первой попыткой комплексного исследования новых лексических единиц ингушского языка, позволившей представить наиболее значимые фрагменты языковой картины мира современных носителей исследуемого языка.

Теоретическая значимость состоит в том, что результаты настоящего исследования вносят определённый вклад в изучение современной неографии применительно к кавказским языкам и сравнительной типологии нахских языков.

Практическая ценность работы заключается в использовании материалов проведённого анализа при составлении словарей новых слов в ингушском и чеченском языках.

Традиционно современная лексикография использует следующие методы неографирования: 1) внесение узусальных неологизмов в очередное издание толкового словаря; 2) создание словаря новых слов (неологизмов); 3) создание дополнений к ранее изданным словарям.

В зависимости от пути появления в языке, новую лексику можно разделить на следующие пять групп:

1. Заимствования из русского языка и посредством него из европейских языков, включающие в себя: а) новые слова; б) новые значения слов.

2. Калькированная лексика, представляющая собой: а) словообразовательные кальки; б) семантические кальки; в) полукальки. В эту группу входят также описательные конструкции и неадекватные лексические новообразования.

3. Новая лексика, возникшая на основе исконного материала путём: а) словосложения и аффиксации; б) семантического развития.

4. Авторские неологизмы.

5. Активизированная архаическая лексика, в которой выделяется: а) устаревшая, книжная лексика; б) религиозная лексика.

Каждая группа данной классификации имеет свои характерные особенности.

1. Заимствования. Высокий уровень роста интеграционных, процессов в мире приводит к интернационализации лексики. В ингушский язык европейские заимствования приходят через посредство русского языка, освоенные им фонетически и графически. Слова при заимствовании сохраняют свою стилистическую окраску и значение.

а) Новые слова и словосочетания. В тематическом плане эта лексика весьма разнообразна: президент, спикер, фракция, рейтинг, бизнесмен, мэр, фирма, лицензия, бартер, Интернет, кикбоксинг, экстрасенс, презентации, спонсор, видео, гимназия, колледж, хиджаб.

б) Заимствования новых значений слов. Например: ведущий – новое значение «ведущий программы, передачи, мероприятия»: бовзаш бола телеведущеш (известные телеведущие); отставка – слово приобрело значение «уход или смещение с правительственной должности»: отставка вахийта (отправить в отставку); субъект – новое значение слова «административно-территориальная единица»: федеральни субъект (субъект федерации).

2. Калькированная лексика.

а) Словообразовательные кальки. В прессе находим такие кальки: бокоь лораеш йола юкъярло (правозащитное общество), дунен юкъяра теркамхой (международные наблюдатели), юкъярлонна хетар (общественное мнение), шеран саг (человек года).

б) Семантические кальки, представляющие собой один из наиболее экономных путей развития словарного состава языка. Однако они занимают меньший объем в терминологической лексике, чем лексические кальки: хий дестар (разлив реки // прилив), молха тика (аптека), дарба дар (терапия), ювлар / эххар (заряд).

в) Полукальки активно образуются и используются в периодике и терминологии, являются также характерной чертой письменного ингушского языка: ополчени (ополчение), тлеман операци (военная операция), юкъяра палата (общественная палата), сотови злы (сотовая связь), граждански юкъярло (гражданское общество).

г) Для письменного ингушского языка характерны и описательные конструкции – перевод иноязычного понятия сочетанием двух и более слов. Нередки описательные конструкции в терминологической лексике, хотя терминология не предполагает подобных, и для нее они являются, скорее, исключением: вицлуш дола цамгар / лазар (склероз), молха язъяр (рецепт), худдар хьалххе белгалдакхар (прогноз), нормай боарам (нормативы).

д) Среди калькированной лексики встречаются и неадекватные лексические новообразования, которые передают значение переводимого заимствования неточно или слишком обобщенно. Например: дегамолха (валериана, валидол) – букв, для сердца лекарство; лорий тоаба (медперсонал) – букв, врачей группа; сурт дакхара искусство (фотоискусство) – слово «сурт» имеет в ингушском языке и такие значения как «фотография», «картина», «рисунки», «портрет», «образ».

3. Новая лексика, возникшая на основе исконного материала. На современном этапе стали более продуктивными основные способы словообразования в ингушском языке – аффиксация и словосложение.

а) Преобладающее большинство производных слов образовано при помощи суффиксов и являются именами существительными. Чаще всего это слова, обозначающие отвлеченные понятия, и термины. Наиболее активно используются суффиксы -лла, -м, -р: листалла (частота) – листа (частый), хьехкам (трение) – хьакха (тереть), кхехкам (отвар) – кхехка (вариться), сихдар (ускоритель) – сихдар (торопить), ардар (молотьба) – арда (молотить); дешар «чтение» – деша «читать»; дувцар (рассказ) – дувца (рассказывать), дахар (жизнь / бытие) – даха (жить) и др.

При образовании новых слов используется нередко словосложение: гаьнасурт (перспектива) – гаьна (далеко) + сурт (вид, картина), б1аьргтохар (обзор) – б1аьрг (глаз) + тохар (букв. удар).

б) Семантическое развитие. Развитие значения слова – распространенное явление в ингушском языке. Развитие значения происходит как у ингушских слов, так и у активно употребляемых заимствований, причем семантическое развитие заимствования происходит в родном языке. Например: тарелка (спутниковая антенна), сеть (мобильная сеть, компьютерная сеть), трубка (мобильный телефон), почта (электронная почта), фильтрационни (фильтрационный пункт), контрактник (служащий в военных подразделениях по контракту), помощь (гуманитарная помощь).

Авторские неологизмы. Авторские неологизмы представляют собой новообразования в виде калек или вариантов переосмысления значений существующих в языке заимствований, структура и семантика которых прозрачна: бензин дотта меттиг (заправка), юхаоаз (эхо), фортали

(шарф, повязывающийся на шею; по аналогии с кортали «повязывающийся на голове»). Зачастую для понимания семантики новообразования обязателен авторский перевод.

5. Активизация архаической лексики, неоднородной в тематическом и функциональном аспектах. К данной группе относятся преимущественно устаревшая и религиозная лексика.

Новыми для современного ингушского языка многие слова, относящиеся к различным тематическим группам: общественно-политическая лексика – премьер-министр, мэри, префектура, брифинг, Пачхьалкхан Дума (Государственная Дума) и др.; экономическая лексика – инфляци, инвестор, бизнес, маркетинг, менеджер, приватизаци, оптови мах (оптовая цена), аренда эца (взять в аренду) и др.; военная лексика – боевик, контртеррористически операци, спецназ, блок-пост, зачистка и др.; религиозная лексика – моджахед (воин, воюющий за веру), шахид (воин, погибший в борьбе за веру), джихад («война с неверными»), ваххабит (сторонник ваххабизмаи др.); лексика, связанная с медициной (практически вся медицинская терминология) – УЗИ, томограф, пластически операци, компьютерни диагностика и др.; названия оргтехники и ее составляющих частей – компьютер, Интернет, ксерокс, принтер, дискета, факс, плеер, DVD, компакт-диск и др.

Это ряд можно было бы продолжить и по другим терминологическим системам, поскольку все названия новых предметов и реалий заимствуются ингушским языком на современном этапе исключительно из русского языка или через его посредство. Не является исключением и терминология.

Несмотря на то, что процесс проникновения как заимствованных ингушским языком новых слов, так и их создания на национальной почве, их отражение в лексикографических работах по ингушскому языку нельзя назвать удовлетворительным. Большая часть неологизмов ингушского языка современного периода остаётся неохваченной различными словарями. Такой вывод напрашивается по результатам анализа процесса неографирования в современном ингушском языке. В качестве подтверждения приведу следующий пример: на протяжении нескольких лет в Ингушском научно-исследовательском институте гуманитарных наук имени Ч. Ахриева отделом ингушского языка ведётся работа по составлению первого в истории ингушского языка толкового словаря. Однако планируемое издание уже на стадии разработки может стать устаревшим, поскольку его содержание основывается на лексическом составе, выбираемом исключительно из ранее изданных словарей ингушского языка. То есть, практически ни один неологизм ингушского языка последних десятилетий не найдёт своего отражения в толковом словаре. И это при том обстоятельстве, что на фоне интенсивного процесса неологизации лексического состава ингушского языка мы наблюдаем буквально взлёт чрезвычайной активности большой группы новых слов общей тематики. Например, уже стали языковым фактом исследуемого языка такие слова как: аккредитация, компьютер, процессор, клавиатура, бартер, ипотека, мобильный телефон, бизнесмен, сканер, сканировать, копировать и масса других слов.

Таким образом, проведённое исследование привело к следующим выводам: в ингушском языке устоялась тенденция активного вхождения в него новых слов и словосочетаний, что свидетельствует об интеграции мирового процесса и усилении языковых и общественно-политических связей ингушей с другими народами. Преодоление сложившейся ситуации с отражением новых слов в словарях ингушского языка возможно при корректировке языковой политики в Республике Ингушетия, тщательном и системном планировании лексикографической работы. Решение этих задач требует выработки принципов лексикографического описания новых слов, ориентированных в том числе и на сохранение определённого уровня языковой безопасности.

Список источников

1. Палгай-эрсий дошлорг / Под ред. А. И. Бековой, У. Б. Дударова и др. Нальчик : ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». 982 с.
2. Києва З. Х. Современный ингушский язык. Лексикология и фразеология / З. Х. Києва, М. М. Султыгова. Магас : ООО «Кеп», 2017. 234 с.
3. Котелова Н. З. Предисловие к первому выпуску из серии «Новое в русской лексике» / Под ред. Н. З. Котеловой // Новое в русской лексике. Словарные материалы-82. Москва, 1986. С. 4–9.
4. Оздоев И. А. Русско-ингушский словарь. Москва : Русский язык, 1980. 832 с.

Referenses

1. Ghalgai-ersy doslorg. Ed. by A.I. Bokova, U.B. Dudarov et al. Nalchik: SE KBR «Republican Polygraph Combine named after Revolution of 1905». 982 p.
2. Kiev Z. H., Sultygova M. M. Modern Ingush language. Lexicology and phraseology. Magas: LLC «Kep». 2017:234.
3. Russian Russian Vocabulary 3. Kotelova N.Z. Preface to the first issue of the series «New in the Russian vocabulary». New in the Russian vocabulary. Dictionary materials-82. Ed. by N. Z. Kotelova. Moscow. 1986:4–9.
4. Ozdov I.A. Russian-Ingush dictionary. Moscow: Russian language. 1980:832.

Информация об авторах

М. М. Султыгова – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и методики начального образования.

А. М. Казиева – доктор филологических наук, профессор.

Х. И. Нальгиева – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Information about the authors

M. M. Sultygova – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Methods of Primary Education.

A. M. Kazieva – Doctor of Philological Sciences, Professor.

K. I. Nalgieva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the Russian Language.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.10.2022; одобрена после рецензирования 30.10.2022; принята к публикации 05.11.2022.

The article was submitted 02.10.2022; approved after reviewing 30.10.2022; accepted for publication 05.11.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 95–99.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):95–99
 Научная статья
 УДК 81-139

Проблемы сравнительной монголистики (фонологические системы)¹

Петр Цеденович Биткеев¹, Гренада Сариевна Биткеева², Полина Петровна Дамбуева³

^{1,2}Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия

³Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия

^{1,2}bipetr37@yandex

³polina-dambueva@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальным проблемам монголистики и алтаистики, решение которых требует новых изменений, теоретических и методологических подходов. Авторы предлагают новые варианты теоретического решения со строгим соблюдением субординационных уровней системы языка.

Ключевые слова: монголистика, алтаистика, синхрония, диахрония, система языка, фонологические системы

Для цитирования: Биткеев П. Ц., Биткеева Г. С., Дамбуева П. П. Проблемы сравнительной монголистики (фонологические системы) // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 95–99.

Original article

Problems of comparative Mongolistics (phonological systems)

Peter Ts. Bitkeev¹, Grenada S. Bitkeeva², Polina P. Dambueva³

^{1,2}Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia

³Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^{1,2}bipetr37@yandex

³polina-dambueva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to topical problems of Mongolistics and Altaic studies, the solution of which requires new changes, theoretical and methodological approaches. The authors propose new variants of the theoretical solution with strict compliance with the subordination levels of the language system.

Keywords: mongolistics, Altaic studies, synchrony, diachrony, language system, phonological systems

For citation: Bitkeev P. Ts., Bitkeeva G. S., Dambueva P. P. Problems of comparative Mongolistics (phonological systems). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):95–99. (In Russ.).

Сравнительная монголистика, которая, согласно положению ряда основоположников алтаистики, является важнейшим звеном алтаистической науки, обрела сегодня особую актуальность в связи с возникшими в современной и диахронической монголистике, шире алтаистике проблемами, решения которых требуют новых теоретических установок и новых методических подходов.

Надо признать, что сравнительные исследования монгольских языков проводились практически с самого зарождения монголоведной науки в России, подтверждением чего можно назвать известный труд А. Бобровникова [2]. Эта традиция нашла свое продолжение и гораздо позже в трудах академика Б. Я. Владимирцова [3]. Кроме того, именно востоковеды-монголоеды Б. Я. Владимирцов, В. Л. Котвич, известный ученый Г. И. Рамстедт [7] провели широкие сравнительные исследования монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских языков, установили алтайскую общность языков по фонетическим, лексическим, морфологическим, синтаксическим данным.

Таким образом, монголоведная наука была выведена на широкое поле алтаистических исследований. Естественно, это было одной из важнейших фундаментальных основ для перспективного развития и монголистики, и алтаистики, и востоковедной лингвистической науки.

Надо сказать, что сегодня исследования по монголистике ведутся довольно активно. И особенно приятно, что в процесс исследования монгольских языков вовлечены немало специалистов, в том числе и молодого возраста.

Однако в современной монголистике и алтаистике возникают новые проблемы, в частности, ученые, выдвигают новые идеи в отношении установленного ранее положения о происхождении алтайских языков, а именно, в отношении того, что алтайские языки произошли от одного единого праалтайского языка.

Теперь появилась новая идея, что единого праалтайского языка не было, общности монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков – результат контактов, взаимодействий и взаимоотношений носителей этих языков на протяжении многих и многих веков. Разумеется, проблемы общности алтайских языков рамками этих положений не ограничиваются. Возникают новые проблемы в новых современных условиях функционирования этих языков. Следовательно,

они требуют своего научного решения, желательного в которых случаях и совместными усилиями. Надо признать, что традиционно установившиеся научные подходы и методы сегодня далеко не всегда пригодны для установления причинно-следственных процессов, произошедших в языке. Наглядным примером может служить дискуссия по теории долготности в отечественной и зарубежной монголике, точнее, к проблемам, приведшим к возникновению долгих гласных фонем. Это имеет прямое отношение сегодня к аналогичным проблемам алтаистики.

Конкретно: возникли остро полемические дискуссии по проблеме возникновения долгих гласных в монгольских языках. Многими монголистами разных стран были выдвинуты самые разные, нередко далекие от науки предложения. В частности, была выдвинута в качестве причины возникновения долгих гласных в монгольских языках некое словесное ударение, которое будто падало на второй гласный долготного комплекса, хотя в монголоведной науке давно уже было установлено, что словесное ударение в слове может падать только на первый и последний слоги слова. Сам факт обращения исследователей в поисках причин образования долгих гласных к предполагаемому словесному ударению невольно напоминает высказывание А. Мартине, который писал: «На ударение смотрят как на слепую силу, перед которой ничто не может устоять и которая беспощадно уничтожает морфологические и лексические различия, имеющие несчастье основываться на безударных гласных» [5, с. 15].

Дискуссии проходили, при наличии установленных академ. Б.Я. Владимирцовым механизмов образования долгих гласных в монгольских языках, согласно которым комплексы являются классическими моделями образования долгих гласных в монгольских языках. И тем не менее дискуссии по причинам образования долгих гласных породили многочисленные версии и варианты.

Наше исследование по проблемам образования долгих гласных в монгольских языках получил подтверждение. Были опубликованы подтвердительные отзывы ведущих монголоведов и тюркологов-алтаистов.

В монголике никогда не связывали процессы образования долгих гласных и редуцированных гласных в непервых слогах слова. Однако исследования показали, что и долгие гласные, и неясные гласные произошли по одной и той же причине.

Монголистика, которая, согласно мнению ученых, является ключевым звеном алтаистики, нуждается в решении возникших проблем на современном научном уровне. Естественно, решение актуальных проблем современной монголики может способствовать и успешному решению ряда важнейших задач алтаистики, в частности, и решению проблем происхождения алтайских языков.

Имеющиеся в научном обороте две версии о происхождении алтайских языков нуждаются в дополнительных и убедительных научных обоснованиях, что возможно только при использовании новых методологических подходов и новых методов исследования с использованием новых технологических приемов.

К числу проблем, требующих своего научного решения, относится и такое важное для формирования лексического облика слова явление как сингармонизм. Его рассматривают обычно как явление, которое служит для деления слов на две группы – твердорядные и мягкорядные. Надо сказать, что ошибочным является очень часто встречающийся в отношении сингармонизма в научной литературе термин «гармония гласных». Это упрощенное название сингармонизма, которое, по-видимому, возникло в начальный период изучения алтайских языков. Сейчас этот термин является устаревшим и не отражающим объективную реальность и самое главное – суть и значение явление, которое называется в лингвистической науке сингармонизмом. В начальный период изучения агглютинативных языков исследователи видели главным образом деление слов на две группы – твердорядные и мягкорядные по качеству содержащихся в них гласных. Сегодня уже известно, что в формировании сингармонической рядности слова принимают активное участие не только гласные, но и комбинаторная сочетаемость гласных и согласных фонем.

Кроме того, во многих языках агглютинативного типа встречается и лабиальный сингармонизм, который свойственен и некоторым монгольским языкам, например, монгольскому и бурятскому языкам.

При этом необходимо иметь в виду, что лабиальный сингармонизм в отличие от варианта сингармонизма, обусловленного влиянием мягких согласных, не участвует в формировании новой лексической единицы, но участвует в формировании звуковой оболочки слова по сингармоническому принципу. Лабиальный сингармонизм не свойственен калмыцкому языку.

К формированию сингармонической рядности слова в монгольских и других алтайских языках имеет непосредственное отношение и мягкие согласные фонемы. При их участии в составе слова, оно будет формироваться как твердорядное, а при их отсутствии – как мягкорядное или твердорядное, в зависимости от сингармонической рядности слова. На это обстоятельство обычно не обращают должного внимания. На самом деле это один из важнейших способов формирования сингармонической рядности слова. В процессах образования сингармонической рядности слова принимают участие и перелом гласного *и*. Предлагаемый здесь принцип нацелен на создание фундаментальной научной основы решения актуальных проблем современной монголики.

Исследование по этой теме будет проводиться по новой методологии сравнительного исследования языков, которая названа здесь как системный подход в широком формате, которая представляет комплексное исследование взаимосвязи всех аспектов системы языка с учетом характера их функционирования. Соответственно будут применены и новые методы исследования, включая данные экспериментальных исследований, материалы, полученные путем использования компьютерной технологии.

Полученные результаты будут представлять реальную сравнительную картину фонологических систем монгольских языков, их взаимосвязи с другими структурными подразделениями

систем исследуемых языков, а также характер функционирования фонологических единиц в составе слова, слога с учетом влияния на них сингармонизма, супрасегментных, этнокультурных и социокультурных явлений.

Методология и методы исследования будут способствовать также и раскрытию причин, определяющих направления и характер развития как отдельных языковых явлений, так и самых систем монгольских языков.

Таким образом, результаты исследований будут использованы в целях решения актуальных и спорных проблем монголистики, также и соответствующих вопросов алтаистики.

Исследования должны быть нацелены на создание фундаментальной научной основы решения актуальных проблем современной монголистики в синхронии и диахронии. Объектом исследования должны проводиться по новой методологии сравнительного исследования языков, которая названа здесь как «Системный подход в широком формате», которая представляет комплексное исследование взаимосвязи всех аспектов системы языка с учетом характера их функционирования. Соответственно будут применены и новые методы исследования.

Полученные результаты будут представлять реальную сравнительную картину фонологических систем монгольских языков, их взаимосвязи с другими структурными подразделениями систем исследуемых языков, а также характер функционирования фонологических единиц в составе слова, слога с учетом влияния на них сингармонизма, супрасегментных, этнокультурных и социокультурных явлений. Методология и методы исследования будут способствовать раскрытию причин, определяющих направления и характер развития как отдельных языковых явлений, так и самой системы языка. Традиционная монголистика добилась замечательных результатов, особенно в части исторических исследований, что привело, как известно, к возникновению нового направления в востоковедной науке – алтаистики. Однако сегодня прежние научные подходы и методы далеко не всегда пригодны для установления причинно-следственных процессов, происходивших в языке. Наглядный пример тому дискуссии по теории долготности в отечественной и особенно в зарубежной монголистике, что имеет непосредственное отношение и к алтаистике. Предметом дискуссий, продолжавшихся уже более полутора столетия, являются причины, побудившие возникновение долгих гласных в монгольских языках. И это, несмотря на то, что механизмы образования долгих гласных установлены монголистами, наиболее исчерпывающе полно Б.Я. Владимирцовым. Они называются долготными комплексами и несомненно являются классическими моделями образования долгих гласных в монгольских языках. И тем не менее дискуссии по причинам образования долгих гласных, особенно в зарубежной монголистике, породили многочисленные версии и варианты. Авторами настоящей статьи выдвинут и обоснован на основе проведенных им исследований монгольских языков методологический подход, который раскрывает причины образования долгих гласных, а также и причины, по которым не образовались долгие гласные из долготных комплексов.

«Кроме того, причиной редукции кратких гласных в непервых слогах слова в монголистике принято считать их безударное положение в слове. Однако исследования показали, что и долгие, и редуцированные гласные в монгольских языках произошли по одной и той же причине» [1, с. 126].

1. Результаты исследования по теории долготности поддержаны ведущими алтаистами и монголоведами [6; 9] и др.

2. Монголистика, которая является ключевым звеном алтаистики, нуждается в уточнении некоторых полученных ранее положений для решения возникших новых проблем. Решение актуальных проблем современной монголистики может способствовать и успешному продвижению исследований ряда важнейших задач и алтаистики, в частности, в решении проблем происхождения алтайских языков. Согласно традиционной версии, общность алтайских языков является результатом того, что языки эти имели общего предка, которым был алтайский праязык. Сегодня чаще выдвигают, как известно, другую версию, согласно которой общность алтайских языков – результат взаимодействия и взаимовлияния языков. Однако обе версии нуждаются в дополнительных и убедительных научных обоснованиях, что возможно только при использовании новых методологических подходов, новых методов исследований с использованием новых технологических приемов.

3. Новые методологические подходы и методы необходимы и для исследований в синхроническом аспекте, объектом исследования настоящего и является сравнительная фонетика монгольских языков.

Фундаментальные исследования, обусловленные внутренней логикой развития науки, обеспечивающие готовность страны к большим вызовам, еще не проявившимся и не получившим широкого общественного признания, возможность своевременной оценки рисков, обусловленных научно-технологическим развитием.

Известны определенные результаты монголистики в исследовании различных уровней языков, например, в лексикологии, лексикографии, морфологии, синтаксисе, в том числе и путем привлечения новых материалов. Изучение фонологического уровня систем языков проводилось в ряде случаев и с использованием экспериментальных методов. Для сравнительных исследований по новой методологии возникает необходимость проведения дополнительных, в том числе и экспериментальных исследований слабо изученных и не затронутых разделов фонетики.

В традиционной монголистике сложилась практика излагать общий сравнительный обзор фонетики монгольских языков и говоров путем сравнения звуковых единиц языков по признакам тождества и различия, наличия и отсутствия, а также путем описания черт сходства и совпадения. Определенный интерес представляет и описание в трудах по монголистике таких общих для монгольских языков закономерностей, как характер употребительности долгих гласных в составе слова, наличие редуцированных гласных, процесса перелома гласного *i*, соответствий согласных

в разных монгольских языках и др. Для подтверждения можно привести некоторые данные из известных трудов по монголистуке, например, анализ отдельных черт, характерных ойратскому языку, в сравнении с соответствующими данными других монгольских языков.

К характерным для ойратских говоров отнесены следующие черты:

- 1) Сохранение в неизменном виде гласных переднего ряда *ö, ü*, которым в других монгольских языках соответствуют гласные среднего ряда типа *o, u*.
- 2) Отсутствие лабиализации гласных в непервых слогах слова.
- 3) Сохранение переднеязычного качества согласного *n*.
- 4) Крайняя степень редукции кратких гласных в непервых слогах слова и др. [8, с. 34].

Отсутствуют универсальные модели сравнительных исследований систем монгольских языков и в других новых солидных изданиях. Разработка принципов сравнительных исследований монголистуки имеет исключительно важное значение особенно в диахроническом аспекте, поскольку исторических документальных материалов о состоянии монгольских языков прошлого очень мало.

Академик Б.Я. Владимирцов привел в своем известном труде названия 15 наименований источников и писал следующее: «Проследить все этапы развития и формирования монгольских наречий и говоров представляется затруднительным потому, что слишком мало имеется данных для суждения о живой речи монголов предыдущих эпох и недостаточно еще изучен монгольский письменный язык с точки зрения влияния на него в прошлом живых говоров» [3, с. 42].

Таким же был принцип и Г.И. Рамштедта, который в категоричной форме настаивал опираться при изучении истории языка на данные живых монгольских языков. «Самым прочным основанием для исторического изучения всех языков является, – писал он, исследование живых наречий и говоров, то же надо сказать о монгольском языке и остается пожелать, чтобы эта точка зрения была, наконец, усвоена всеми монголооведами» [7, с. 1].

Необходимо разработать общие методологически обоснованные принципы сравнительного исследования монгольских языков, включая сюда в перспективе и маргинальные монгольские языки, которые довольно сильно отличаются от традиционно известных монгольских языков.

Результаты исследования могут представлять исходную базовую основу исследования монгольских языков и в диахроническом плане. Методологические подходы в широком формате, новые методы и принципы исследования могут открыть новые эффективные возможности устанавливать причинно-следственные связи языковых явлений, содействовать решению актуальных проблем монголистуки в синхронии и диахронии.

Научная идея исследования обусловлена сложившимся в монголистуке положением, когда теоретические основы исследования, благодаря которым монголистука добилась впечатляющих успехов в прошлом, оказались не достаточными для решения проблем современной монголистуки, в частности, и проблем, имеющих прямое отношение и к алтаистике.

Исследования показывают, что тенденцию, характер развития языка, его структурных элементов, следовательно, и причины происходящих в языке можно устанавливать путем изучения субординационной взаимосвязи структурных элементов системы языка, а также характера и сферы функционирования их в контексте методологии, которая охватывает все подразделения системы языка и закономерности их функционирования, включая и их взаимодействия между собой. Применение этой методологии в плане синхронических исследований и полученные результаты позволяют найти пути решения актуальных проблем и исторического развития монгольских языков.

При проведении исследования, естественно, будут использованы и оправдавшие себя на практике традиционные подходы и методы. Несмотря на полноту охвата материалов и скрупулезный характер исследований, традиционные методологические подходы были ограничены при исследовании языковых явлений рамками их дистрибутивных отношений языковых явлений, нередко ссылкой на далеко не четко установленные супrasegmentные явления, что сужало возможности установления их причинно-следственных связей, без которых практически трудно, а порой невозможно установить реальную картину направления и характера развития языковых изменений. Наглядный пример тому история теории долготности в монголистуке, когда были изучены все возможные модели образования долгих гласных, но определить причины, побудившие их возникновение, не удалось. Не помогли даже привлеченные для этой цели социологические методы исследования.

Методология исследования, системный подход в широком формате – это комплексный подход, предусматривающий не только локальный сравнительный анализ фонологических систем монгольских языков в замкнутом режиме, а гораздо шире – в диапазоне артикуляционно-акустических качеств фонологических единиц и характера их функционирования в речевой деятельности, с одной стороны, и во взаимосвязи с другими уровнями системы языка с учетом влияния на язык супrasegmentных, социокультурных явлений, – с другой. Результаты исследования по предлагаемой программе будут иметь исключительно важное значение для монголистуки как в плане синхронии, так и диахронии.

Список источников

1. Биткеев П. Ц. Фонеморфологические мутации в монгольских языках. Теории долготности и редукции. Элиста, 2014. С. 126–149.
2. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань : Университетская типография, 1849. 412 с.
3. Владимирцов Б. Я., Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Ленинград : Издание Ленинградского восточного института имени А. С. Енукидзе, 1929. 433 с.

4. Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам. Москва : Изд-во иностр. лит., 1962. 371 с.
5. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. Москва, 1960. 220 с.
6. Насилов Д. М. Об алтайской языковой общности. (К постановке проблемы) // Российская тюркология. Москва, 2015. № 1 (12). С. 87–90.
7. Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Москва : Издательство иностранной литературы, 1957. 254 с.
8. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: в 2 т. Москва : Изд. АН СССР, 1953. Т.1. 160 с.
9. Шагдаров Л. Д., Шагдарова Д. Л. Новое в изучении причин возникновения и механизмов развития долгих и неясных гласных монгольских языков // Казанская наука. Казань, 2016. № 3. С. 105–107.

References

1. Bitkeev P. Ts. Phonomorphological mutations in the Mongolian languages. Theories of longi- tude and reduction. Elista. 2014:126–149.
2. Bobrovnikov A. A. Grammar of the Mongolian-Kalmyk language. Kazan: University Printing House. 1849:412.
3. Vladimirtsov B. Ya., Vladimirtsov B. Ya. Comparative grammar of the Mongolian written lan- guage and the Khalkha dialect. Introduction and phonetics. Leningrad: Edition of the Leningrad Oriental Institute named after A. S. Erukidze. 1929:433.
4. Kotvich V. L. Research on Altaic languages. Moscow: Publishing House of Foreign Lit. 1962:371.
5. Martine A. The principle of economy in phonetic changes. Moscow. 1960:220.
6. Nasilov D. M. About the Altai language community. (To the formulation of the problem). Rus- sian Turkology. Moscow. 2015;1(12):87–90.
7. Ramstedt G. I. Introduction to Altai linguistics. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 1957:254.
8. Sanzheev G. D. Comparative grammar of the Mongolian languages: in 2 vol. Moscow: Publish- ing House of the USSR Academy of Sciences. 1953;(1):160.
9. Shagdarov L. D., Shagdarova D. L. New in the study of the causes and mechanisms of the de- velopment of long and unclear vowels of the Mongolian languages. Kazan Science. Kazan. 2016;(3):105–107.

Информация об авторах

- П. Ц. Биткеев** – доктор филологических наук, профессор
Г. С. Биткеева – кандидат филологических наук
П. П. Дамбуева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Information about the authors

- P. Ts. Bitkeev** – Doctor of Philological Sciences, Professor
G. S. Bitkeeva – Candidate of Philological Sciences
P. P. Dambueva – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; при- нята к публикации 10.12.2022.

The article was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publica- tion 10.12.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 100–106.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):100–106.
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

Образ матери в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»

Валерия Геннадьевна Андреева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия,
lanfra87@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье доказывается, что в романе «Воскресение» один из важных смысловых акцентов сделан на материнстве как основе жизни, воспитания человека, формирования круга ценностей, определяющих бытие личности. Обосновывается, что духовный кризис, сложные перемены в Нехлюдове прочно связаны с наследием матери: её воспитанием, указаниями, жизненными приоритетами. Автор статьи констатируется парадоксальная ситуация: княгиня Нехлюдова, искренне любившая сына, создала для него своеобразную ловушку, связанную с привыканием её сына к внешне красивой, но бессодержательной жизни. В статье анализируются фигуры героинь, на примере которых Толстой показывает притягательность или отрицание ею роли матери. Писатель представляет драматичные примеры несчастного материнства, связанного с угнетением, сложными условиями жизни, неспособностью или неготовностью женщины к рождению, а также противоестественность светской жизни для настоящей матери, заботящейся о достойном воспитании детей. Отмечается реализованная у Толстого связь образов матери и земли. Увиденное в итоге пути в Сибирь настоящее счастье женщины-матери открывает Нехлюдову пример бескорыстной любви, выводит его к осмыслению противопоставлений действительности, её двух полюсов: божеской жизни и того существования, где главной целью является получение выгоды от эксплуатации и унижения других людей.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Нехлюдов, образ матери, материнство, светская жизнь, дети, детство, предназначение женщины, эволюция героя

Для цитирования: Андреева В. Г. Образ матери в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 100–106.

Original article

The image of the mother in the novel by L. N. Tolstoy "Resurrection"

Valeria G. Andreeva

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
lanfra87@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article proves that in the novel "Resurrection" one of the important semantic accents is made on motherhood as the basis of life, education of a person, formation of a range of values that determine the existence of a person. It is substantiated that the spiritual crisis, complex changes in Nekhlyudov are strongly connected with the legacy of the mother: her upbringing, instructions, life priorities. The author of the article states a paradoxical situation: Princess Nekhlyudova, who sincerely loved her son, created a kind of trap for him, connected with her son's getting used to an outwardly beautiful, but meaningless life. The article analyzes the figures of heroines, on the example of which Tolstoy shows the acceptance by a woman or her denial of her main role as a mother. The writer presents dramatic examples of unhappy motherhood associated with oppression, difficult living conditions, the inability or unpreparedness of a woman to give birth, as well as the unnaturalness of secular life for a real mother who cares about the worthy upbringing of children. The connection between the images of mother and earth realized by Tolstoy is noted. Seeing as a result of the journey to Siberia, the true happiness of a woman-mother opens Nekhlyudov an example of selfless love, leads him to comprehend the oppositions of reality, its two poles: divine life and that existence, where the main goal is to benefit from the exploitation and humiliation of other people.

Keywords: L. N. Tolstoy, Nekhlyudov, image of mother, motherhood, secular life, children, childhood, destiny of a woman, hero's evolution

For citation: Andreeva V. G. The image of the mother in the novel by L. N. Tolstoy "Resurrection". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):100–106. (In Russ.).

Несмотря на пристальное внимание учёных, исследующих поэтику художественных миров Толстого, произведения писателя, особенно позднего периода творчества, до сих пор не проанализированы целостно, с учётом взглядов Толстого на важнейшие стороны жизни человека. В данной статье мы обратимся к образу матери в романе «Воскресение» и обозначим его концептуальные смыслы.

При отсутствии явных указаний автора, образ матери имеет немаловажное значение, прочно связан с эпическими константами художественных миров Толстого – прежде всего, с рождением и образом земли. Писатель делает акцент на материнстве как основе жизни, воспитания человека, формирования круга ценностей, определяющих бытие личности. Принципиально важно появление в художественном мире произведения матери Нехлюдова, значимы и фигуры других героинь, на примере которых Толстой показывает приятие женщиной или отрицание ею своей основной роли. Кроме матери Нехлюдова в романе мы видим мать Катюши, мать Мисси, мать Лидии Шустовой, крестьянку-мать, находящуюся в заключении вместе с детьми, нищую крестьянку с голодным ребёнком, молодую мать – дочь сибирского генерала, которая гордится перед Нехлюдовым своими малышами и т.д.

Исследователи не часто обращают внимание на старую княгиню, мать Дмитрия Нехлюдова. Она скончалась за три месяца до событий, происходящих в начале повествования: автор представляет княгиню через воспоминания сына, его размышления, оценивает степень влияния матери на Нехлюдова. Кажется, что никакого решающего значения на события в произведении образ княгини Нехлюдовой уже не может иметь, однако это не так: духовный кризис, переоценка ценностей, сложные перемены в Нехлюдове очень прочно связаны именно с наследием матери: её воспитанием, указаниями, жизненными приоритетами.

Весь внешний мир, окружающий героя в Москве и Петербурге, – это мир не только самого Нехлюдова, но во многом и старой княгини, под влиянием которой её сын начал вести привычный для молодёжи дворянского высшего круга образ жизни. В начале романа Нехлюдова мы видим в роскошной квартире, где жила и умерла его мать, а горничная покойной, Аграфена Петровна, остаётся при сыне в качестве экономки. Связь Нехлюдова с семьёй Корчагиных, на дочери которых он собирался жениться, также устроена его матерью. Из замечаний Толстого о прошлом героя становится понятно, что практически все добрые и искренние инициативы молодого Нехлюдова были подвраны матерью под принятый в обществе светский образец приличий и «достойной жизни», под которой понималось обеспеченное, спокойное существование: «Точно так же, когда Нехлюдов, достигнув совершеннолетия, отдал то небольшое имение, которое он наследовал от отца, крестьянам, потому что считал несправедливым владение землёю, – этот поступок его привёл в ужас его мать и родных и был постоянным предметом укора и насмешки над ним всех его родственников. <...> Когда же Нехлюдов, поступив в гвардию, с своими высокопоставленными товарищами прожил и проиграл столько, что Елена Ивановна должна была взять деньги из капитала, она почти не огорчилась, считая, что это естественно и даже хорошо, когда эта оспа прививается в молодости и в хорошем обществе» [10, т. 32, с. 48–49]. Толстой подводит читателя к мысли о превалировании материального над духовным, оценки всего окружающего Божьего мира исключительно с позиции возможной выгоды.

Между тем, несмотря на светский характер жизни княгини Нехлюдовой, её стремления «образумить» сына и вывести его к роскошной жизни, Толстой показывает и её двойственность. Дмитрий Нехлюдов – один из думающих, чутких людей, способных к решительным изменениям и значительной внутренней работе. И многое хорошее, погубленное позднее светом, было заложено в героя матерью. Из романа мы узнаем, что Нехлюдов до поздней юности был очень домашним молодым человеком: «Обыкновенно он с матерью и сестрой жил летом в материнском большом подмосковном имении» [10, т. 32, с. 43]. Именно воспитание матери способствует нравственной чистоте и вдумчивости героя, который до определённого времени предпочитает учёбу и тихую жизнь светскому времяпрепровождению и имеет правильные представления: «В то время Нехлюдов, воспитанный под крылом матери, в девятнадцать лет был вполне невинный юноша. Он мечтал о женщине только как о жене (курсив мой. – В. А.)» [10, т. 32, с. 48–44].

В самых первых набросках (когда героем был ещё Валериан Юшкин) Толстой предполагал, что не мать, а отец будет его воспитателем. Однако писатель почти сразу же меняет отца на мать. В черновиках взаимоотношения княгини Нехлюдовой и её сына колебались от спокойно-уважительных и почтительных, но при этом внешних, светских (такими они и остаются в итоговом тексте) до трепетных и проникновенных: «Родителей у него не было. Отец умер, когда ему был год, мать умерла, когда он был на первом курсе. Смерть эта – мать умерла на его руках, и они нежно любили друг друга – была тем значительным событием его жизни, которое заставило его проникнуть на известную глубину чувства и мысли, по которой он впоследствии мерил всё другое» [10, т. 33, с. 20]. Также в черновиках Толстой продумывал возможные дружеские отношения Нехлюдова и его матери, которые шли друг другу на взаимные уступки, стараясь понять и принять внутренний мир и потребности близкого человека.

Толстой усложняет в романе ситуацию тем, что княгиня Нехлюдова, а не её супруг владела семейными доходами, она получила в приданое около десяти тысяч десятин земли. Положение богатой хозяйки и светской дамы обязывает мать готовить Дмитрия к светскому образу жизни. Как показывает писатель, княгиня не сама искушает сына, но она одобряет светское и лживое поведение, приводящее к серьёзной перемене в Нехлюдове, разделяющей его жизнь на чистое прошлое и обиденное, потребительское настоящее. В черновых материалах Толстой гораздо более основательно, нежели в окончательном тексте, связывал с семейными вопросами Нехлюдовых проблему отношения Дмитрия к земле и земельной собственности, отмечая, что герой «обходился это противоречие тем, что землёй владел не он, а его мать» [10, т. 33, с. 106]. В итоговом тексте к проблеме земельной собственности Толстой обратится не раз, однако акцентирует на ней внимание в эпизодах посещения Нехлюдовым своих имений уже в качестве хозяина.

Получается несколько парадоксальная ситуация: княгиня Нехлюдова, искренне любившая сына, воспитавшая его честным молодым человеком, создаёт для Нехлюдова своеобразную ловушку, связанную с привыканием её сына к внешне красивой, но бессодержательной жизни.

Среди противопоставлений между «тогда» и «сейчас», с помощью которых писатель

представляет жизнь героя до перелома и после него, в романе значимо упоминание матери и её роли: «Тогда не нужно было денег и можно было не взять и третьей части того, что давала мать, можно было отказаться от имени отца и отдать его крестьянам, – теперь же недоставало тех тысячи пятисот рублей в месяц, которые давала мать, и с ней бывали уже неприятные разговоры из-за денег» [10, т. 32, с. 47–48]. Проблема способности Нехлюдова к действиям, необходимости внешнего серьёзного повода для изменения жизни в итоговом тексте романа приглушена, но была ярче представлена в черновиках: «А между тем вот уже три месяца, как не было на свете матери, он был свободен, но не пользовался этой свободой, а продолжал жить в Москве на роскошной квартире матери с дорогой прислугой, и, несмотря на то, что ничто не держало его в Москве и не мешало теперь осуществлению его планов, он продолжал жить в Москве и ничего не предпринимал» [10, т. 33, с. 27–28].

Нехлюдов оказывается в зависимости от матери, превращается в пленника внешних условий. В итоговом тексте Толстой открыто не говорит о несвободе и пассивности Нехлюдова, по всей видимости, писателю важно было показать деятельный характер героя, не «унизить» его подчинённым положением. Читатель понимает: встреча в суде с Масловой, осмысленная самим героем как «удивительная случайность», на самом деле подарена Нехлюдову свыше для изменения и грядущего преобразования.

Важнейшей деталью, проясняющей путь матери Нехлюдова и его самого, становится её *просьба о прощении*, обращённая к сыну и высказанная за день до смерти. Причём указанная просьба умирающей матери приводится через воспоминания Нехлюдова и описание им собственных противоречивых чувств при виде роскошного портрета, где «она была изображена в бархатном чёрном платье, с обнажённой грудью» [10, т. 32, с. 99]. Писатель мастерски показывает начавшуюся перемену в герое, который стыдится своего неискреннего отношения к умирающей матери, стыдится светской игры и животного в поведении людей. В. А. Туниманов считает данный эпизод воспоминаний одновременно из самых поэтических и заострённых одновременно: «Поэтические законы и интенции романа, возможно, отчётливее всего обнажены в XXVIII главе первой части: взволнованный внутренний монолог Нехлюдова, деликатно дополненный комментарием автора, – самоказнь, нравственные терзания героя, которому стыдно и гадко. В гостиной, у портрета матери, Нехлюдов анализирует свои последние отношения с ней, представшие в беспощадном свете истины, снимая покровы с лицемерной лжи, опутавшей его чувства...» [6, с. 562].

Перед нами своеобразное «возвращение» Нехлюдова, которое его мать испытала за день до смерти и которое тогда не смог понять герой: «И он вспомнил, как за день до смерти она взяла его сильную белую руку своей костлявой чернеющей ручкой, посмотрела ему в глаза и сказала: “Не суди меня, Митя, если я не то сделала”, и на выцветших от страданий глазах выступили слезы» [10, т. 32, с. 99–100]. Просьба умирающей связана у Толстого с открывающимися княгине Нехлюдовой высшими смыслами: по всей видимости, она просила прощения у сына за неправильный поворот в его жизни, совершившийся по её воле. Особое напряжение этому эпизоду придают не только чувства Нехлюдова – они стали возможны лишь после первой переоценки ценностей, но несовпадение во времени прозрения матери и сына. Когда юный сын настаивал на передаче земли крестьянам, мать не хотела его понять, а позднее, у постели умирающей матери, её не смог понять Нехлюдов, запутавшийся во внешних условностях.

Примечательно, что Толстой не сохранил бывшие в черновиках к роману краткие упоминания о духовной жизни матери Нехлюдова: продумывая варианты финала романа и упоминая моменты чтения героем Евангелия в течение всей его жизни, автор отметил, что в детстве мать «одно время каждый день с ним вместе читала его» [10, т. 33, с. 216]. Такая деталь в итоговом тексте оказалась неуместна: при условии чтения княгиней Евангелия вряд ли бы получилось гармонично подвести её к прозрению уже на смертном одре.

Поздний Толстой, несмотря на близость для него теории естественного человека, по природе своей доброго и неиспорченного, считает важным первоначальное становление личности, определяющее влияние матери в детские годы. Восприятие образа матери Толстым было фактически неизменным на протяжении всего творчества, начиная с «Детства» и заканчивая «Хаджи-Муратом». Не случайно в «Детстве» образ матери для Николеньки Иртеньева связан с представлениями об ангельском: «У Л. Н. Толстого мотив ангельского ассоциативно проигрывается, функционально сближаясь не только с поэтическим приёмом, но и формируя ключевой элемент в создании образа матери. Лейтмотив ангела инициируется образом-символом задетого образка ангела в “первичном событии” и далее получает драматургическое развитие в разных точках зрения» [7, с. 28]. А для Хаджи-Мурата воспоминания о матери и детстве становятся основой приобщения к божественной жизни без разрушения, без постоянной борьбы и хазавата.

По мнению Толстого, любовь матери к ребёнку является примером беззаветного чувства, лишённого эгоизма, проявлением *настоящего служения женщины* не только обществу, но и Богу: «Только через произведения свои призван служить Богу и людям мужчина; только через детей своих призвана служить женщина» [10, т. 42, с. 297]. Примечательно, что после публикации в «Современнике» повести «Детство» (вышедшей под заглавием «История моего детства»), в тексте которой были произведены многочисленные цензурные замены, Толстой в письме к Н. А. Некрасову (оставшемся неотправленным) особенно обидной счёл замену в описании матери: «*Портрет моей маменьки* вместо *образца моего ангела* на 1-ой странице такая перемена, которая заставит всякого порядочного читателя бросить книгу, не читая далее» [10, т. 59, с. 211].

Драматических примеров несчастного материнства, связанного с угнетением матери или ребёнка, сложными условиями жизни, неспособностью или неготовностью женщины к рождению, в романе «Воскресение» немало. Писатель показывает страшные условия крестьянской жизни, в которых ребёнок становится обременением, а «обыкновенной историей» – ситуация, когда новорождённого «крестили, и потом мать не кормила нежеланно появившегося ненужного

и мешавшего работе ребёнка, и он скоро умирал от голода» [10, т. 32, с. 6]. Все арестантки – сокамерницы Масловой – глубоко несчастные женщины. Безвыходное положение заставляет мать-крестянку, отбывающую наказание, забрать в тюрьму и детей: «Женщина эта – мать мальчишки, игравшего с старушкой, и семилетней девочки, бывшей с ней же в тюрьме, потому что не с кем было оставить их, – так же, как и другие, смотрела в окно, но не переставая вязала чулок и неодобрительно морщилась, закрывая глаза, на то, что говорили со двора проходившие арестанты» [10, т. 32, с. 109]. Несмотря на то, что мать морщится, когда слышит ругательства, в ситуации несвободы она не может оградить детей от этой страшной информации: «Дочка же её, семилетняя девочка с распущенными белыми волосами, ... с остановившимися глазами внимательно вслушивалась в те ругательные слова, которыми перекидывались женщины с арестантами, и шёпотом, как бы заучивая, повторяла их» [10, т. 32, с. 110].

Вместо хозяйки Софьи Васильевны Корчагиной Толстой показывает скандальную женщину, имеющую тайные связи и создающую для всех иллюзию болезни. Не случайно в описании Корчагиной Толстой использует эпитет «фальшивая» – он распространяется на все сферы её жизни, в том числе она и «фальшивая мать»: судьба Мисси её мать мало волнует.

Сравнение полуобнажённой, красующейся в бальном платье Мисси Корчагиной с собственной матерью, изображённой на дорогом портрете, вызывает отвращение у Нехлюдова не потому, что его не привлекает женская красота, а потому, что красота эта в свете становится объектом завлечения, игры, торга. Мы уже писали о том, что «необходимым условием правильной жизни представительницы прекрасного пола Толстой считал равнодушие, даже презрение к свету и светским удовольствиям...» [1, с. 169]. Противоестественность светской жизни для женщины-матери Толстой прекрасно показал в «Семейном счастье», в романе «Воскресение» писатель ещё раз иллюстрирует драму женщины-матери в свете не примере супруги Селенина: «После первого ребёнка жена не захотела больше иметь детей и стала вести роскошную светскую жизнь... Она... ничего, кроме страшных усилий и усталости, не получала от такой жизни...» [10, т. 32, с. 281].

Толстой показывает, что вне зависимости от возраста, кровная связь матери с сыном или дочерью поддерживает самый сильный и прочный вид любви. Вспомним Наташу Ростову, которая после гибели брата Пети единственная может общаться с матерью и хотя бы немного её успокоить. Такой же чуткостью отличается в «Воскресении» и политическая заключённая Марья Павловна: «Она сидела рядом с плачущей матерью и нежно гладила её по плечу» [10, т. 32, с. 182].

Вращаясь в петербургском свете, Нехлюдов слышит потрясшую весь город историю с дуэлью между Каменским и ещё один офицером: «Дело было в том, что офицеры ели в лавке устрицы и, как всегда, много пили. Один сказал что-то неодобрительно о полку, в котором служил Каменский; Каменский назвал того лгуном. Тот ударил Каменского. На другой день дрались, и Каменскому попала пуля в живот, и он умер через два часа» [10, т. 32, с. 256]. Толстой относился к дуэлям резко отрицательно. Вспомним его признание в «Исповеди» и самообличение, относящееся к молодости: «Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах. Я убивал людей на войне, *вызывал на дуэли, чтоб убить*, проигрывал в карты, продал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал» (курсив мой. – В. А.) [10, т. 23, с. 5]. Дуэли в этом списке тяжких проступков находятся на втором месте.

Нехлюдов слышит разговор о той дуэли, на которой был смертельно ранен Каменский: «Разговор и здесь зашёл о дуэли. Суждения шли о том, как отнёсся к делу государь. Было известно, что государь *очень огорчён за мать*, и все были *огорчены за мать*» (курсив мой. – В. А.) [10, т. 32, с. 260]. Очень символично, что Толстой включает эту историю о дуэли в роман, хотя она не связана с движением сюжета, главными и даже второстепенными героями (как, например, история с дуэлью Пьера и Долохова в «Войне и мире»). Не случайны и все комментарии по поводу случившегося от разных лиц: вслед за мнением государя разносятся по Петербургу уверения о жалости к матери Каменского, потерявшей единственного сына. Но если слова государя были искренни, сказаны по существу, то многие люди, как показывает Толстой, лишь повторяют их, не осознавая глубинные смыслы. Так, Нехлюдов слышит схожие фразы из уст сенатора Вольфа: «А какое ужасное событие с Каменским! – сказал он. – Прекрасный молодой человек. Единственный сын. Особенно положение матери», – говорил он, повторяя почти слово в слово все то, что все в Петербурге говорили в это время о Каменском» [10, т. 32, с. 259]. Вряд ли Вольф, который, как сообщает Толстой, «был причиной ссылки и заточения сотен невинных людей» [10, т. 32, с. 257], который «объявил сыну, что он может отправляться куда хочет, что он не сын ему» [10, т. 32, с. 258], осознает слова государя и тяжесть положения матери Каменского.

Толстой вновь упоминает о дуэли в сцене обеда у графини Катерины Ивановны, которая также рассуждает о тяжести положения матери. Внезапно за убийцу вступает сын Чарской: «Тогда молчавший до этого сын вступился за убийцу и *напал на свою мать*, довольно грубо доказывая ей, что офицер не мог поступить иначе, что иначе его судом офицеров выгнали бы из полка» (курсив мой. – В. А.) [10, т. 32, с. 260]. Благодаря непосредственно близкому расположению фраз о *жалости к матери* и *нападении на мать* Толстой подчёркивает абсурд в поведении представителей высшего света, повторяющих слова о милосердии и понимании, но не готовых к проявлению этих качеств (особенно по отношению к своей матери). По Толстому, законы света, фразы о чести полка – условности, выдуманные кружком людей для поддержания собственного иллюзорного авторитета.

Упоминания о дуэли в романе «Воскресение», в том числе и о несчастной матери, перекликаются с эпизодом поединка между Безуховым и Долоховым в «Войне и мире». Толстой прекрасно показал двойственность Долохова и его душевную незрелость: с одной стороны, Долохов – светский кутила, буян, который говорит, что на дуэль нужно идти с твёрдым намерением убить

соперника, с другой стороны, у Долохова, нежного сына и брата, есть все основы для грядущего преобразования. Герой просит Ростова предупредить о его ранении свою матушку: «Мы в Москве, я знаю. Я ничего, но я убил её, убил... Она не перенесёт этого. Она не перенесёт... <...> Мать моя. Моя мать, мой ангел, мой обожаемый ангел, мать» [10, т. 10, с. 27].

Н. К. Гудзий отметил, что в процессе работы Толстого над романом был убран эпизод с беснующейся в одиночной камере заключённой Ранцевой, а в последней редакции во вторую часть романа был «введён рассказ тётки Шустовой о своём аресте, эпизод встречи с богатой коляской, картина шествия семьи Корчагиных и текст трёх заключительных глав, в которых рассказывается о мыслях Нехлюдова во время грозы и ливня на площадке вагона в связи со смертью арестанта, о пассажирах вагона третьего класса...» [4, с. 388]. Все перечисленные Н. К. Гудзием эпизоды не имеют между собой прямых связей, однако каждый из них так или иначе затрагивает семейную тему и связан с образом матери.

Отношения матери-Шустовой к Лидии являются в романе примером глубокой заботы об уже взрослой дочери. Старшая Шустова встречает Нехлюдова, способствовавшего освобождению девушки, как истинного героя-освободителя: «Благодетель Вы наш! Я мать ей. Погубили ведь было совсем девочку. Спаситель Вы наш...» [10, т. 32, с. 291]. Действительно, заключение и допросы доводят девушку до серьёзного нервного расстройства. Нехлюдов, посещающий эту семью, встречается и с тёткой Лиды, Корниловой, в прошлом революционеркой. Созданный Толстым эпизод встречи Нехлюдова с Шустовыми и Корниловой сделал избыточной сцену с Ранцевой, образ которой в итоговом тексте изменён по сравнению с черновиками.

Корнилова рассказывает Нехлюдову свою историю, пытается объяснить нравственный шок любого молодого человека, арестованного и оказывающегося в одиночном заключении. Она сообщает, что заключённые в тюрьмах перестают считаться людьми и становятся вещами: «Когда меня взяли в первый раз – и взяли ни за что..., мне было двадцать два года, у меня был ребёнок, и я была беременна. Как ни тяжело мне было тогда лишение свободы, разлука с ребёнком, с мужем, все это было ничто в сравнении с тем, что я почувствовала, когда поняла, что я перестала быть человеком и стала вещью» [10, т. 32, с. 294]. Корнилова возмущается по поводу того, что тюремные служащие, знающие, «как любят люди свободу, свет», «как любят матери детей и дети мать» [10, т. 32, с. 294] делают вид, что перед ними существа, не достойные человеческих радостей. Она описывает, как исправительные учреждения навсегда лишают людей веры, вместо морального улучшения заставляют человека озлобиться и замкнуться.

А политический заключённый Крыльцов, попавший в тюрьму только потому, что одолжил денег товарищам на революционное дело, именно в местах лишения свободы, видя ужасные несправедливости, становится одним из народовольцев. Крыльцов, теряющий в тюрьме смысл жизни, силы, здоровье – он заболевает чахоткой и умирает – беспокоится только о матери: «Он был единственный сын, и мать воспитывала его. Учился он легко и в гимназии, и в университете и кончил курс первым кандидатом математического факультета» [10, т. 32, с. 376]. Толстой не снимает с самого Крыльцова вины за его исход; вся революционная деятельность героя была ошибкой, он не достиг счастья, но сделал несчастным самого близкого ему человека: «Да. Если бы не мать, – она очень убивалась, – мне бы хорошо было в тюрьме, даже приятно и очень интересно» [10, т. 32, с. 376].

Эпизод встречи Нехлюдова и партии арестантов с богатой коляской создан в духе противопоставлений и примеров из публицистики позднего Толстого. Автор представляет нужные ему для создания антитезы размышления героев, в данном случае – детей, которым равнодушные отец и мать не объясняют увиденного: «Ни отец, ни мать не дали ни девочке, ни мальчику объяснения того, что они видели» [10, т. 32, с. 332]. По Толстому, вина за невольный обман детей ложится на родителей и прежде всего на мать, которая ближе к детям.

Ранее мы уже подробно анализировали образ земли как один из ключевых в романах Толстого [2, с. 238–250]; в контексте данной статьи необходимо отметить, что в трёх последних главах второй части, на которые указал Н. К. Гудзий, образ земли наиболее тесно связывается с мотивом рождения нового, с образом матери. Интересно в данном случае сопоставить описание земли в романе «Воскресение»: «...Грустно смотреть на эту лишённую растительности землю, которая могла бы *родить* хлеб, траву, кусты, деревья...», – думает Нехлюдов (курсив мой. – В. А.) [10, т. 32, с. 351] с замечанием самого Толстого в «Круге чтения»: «...Видеть молодую женщину, готовую к *деторождению* и занятую мужским трудом, всегда будет жалко. Видеть такую женщину – все равно, что видеть драгоценный чернозём, засыпанный щебнем для плаца или гуляния» (курсив мой. – В. А.) [10, т. 42, с. 298]. М. В. Пименова и Е.А. Мошина отмечают, что «в русской языковой картине мира у мифологемы Мать-сыра-земля» отмечен важный «лингвокультурный синкретичный смысл: материнство / родственные узы». «Помимо прямого указания, ... данный смысл представлен через функциональные признаки матери – носить (вынашивать), родить, растить, кормить» [8, с. 144].

Исследователи творчества Толстого нередко пытаются найти особую глубину в словах старика-раскольника, которого Нехлюдов встречает на пароме [Тарасов, с. 23–28]. Однако не стоит забывать, что Нехлюдов движется в романе через «галерею» лиц и событий, что он должен выйти в финале произведения к правде. Слова старика-раскольника, возмнившего себя знающим жизнь, очень далеки от искомой героем правды, они сразу же вызывают возмущение у православных людей. Однако некоторые реплики старика заставляют читателя задуматься о сопряжении многочисленных смыслов: «Какого, говорят, ты отца, матери?» Нет, говорю, у меня ни отца, ни матери, кроме Бога и земли. *Бог – отец, земля – мать* (курсив мой. – В. А.) [10, т. 32, с. 419].

О. Н. Виноградова пишет, что «согласно этическим воззрениям Толстого на идеал женщины, физическое целомудрие все же превыше деторождения. Марья Павловна – идеал Толстого: целомудренная, соответственно – бездетная, сострадающая, все предназначение в жизни

которой состоит в том, чтобы помогать другим. Так как она не имеет своих детей, то все дети для неё – как свои собственные» [3, с. 134]. Однако многочисленные замечания позднего Толстого о женщинах дополняют друг друга: писатель говорил об «истинно целомудренных девушках», которые могут всю данную им «силу материнского самоотвержения отдать служению Богу» [10, т. 42, с. 295]. Но на это способны, по Толстому, только редкие личности, не случайно писать размышлял о том, что же делать женщинам, не вышедшим замуж, не имеющим детей или вдовам (Толстой советовал им, за невозможностью выполнять труд женщины, участвовать в мужском труде).

Т. В. Елисеева справедливо отмечает: «Женщина в русском космизме обретает ценность именно в ипостаси Матери; отношения матери и ребёнка становятся прототипом многих других социальных отношений. Это происходит потому, что для человека первыми социальными отношениями являются отношения с матерью. Мать для ребёнка является ценностным ориентиром, позволяющим формировать мировоззренческие принципы. Соответственно, от женщин, согласно различным письменным источникам, ожидалось “высоконравственное, благочестивое поведение”» [5, с. 64]. И не случайно в финале романа Толстой приводит Нехлюдова в настоящую семью и изображает счастливую женщину-мать, показывающую герою своих малышей. «Ей кажется, что всем интересно видеть её детей», – говорит о дочери генеральша [10, т. 32, с. 429]. Между тем, Толстой передаёт в этом материнском труде не единственное, но *главное предназначение женщины*. Писатель не называет эту эпизодическую героиню по имени, говоря о ней «мать» (в данном случае перед нами не просто типизация, но акцент на важнейшей роли в жизни женщины: «Вот это Катя», – сказала мать... “Да?” – сказала мать...» [10, т. 32, с. 430]. Более того, увиденное семейное счастье подталкивает Нехлюдова после долгого периода борьбы вспомнить о настоящей человеческой жизни с её радостями.

Таким образом, в финале романа «Воскресение» Дмитрий Нехлюдов приходит к толстовским образцам правильного и мудрого поведения через многочисленные ошибки. Для Нехлюдова, легко променявшего детскую чистоту и искренность на бессмысленное светское существование, последнее приходится изживать с муками и страданиями, постепенно, благодаря жизненному опыту и вниманию героя уже не к себе, а к другим людям. Не последнее место в этом переживании негативного опыта имеет и преодоление тех искажений и двойственных моментов, которые Нехлюдов испытал, живя по указанию матери. Увиденное в итоге пути в Сибирь настоящее счастье женщины-матери открывает герою пример бескорыстной любви, выводит его к осмыслению противопоставлений действительности и её двух полюсов: божеской жизни и того существования, где главной целью является получение выгоды от эксплуатации и унижения других людей.

Список источников

1. Андреева В. Г. Героини романов Л. Н. Толстого и «одуряющее свойство» светского существования // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 160–209. URL: <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-160-209>.
2. Андреева В. Г. Образ земли и его функции в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 3. С. 236–251. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-236-251>.
3. Виноградова О. Н. Отношение Л. Н. Толстого к «женскому вопросу» на примере вариаций женских образов с именем Мария в романе «Воскресение» // Синтез традиций и новаторства в литературе, языке и культуре. Курск: Курский государственный университет, 2020. С. 131–137.
4. Гудзий Н. К. История писания и печатания «Воскресения» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Москва : Худ. лит., 1935. Т. 33. С. 329–422.
5. Елисеева Т. В. Образ материнства как квинтэссенция мудрости с русской философии XIX в. // Вестник Омского университета. 2021. № 3. С. 63–67.
6. Зверев А. М., Туниманов В. А. Лев Толстой. Москва : Молодая гвардия, 2007. 782 с.
7. Кудряшова А. А. Мотив смерти матери как «завершающее событие» автобиографической прозы о детстве: Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, М. Горький // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 3. С. 27–34.
8. Пименова М. В., Мошина Е. А. Мифологема мать-сыра-земля в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 138–151.
9. Тарасов А. Б. Праведники и подвижники и тема воскресения в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Филологические науки. 2001. № 5. С. 21–29.
10. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Москва : Худ. лит., 1928–1958.

References

1. Andreeva V. G. Heroines of the novels of L. N. Tolstoy and «odurialushchee svoistvo» svetskogo sushchestvovaniia. Dva veka russkoi klassiki. 2021;(1):160–209. URL: <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-160-209>.
2. Andreeva V. G. Obraz zemli i ego funktsii v romane L. N. Tolstogo «Voskresenie». Studia Litterarum. 2020;(3):236–251. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-236-251>.
3. Vinogradova O. N. Otnoshenie L. N. Tolstogo k «zhenskому вопросу» na primere variatsii zhen-skikh obrazov s imenem Mariia v romane «Voskresenie». Sintez traditsii i novatorstva v literature, iazyke i kul'ture. Kursk: Kurskii gosudarstvennyi universitet. 2020:131–137.
4. Gudzii N. K. Istoriia pisanii i pechataniia «Voskreseniia». Tolstoi L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. Moscow: Khud. lit. 1935;(33):329–422.
5. Eliseeva T. V. Obraz materinstva kak kvintessentsiia mudrosti s russkoi filosofii XIX v. Vestnik Omskogo universiteta. 2021;(3):63–67.

6. Zverev A. M., Tunimanov V. A. Lev Tolstoi. Moscow, Molodaia gvardiia. 2007:782.
7. Kudriashova A. A. Motiv smerti materi kak «zavershaiushchee sobytie» avtobiograficheskoi prozy o detstve: L. N. Tolstoi, N. S. Leskov, M. Gor'kii. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2013;(3):27–34.
8. Pimenova M. V., Moshina E. A. Mifologema mat'-syra-zemlia v russkoi iazykovoi kartine mira. Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2021;(3):138–151.
9. Tarasov A. B. Pravedniki i podvizhniki i tema voskreseniia v romane L. N. Tolstogo «Voskresenie». Filologicheskie nauki. 2001;(5):21–29.
10. Tolstoi L. N. Polnoe sobranie sochineniy: in 90 vol. Moscow, Khud. lit. 1928–1958.

Информация об авторе

В. Г. Андреева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

V. G. Andreeva – Doctor of Philology, Leading Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 27.07.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 04.09.2022.

The article was submitted 27.07.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 04.09.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 107–111.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):107–111.
Научная статья
УДК 82

**Римские персоналии в поэтическом сборнике
Н. Гумилёва «Романтические цветы»**

Наталья Генриевна Арефьева

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, natarefieva@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются римские персоналии в поэтическом сборнике Н. Гумилёва «Романтические цветы». Рассматриваются римские образы от основателей Рима до императора Каракаллы, правившего в период упадка римской Империи. Выявляются основные мотивы в римских стихотворениях русского поэта.

Ключевые слова: Гумилёв, римская тематика, образ, контраст, деградация, воин, поэт, мотив

Для цитирования: Арефьева Н. Г. Римские персоналии в поэтическом сборнике Н. Гумилёва «Романтические цветы» // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 107–111.

Original article

**Roman personalities in the poetical collection
«Romantic Flowers» of N. Gumilev**

Natalia G. Arefyeva

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, natarefieva@gmail.com

Abstract. In the offered article analyses roman personalities in the poetical collection «Romantic Flowers» of N. Gumilev. In this paper the author studies the roman images from the founders of Rome to Emperor Caracalla who ruled during in decadence period of the Roman Empire. The author of this work reveals the principal themes in the roman poems of the Russian poet.

Keywords: Gumilev, roman themes, image, contrast, degradation, warrior, poet, theme

For citation: Arefyeva N. G. Roman personalities in the poetical collection «Romantic Flowers» of N. Gumilev. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):107–111. (In Russ.).

В 1906 году Н. С. Гумилёв впервые обращается к римской тематике, к историческим и легендарным персонажам Древнего Рима (сборник «Романтические цветы», опубликованный в 1908 г.).

Так, стихотворение «Основатели» (1908) посвящено легендарным основателям «Вечного города» – Ромулу и Рему. Согласно легенде, Ромул и Рем (потомки троянского героя Энея) заложили на Палатине город Рим, однако в ходе создания города один из братьев убил другого (VIII в. до н.э.).

Стихотворение русского поэта (за исключением двух первых строк) построено в форме диалога двух братьев-близнецов. Диалог братьев ведётся незадолго до братоубийства:

Здесь будет цирк, — промолвил Ромул, —
Здесь будет дом наш, открытый всем [2, с. 162].

Фраза, произнесённая Ромулом: «Дом... открытый всем», — отсылает нас к преданиям о том, что Ромул как царь начал свою деятельность с того, что стал привлекать в новый город всех без исключения людей, принявших римские законы, установленные новым царём. Помимо этого, высказывание Ромула напоминает известное выражение: «Все дороги ведут в Рим». Впоследствии Рим стал центром всей Империи, и, действительно, все дороги этой когда-то великой державы вели в город Ромула.

Однако заключительные строчки стихотворения, произнесённые Ремом, создают совершенно иное представление о будущем городе:

Но надо поставить ближе к дому
Могильные склепы, — ответил Рем [2, с. 162].

Итак, дом (город) будущих римлян, открытый для всех, как мечтает Ромул, — город не только живых, но и мёртвых. Согласно легенде, именно здесь, на Палатине, сразу же после того, как братья взойшли на холм, последовало страшное событие: братья снова вступили в спор, и Ромул убил Рема. И это братоубийство стало знаменем всех кровопролитий и гражданских войн в самом Риме.

В стихотворении о двух братьях, мечтающих построить свой светлый город с постоянными праздничными играми, прочитывается и трагическая судьба Рема, убитого собственным братом,

и гибель Западной Римской Империи, которая завершилась в 476 г. свержением последнего императора Рима, носившего по роковой случайности имя первого царя Рима – имя Ромула (Ромула Августа, или Августа).

В стихотворении «Манлий» (1908 г.) Н. Гумилёв обращается к другому римскому герою, который является историческим лицом. Манлий (Марк Манлий Капитолийский, 4 в. до н.э.) – римский полководец и консул. Через несколько лет, после того, как он спас Капитолий от галлов, патриции, недовольные его политикой в отношении к плебейам, которых консул защищал, объявили его тираном и казнили: Манлий был сброшен с Тарпейской скалы.

И такое преступление патрициев («отцов» Рима) не могло пройти бесследно для самого Рима, поэтому в заключительных строках стихотворения появляется образ Гая Мария (II–I вв. до н.э.), выходца, предположительно, из рода плебеев. В произведении Гумилева образ Мария возникает как символ мести народа, как возмездие за преступление патрициев, совершивших убийство Манлия:

Для чего ж в полдневной хмаре,
Озаряемый лучом,
Возникает хмурый Марий
С окровавленным мечом? [2, с. 163].

Мы привели фрагменты стихотворения в обновлённом (окончательном) варианте (1918 г.). В первоначальной редакции произведение было несколько иным, в нем были и такие строки:

Манлий сброшен! Почему же
Шум на улицах растёт,
Как жена, утратив мужа,
Мести требует народ.
<...>
Неужель не лгали басни
И гробы грозят бедой?
Манлий мёртв, но он опасней,
Он страшнее, чем живой [1, с. 492].

И этот первоначальный вариант, на наш взгляд, наиболее чётко отражает историософские мысли Н. Гумилёва: все события, происходящие в мире, взаимосвязаны, и они имеют в будущем последствия: ничто не проходит бесследно.

В основном, за исключением приведённых выше нами стихотворений, в «Романтических цветах» возникают образы римских воинов и правителей позднего периода этой цивилизации – эпохи заката Римской Империи. Одним из первых стихотворений, связанных одновременно с римской тематикой и отчасти с египетскими мотивами, является поэтическое произведение «Помпей у пиратов» (октябрь 1907 г.). В нем Гумилёв рисует образ римского полководца Помпея (I в. до н.э.), вероятно Секста Помпея, младшего сына Помпея Великого. Этот главный персонаж противопоставлен ненавидящим его пиратам.

Образ Помпея – это образ мужественного воина, который вызывающе ведёт с пиратами, не скрывая своего презрения, даже насмешки над когда-то храбрými и отчаянными морскими разбойниками. Их он держит в трюме как рабов, запрещая без особого повеления подниматься на корму.

Помпей предстаёт в стихотворении довольно неординарной натурой. С одной стороны, он ведёт корсарскую и довольно ожесточённую войну против Цезаря, виновника гибели его отца и старшего брата. А с другой стороны, он противостоит и своим новообретённым союзникам – пиратам, открыто презирая их. По сути, он постоянно рискует, провоцируя мстительных пиратов:

Слышен зов. Это голос Помпея,
Окружённого стаяй голубок.
Он кричит: «Эй, собаки, живее!
Где вино? Высыхает мой кубок» [2, с. 161].
И ему это удаётся, его поведение вызывает в пиратах чувство ненависти и злобы к нему:

С затаённой злобой боязни
Говорят, то храбрысь, то бледнея,
И вполголоса требуют казни,
Головы молодого Помпея [2, с. 161].

Однако своим авторитетом, волей, стойкостью и даже излишней бравадой он морально подавляет все коварные помыслы пиратов:

И, оставив мечтанья о мести,
Умолкают смущённо пираты
И несут, раболепные, вместе
И вино, и цветы, и гранаты [2, с. 161].

Помимо этого, в отважном воине уживается и другая личность: он – изнеженный сибарит, прожигающий свою жизнь в роскоши и собственных удовольствиях. Фактически с этого стихотворения у русского поэта появляются «новые люди» среди римлян: отчаянные, храбрые, но в тоже время тяготеющие к жизни, полной излишеств и удовольствий:

И над морем седым и пустынным,
Приподнявшись лениво на локте,
Посыпает толчёным рубином
Розоватые, длинные ногти [2, с. 161].

Интересно, что гумилёвский Секст Помпей предстаёт и как антипод своему отцу – Помпею Великому, который был главнокомандующим в войне против пиратов, опаснейших противников всего Рима. В своё время он избавил «Вечный город» от них. Его младший сын, напротив, захватив пиратов, сделал их орудием против Рима. Примечательно, что сама биография Секста Помпея была тесно связана и с Египтом, так как он до самой смерти отца был рядом с ним во всех его походах, он же сопровождал его в Египет, где Помпей Великий был умерщвлён правителями этого государства на глазах Секста.

Своей бравадой Секст Помпей в гумилёвском стихотворении напоминает в большей степени Юлия Цезаря, его современника и политического врага, который в молодости был захвачен в плен пиратами. Однако «вёл себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать пиратам, чтобы те не шумели. Тридцать восемь дней пробыл он у пиратов, ведя себя так, как если бы они были его телохранителями, а не он их пленником, и без малейшего страха забавлялся и шутил с ними. Он писал поэмы и речи, декламировал их пиратам и тех, кто не выражал своего восхищения, называл в лицо неучами и варварами, часто со смехом угрожая повесить их» [3, с. 437]. И он сдержал своё слово: после своего освобождения, он «приказал вывести пиратов и всех до единого распять, как он часто предсказывал им на острове, когда они считали его слова шуткой» [3, с. 437].

В стихотворении «Игры» (декабрь 1907–январь 1908 г.) Н. Гумилёва изображаются римские игры, культовые празднества, которые были введены в Риме отцом-основателем Ромулом, и поначалу сопровождалась развлекательными выступлениями и гладиаторскими боями. Однако, начиная с III века до н.э. они вылились в грандиозное зрелище, когда на сцену выводили экзотических животных, и «охотники» начинали их истреблять. Эти игры-забавы были необычайно популярны, и ради добычи этих зверей, которые в основном водились в других странах, императоры щедро расплачивались с теми, кто поставлял им диких животных. А во втором веке до н.э. подобных животных стали использовать в качестве наказания преступников и пленных.

Н. С. Гумилёв описывает одну из самых безумных игр в Риме. Сначала диких и опасных животных «раззадоривали» охотники, приводя в неистовую ярость и без того опасных хищников, а потом отправляли к ним жертву:

И тогда лишь был отдан им пленный,
Весь израненный, вождь алеманов,
Заклинатель ветров и туманов
И убийца с глазами гиены [2, с. 164].

Примечательно, что вождь алеманов оказался «заклинателем ветров и туманов», то есть магом, поэтом, который силой своего искусства усмирил диких животных:

Но, прижавшись к перилам дубовым,
Вдруг завыл он, спокойный и хмурый,
И согласным ответили рёвом
И медведи, и волки, и туры.
Распластались покорно удавы,
И упали слоны на колени,
Ожидая его повелений,
Поднимали свой хобот кровавый [2, с. 164].

Таким образом, впервые в своих «античных стихах» Гумилёв поднимает тему воина-поэта, чьё искусство оказалось сильнее дикой необузданности животных. Победил бесстрашный вождь алеманов, от которого все ожидали кровавой и смертельной схватки с животными:

Как хотели мы этого часа!
Ждали битвы, мы знали – он смелый [2, с. 164].

Но победил вождь алеманов благодаря своей внутренней стойкости и силе своего искусства, которой подчинились хищники:

Мы такого ещё не видали!
Ведь голодные тигры лизали
Колдуну запыхлённые ноги [2, с. 165].

Образ предводителя алеманов напоминает некоторых христианских святых и самого Иисуса Христа, усмирившего львов. С другой стороны, в «колдуне» воплотились черты истинного

поэта-кудесника, воина и властителя, наделённого магическим даром слова. По словам английского писателя и христианского мыслителя Г. К. Честертона, русский поэт, мечтающий о «поэто-кратии», утверждал, «что только поэтов следует допускать к управлению миром» [4].

Вопрос о том, к какой же эпохе римской цивилизации относится событие в этом стихотворении и к какому консулу обращаются зрители игр, остаётся открытым. Можно лишь предположить, исходя из названия племени (алеманы), вождём которого был главный персонаж. Вероятно, русский поэт обращается к римской истории начала III в. н.э., к времени правления императора Каракаллы, который воевал с алеманами и победил их. Он же считал, что победа далась ему нелегко потому, что предводитель алеманов был наделён колдовской силой. За свою победу он получил прозвище Аламаникус («победитель алеманов»). А перед тем, как стать единоличным правителем (императором), Каракалла был консулом.

Каракалла жил в годы кризиса Римской цивилизации, когда происходило падение авторитета могучей империи. И дикие игры этой эпохи знаменуют начало физического и духовного вырождения империи:

Консул добр: на арене кровавой
Третий день не кончаются игры...
<...>
Бейте, звери, горячее тело,
Рвите, звери, кровавое мясо! [2, с. 164].

Неслучайно римские историки (например, Касий Дион, живший в эпоху этого императора) считали, что Каракалла страдал психическим заболеванием.

В связи с этим очень показательно стихотворение «Мореплаватель Павсаний» (июль 1906), в котором имя императора, любителя пышных игр и празднеств, «безумных извращений», уже называется:

Это было в дни безумных
Извращений Каракаллы [2, с. 170].

Однако героем стихотворения является мореплаватель Павсаний. Павсаний (Павсаний) «принадлежал к кругу состоятельных и образованных людей, много читал и путешествовал, был страстным любителем и знатоком старины. <...> Обладал обширными знаниями и незаурядным литературным талантом. После смерти получил прозвище Периэгет (Гид) из-за своего знаменитого сочинения «Описание Эллады» в 10 книгах» [5, с. 5].

В стихотворении Гумилева «Мореплаватель Павсаний / С берегов далёких Нила/В Рим привёз и шкуры ланей, / И египетские ткани, / И большого крокодила» [2, с.170]. Что же подвигло императора Каракаллу лично встретиться с известным путешественником и писателем Павсанием, вернувшегося из Египта? Гумилев подчёркивает в своём стихотворении, что особый интерес вызвал у Каракаллы крокодил:

Император вышел в море,
Чтобы встретить крокодила [2, с. 170].

Можно предположить, что крокодил необходим этому императору для развлечения, чтобы продемонстрировать это экзотическое животное во время игр на арене Колизея. Известно, что для демонстрации подобных животных в Колизее устраивали огромные бассейны.

Обратим внимание на упоминание необычных для Рима животных из двух произведений Гумилева, приведённых нами выше («Игры», «Мореплаватель Павсаний»). В этих римских стихах явно прослеживается влияние любимой Гумилёвым Африки. Гиена воспринимается чаще всего как отрицательный образ. Однако в древности многие египетские жрецы считали, что это животное наделено огромной магической силой. Согласно их мифопоэтическим представлениям, гиена таила в себе огромные разрушительные силы, направленные на все живое. Но она могла за гипнотизировать человека и животное и даже исцелить или отвратить людей от беды и болезней. Вот почему вождь алеманов назван «убийцей с глазами гиены» («Игры»).

Образ экзотического для Рима крокодила тоже воспринимается двойственно. С одной стороны, он символизирует другой мир – чудесный и сказочный. Он являлся священным животным одного из древнеегипетских богов Себека, именно в египетских храмах проводились инициации с крокодилами, чтобы получить тайное знание о мире и человеке и научиться преодолевать страх смерти.

Вероятно, для Каракаллы крокодил имел сакральное значение (может, неслучайно в первоначальном варианте стихотворение «Мореплаватель Павсаний» имело другое название – «Крокодил», что свидетельствует о значимости этого образа в произведении).

С другой стороны, крокодил есть инородный для Рима элемент, символизирующий роскошь и забаву и нарушающий гармонию Римской державы, прежний суровый уклад этой культуры:

И какой-то сказкой чудной,
Нарушителем гармоний,
Крокодил сверкал у судна
Чешую изумрудной
На серебряном понтоне [2, с. 170].

Стихотворение построено на контрастах, в нем соприкасаются два мира: мир древнегреческого писателя и географа Павзания (Павсания) и римского императора Каракаллы. Павзаний у Гумилёва – мореплавателю, который постоянно находится в пути, в поиске новых знаний и впечатлений. Император Каракалла – «бог весёлых и безумных» [2, с. 170], прожигает свою жизнь в безумных оргиях. Может, на контрасте этих образов Н. Гумилёв и пытался показать одну из причин будущего крушения Римской империи.

Гумилёв в своих римских стихах через создание образов представителей высшей власти показывает нам постепенную деградацию этой когда-то высокоразвитой культуры и могущественного государства. Изображая ряд властителей Рима, живших в разное время (от VIII в. до н.э. до III в. н.э.), поэт невольно подводит читателя к мысли о том, что постепенно, век за веком, властители великой империи утрачивали свои собственные их предкам героические черты. И вполне закономерно, что в римских стихах Н. Гумилёва доминируют мотивы жестокости и смерти, преступления, мести и возмездия, опасной игры и безумных развлечений.

В заключении отметим, что Каракалла становится героем и других стихотворений в «Романтических цветах». Однако в этих произведениях возникает совершенно необычный, далеко не однозначный образ императора, и, соответственно, стихотворения Гумилёва «Императору» и «Каракалла» требуют отдельной статьи...

Список источников

1. Гумилёв Н. Сочинения : в 3 т. Москва : Художественная литература, 1991. Т. 1. 590 с.
2. Гумилёв Н. Собрание сочинений : в 3 т. Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. Т. 1. 512 с.
3. Плутарх. Александр и Цезарь/Плутарх // Плутарх. Избранные жизнеописания : в 2 т. Москва : Правда, 1987. Т. 2. С. 361–494.
4. Русинко Э. Гумилёв в Лондоне: неизвестное интервью // Николай Гумилёв: электронное собрание сочинений. 1997–2022. URL: <https://gumilev.ru/biography/102>.
5. Фролов Э. Д. Новое русское издание Павсания // Павсаний. Описание Эллады : в 2 т. Москва : ООО «Издательство АСТ», 2002. Т. 1. С. 5–11.

References

1. Gumilev N. Sochineniya: in 3 vol. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 1991;(1):590.
2. Gumilev N. Sbornik sochineniy: in 3 vol. Moscow: OLMA-PRESS. 2000;(1):512.
3. Plutarh. Aleksandr i Cezar. Plutarh. Izbrannye zhizneopisaniy: in 2 vol. Moscow: Pravd. 1987;(2):361–494.
4. Rusinco A. Gumilev v Londone: neizvestnoe intervyyu. Nicolai Gumilev: ellectronnoe sobranie sochineniy. 1997–2022. – URL: <https://gumilev.ru/biography/102>.
5. Frolov E. D. Novye russkoe izdanie Pavsaniy. Pavsaniy. Opisanie Allady : in 2 vol. Moscow: ООО «Izdatelstvo AST». 2002;(1):5–11.

Информация об авторе

Н. Г. Арефьева – кандидат филологических наук.

Information about the author

N. G. Arefyeva – Candidate of Philological Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.09.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 10.09.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 112–117.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):112–117.
Научная статья
УДК 821.161.1

Способы художественной репрезентации
«Ленинградского текста» в поэме А. Ахматовой «Реквием»

Анна Александровна Боровская¹, Любовь Валентиновна Спесивцева²

^{1,2}Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹borovskaya-anna@bk.ru

²krilovalubov@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена трансформации Петербургского текста в поэме А. Ахматовой «Реквием» и конструированию авторского мифа о «тюремном» Ленинграде. Мотив гибели inferнального города-призрака раскрывается в новом историческом контексте. Структурообразующую роль в поэме-панихиде играют апокалиптические мотивы и сюжет распятия / воскрешения, основанный на евангельском тексте. Образ антимира в «Реквиеме» рассматривается в трёх пространственно-временных планах: биографическом, историческом и мифологическом. Особое внимание уделяется анализу сквозных образов-символов, формирующих сюжетное единство и смысловую многослойность поэмы.

Ключевые слова: поэма, Ленинградский текст, художественная репрезентация, апокалиптические мотивы, евангельский сюжет, антимир, миф

Для цитирования: Боровская А. А., Спесивцева Л. В. Способы художественной репрезентации «Ленинградского текста» в поэме А. Ахматовой «Реквием» // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 112–117.

Original article

Ways of artistic representation of the
“Leningrad text” in A. Akhmatova’s poem “Requiem”

Anna A. Borovskaya¹, Lubov V. Spesivtseva²

^{1,2}Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

¹borovskaya-anna@bk.ru

²krilovalubov@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the transformation of the St. Petersburg text in A. Akhmatova's poem «Requiem» and the construction of the author's myth about the «prison» Leningrad. The motive of the death of the infernal ghost town is revealed in a new historical context. The structure-forming role in the memorial poem is played by apocalyptic motifs and the plot of the crucifixion / resurrection, based on the gospel text. The image of the anti-world in Requiem is considered in three spatial and temporal planes: biographical, historical and mythological. Special attention is paid to the analysis of cross-cutting images-symbols that form the unity of the plot and the semantic layering of the poem.

Keywords: poem, Leningrad text, artistic representation, apocalyptic motifs, gospel plot, anti-world, myth

For citation: Borovskaya A. A., Spesivtseva L. V. Ways of artistic representation of the “Leningrad text” in A. Akhmatova’s poem “Requiem”. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):112–117. (In Russ.).

В трудах В. Топорова и других учёных тартуской школы разработано понятие «Петербургский текст» русской литературы, определены основные его сигнатуры. «Миф Петербурга», являясь центральным компонентом Петербургского текста, представляет собой комплексную символическую структуру, оказавшую влияние на русскую литературу и русскую ментальность XIX и XX веков. Историко-литературная интерпретация мифа реализуется в двух аксиологических вариантах – позитивном и негативном.

Эволюция петербургского пространства в творчестве А. Ахматовой определяется изменениями исторического контекста, которые иллюстрирует смена топонимов: Петербург – Петроград – Ленинград. Семантика Петербурга в лирике поэта обусловлена традиционным для русской литературы мифом о Северной столице, позволяющем рассматривать город как знак культурного преобразования, торжества космоса над первозданным хаосом и одновременно как «заколдованное, проклятое место». Петроград в творчестве А. Ахматовой символизирует деструктивное начало, новую власть, которая отождествляется с гибелью, насилием и несвободой.

В поэме «Реквием» конструируется миф о «тюремном» Ленинграде, в котором структурообразующую роль играют апокалиптические мотивы и сюжет распятия / воскрешения. В лирике периода Великой Отечественной войны образ Ленинграда сакрализуется и наполняется иным смыслом: олицетворяет мужество и героизм русского народа.

В поэме «Ленинградский текст» выступает логическим продолжением «Петербургского»: природная и материально-культурная составляющие городского локуса остаются практически

неизменными. Однако в авторском сознании дореволюционный Петербург, вызывающий ностальгию по ушедшей юности и утраченной России, становится знаковым элементом пространства памяти и противостоит советскому Ленинграду 1930-х годов, который в художественном мире поэмы является символом несвободы, страха и отчаянья. Контраст прошлого и настоящего формирует хронотоп текста.

Пространственно-временные координаты образа «тюремного» Ленинграда представлены несколькими смысловыми планами, что соотносится с концепцией Ю. Лотмана о многослойности культуры.

Первый план связан с личным горем лирической героини и организует событийный ряд поэмы, который основан на автобиографическом контексте – арестах сына – Л. Гумилёва, мужа – Н. Пунина, а также друга и собрата по перу – О. Мандельштама: «Уводили тебя на рассвете, / За тобой, как на выносе, шла...» [1, с. 270]. Рассвет предшествует восходу солнца, когда все в природе застывает, цепенеет. С одной стороны, это отсылает к известному историческому факту: «забирали» в 1930-е годы в тёмное время суток: «Ночной арест <...> у нас излюблен, потому что в нем есть важные преимущества. Все живущие в квартире ущемлены ужасом от первого же стука в дверь» [4, с. 15]. С другой стороны, восход солнца ассоциируется с торжеством света над тьмой, дня – над ночью. Однако в поэме А. Ахматовой временной указатель парадоксален: раннее утро символизирует не начало новой жизни, а преддверие смерти: «За тобой как на выносе шла». В христианском сознании лирической героини арест отождествляется с поминальным обрядом: «В темной горнице плакали дети / У божницы свеча оплыла»; «Пусть черные сукна покроют»; «И звон кадилный», «Опять поминальный приблизился час» [1, с. 270, 272]. Подобная оксюморонность проявляется и в сопоставлении ожидания тюремного свидания с обедней, утренней церковной службой, во время которой совершается причастие: «Подымались как к обедне ранней». Атрибуты похорон помогают ярче передать удушливую атмосферу Ленинграда, города ужаса и смерти.

Настоящее время носит статичный характер и воплощено в картине внутренних переживаний героини: «Нет, это не я, это кто-то другой страдает. / Я бы так не смогла»; «И своею слезой горячую / Новогодний лёд прожигать»; «Семнадцать месяцев кричу / Зову тебя домой»; «У меня сегодня много дела / Надо память до конца убить». Оно конкретно, точно регистрирует временные промежутки («семнадцать месяцев»), отличается оценочностью и экспрессивностью («двух моих осатанелых лет»).

Ленинград превращается в город-«привесок», в дополнение к гигантской тюрьме, которая поглощает пространство культуры: «Ненужным привеском болтался / Возле тюрем своих Ленинград». Настоящее время в «Реквиеме» апокалиплично – все застыло в эсхатологическом пространстве: «Не течёт великая река», «Солнце ниже и Нева туманней», «Но крепки тюремные затворы». Личное горе лирической героини в поэме обобщается, её «воплъ» сливается с голосами тысяч российских женщин – матерей, сестёр, жён репрессированных: «Хотелось бы всех поимённо назвать, / Да отняли список, и негде узнать...» [1, с. 275].

Второй смысловой план поэмы представлен историческим прошлым России, которое охватывает три столетия. В «Посвящении» А. Ахматова опосредовано упоминается декабристское восстание. Жены сосланных в Сибирь мятежников разделили мученическую участь своих мужей и в 1827 году добровольно поехали за осуждёнными: «Где теперь невольные подруги <...> // Что им чудится в сибирской выюге» [1, с. 270].

Историческое время динамично и вмещает события, объединённые общей эмоциональностью: «Буду я, как стрелецкие жёнки / Под кремлёвскими башнями вить» [1, с. 271]. Страдания вдов казнённых стрельцов, которые в 1698 г. пытались поднять восстание против Петра I, созвучны отчаянно лирической героини. Во второй главе «Вступления» образ тихого Дона вызывает в памяти события гражданской войны, трагически закончившиеся для многих её участников. Лирическая героиня оказывается в ряду безымянных русских женщин, терявших своих мужей и сыновей на протяжении всей русской истории.

Третий смысловой план поэмы формирует вневременное сакральное пространство Вечности, которое аллегорично восходит к трагическому сюжету распятия Христа. А. Ахматова, акцентируя внимание на страданиях Божьей матери, проводит параллель между Богородицей и лирической героиней. Поэт использует приём минус-действия: с помощью отрицательного жеста (молчания) раскрывает глубину материнского горя.

Евангельский контекст расширяет пространственно-временные границы поэмы. В главе «Распятие» А. Ахматова обращается к иконографическому экфрасису, а в качестве эпиграфа использует строки из гимна византийского поэта Космы Маюмского: «Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящем...». Жанр плача Богородицы у креста, характерный для литургической поэзии (А. Ахматова в этом фрагменте ритмически имитирует песнопения), позволяет отождествить утрату лирической героини с жертвой матери, приведшей в мир сына-искупителя.

Во второй части «Эпилога» появляется гипотетическое будущее время, которое ассоциируется с торжеством высшей и исторической справедливости: «И пусть с неподвижных и бронзовых век, / Как слезы, струится подтаявший снег, / И голубь тюремный пусть гулит вдали, / И тихо идут по Неве корабли» [1, с. 276].

Анафорические повторы, нанизывание предложений, связанных сочинительным союзом «и», являются средствами стилизации: автор воссоздаёт библейский дискурс, что позволяет интерпретировать финал поэмы в пророческом ключе. Смена временного регистра определяет изменения пространственных образов: застывшая «великая река» в «Посвящении» превращается в судоходную, ожившую Неву в заключительных строках «Эпилога». Кольцевая композиция поэмы символизирует бесконечное течение времени.

Все три плана, переплетаясь, образуют единое пространство и время. Абсурдный, алогичный антимир «тюремного» Ленинграда, где господствуют безумие и смерть, противопоставлен Петербургу прошлого, а лирическая героиня поэмы – «царскосельской весёлой грешнице», «любимице всех друзей». Прошедшее время динамично, что выражается в использовании глаголов эмоционального действия («Под кремлёвскими башнями выть», «Магдалина билась и рыдала»), настоящее неподвижно («смертельная тоска», «окаменелое страдание»), будущее исполнено «тихой» надеждой («И тихо идут по Неве корабли»). Таким образом А. Ахматова создаёт эффект временной разомкнутости и одновременно предельной сжатости, где личная трагедия вписана в драматический сюжет эпохи, в контекст русской истории.

Единое пространство поэмы организовано спиральной композицией. Действие разворачивается в Ленинграде: в первых строках «Посвящения» пространственные образы гор и реки формируют иерархическую оппозицию поэтического универсума «верх – низ»: «Перед этим горем гнутся горы, / Не течёт великая река» [1, с. 269].

Подобная антитеза создаёт пространственную вертикаль, где преобладает движение вниз: «Кидалась в ноги палачу...»; «...Словно грубо навзничь опрокинут...»; «...И безвинная корчилась Русь / Под кровавыми сапогами и под шинами черных марусь»; «И упало каменное слово»; «Узнала я, как опадают лица...»; «Перед этим горем гнутся горы...»; «И сразу слезы хлынут...». Эффект «приземления» создаётся с помощью аллитерации («слышим лишь ключей постылый скрежет / да шаги тяжёлые солдат») и светописи («...Солнце ниже и Нева туманней»). А. Ахматова конструирует образ «сдвинутого» мира, в котором смещены привычные координаты, искажены пространственные объекты. Подобная деформация образов восходит к строкам Откровения Иоанна Богослова: «И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих...» (Отк. 6, 14).

Пространство «тюремного» Ленинграда раскрывается в конкретно-исторических деталях, которые относятся к эпохе 1930-х годов. Образ «чёрных марусь» – армита времени: так называли в народе служебные автомобили, на которых обычно увозили арестованных. Вещный образ – «постылая дверь» – включает эмоционально-оценочный эпитет, семантика которого связана с народной лирической песней. Вместе с тем с 1934 по 1936 годы А. Ахматова провела двадцать один месяц в очередях возле «Крестов». Предметная деталь преобразуется в символ границы между реальным и inferнальным мирами и становится частью тюремного хронотопа: «Под крестами будешь стоять». / «А сколько там неповинных жизней кончается».

Художественное пространство города экстенсивно и динамично: от центральных локальных образов тюрьмы и дома оно разрастается, включает в себя Дон, Енисей, Царское село, Одессу. На вопрос советского литературоведа Э. Герштейн о том, почему в «ленинградском стихотворении откликнулась река Дон», А. Ахматова ответила уклончиво: «Не знаю, может быть, потому, что Лева ездил в экспедицию на Дон? "Тихий Дон" Шолохова был любимым произведением Лёвы» [3, с. 152]. Отсылка к роману-эпопее М. Шолохова, в которой повествуется о великом переломе в жизни народа, братоубийственной гражданской войне 1917–1920 годов не случайна. Перевернутый мир, где трудно опознать человека, выступает связующим звеном в пространстве: «Все перепуталось навек, / И мне не разобрать / Теперь, кто зверь, кто человек, / И долго ль казни ждать» [1, с. 272].

Образ «Царского села», являющийся элементом художественной топографии Петербурга, становится составной частью оппозиции «прошлое – настоящее». С Царским Селом у А. Ахматовой связано много воспоминаний – там она стала гимназисткой, сочиняла свои первые стихи, познакомилась с Н. Гумилевым, родила единственного сына. Царское Село ассоциируется с утраченным раем.

В «Эпilogе» косвенное указание на автобиографический топос (Одесса, Царское Село) также служит средством создания биспациальной модели мира: «...Ни около моря, где я родилась: / Последняя с морем разорвана связь, / Ни в царском саду у заветного пня, / Где тень безутешная ищет меня» [1, с. 276].

Мотив раздвоения лирического сознания на «я» в прошлом и «я» в настоящем носит аксиологический характер. Море и Царское Село являются поэтическими эквивалентами счастья, беззаботности, Кресты и Нева – страдания, потери. Возврат в прошлое невозможен.

Упоминание в главе «К смерти» реки Енисея переносит читателя в места сибирской ссылки (сын А. Ахматовой провёл около четырнадцати лет в лагерях Сибири): «Мне все равно теперь. Струится Енисей, / Звезда полярная сияет» [1, с. 273]. Образ Енисея в поэме становится символом крушения надежд, смерти, заточения, несвободы.

Художественное пространство поэмы «Реквием» рождается во взаимодействии двух планов: профанического и сакрального. Образ «одичалой столицы» – элемент бытового и исторического континуума. В то же время эпитет «одичалая» отсылает к 136-му Псалму «Книги пророка Софонин»: «Горе городу нечистому и осквернённом, притеснителю!.. Князя его посреди него – рыкающие львы, судьи его – вечерние волки, не оставляющие до утра ни одной кости... Я истребил народы, разрушены твердыни их; пустыми сделал улицы их, так что никто уже не ходит по ним; разорены города их: нет ни одного человека, нет жителей» (Соф. 3, 1–6).

В «одичалом Ленинграде» жители «мёртвых бездыханной» идут к тюрьме, как в Православную церковь к Обедне, на которой христиане удостоивались принять Божественную трапезу. Крайнюю степень эмоционального надрыва героини выражает эпитет «осатанелыми» («Двух моих осатанелых лет»), который является в какой-то степени синонимичным прилагательному «одичалый», но и, переключаясь со всей образной системой поэмы, оказывается обусловленным её библейским контекстом. Осатанелыми называются в поэме и «страшные годы ежовщины», и сам Ленинград – город-тюрьма, город, где торжествует варварство, где гибнет культура. В главе «Распятие» время и пространство сакрализуются: «Хор ангелов великий час

восславил, / И небеса расплавились в огне» [1, с. 274]. «Великий час», «расплавленные огнём небеса» – маркеры мифологического хронотопа, позволяющие раздвинуть границы происходящего в поэме – восходят к описанию природных катаклизмов, сопровождающих казнь Христа: «...и сделалась тьма по всей земле ... и померкло солнце, и завеса в храме раздралась посередине» (Лк. 23, 44–45). Тема гибели связана с мотивами очищения и предстоящего воскрешения бесконечного бога из конечного человека.

В поэме «Реквием» образ «тюремного» Ленинграда наделяется чертами инфернального пространства: аморфность, размытость линий и очертаний, призрачность. Особую роль в художественном воплощении города-морока, находящегося на границе между миром живых и мёртвых («Солнце ниже, и Нева туманней», «Чёрная долина»), играет онейрическое пространство сна, бреда, галлюцинаций («Прислушиваясь к своему / Уже как бы чужому бреду»). Топосы Ленинграда показаны сквозь призму воспалённого сознания лирической героини. Так, во второй главке поэмы «ночной» пейзаж соединяет оба типа пространства. «Жёлтый месяц» является элементом балладного хронотопа. Вместе с тем жёлтый цвет ассоциируется с безумием. Связано это с Обуховской больницей для умалишённых в Ленинграде, открытой в 1780 году и выкрашенной в жёлтый цвет. Героиня уже не воспринимает явления природы («горячий шелест лета»), она отделена от всех, не участвует в мнимом празднике («словно праздник»): он «за окном». «Светлый день» символизирует не наполненность, а пустоту («Опустелый дом»). Антитетичность становится отличительной особенностью художественного мира поэмы. Контекстуальные антонимы («светлый – опустелый», «каменный – живой»), оксюмороны («улыбался мёртвый», «холод иконки»), контрасты («свой» – «чужой», «вой – молчание») формируют модель антимира, в котором человек не может оставаться нормальным: «Уже безумие крылом / Души накрыло половину, / И поит огненным вином, / И манит в чёрную долину» [1, с. 273].

«Чёрная долина» является одновременно метафорой смерти и сумасшествия. В создании образа «тюремного» Ленинграда особую значимость приобретает цветовая символика. Оппозиция «красный – чёрный» («кровавыми сапогами», «огненное вино», «небеса расплавились огнём» / «чёрные маруси», «чёрная долина», «чёрные сукна») служит средством художественного воплощения разорванного (свой бред воспринимается как чужой) сознания человека в городе-призраке, балансирующего на грани жизни и смерти, ясности и сумасшествия. Когда безумие готово поглотить рассудок, на помощь приходит воспоминание о распятии и воскрешении Христа. Чёрный и красный цвета становятся репрезентантами мортальной тематики в поэме «Реквием». Так, черным сукном закрывали все предметы в доме, когда лежит покойник: «Пусть черные сукна покроют, / И пусть унесут фонари...» [1, с. 271].

В «Реквиеме» художественная картина нового Апокалипсиса формируется сплетением танатологических (окаменения, распятия) и витальных мотивов (воскрешения, оживления статуи). Одним из средств создания авторского мифа о едином «Петербурге – Ленинграде» в поэме «Реквием» становится сюжет «распятия / воскрешения». Центральное место среди библейских образов занимают образы Сына-искупителя и присутствующей при казни Матери. Мотив распятия лежит в основе сюжета произведения А. Ахматовой. Эпиграфом к части «Распятие» является неточная цитата из песни канона Великой субботы: «Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи». Великая суббота – день перед Пасхальным воскресением, когда, по церковному преданию, Иисус Христос спустился в ад. Таким образом, реальность современного Ленинграда, представленная в «Реквиеме», архетипически осмысливается как «погружению в преисподнюю».

В части «Распятие» сконцентрированы все основные смысловые слои поэмы. Реминисцентный фон главки определяется отсылками к Евангелию от Луки: «...и сделалась тьма по всей земле до часа девятого: и померкло солнце, и завеса в храме раздралась посередине» (Лк. 23, 44–45). Адресованный Отцу вопрос Иисуса «Почто меня оставил?» является почти цитатным воспроизведением слов распятого Христа: «В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Эloi! Эloi! ламма савафани? – что значит: Боже мой! Боже мой! для чего ты меня оставил?» (Мк. 15, 34). Слова же «О, не рыдай Мене...», обращённые к матери, заставляют вспомнить эпиграф к главке, который оказывается одновременно и неточной цитатой из Евангелия: сопроводившим его на казнь и сострадающим ему женщинам Иисус говорит: «...дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших...» (Лк. 23, 27–28). Другими словами, четвертая строка поэтического фрагмента представляет собой контаминацию евангельского текста и цитаты из ирмоса пасхального канона, ставшей эпиграфом к главе «Распятие».

Обращает внимание то обстоятельство, что в Евангелии слова Иисуса обращены не к матери, а к сопроводившим его женщинам, «которые плакали и рыдали о Нем» (Лк. 23, 27). Адресуя слова Сына непосредственно Деве Марии, А. Ахматова переосмысливает евангельский текст, делая акцент на страдании матери.

Предлагаемое в «Реквиеме» осмысление новозаветной трагедии полностью в рамки канона не вписывается. «В новой, ахматовской трагедии смерть сына влечёт за собой смерть матери» [2, с. 6]. Сюжет поэмы предполагает распятие не сына, а матери, которая представляет собой земной аналог глубоко укоренённому в душе человека архетипа Богородицы.

Мотив смерти реализуется и во флористическом коде поэмы. Образы растительного мира также наделены мортальной семантикой: «Там тюремный тополь качается, / И ни звука – а сколько там / Неповинных жизней кончается...» [1, с. 272]. Тополь – дуалистический символ, что обусловлено двойным окрасом его листьев. В древнегреческой мифологии он служил проводником в царство мёртвых: Геракл надевал венок из тополиных веток перед тем, как спуститься в Аид. В произведении А. Ахматовой образ тюремного тополя включён в словесный ряд, где дважды повторяется местоимение «там», что может быть интерпретировано как косвенное указание на инобытие, и прямо обозначена тема смерти («Неповинных жизней кончается»).

Образ липы обладает противоположным значением. В христианской культуре липа является священным деревом. У древних славян она отождествлялась с богиней любви и красоты Ладой. В поэме липа – атрибут утраченного мира гармонии, она противопоставлена «чёрной долине» смерти и безумия: «И не позволит ничего / Оно мне унести с собою... // Ни милую прохладу рук, / Ни лип взволнованные тени...» [1, с. 274]. Образ лип соотносится с образом теней, что символизирует погружение в мир грёз и воспоминаний.

Образ обречённого города в «Реквиеме» представлен также мифологемами камня и воды, традиционными для Петербургского текста, которые реконструируют апокалиптическую картину мира, служат средством создания пространства смерти, выступающего в качестве доминирующей реальности в произведении. Мотив окаменения выполняет сюжетообразующую функцию в поэме А. Ахматовой и может быть прочитан в рамках устойчивой для поэзии начала XX века темы всеобщего торжества Тонатоса. Впервые образ камня и производный мотив появляются в главе «Приговор», в которой описание природы противопоставлено описанию внутреннего состояния лирической героини: «А не то... Горячий шелест лета / Словно праздник за моим окном» [1, с. 273].

«Каменное слово» – метафора, иносказательно обозначающая приговор, вынесенный единственному сыну. Антитезы «каменное слово» / «живая грудь», «память убить» / «научиться жить» усиливаются летним пейзажем, символизирующем торжество витального начала. Несоответствие между переживанием личного горя героиней и атмосферой праздника в природном универсуме служит средством гротескового психологизма. Автор обращается к приёму иронического парадокса: чтобы снова научиться жить, необходимо, чтобы душа окаменела. Таким образом мотив превращения в камень становится эквивалентом душевной стойкости и эмоциональной сдержанности.

Развитие мотива превращения в камень продолжает девятая глава поэмы. Образ «окаменелого страдания» в «страшных» глазах сына вновь вводит тему застывшего, омертвевшего мира. В «Распятии» – кульминационной части поэмы – мотив раскрывается в евангельском контексте. А. Ахматова использует субстантивированный глагол несовершенного вида, подчёркивая длительность и неоконченность страдания: «Ученик любимый каменел».

В «Эпиллоге» тема смерти переходит в тему вечной жизни, а мотив окаменения трансформируется в мотив оживления статуи. Мортальные и витальные мотивы в финальной части поэмы А. Ахматовой объединяются и сопрягаются с темой памяти и памятника: «А если когда-нибудь в этой стране / Воздвигнуть задумают памятник мне...» [1, с. 275]. Тема горацанского памятника, традиционная для русской литературы (М. Ломоносов, Г. Державин, А. Пушкин, В. Ходасевич), в поэме «Реквием» получает новое прочтение. Вторая глава «Эпиллога» в жанровом отношении близка к лирическому завещанию. Памятник Поэту должен быть поставлен у стен тюрьмы. Таким образом, он перестаёт быть символом поэтического бессмертия и творческого дара, а превращается в мемориал всем жертвам репрессий.

Мотив оживления статуи, характерный для творчества А. Пушкина («Медный всадник», «Сказка о Золотом петушке», «Каменный гость»), также переосмысливается А. Ахматовой. Он утрачивает хтоническую и мортальную семантику и олицетворяет идею бессмертия, обновления, вечной жизни: «И пусть с неподвижных / Бронзовых век, / Как слезы, струится подтаявший снег, / И голубь тюремный пусть гулит вдали, / И тихо идут по Неве корабли» [1, с. 276]. Прилагательные «неподвижные» и «бронзовые» противопоставлены причастию «подтаявший», выражающему процессуальность, и глаголу «струится», который обозначает движение. Граница между увековеченной смертью и жизнью намеренно стирается. Искусственное начало, воплощённое в образе памятника, который символизирует застывшее время города-тюрьмы, противопоставляется естественному, представленному природными метаморфозами (таяние снега, приход весны). Кроме того, антропоморфное сравнение («как слезы») одушевляет каменный монумент и завершает «очеловечивание» статуи. Слезы в «Эпиллоге» соотносятся с образным аналогом в четвертой главе: «И своею слезой горячую / Новогодний лёд прожигать». Повтор и временная инверсия (зима / весна) формируют зеркальную композицию поэмы, что соответствует сюжету «распятия / воскрешения». Голубь является библейским образом-символом: именно он приносит Нюю ветку оливы, что свидетельствует об окончании потопа и спасении. Памятник скорбящей матери в «Реквиеме», образ которой аллюзивно связан с евангельскими мотивами, становится знаком трансформации мифа о Петербурге: город оказывается под защитой не inferнального Медного всадника, а милосердной и сопереживающей Богородицы. Вера в бессмертие души воплощается в начальных строках финального фрагмента: «Опять поминальный приблизился час. / Я вижу, я слышу, я чувствую вас...» [1, с. 275]. Поминки по усопшим, чьи судьбы остаются не только в памяти лирической героини, но и благодаря ей, в памяти потомков, превращаются в своеобразную переключку голосов умерших (усилению и расширению эмоционального воздействия способствует использование троекратного повтора с градацией глаголов чувственного восприятия), которые в финале поэмы обретают надежду на успокоение.

Таким образом, хронотоп поэмы организует единство смысловых планов: личного и общего, профанического и сакрального, современного и исторического. Семантика образного ряда определяется сплетением трёх временных измерений (прошлого, настоящего и будущего). Традиционные сигнатуры «Петербургского текста» претерпевают изменения: классические для поэзии А. Ахматовой элементы художественной топографии (Царское Село. Нева) переосмысливаются и дополняются образами, формирующими модель антимира Ленинграда (Кресты). Мотив гибели inferнального города-призрака, характерный для петербургского мифа, раскрывается в новом историческом контексте. Пространство поэмы расширяется до размеров Руси и включает образы других городов (Москва, Одесса) и географических объектов (Енисей, Сибирь, Дон). Структурообразующую роль в хронотопе «Реквиема» играет не только историческая ретроспекция, но и аллюзии, отсылающие к истокам крестной христианской мистерии. Сопряжение

временной вертикали и пространственной горизонтали формирует многослойную картину мира в поэме А. Ахматовой.

Авторский миф о Ленинграде в «Реквиеме» основан на евангельском сюжете. Высказанную мысль подтверждает и тот факт, что центральным локусом в поэме становится тюрьма «Кресты», название которой позволяет интерпретировать событийный ряд в русле христианской идеологии. Такое обобщение в «поэме-панихиде» продуцирует многослойный образ, объединяющего в своей структуре признаки обречённого и воскресшего города. Художественное пространство «тюремного» Ленинграда спроецировано на пространство Иерусалима. Вместе с тем он противопоставлен дореволюционному Петербургу, в котором прошла юность героини. Наконец, в «Эпilogue» автор создаёт образ единого «Петербурга – Ленинграда», существующего вне временных координат и воплощающего концепцию греха и искупления, смерти и возрождения, забвения и памяти.

Список источников

1. Ахматова А. Стихотворения. Поэмы. Москва : Дрофа, 2009. 367 с.
2. Бурдина С. Библиейские образы и мотивы в поэме А. Ахматовой «Реквием» // Филологические науки. 2001. № 6. С. 3–12.
3. Герштейн Э. Мемуары. Санкт-Петербург : Инапресс, 1998. 537 с.
4. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Москва : Альфа-книга, 2019. 1279 с.

References

1. Ahmatova A. Stihotvoreniya. Poemy. Moscow: Drofa, 2009:367 p.
2. Burdina S. Biblejskie obrazy i motivy v poeme A. Ahmatovoj «Rekviem». Filologicheskie nauki. 2001;(6):3–12.
3. Gershtejn E. Memuary. Saint Petersburg: Inapress. 1998:537.
4. Solzhenitsyn A. Arhipelag GULAG. Moscow: Al'fa-kniga. 2019:1279.

Информация об авторах

А. А. Боровская – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, доцент.

Л. В. Спесивцева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

A. A. Borovskaya – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

L. V. Spesivtseva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.09.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 20.12.2022

The article was submitted 06.09.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 20.12.2022

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 118–122.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):118–122.
Научная статья
УДК 82

Категория времени и проблема героя в романе
«Музыка времени» Э. Поуэлла

Гасимова Салима Джабраил гызы

Бакинский славянский университет, Баку, Азербайджан, sali13@list.ru

Аннотация. Статья посвящена творчеству Э. Поуэлла. Объектом исследования становится его реалистическое произведение, относящееся к традиции английской комической прозы «Музыка времени». Отмечается, что этот цикл романов содержит в определённой степени и бытовой материал, и психологический анализ, но наиболее характерными для художественной специфики этого произведения являются формы эпического повествования и традиции комического эпоса. Основные персонажи этого произведения действительно смешны. Причём, юмор возникает на основе строгого реалистического изображения жизни.

В статье отмечается, что время в цикле Э. Поуэлла составляет особую художественную проблему, что было характерно для зарубежного романа XX века. Идея времени в книгах Э. Поуэлла явно психологизируется. Она чаще всего связана с психологическим состоянием рассказчика, с его восприятием настоящего и прошлого.

Время в произведении Э. Поуэлла носит по большей части объективный характер, оно реальное. Э. Поуэлл не идеализирует прошлое, не противопоставляет его настоящему. В его цикле романов в самых причудливых формах переплелись классика прошлого столетия с символикой и фантасмагорией.

Ключевые слова: английская литература, жанр эпического цикла, проблема героя, категория времени, Э. Поуэлл

Для цитирования: Гасимова Салима Джабраил гызы. Категория времени и проблема героя в романе «Музыка времени» Э. Поуэлла // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 118–122.

Original article

The category of time and the problem of the hero in the novel
"The music of time" by E. Powell

Gasimova Salima Jabrail

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan, sali13@list.ru

Abstract. The article is devoted to the work of E. Powell. The object of the study is his realistic work relating to the tradition of English comic prose "Music of Time". It is noted that this cycle of novels contains to a certain extent both household material and psychological analysis, but the most characteristic of the artistic specifics of this work are the forms of epic narration and the traditions of the comic epic. The main characters of this work are really funny. Moreover, humor arises on the basis of a strict realistic depiction of life.

The article notes that the time in the E cycle is Powell is a special artistic problem, which was characteristic of the foreign novel of the twentieth century. The idea of time in the books of E. Powell is clearly being psychologized. It is most often associated with the psychological state of the narrator, with his perception of the present and the past.

Time in the work of E. Powell is mostly objective in nature, it is real. E. Powell does not idealize the past, does not contrast it with the present. In his cycle of novels, the classics of the last century intertwined with symbolism and phantasmagoria in the most bizarre forms.

Keywords: English literature, genre of epic cycle, hero problem, category of time, E. Powell

For citation: Gasimova Salima Jabrail. The category of time and the problem of the hero in the novel "The music of time" by E. Powell. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):118–122. (In Russ.).

Введение. Жанр эпического цикла – заметное явление в современном литературном процессе. Как и вообще любое масштабное эпическое повествование в современной литературе, он несёт в себе черты обновлённой романной структуры. В творчестве многих английских писателей XX века этот жанр развивается на основе богатой реалистической традиции и приобретает оригинальные художественные формы.

Примечательно, что с середины XX столетия жанр эпического цикла в английской литературе разрабатывается многими писателями. Обращение к этому жанру, несомненно, было обусловлено событиями Второй мировой войны и послевоенной действительности. В этот период в английской литературе определился отход от модернистского экспериментаторства 20–30-х годов и отчётливо обозначился интерес писателей к реалистическим традициям.

В этот период в Англии очень мало было подлинных романов-эпопей, да к этому и не предполагала атмосфера британской жизни после Второй мировой войны. Как нам удалось выяснить, проанализировав соответствующую критическую литературу, многие английские писатели заслуживают критики за узость социального кругозора, за ограниченность в изображении

тогдашней буржуазной действительности. Однако заметим, что эти писатели, обращаясь к романному циклу, и не претендовали на создание большой по объёму национальной эпопеи. Они пишут в жанре, получившем большое распространение в литературе XX века, в жанре, который существует независимо от романа-эпопеи (хотя при благоприятных обстоятельствах может и совмещаться с ним). Судить эти романские циклы по законам романа-эпопеи категорически нельзя. Некоторые современные английские романы отличаются масштабностью, объёмностью, но никак при этом не являются эпопейными произведениями.

Жанр эпического цикла под пером Энтони Поуэлла превратился в оригинальный синтез комедийного и драматического начал. Кроме этого цикла привлекает внимание работы и других представителей критического реализма (Джойс Кэри, Чарльз Сноу, Шон О'Кейси, Джек Линдсей). Однако «Музыка времени» Э. Поуэлла отличается особым своеобразием. Во-первых, этот жанр эпического цикла занимает в этот период значительное место в его творчестве, так как представлял собой реализм «малой темы». Во-вторых, в творчестве этого писателя наблюдается необычная переходная ступень – от реализма к европейскому модернизму. Существование разбираемого вопроса заключалось в том, чтобы Э. Поуэлл в интересующем нас произведении, а также в некоторых других своих сочинениях стоял как бы на промежуточных позициях между модернизмом и реализмом. С этой точки зрения и приступим к критическому анализу «Музыки времени» Э. Поуэлла.

Основное содержание. Цикл романов Э. Поуэлла «Музыка времени» – весьма заметное явление английской литературы середины XX столетия. Это реалистическое произведение относится к традиции английской комической прозы.

Вначале скажем несколько слов о традициях Э. Поуэлла. Цикл «Музыка времени» содержит в определённой степени и бытовой материал, и психологический анализ, но наиболее характерными для художественной специфики этого произведения являются формы эпического повествования и традиции комического эпоса. В цикле романов Э. Поуэлла есть так называемые «прустовские размышления», или же размышления в стиле философии М. Пруста. Любопытно, что и сам рассказчик в «Музыке времени» Дженкинс сам сравнивает себя с Марселем из его «Поисков утраченного времени».

Кратковременное пребывание Дженкинса во Франции, в Кабурге, в конце второй мировой войны, напомнило ему Пруста, сцену в Бальбеке. Кабург как раз и есть Бальбек. Само слово «Кабург» выполняет здесь роль прустовской «Мадлен», вызывающей ассоциативные воспоминания с соответствующей героиней. Дженкинс был в том месте, где Марсель встретился с Альбертиной. Там бывали и другие персонажи Пруста – Сен-Лу, Блок, Сванн, Шарлюс, Эльстир, Вердюрены.

В дополнение к отмеченному главный герой «Музыки времени» Дженкинс иногда проникается и прустовским пессимистическим настроением. Хотя это и возникает не очень часто, но всё же даёт о себе знать в сюжете романа. То есть проскальзывают мотивы рока – фатальной неизбежности судьбы, от которой, к сожалению, никуда не скрыться. Это, как правило, сопровождается всеобщим недопониманием, глухотой, невозможностью расслышать друг друга. Временами Дженкинс пытается анализировать свою внутреннюю жизнь, что так порою близко мировидению самого Пруста. Но что же он видит в глубине души? Чаше неудачи, собственное неумение устроиться в жизни. Как личность, его всерьёз не воспринимают. Потому и нет ответного удовлетворительного отклика.

Между тем мы должны непременно заметить, что, хотя прустовский приём ассоциативного мышления учитывается в романах Поуэлла, но повествование от лица рассказчика здесь определяется в основном не капризами памяти, не случайными воспоминаниями и не мимолётными ассоциациями, а строгой логикой изложения, системностью размышлений, продуманными параллелями и контрастами.

Например, отличие «Музыки времени» от книги Пруста «В поисках утраченного времени» состоит также и в том, что автобиографический образ рассказчика раскрывается в данном случае несколько по-иному. В книге Пруста все внимание сосредоточено на потоке сознания главного героя Марселя, который интересуется только собой и своими мыслями и ощущениями и всецело погружен в свои субъективные переживания. Размышления Дженкинса в свою очередь в «Музыке...» не размывают скульптурных образов, тем самым и не нарушают цельности визуального восприятия.

У Поуэлла нет того субъективизма в отношении к времени, как у Пруста. Время в произведении этого талантливого художника слова носит по большей части объективный характер, оно реальное. Э. Поуэлл не идеализирует прошлое, не противопоставляет его настоящему. Связь с прошлым подчёркивает лишь естественное преемственное движение времени. «Музыка времени» по всем законам и канонам современного мирового литературоведения – это произведение реалистическое.

Создавая обширный цикл романов, Э. Поуэлл пытается определить своё отношение к многолетним сериям, созданным классической литературой. В продолжение темы традиций, укажем также на то, что в «Музыке времени» есть ссылки на романы Бальзака и Тrolлопа, причём Дженкинс (образ во многом автобиографический) сознает огромную разницу между Бальзаком и Тrolлопом. «При желании назвать автора, не очень непохожего на Тrolлопа по материалу и по способу обращения с ним и в то же время противоположного ему своим более значительным масштабом и многообразием, сразу же на ум пришёл Бальзак с его «Человеческой комедией» [6, с. 47].

Вопреки возродившемуся интересу к Тrolлопу в современной Англии, Э. Поуэлл подчеркнул своё равнодушие к творчеству этого писателя. Отмечая в его романах большой материал, широкую картину эпохи, Дженкинс (явно высказывая авторское мнение) говорит о том, что Тrolлопа скучно читать из-за рассудочности повествования, нескольких подряд следующих повторяющихся

стилистических приёмов и явно неубедительного психологизма. В Бальзаке Дженкинс как раз и ценит дар повествователя, хотя ему очевидно не нравятся попадающиеся местами описания технического свойства. Речь идёт в этом цикле сугубо о бытовых деталях, впрочем, для героя имеющих определённое значение. Например, на чём рентабельнее возможно сэкономить при постройке небольшой типографии в провинции? Или: чем обложить крышу для домашних животных, учитывая зимние холода в этом регионе?

Из всего этого ясно, что Э. Поуэлл имел в виду опыт Бальзака и Тrolлопа, но не воспринимал их в качестве образца для создания своего цикла романов. «Музыка времени» в некоторых аспектах ближе романам Голсуорси и первым книгам «Семьи Тибо» Роже Мартен дю Гара. Не случайно видный французский критик Л. Леклер сравнивал «Музыку времени» с такими широко известными семейными трилогиями, как «Сага о Форсайтах» или «Семья Тибо». Однако, во избежание литературной натяжки, Л. Леклер отказывал Э. Поуэллу в том бесспорном единстве, которого ранее достигло мировое искусство на семейную тему в целом.

В статье «Взято из жизни» Э. Поуэлл объясняет возникновение замысла своего романа следующим образом: «После войны я решил написать действительно большое произведение обо всем, что меня интересовало, то есть показать всю жизнь человека, ибо у меня нет таланта к изобретению драматических сюжетов, сравнительно небольших по объёму. План большого произведения имеет великие преимущества, но приходится обращаться к значительному числу персонажей. Достигается всеобъемлющая картина их жизни, но возникают при этом и естественные ограничения, прежде всего в обрисовке характеров. Нельзя писать одинаково обо всем. То, что делаешь, – твёрдо заверял писателей-единомышленников Э. Поуэлл, – должно быть добротой. По всей вероятности, по этой причине автор отчасти отказался от индивидуализации характеров и основное внимание сконцентрировал на нескольких героях одновременно. Причём, как наблюдаем, такая группировка не случайна; люди в ней чаще всего объединены родственными связями. В остальных случаях Поуэлл выводит, как правило, друзей или соратников центрального действующего лица.

Примечательно, что до анализируемого в нашей статье цикла, автор уже опубликовал одиннадцать романов этого цикла из предполагаемых двенадцати. Девять романов цикла «Музыка времени» делятся на три трилогии. Первая трилогия включает романы: «Вопрос воспитания», «Дешёвый рынок», «Мир бизнеса». Время действия в книге «Вопрос воспитания» 1921–1926 годы, когда Дженкинс учится в Итоне и Оксфорде; в «Дешёвом рынке» события развиваются в 1928–1929 годах; в романе «Мир бизнеса» – в 1931–1932 годах. Главная тема первой трилогии – расставание со школой, вхождение героев в жизнь взрослых, начало их карьеры.

Вторая трилогия включает романы: «В доме леди Молли», «Китайский ресторан Казановы», «Милосердные». Время действия в романе «В доме леди Молли» охватывает несколько месяцев 1935 года. Действие двух других книг второй трилогии происходит накануне второй мировой войны. Вторая трилогия посвящена светской жизни персонажей, их матримониальным делам, их карьере в 30-е годы.

Третья трилогия включает романы: «Долина костей», «Искусство солдата», «Военные философы». Эта трилогия посвящена шестилетнему периоду второй мировой войны (1939–1945 гг.). Опубликованы два романа четвертой трилогии, посвящённые периоду после второй мировой войны – «Книги украшают комнату» и «Временные короли».

Но что же такое «Музыка времени»? Что хочет этим сказать нам автор? Э. Поуэлл стремится выразить смысл этого понятия. «Музыка времени» в начальной сцене первого романа «Вопрос воспитания», где изображаются рабочие, собравшиеся на улице около костра. Здесь, как нам кажется, в самых причудливых формах переплелись классика прошлого для Поуэлла столетия с символикой и фантазмагорией. Так, возникают неожиданные ассоциации с картинами Пуссена, на полотнах которого оживают люди. Они подобны статуе Галатеи из гениальной пьесы Б. Шоу, только сам процесс оживления связан с символикой Времени года. А за ними словно следуют фантазмагорические ноты огненной пляски, некогда воплотившейся в симфонической поэме Ф. Листа «Орфей». И все эти наслоения в конечном счёте выливаются у Поуэлла в танцы под звуки лиры.

Зачем автору понадобился этот символический «Образ Времени»? По ходу сюжета выясняется, что в нём воплотилась идея бренности. Ритуальные танцы имеют форму круга: от рождения – до смерти, а затем уже к новому возрождению, только в ином обличье. Все участники этого танца, по замыслу Поуэлла, кружатся, напоминая сложный и замысловатый ритмический рисунок. Порою это танец плавный, но иногда – скачкообразный и тем самым выглядит неуклюжим. Но в любом случае перед читателем замкнутый круг бытия.

Время в цикле Э. Поуэлла составляет особую художественную проблему, что в общем характерно для современного зарубежного романа. Идея времени в книгах Э. Поуэлла явно психологизируется. Она чаще всего связана с психологическим состоянием рассказчика, с его восприятием настоящего и прошлого. Само повествование в первых книгах цикла – это воспоминания Дженкинса о том, что было в прошлом. По мнению писателя, они обладают большой энергетикой; это сказывается прежде всего в том, что беспрестанно воспроизводятся в моторной памяти человека. Картины прошлого вечно преследуют его, встают перед глазами. Они следуют один за другим чередой и потому кажутся даже не особо просвещённому в такой философии читателю бесконечными, неуловимыми в своей протяжённости.

Но в какой-то определённый момент, понятно, эти картины прошлого словно застывают на месте. Ведь Поуэллу необходимо на чём-то конкретном зафиксировать внимание. Тогда и остаётся краткий миг, напоминающий стоп-кадр. В этом фотографическом кадре миг растворяется. Герой словно попадает в иное пространственное измерение, испытывает новые и непривычные для себя самого ощущения. Память прошлого переходит в другую стадию. В цикле господствуют

эмоции, вызванные стихийными силами природы, а также стихами, живописью, уже давно подзабытой, но такой чарующей музыкой и т.д.

Такие душевные муки и психологические состояния центрального героя Дженкинса были своеобразным сопротивлением «тирании Времени».

Э. Поуэлл мало интересуется датами, ему важно передать атмосферу того или иного периода, ощущение времени. Однако у него нет глубокой концепции исторического времени, нет обстоятельного и чёткого анализа социально-политической природы исторического развития. Порою не только известные и профессиональные критики-литературоведы, но даже и рядовые читатели легко смогут, на наше усмотрение, заметить, что интерес к истории подменяется у Поуэлла несколько абстрактным чувством «времени», общими контурами эпохи, несколькими приметными определённого периода. Автора больше интересуют, к примеру, индивидуальные судьбы его главных персонажей с их неожиданными эксцентрическими поступками.

Через героя Дженкинса писатель рисует достаточно объективную картину жизни определённых социальных слоёв английского общества – крупной буржуазии, аристократии, артистической богемы, даёт целую галерею образов. Между прочим, в «Музыке времени» около двухсот персонажей, редкость для английской романистики.

Внимательно вчитываясь в текст этого романа, невольно подмечаешь, что «Музыка времени» несёт в себе черты комического эпоса. В этом проявилась причастность творчества Поуэлла к важнейшей традиции английского романа. Ведь юмор – это национальная особенность английской литературы.

В английской литературе XX века юмор вообще также играет значительную роль. Это яркая особенность стиля многих английских писателей. Английский комический роман в основном пронизан здоровым чувством юмора, подмечающим социальные несообразности, и противопоставляет тем произведениям литературы «абсурда», которые соединяют смех с ужасом перед смертью, изобретая мрачный, «смертельный» юмор. Комический же юмор Э. Поуэлла в этом произведении совершенно иной. А именно, он весёлый, жизнерадостный, оптимистический от начала и до конца.

Для Э. Поуэлла характерно присущее английской комической прозе открытое ироническое осознание противоречия между явлением и сущностью. Чтобы это доказать, автор (не без налёта иронии) обращается к искусству величайших художников. Например, он сравнивает своих героев с картинами Рубенса или Гойи. Однако эти живописцы изображали людей в реальной и естественной обстановке. Э. Поуэлл сгущает краски и сознательно принижает своих героев, внося некоторые элементы комизма. Скажем, зима нарочито дисгармонирует с весёлым пейзажем. И тут же вышеназванный центральный персонаж Дженкинс содрогается от видений казармы, которые по прошествии некоторого времени отныне кажутся ему грозными тенями.

Основные персонажи этого произведения действительно смешны. Причём, юмор возникает на основе строгого реалистического изображения жизни.

Выводы. Таким образом, в книгах Э. Поуэлла художественное время нередко выступает в форме воспоминания о прошлом, основное в концепции «Музыки времени» – это осознание неуклонного движения жизни вперёд, понимание того, что при всей монотонности её течения жизнь интересна разными сторонами своего развития во времени, своими неожиданностями.

Стихия комизма свойственна всем романам большого цикла «Музыка времени». Яркие блёстки юмора вызваны критическим отношением писателя к «ценностям» современного английского общества. Показательно, что в «Музыке времени» тонкий авторский юмор как бы возникает из самой ситуации. Он носит здесь социальный характер, писатель высмеивает причуды и странности, связанные с социальным положением персонажей. Э. Поуэлл создаёт выразительную эксцентрическую фигуру и сравнивает с ней другие образы, вернее, отыскивает в других персонажах сходные эксцентричные черты.

Список источников

1. Затонский Д. В. В наше время. Книга о зарубежной литературе XX века. Москва : Сов. писатель, 1979. 431 с.
2. Ивашёва В. В. Английская литература XX века. Москва : Просвещение, 1967. 476 с.
3. Anthony Powell. A dance to the Music of time. Boston, Toronto, 1962. 336 p.
4. Anthony Powell. Taken From Life // «The Twentieth Century». July 1961. Vol. 170, No. 110. 211 p.
5. Anthony Powell. The Military Philosophers. Boston, Toronto, 1968. 301 p.
6. Anthony Powell. The Soldier's Art. Boston, Toronto, 1966. 277 p.
7. Lucien A. Leclair. Anthony Powell. Biographic spirituel-le d'une generation // «Etudes Anglaises». Janvier-Mars. 1956. IX-eannee. No. 1. 166 p.

References

1. Zatonskij D. V. V nashe vremya. Kniga o zarubezhnoj literature XX veka. Moscow: Sov. pisatel, 1979:431.
2. Ivashyova V. V. Anglijskaya literatura XX veka. Moscow: Prosveshchenie. 1967:476.
3. Anthony Powell. A dance to the Music of time. Boston, Toronto. 1962:336.
4. Anthony Powell. Taken From Life. «The Twentieth Century». July. 1961;170(110):211.
5. Anthony Powell. The Military Philosophers. Boston, Toronto. 1968:301.
6. Anthony Powell. The Soldier's Art. Boston, Toronto. 1966:277.
7. Lucien A. Leclair. Anthony Powell. Biographic spirituel-le d'une generation. «Etudes Anglaises». Janvier-Mars. IX-eannee. 1956;(1):166.

Информация об авторе

Гасымова Салима Джабраил гызы – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

Gasimova Salima Jabrail – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.07.2022; одобрена после рецензирования 30.07.2022; принята к публикации 10.08.2022.

The article was submitted 05.07.2022; approved after reviewing 30.07.2022; accepted for publication 10.08.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 123–126.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):123–126.
Научная статья
УДК 821.133.1

Интертекстуальные связи в романе Ж. Кокто
«Les Enfants terribles»

Анастасия Викторовна Глазкова¹, Дарья Станиславовна Чабыкина²

^{1,2}Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹anastasiak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5314-1056>

²blue.flowers@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие «интертекстуальности» как общее свойство современного постмодернистского текста, даётся определение терминам «прецедентный текст», «цитата», «аллюзия», «реминисценция». Анализ произведения Ж. Кокто «Les Enfants terribles» позволяет утверждать, что интертекстуальные приёмы помогают автору ввести прецедентный текст в более широкий культурно-литературный контекст, использовать интертекст как средство сближения «элитарной» литературы с массовым читателем, который получает возможность увидеть что-то новое за уже знакомым старым.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, прецедентный текст, Ж. Кокто, цитата, аллюзия, реминисценция

Для цитирования: Глазкова А. В., Чабыкина Д. С. Интертекстуальные связи в романе Ж. Кокто «Les Enfants terribles» // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 123–126.

Intertextual connections
in Jean Cocteau's novel «Les Enfants terribles»

Anastasiia V. Glazkova¹, Daria S. Chabykina²

^{1,2}Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

¹anastasiak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5314-1056>

²blue.flowers@mail.ru

Abstract. The article considers the concept of "intertextuality" as a common property of a modern postmodern text, defines the terms "precedent text", "quotation", "allusion", "reminiscence". The analysis of J. Cocteau's work "Les Enfants terribles" suggests that intertextual techniques allow the author to introduce a precedent text into a broader cultural and literary context, to use intertext as a means of bringing "elite" literature closer to the mass reader, who also gets the opportunity to see something new behind the already familiar old.

Keywords: intertextuality, intertext, precedent text, J. Cocteau, quotation, allusion, reminiscence

For citation: Glazkova A. V., Chabykina D. S. Intertextual connections in Jean Cocteau's novel «Les Enfants terribles». *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):123–126. (In Russ.).

Понятие «интертекстуальность» было введено в 1967 году теоретиком постструктурализма Ю. С. Кристевой для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. Под влиянием идеи М. М. Бахтина о литературном тексте как множестве неслиянных голосов, формирующих полифоническую структуру, Кристева развила идею учёного, представив текст как бесконечное множество цитат: «Всякий текст содержит в себе явные или открытые цитаты, так как создаётся не на пустом месте, т.е. вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону» [3, с. 104].

В настоящее время интертекстуальность является одним из важнейших критериев исследования текста. Данный критерий обеспечивает возможность объединения текстов, а также возможность продолжения того или иного текста [4, с. 216]. Базовый механизм построения интертекста основан на том, что внутри более позднего художественного текста вплетаются какие-то элементы прецедентного текста. Ю. Н. Караулов прецедентными называл тексты, «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности...» [2, с. 216]. Прецедентный текст и интертекст связывают как литературные, так и языковые связи. Вот почему интертекстуальность привлекает внимание как литературоведов, так и лингвистов. Сходство двух произведений может быть выражено в некой общности таких литературоведческих категорий, как сюжет, композиция, определённые черты в характерах героев, некая общность в описании пейзажей. Эти категории получают выражение на вербальном уровне, то есть в особенностях их лингвистического оформления. В частности, литературоведы отмечают, что интертекстуальные связи художественных произведений часто находят своё отражение в разного рода реминисценциях: цитатах точных, неточных, указанных кавычками или остающихся неявными [6, с. 253–259]. Неточная цитата может отражать лингвистическую трансформацию ранее известного образа в принципиально новый образ, но построенный по общей семантической модели с первоисточником. Все это

свидетельствует о том, что интертекстуальность может рассматриваться не только как литературоведческая, но и как лингвистическая проблема [5, с. 51].

К основным лингвистическим приёмам построения интертекста можно отнести цитату (точное воспроизведение фрагмента другого текста, позволяющее непосредственно наблюдать включение одного текста в другой), аллюзию (косвенную ссылку на другие литературные тексты, которая заставляет работать память читателя и вводит игровой элемент), реминисценцию (не буквальное воспроизведение, невольное или намеренное, фрагментов, смутно наводящих на воспоминания о другом произведении). Интертекстуальный подход к интерпретации текста в широком смысле предполагает сопоставление типологически сходных явлений (произведений, жанров, направлений) как вариаций на сходные темы и структуры. В более узком варианте он представляет собой выявление в тексте конкретных, вербализированных вкраплений «чужого слова», которые занимают в нем определённые позиции [1].

В нашем исследовании мы постараемся провести интертекстуальный анализ произведения Жана Кокто «Les Enfants terribles» («Ужасные дети»), обозначив и обосновав присутствие в нем приёмов построения интертекста.

Ж. Кокто (1889–1963) получил хорошее образование, был всесторонне развит, пробовал себя в роли поэта, прозаика, музыканта и художника, занимался киноискусством. Он входил в художественные круги, был знаком с большим количеством великих творцов, и неудивительно, что его произведения наполнены богатым опытом знакомства с мировой культурой. Роман Жана Кокто «Les Enfants terribles» являет собой пример своеобразного интертекста. В романе прослеживаются заимствования из мифа, трагедии и поэзии, присутствуют литературные ссылки, аллюзии и реминисценции на Ш. Бодлера, Ж. Расина, У. Шекспира, Э. По, а также на Ветхий Завет. «Les Enfants terribles» – сложное произведение Кокто, вызывающее многочисленные дискуссии в литературоведческой среде. Это история юных брата и сестры (Поля и Элизабет), стремящихся укрыться от жестокого внешнего мира в прекрасном «мире детской», существующем по их собственным законам.

В названии романа использовано устойчивое выражение «ужасный ребёнок» (*enfant terrible*), что буквально значит «бурный молодой человек, который ставит окружающих в затруднительные ситуации», а фигурально – «тот, кто не подчиняется установленным условиям, кто своим выбором стремится переопределить движение, к которому принадлежит». Таким образом, название романа «Les Enfants terribles» определяет характеры и внутренний конфликт главных героев: «Des juges intègres eussent trouvé compliqués Elisabeth et Paul...» [7, p. 41]. «Ni l'un ni l'autre ne se souciait de plaire» [7, p. 45]. «Elisabeth détestait qu'on fraye, elle méprisait les autres, ou bien s'engoutait d'une personne, de loin, maniaquement» [7, p. 48]. В приведённых цитатах из текста дети названы сложными, не желающими нравиться другим. Они отделяют себя от остального мира, что на синтаксическом уровне подчёркивается акцентуацией слова «les autres (другие)» с помощью курсива (периферийного знака пунктуации). Элизабет описывается как замкнутая девушка, которой сложно знакомиться и выстраивать отношения с новыми людьми. Более того, она их презирает.

Трактовка названия «Les Enfants terribles» имеет даже двойную интертекстуальность, поскольку также отсылает к детскому роману «Les Bons Enfants» («Хорошие дети») С. Ф. Ростопчиной (1862), пользовавшемуся популярностью в XX веке. Это история о Софи и её братьях Леонсе и Артуре, чьи идеи всегда приводят к катастрофам.

Вся композиция романа Ж. Кокто отсылает к классической древнегреческой трагедии, которая происходит от ритуальных праздников в честь бога Диониса. Участники представлений надевали маски, изображающие сатиров, а темой выступлений служили мифы о страданиях Диониса. В тексте романа с помощью использования соответствующей лексики («*théâtre*», «*éclairage*», «*prologue*», «*drame*») содержатся прямые указания на театральность происходящего: «En face, les lits le dominait comme un théâtre. L'éclairage de ce théâtre était l'origine d'un prologue qui situait tout de suite le drame» [7, p. 53]. В роли «разыгрываемой драмы» в романе выступает Игра, которую избрали для себя главные герои, дабы избежать реальности: «Au lieu d'apprendre la grammaire, le calcul, l'histoire, la géographie, les sciences naturelles, il avait appris à dormir éveillé un sommeil qui vous met hors d'atteinte et redonne aux objets leur véritable sens» [7, p. 17-18]. Иногда в этой Игре им приходится надевать «маски». Например, это видно в отрывке о том, как поменялось поведение и отношения брата и сестры после возобновления болезни первого. Элизабет превращается в тихую и скромную девушку, Поль впадает в апатию; прекращаются вечные ссоры и пререкания. Но эти роли являются лишь частью Игры, и Жерар (их приятель) догадывается, что Элизабет и Поль остались прежними: «Gérard attendait des insultes. Sa surprise fut donc très vite de tomber sur une sainte et sur un dadais qui lui exprimèrent leur reconnaissance. Il se demandait si le couple ne méditait pas une farce et ne préparait pas une attaque, lorsqu'une courte étincelle entre les cils de la sainte et un tic des narines du dadais l'avertirent qu'il s'agissait du jeu» [7, p. 44].

Соотнесённость текста романа с классической трагедией прослеживается в манере построения сюжета по мотивам греческого эпоса. Так, для сюжетов трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида характерно присутствие мотива подчинения общественному порядку, всемогущества рока, бесполезности борьбы. Действие греческой трагедии нарастает, приближаясь к катастрофе, за которой следует развязка. То же прослеживается и в «Les Enfants terribles»: спасаясь от реальности, дети выдумывают собственный мир, но это не помогает им избежать трагедий (смерть отца-алкоголика, болезнь и последующая кончина матери), и, отыграв свои роли, они решают покончить жизнь самоубийством: «Elisabeth crut que c'était la fin, appuya le canon du revolver contre sa tempe et tira. <...> ...faisant de la chambre secrète un théâtre ouvert aux spectateurs. Ces spectateurs, Paul les distinguait derrière les vitres» [7, p. 123]. Отсылка к классической трагедии, впечатление «театра в театре» усиливается в примере благодаря соответствующей лексике – «*la fin*» («конец» или «концовка»), «*théâtre*» («театр»), «*spectateurs*» («зрители»). Греческой трагедии присуще триединство места, действия и времени. Структура «Les Enfants

terribles» отвечает и этому правилу: действие романа практически не выходит за пределы детской, где дети проводят все время, ограниченное малым количеством событий.

Связь с мифологией в романе прослеживается через соотнесённость с греческим мифом о Нарциссе, который отказывается от любви нимфы, предпочитая любованию своим отражением. Интертекстуальная связь романа с известным мифом служит способом показать внутренний мир героев, уходящих от реальности в иллюзию, которая защищает их сознание от суровой действительности. Выражаясь словами профессора М. Морелека, «моделью нарциссического сознания» предстаёт в романе комната подростков [8, p. 168-176]. Детская являет собой отражение внутреннего мира героев, и за его пределы они выходить не желают. Интерьер детской, в которой царит хаос, отсылает к миру фантазий: «Le premier coup d'œil sur la chambre surprenait. Sans les lits, on l'eût prise pour un débarras. Des boîtes, du linge, des serviettes-éponges jonchaient le sol. Une carquette montrait sa corde. Au milieu de la cheminée trônait un buste en plâtre sur lequel on avait ajouté à l'encre des yeux et des moustaches; des punaises fixaient partout des pages de magazines, de journaux, de programmes, représentant des vedettes de films, des boxeurs, des assassins» [7, p. 19-20].

Она представляет собой нечто мистическое: «Sans qu'il s'en doutassent, la pièce (ou chambre si l'on veut) se balançait au bord du mythe» [7, p. 55].

Детская становится центром притяжения детей и не отпускает их в реальную жизнь. Стремление оставаться в детской – это стремление персонажей пребывать в привычном для них вымышленном мире, заменяющем собой реальность. И, хотя дети якобы мечтают о том времени, когда смогут переехать и жить раздельно, детская расценивается ими как «le trésor (сокровище)» и на самом деле является отражением их личностей, культивируемых таким образом: «...ils avaient hérité le désordre, l'élégance, les caprices furieux» [7, p. 23]. «C'était le trésor. Trésor impossible à décrire, les objets du tiroir ayant tellement dérivé de leur emploi, s'étant chargés de tells symboles, qu'il n'offrait au profane que le spectacle d'un bric-à-brac de clefs anglaises, de tubes d'aspirine, de baques d'aluminium et de bigoudis» [7, p. 25]. Даже на каникулах, пребывая в отеле, Поль и Элизабет стараются устроить из номера детскую: они привязывают свои внутренние эмоции к ничему по-настоящему не стоящим вещам, считают их ценными, рационализируя внутреннее душевное богатство через объекты реального мира: комната в отеле кажется детям пустой и неприветливой, и ради развлечения они начинают красть безделушки, постепенно наполняя ими пространство комнаты таким образом, что в конце концов она становится похожа на их детскую: «Les vols: anneaux de tringles, tournevis, commutateurs, étiquettes, espadrilles pointures 40, s'entassaient à l'hôtel, espèce de trésor de voyage...» [7, p. 50-51].

В вымышленном мире главных героев детская предстаёт в разных образах, центральным из которых является образ корабля, что также обозначено с помощью лексики, принадлежащей этому семантическому полю. По аналогии с этим образом Кокто создает образ причудливой комнаты-корабля, где прячет своих героев, которые спасаются от штормов, не желая видеть и замечать что-либо за пределами палубы: «Ce fut seulement à partir de cette date que la chambre prit le large. Son envergure était plus vaste, son arrimage plus dangereux, plus hautes ses vagues. Dans le monde singulier des enfants, on pouvait faire la planche et aller vite» [7, p. 53]. Рассматривая детскую как корабль, на котором герои плывут в бурном море жизни, автор ссылается на героев произведения Эдгара По: «...elle racontait la ville des sects occultes, <...> les somnambules d'Edgar Poe» [7, p. 89]. Аллюзия на произведение Эдгара По «Рукопись, найденная в бутылке» в приведённом примере не случайна, так как в нем герой отправляется в морское путешествие, которое оказывается неудачным. В ходе путешествия он оказывается на необычном корабле, где вся команда состоит из стариков, которые не замечают его и бродят по кораблю, погруженные в размышления. В тексте романа встречаем сравнение жилища Мишеля (мужа Элизабет), для детей представителя «внешнего мира», с командой этого корабля: «Michaël avait rebâti la maison <...>. Ce point mort d'une maison peu vivante était l'endroit où coûte que coûte s'était réfugiée la vie <...>. On admirait l'hôtel <...>. Mille fois que le fer et le marbre elle racontait la ville des sects occultes, <...> les somnambules d'Edgar Poe» [7, p. 88-89].

Интертекстуальность в «Les Enfants terribles» прослеживается на семантическом уровне: текст произведения наполнен лексикой с религиозной семантикой, в каждой главе встречаются такие слова и выражения, как «l'enfer (ад)», «infernale (адский)», «le vice (порок)», «le fruit défendu (запретный плод)», «un ange (ангел)», «sacré (священный)». Конец романа предугадан отсылкой к Ветхому Завету, аллюзия на который синтаксически акцентирована курсивом ещё в самом его начале: «Gérard connaissait le programme. Invulnérable, il patientait, inspectait la chambre, cherchait les vestiges de quelque récent caprice sur lequel, déjà, personne n'ouvrirait plus la bouche. Par exemple, il lut un jour, tracé au savon en grosses lettres sur la glace: *Le suicide est un péché mortel*» [7, p. 36]. Вот что говорится в Ветхом Завете: «Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу её от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его. / Кто прольёт кровь человеческую, того кровь прольётся рукою человека: ибо человек создан по образу Божию» (Бытие 9:5-6). Пятая заповедь также указывает, что только Бог является Господином над жизнью и смертью: «Не убий» (Исход 20:13).

Интересен также способ поэтической интертекстуальной связи романа, текст которого пронизан стихотворениями из сборника «Цветы зла» («Fleurs du mal») Бодлера, многие из которых также представляют собой библейский интертекст. Так, в текст с помощью такого синтаксического средства, как курсив, вводится прямая цитата из стихотворения Ш. Бодлера «Causegè», с обеих сторон выделяемая пропусками строк. Подобным образом выстроенный интертекст служит одновременно созданию романтической атмосферы, раскрывая натуру юного Поля, и описанию скрытых чувств Жерара:

«Paul se bouchait les oreilles ou bien il saisissait un livre et lisait tout haut. Saint-Simon, Charles Baudelaire avaient les honneurs de la chaise. Après les oracles, il disait:

– Écoute, Gérard, et continuait sa lecture à haute voix:

*J'aime son mauvais goût, sa jupe bigarrée,
Son grand châte boiteux, sa parole égarée
Et son front rétréci.*

Il déclamaient la strophe superbe, ne se rendant pas compte qu'elle illustrait la chambre et la beauté d'Élisabeth» [7, p. 58].

Если же говорить о сюжете, заключающем в себе историю любви и самоубийство, то невольно вспоминаются «Ромео и Джульетта» (1597). У Шекспира, где также присутствуют: главные герои – практически ещё дети, роковая любовь, отвергающая ту действительность, в которой они живут, и трагический финал. Тот же мотив использовал Ж. Кокто. Элизабет заканчивает жизнь самоубийством, а в финале мы видим умирающего Поля. Конфликт с реальностью не приводит к счастливому концу ни в том, ни в другом случае.

Анализ произведения «Les Enfants terribles» показал, что Ж. Кокто обращается к «чужому» тексту на самых разных уровнях – лексическом, синтаксическом, семантическом и стилистическом. Способами построения интертекста служат структурная организация текста – синтаксические средства – курсив, положение интертекста на странице; лексические средства – лексика с религиозной, мифологической семантикой; скрытые метафоры – комната, образ, отсылающий к мифу о Нарциссе, внутреннему миру персонажей, к образу спасительного судна. Можно с уверенностью утверждать, что использование интертекста лежит в основе творческого метода Кокто. В качестве прецедентных текстов автор использует широко известные классические сюжеты, а также жанровые коды массовой культуры. Интертекстуальность в романе ««Les Enfants terribles»» становится для Ж. Кокто приёмом, с помощью которого он по-новому преподносит массовой публике известные классические сюжеты, позволяя взглянуть на них с неожиданного ракурса: с одной стороны, делая их более зрелищными, театральными, а с другой, придавая дополнительные смыслы, способствующие раскрытию главной идеи произведения.

Список источников

1. Денисова Г. В. Некоторые аспекты презумпции семиотичности в лингвокультурном сознании и речевой деятельности: Опыт интертекстуального анализа. URL: <http://www.ruthenia.ru>.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Наука, 1987. 262 с.
3. Кристева Ю. С. Бахтин, слово, диалог и роман. Москва : ИГ. Прогресс, 2000. 457 с.
4. Кураш С. Б. Художественный дискурс – интертекст – научный дискурс: объекты и субъекты сопоставления. Киев : КДЛУ, 2001. 305 с.
5. Солодуб Ю. П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. 2000. № 2. С. 51–57.
6. Хализев В. Е. Теория литературы. Москва : Владос, 1999. 400 с.
7. Cocteau J. Les Enfants terribles. Grasset, 2020. 128 p.
8. Morellec M.-C. Jean Cocteau, homme de son temps : Poésie de roman et roman théâtral : A dissertation for the degree of Ph. D. University of Oregon, 1994. 202 p.

References

1. Denisova G. V. Nekotorye aspekty prezumpcii semiotichnosti v lingvokul'turnom soznanii i rechevoj deyatel'nosti: Opyt intertekstual'nogo analiza. URL: <http://www.ruthenia.ru>.
2. Karaulov Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. Moscow: Nauka. 1987:262.
3. Kristeva Yu. S. Bahtin, slovo, dialog i roman. Moscow: IG. Progress. 2000:457.
4. Kurash S. B. Hudozhestvennyj diskurs – intertekst – nauchnyj diskurs: ob'ekty i sub'ekty sopostavleniya. Kiev: KDLU. 2001:305.
5. Solodub Yu. P. Intertekstual'nost' kak lingvisticheskaya problema. Filologicheskie nauki. 2000;(2):51–57.
6. Halizev V. E. Teoriya literatury. Moscow: Vlados. 1999:400.
7. Cocteau J. Les Enfants terribles. Grasset. 2020:128.
8. Morellec M.-C. Jean Cocteau, homme de son temps: Poésie de roman et roman théâtral: A dissertation for the degree of Ph. D. University of Oregon. 1994:202.

Информация об авторах

А. В. Глазкова – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии.
Д. С. Чабыкина – студентка.

Information about the authors

A. V. Glazkova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Romance Philology.
D. S. Chabykina – student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 09.09.2022; принята к публикации 20.09.2022.

The article was submitted 10.08.2022; approved after reviewing 09.09.2022; accepted for publication 20.09.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 127–131.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):127–131.
Научная статья
УДК 82

**Типологизация проксеменной контекстной поляризации
(на материале романа Г. Джеймса «Американец»)**

Светлана Николаевна Гламазда

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия, svetlana-glamazda@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается архитектоника художественного текста как проекция индивидуально-авторского мировидения, представленного в виде художественного формата знания. Обращается внимание на роль семантических контуров когнитивно-сюжетной матрицы текста, предстающей в качестве модели коммуникативных отношений «писатель-читатель», формирующих текстовый мир по определённым ценностно-смысловым траекториям. Интерпретируется контекстная поляризация как один из параметров идиостиля писателя. Детально анализируется проксеменная контекстная поляризация, выявленная в романе Г. Джеймса «Американец». Пополняется типология проксеменной контекстной поляризации следующими новыми типами: (1) поляризация местонахождения героя в пространстве помещения, (2) поляризация статики и динамики героев в пространстве, (3) поляризация коммуникативных пространств. Устанавливается тот факт, что в рассматриваемом романе Г. Джеймса среди выявленных новых трёх типов проксеменной поляризации преобладают маркеры поляризации местонахождения героя в пространстве. В тексте романа выявляется синергия различных типов контекстной поляризации. Доказано, что среди различных типов синергии маркеров контекстной поляризации в тексте романа преобладает внутривоксальная синергия контекстной поляризации. Определено преобладание спейснэма как одного из типов проксема, формирующих спектр проксеменной контекстной поляризации в тексте романа «Американец».

Ключевые слова: художественный текст, контекстная поляризация, проксеменная контекстная поляризация, проксема, спейснэма

Для цитирования: Гламазда С. Н. Типологизация проксеменной контекстной поляризации (на материале романа Г. Джеймса «Американец») // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 127–131.

Original article

**Typologation of the proximal
context polarisation in H. James' "The American"**

Svetlana N. Glamazda

Belgorod state Institut of Arts and Culture, Belgorod, Russia, svetlana-glamazda@yandex.ru

Abstract. The article deals with the literary text's architectonics as a projection of the individual author's worldview in the format of literary knowledge. Attention is drawn to the role of the semantics contours in the text cognitive-plot matrix, which appears as a model of communicative relations "writer-reader" to form the text world along certain value-semantic trajectories. Contextual polarisation is interpreted as one of the parameters of the writer's idiosyncrasy. The article analyses in detail the proxemic contextual polarisation revealed in G. James's "The American". The typology of proxemic contextual polarisation is replenished with the following new types: (1) polarisation of the character's location in the space of the room, (2) polarisation of the statics and dynamics of the characters in space, (3) polarisation of communicative spaces. It is established that in G. James's "The American", polarisation markers of the character's location in space prevail among the identified three new types of proxemic polarisation. The synergy of different types of contextual polarisation has been revealed in the novel. It is proved, among the different types of synergy of context polarisation markers in the novel, intraproxemic synergy of context polarisation prevails. The prevalence of spacename as one of the types of proxemes that form the spectrum of proxemic contextual polarisation in the novel "The American" is determined.

Keywords: literary text, contextual polarisation, proxemic contextual polarisation, proxeme, spacename

For citation: Glamazda S. N. Typologation of the proximal context polarisation in H. James' "The American". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):135–139. (In Russ.).

Исследование параметров художественного пространства в когнитивно-дискурсивной канве текста является одной из актуальных задач современной дискурсологии, в которой «multidimensional scope of discourse and an infinite number of its specific manifestations give reasonable grounds for the linguists' special interest» [21, с. 30] / «многомерность дискурса и бесконечное число его специфических проявлений дают разумные основания для особого интереса лингвистов» (*Пер. автора – Г. С.*). Дискурсивная модель текста представляет собой «специфическую модель реальности, которая формируется индивидуально-авторской интерпретацией» [18, с. 1187]. Постредством индивидуально-авторской интерпретации модели реального мира, писатель, привлекая экстралингвистические факторы, формирует координаты «художественного замысла архитектоники текста» [15, с. 107]. Вследствие этого реализуется литературность как "the product

of the overlap of the different levels of the language of texts" [18, с. 129] / «результат совпадения различных уровней текстового языка».

Архитектоника текста в этом случае обусловлена контурами художественного замысла, воплощение которого базируется на пространственно-временных параметрах создаваемого писателем художественного мира, где прослеживается «чёткая тематическая отнесенность с ситуативно-личностными уточнениями» [8, с. 272]. По нашему мнению, ситуативно-личностные уточнения писателя оказывают непосредственное влияние на контуры когнитивно-сюжетной матрицы текста «с определёнными ценностно-смысловыми структурами» [2, с. 51]. Как показывают исследования, частотность и параметры ценностно-смысловых структур предопределяют такую текстовую модель как «гипертекстовая идеология» [9, с. 6]. Гипертекстовая идеология реализуется на уровне плана содержания посредством единиц плана выражения таксономической модели текста, в которой синергетика становится основой интерпретации различных граней понимания модели текста [1, с. 228–255] при условии, что в архитектонике текста можно выявить «различные взаимосвязи, в том числе и контекстную поляризацию» [4, с. 74], под которой понимается «противопоставление описываемых в рамках контекста явлений и событий художественного мира» [14, с. 5].

Контекстная поляризация репрезентируется различными номинантами, образуя типологию, в состав которой входит в том числе и проксемная контекстная поляризация как «противопоставление описания двух точек художественного пространства в одном контексте» [14, с. 88–89]. Проксемное противопоставление в архитектонике сюжетной канвы произведения делает когнитивно-сюжетную рамку литературно-художественного произведения биполярной, что способствует более объёмному изображению писателем художественного пространства произведения посредством привлечения различных контекстно поляризованных проксем как маркеров невербального кода, с учётом того, что «среди маркеров невербального кода коммуникации особое место отводится проксемам» [16, с. 238]. Поляризованные проксеммы как один из типов проксем формируют контекстную проксемную поляризацию.

В настоящее время доказано существование следующих типов контекстной проксемной поляризации в текстовом мире Г. Джеймса: «1) проксемная урбанистическая контекстная поляризация, 2) проксемная контекстная поляризация человека и природы, 3) проксемная персонафицированная контекстная поляризация, 4) проксемная неперсонафицированная контекстная поляризация» [14, с. 64]. Дальнейшее исследование текстового мира Г. Джеймса показало наличие и других типов контекстной поляризации, состоящей из персонафицированных проксем, репрезентирующих

«художественное пространство, описывающее местонахождение героя/персонажа» [13, с. 63], что расширяет такой тип поляризации как персонафицированная контекстная поляризация.

В результате проведённого исследования были выявлены следующие типы контекстной проксемной поляризации: (1) поляризация местонахождения героя в пространстве помещения, (2) поляризация статики и динамики героев в пространстве, (3) поляризация коммуникативных пространств. Выявление новых типов проксемной контекстной поляризации сопровождалось проведением количественного анализа, поскольку важны «любые количественные и качественные параметры статичных и динамичных <...> структур» [22, с. 1103]. Выявляемые параметры значимы для формирования «понятия текстового мира» [11, с. 24].

Итак, рассмотрим новые типы проксемной контекстной поляризации, выявленные в романе Г. Джеймса «Американец» с учётом того, что каждый тип «несёт в себе определённую информацию» [5, с. 58].

1. Поляризация местонахождения героя в пространстве помещения. В контексте «a gentleman who had come from another part of the room» [20, Ch. 2] выявлено описание перемещения героя произведения из одной части комнаты в другую часть посредством сочетания сказуемого «had come» и обстоятельства места «from another part of the room», представляющего собой один из типов проксем, а именно спейсному как «словосочетание, состоящее из существительного и предлога, характеризующее местонахождение героя произведения или месторасположение предмета в текстовом художественном пространстве» [17, с. 130]. В рассматриваемом романе спейсмены высокочастотны. Также установлено, что ядром поляризации является сопряжение «had come» и «another part». Контекстуальный смысл предлогов «from» и «of» маркирует поляризацию, обеспечивая «необходимую целостность тексту» [6, с. 88].

Проведённый анализ архитектоники романа «Американец» показал, что в рассматриваемом произведении Г. Джеймса маркеры поляризации местонахождения героя в пространстве преобладают среди выявленных новых трёх типов проксемной поляризации.

2. Поляризация статики и динамики героев в пространстве. Из контекста «Opposite to Christopher Newman he paused and turned» [20, ch 2] очевидно, что один из героев находился статично в пространственной точке, в то время как второй герой произведения перемещается в пространстве, и остановившись, оборачивается, что изменяет коммуникативный ракурс его местонахождения в пространстве. Изменение коммуникативного ракурса может рассматриваться в качестве одного из типов коммуникативных фрагментов. По мнению В. И. Карасика, «коммуникативные фрагменты служат своеобразными социативами» [7, с. 143–144]. Из этого следует, что поляризация статики и динамики героев произведения в художественном пространстве представляет собой один из форматов социативов, составляющих коммуникативную картину мира в её текстовой проекции.

3. Поляризация коммуникативных пространств. В контексте «Newman used frankly to say that he preferred the balcony to the club» [20, ch. 3] выявлено, что в рассматриваемый маркер поляризации включён глагол в форме простого прошедшего времени «preferred», семантика которого отражает полярное отношение героя как таковое, поскольку предпочтение всегда выстраивается на противопоставлении двух и более сравниваемых объектов или субъектов. В качестве маркеров поляризованных коммуникативных пространств выступают культурно- и социально-маркированные места для общения «the balcony» (балкон) и «the club» (клуб). Стиль общения специфичен в каждом из указанных коммуникативных пространств, герой произведения,

американский путешественник-миллионер, выбирает менее шумное пространство парижского общества.

Проведённый анализ текста романа показал, что, наряду с перечисленными типами контекстной поляризации, существует и сопряжение типов поляризации. Прежде всего, необходимо обратить внимание на высокую частотность сопряжения различных маркеров в рамках проксемной контекстной поляризации, представляющее собой внутривоксальную контекстную поляризацию. Например, **сопряжение двух типов проксемной контекстной поляризации: поляризации местонахождения героя в пространстве помещения и поляризации статики и динамики героев в пространстве** в следующем контексте «He presently sprang to his feet, strode across the room, and, with an outstretched hand, arrested the gentleman» [20, ch. 2].

В данном контексте поляризация местонахождения героя в пространстве помещения состоит из двух субполяризаций: (а) изменение местонахождения по вертикальной пространственной оси, выраженное следующим образом «he presently sprang to his feet» / «он тотчас же вскочил на ноги»; (б) изменение местонахождения по горизонтальной пространственной оси, выраженное как «strode across the room» / «пересёк комнату». Подобное сочетание поляризации по вертикально-горизонтальным пространственным осям усиливает контекстный поляризационный эффект.

В репрезентации контекстной поляризации статики и динамики героев в пространстве выявлено в том числе и вкрапление маркера невербальной коммуникации – такемы «with an outstretched hand» / «протянутой рукой», которая на фоне того, что второй герой произведения перемещается в описываемый момент в пространстве комнаты, показывает поляриность и в коммуникативных намерениях, а именно первый герой нацелен на коммуникацию, в то время как второй герой ещё не планирует коммуникацию.

В целом, рассмотрение текста произведения Г. Джеймса показало, что контекстная поляризация является основополагающим фактором для структурирования сюжетной линии» [3, с. 86]. В этом поляризационном структурировании сюжетной линии состоит специфика значительной части романов, написанных Г. Джеймсом. В романе «Американец» выявлена широта когнитивно-тематической матрицы, которая «представлена в языковой форме» [10, с. 116], вскрываемой посредством текстовой интерпретации [12, с. 24–29].

Таким образом, исследование архитектоники романа Г. Джеймса «Американец» пополнило ранее предложенную классификацию проксемной контекстной поляризации, посредством которой реализуется поляризованная текстовая проекция мировидения писателя.

Было доказано наличие трёх типов контекстной проксемной поляризации: (1) поляризация местонахождения героя в пространстве помещения, (2) поляризация статики и динамики героев в пространстве, (3) поляризация коммуникативных пространств. Выявление новых типов маркеров контекстной поляризации способствует верификации интерпретативной модели идиостиля Г. Джеймса и может быть применено при исследовании идиостилей других писателей.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокогнитивная синергетика: истоки, принципы, сущность / А. В. Кравченко (гл. ред.), В. А. Виноградов (зам. гл. ред.) // Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Сер. «Studia linguistica cognitiva». Иркутск, 2009. С. 228–255.
2. Алефиренко Н. Ф. «Язык» и «текст» культуры // *Litera*. 2015. № 4. С. 50–58. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_18245.html (дата обращения 04.07.2022).
3. Бутакова Л. О., Мячин К. А. Компонентный состав концептуальной категории «memoгу» и ее роль в смыслообразовании текстов современной прозы // *Филологический класс*. 2020. Т. 25. № 3. С. 85–99.
4. Гламазда С. Н. Синергия проксемной и социумной контекстной поляризации в текстовой модели мира (на материале романа Г. Джеймса «The Europeans») // *Филологический аспект*. – 2019. – № 2 (46). – С. 68–75. – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/sinergiya-proksemnoj-i-sotsiumnoj-kontekstnoj-polyarizatsii-v-tekstovoj-modeli-mira-na-materiale-romana-gdzhejmisa-the-europeans.html>. (дата обращения 01.06.2022)
5. Даниленко И. А. Категория завершенности художественного текста в творчестве Френсиса С. Фитцджеральда // *Филологический аспект*. 2016. № 12. С. 57–61.
6. Жирова И. Г. Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2020. Т. 6. № 3. С. 85–98.
7. Карасик В. И. Языковые мосты понимания: монография. Москва : ООО «Исследовательская компания «Дискурс», 2019. 524 с.
8. Карасик В. И. Языковые картины бытия: монография. Москва : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. 468 с.
9. Коваль В. И., Кураш С. Б., Амагов А. М. «Текст в мире текстов» как глобальная метафора (интертекст – гипертекст – корпус текстов) // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2019. Т. 5, №1. С. 3–12.
10. Кушнерук С. Л. Развитие теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования за рубежом и в России // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 4 (57). С. 115–125.
11. Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: Опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации. Москва : Флинта, 2019. 368 с.
12. Левченко М. Н. и др. Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект) моногр. Москва : Изд-во МГОУ, 2013. 240 с.
13. Огнева Е. А., Даниленко И. А. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код. Москва : Эдитус, 2021. 208 с.
14. Огнева Е. А., Гламазда С. Н. Концепция контекстной поляризации : монография. Москва : Эдитус, 2021. 232 с.
15. Озерова Е. Г., Казютина Е. С., Лютых И. А. Дискурсивное пространство художественного текста Бориса Васильева // *Гуманитарные исследования*. 2020. № 2 (74). С. 106–111.

16. Трофимова Н. А. Проксемь как маркеры невербального кода в публицистическом дискурсе журналистов *The New York Times* // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 2 (73). С. 238–244.
17. Тугуз Т. Р. Спейсмены как маркеры художественного пространства (на материале произведения Г. Джеймса «Крылья Голубки») // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 128–132.
18. Baghana J., Buzina E. I., Glamazda S. N., Khvesko T. V., Lazareva O. P. Literary text as knowledge format // *Journal of research in Applied Linguistics*. 2019. V. 10. Issue 2. P. 1186–1196.
19. Ghazala H. S. Translation from a Stylistic Perspective. *Studies in English Language Teaching*. 2015. № 3(2). P. 124–145. URL: www.scholink.org/ojs/index.php/selt.
20. James H. *The American*. The Project Gutenberg EBook. Release Date: January 2, 2007 [EBook #177]. URL: <http://www.gutenberg.org> (дата обращения 10.07.2022).
21. Magirovskaya O. V. What is cognitive in discourse? // *EpSBS European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Proceedings of the Philological Readings (PhR 2019)*. London, United Kingdom, 2020. С. 29–38.
22. Ogneva E. A., Danilenko I. A., Kireeva Y. I., Kutsenko A. A. Interpretative model of linguacultural knowledge // *The Social Sciences*. 2015. T. 10. № 6. С. 1101–1106.

References

1. Alefirenko N. F. Lingvokognitivnaja sinergetika: istoki, principy, sushhnost'. *Nauka o jazyke v izmenjajushhejsja paradigme znaniya*. Ser. «*Studia linguistica cognitiva*». A. V. Kravchenko (gl. red.), V. A. Vinogradov (zam. gl. red.). Irkutsk. 2009:228–255.
2. Alefirenko N. F. «Jazyk» i «tekst» kul'tury. *Litera*. 2015;(4):50–58. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_18245.html (date of the application: 04.07.2022).
3. Butakova L. O., Mjachin K. A. Komponentnyj sostav konceptual'noj kategorii «memory» i ee rol' v smysloobrazovanii tekstov sovremennoj prozy. *Filologicheskij klass*. 2020;25(3):85–99.
4. Glamazda S. N. Sinergija proksemnoj i sociumnoj kontekstnoj poljarizacii v tekstovoj modeli mira (na materiale romana G. Dzhejmса "The Europeans"). *Filologicheskij aspekt*. 2019;(46):68–75. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/sinergiya-proksemnoj-i-sociumnoj-kontekstnoj-polyarizatsii-v-tekstovoj-modeli-mira-na-materiale-romana-gdzhejmса-the-europeans.html>. (date of the application: 01.06.2022).
5. Danilenko I. A. Kategorija zavershennosti hudozhestvennogo teksta v tvorchestve Frensisа S. Fitcdzheral'da. *Filologicheskij aspekt*. 2016;(12):57–61.
6. Zhirona I. G. Struktura vyskazyvanija i sistema jazykovyh kommunikativnyh sredstv: na materiale sovremennyh hudozhestvennyh proizvedenij. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki*. 2020;6(3):85–98.
7. Karasik V. I. *Jazykovye mosty ponimaniya*. Moscow: OOO «Issledovatel'skaja kompanija «Diskurs»». 2019:524.
8. Karasik V. I. *Jazykovye kartiny bytija: monografija*. Moscow: Gos. IRJa im. A. S. Pushkina, 2020:468.
9. Koval' V. I., Kurash S. B., Amatov A. M. «Tekst v mire tekstov» kak global'naja metaforа (inter-tekst – gipertekst – korpus tekstov). *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki*. 2019;5(1):3–12.
10. Kushneruk S. L. Razvitie teorii kognitivno-diskursivnogo miromodelirovanija za rubezhom i v Rossii. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2018;4(57):115–125.
11. Kushneruk S. L. Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie: Opyt сопostavitel'nogo issledovanija reklamnoj kommunikacii. Moscow: Flinta. 2019:368.
12. Levchenko M. N. i dr. Interpretacija teksta i ego grammaticeskikh modelej (tipologicheskij aspekt) monogr. Moscow: Izd-vo MGOU. 2013:240.
13. Ogneva E. A., Danilenko I. A. Dual'nost' hudozhestvennogo koncepta kak tekstovyj informativnyj kod. Moscow: Jeditus. 2021:208.
14. Ogneva E. A., Glamazda S. N. *Koncepcija kontekstnoj poljarizacii: monografija*. Moscow: Jeditus, 2021:232.
15. Ozerova E. G., Kazjutina E. S., Ljutyh I. A. Diskursivnoe prostranstvo hudozhestvennogo teksta Borisa Vasil'eva. *Gumanitarnye issledovanija*. 2020;2(74):106–111.
16. Trofimova N. A. Proksemь как markery neverbal'nogo koda v publicisticheskom diskurse zhurnalistov *The New York Times*. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Filologija. 2022;2(73):238–244.
17. Tuguz T. R. Spejsnemy kak markery hudozhestvennogo prostranstva (na materiale proizvedenija G. Dzhejmса «Kryl'ja Golubki»). *Gumanitarnye issledovanija*. 2022;2(82):128–132.
18. Baghana J., Buzina E. I., Glamazda S. N., Khvesko T. V., Lazareva O. P. Literary text as knowledge format. *Journal of research in Applied Linguistics*. 2019;10(2):1186–1196.
19. Ghazala H. S. Translation from a Stylistic Perspective. *Studies in English Language Teaching*. 2015;3(2):124–145. URL: www.scholink.org/ojs/index.php/selt.
20. James H. *The American*. The Project Gutenberg EBook. Release Date: January 2, 2007 [EBook #177]. URL: <http://www.gutenberg.org> (date of the application: 10.07.2022).
21. Magirovskaya O. V. What is cognitive in discourse? *EpSBS European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Proceedings of the Philological Readings (PhR 2019)*. London, United Kingdom. 2020:29–38.
22. Ogneva E. A., Danilenko I. A., Kireeva Y. I., Kutsenko A. A. Interpretative model of linguacultural knowledge. *The Social Sciences*. 2015;10(6):1101–1106.

Информация об авторе

С. Н. Гламазда – кандидат филологических наук.

Information about the author

S. N. Glamazda – Candidate of Philological Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 13.10.2022.

The article was submitted 13.09.2022; approved after reviewing 10.10.2022; accepted for publication 13.10.2022.

**Эпическая поэма в советской карачаево-балкарской литературе:
на примере творчества Кайсына Кулиева**

Альмира Магомедовна Казиева¹, Фатима Таулановна Узденова²

¹Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

²Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика

¹kazieva@pgu.ru

²uzdenova_kbigi@mail.ru

Аннотация. В статье сделана попытка ответить на вопрос: что собой представляет эпическая поэма? Рассуждая об эпической и лирической поэзии, В. Г. Белинский писал: «Эпическая поэзия есть по преимуществу поэзия объективная, внешняя, как в отношении к самой себе, так и к поэту и его читателю. В эпической поэзии выражается созерцание мира и жизни, как существующих по себе и пребывающих в совершенном равнодушии к самим себе и созерцающему их поэту или его читателю». Другими словами, для эпической поэмы наиболее существенная черта – это образ эпохи в историческом развитии. Большие возможности для развития эпической поэзии давали выдающиеся события в истории человечества. На протяжении всего развития советской литературы у этого типа поэмы были взлёты и спады. Сейчас, по прошествии времени, видно, какого расцвета достигла эпическая поэма, особенно в 20–30-е годы, когда, говоря словами Маркса, «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще». Жанровую основу эпической поэмы нужно искать в античном эпосе и в более поздних образцах поэтического эпоса.

Ключевые слова: советская литература, эпос, эпический стиль, жанр, историзм, карачаево-балкарская литература, лирическая основа

Для цитирования: Казиева А. М., Узденова Ф. Т. Эпическая поэма в советской карачаево-балкарской литературе: на примере творчества Кайсына Кулиева // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 132–136. http://dx.doi.org/10.54398/18184936_2022_4_132.

Original article

**Epic poem in Soviet Karachayev-Balkarian literature:
on the example of Kaisyn Kuliev's works**

Almira M. Kazieva¹, Fatima T. Uzdenova

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

²Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic

¹kazieva@pgu.ru

²uzdenova_kbigi@mail.ru

Abstract. The article attempts to answer the question: what is an epic poem? Speaking about epic and lyric poetry, V. G. Belinsky wrote: “Epic poetry is primarily objective, external poetry, both in relation to itself, and to the poet and his reader. In epic poetry, the contemplation of the world and life is expressed, as existing in themselves and remaining in complete indifference to themselves and the poet or his reader who contemplates them”. In other words, for an epic poem, the most essential feature is the image of an era in historical development. Naturally, outstanding events in the history of mankind provided great opportunities for the development of epic poetry. Throughout the development of Soviet literature, this type of poem had its ups and downs. Now, after the lapse of time, it is clear what flourishing the epic poem has reached, especially in the 20–30s, when, as, in the words of Marx, “the mode of production of material life determines the social, political and spiritual processes of life in general”. The genre basis of the epic poem must be sought in the ancient epic and in later examples of the poetic epic.

Keywords: Soviet literature, epic, epic style, genre, historicism, Karachay-Balkarian literature, lyrical basis

For citation: Kazieva A. M., Uzdenova F. T. Epic poem in Soviet Karachayev-Balkarian literature: on the example of Kaisyn Kuliev's works. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):132–136. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.54398/18184936_2022_4_132.

По теории Гегеля, «великий эпический стиль заключается в том, что кажется, будто творение продолжает слагаться само по себе и выступает самостоятельно, как бы, не имея за собой автора» [2, с. 431].

Природа эпической поэмы, таким образом, полностью зависит от внешнего мира и событий, происходящих в нем. «Объем эпической поэзии, зависит от объёма самого события, – и, если

событие, при длинноте своей, интересно и хорошо изложено, наше внимание не утомляется им...» [1, с. 14].

Герои эпической поэмы «объективированы, и развитие действия определяется внешними по отношению к автору обстоятельствами, как бы независимыми от их воли», – писал А. Н. Лурье [9, с. 134].

В статье советского критика Ал. Михайлова «Умчался век эпических поэм» написано: «Эпическая поэма с её повествовательным сюжетом, по-моему, не имеет серьёзной перспективы развития» [11, с. 245]. Ал. Михайлов считает их «эпизодическими», исключением из правила, но не тенденцией.

Другой советский критик А. Г. Жаков давал такое определение: «Эпическая поэма имеет повествовательно-событийный сюжет, характеры, но повествование никогда не выступает в чистом виде» [3, с. 8]. Тем самым Жаков приближает эпическую поэму к лиро-эпическому жанру, что в какой-то степени подтверждает рассуждение Ал. Михайлова.

У советских критиков вызывало опасения «разрастание» этого лирического начала в рамках эпической поэмы, подчинение эпоса лирическому времени, субъективность изложения, т.е. подчинение эпических элементов лирическому началу. В свою очередь, историзм в советском поэзном творчестве становится художественным не столько с позиций видения исторического факта в художественном аспекте, сколько на основе переосмысления его по законам красоты.

В творчестве первых северокавказских поэтов переплетались традиции устной поэзии, мотивы восточной лирики и агитационно-публицистический пафос советской поэзии 20-х годов XX века. В устных народных новеллах было накоплено мастерство выражения ярко социального содержания до предела экономными художественно-выразительными средствами. Народный эпический стиль показывал пример концентрации основополагающей мысли произведения, отбора точных слов-характеристик.

В 20–30-е годы XX века продолжалось дальнейшее, более углубленное осмысление действительности [14]. Подробно рассказывая о судьбе народа, о его прошлом, настоящем и будущем, рассматривая историю многих поколений, эпическая поэма стала как бы поэтической летописью эпохи, когда для балкарской, карачаевской, как и для русской, поэмы была характерна эпическая децентрализация, которая означала, что определяющим началом в эпической поэме становится не судьба отдельного героя... а судьба большого человеческого коллектива, миллионов масс [12, с. 135].

Значительный вклад в развитие эпической поэмы внёс Кайсын Кулиев. Эпические поэмы К. Кулиева, как и все его творчество, объединены одной тематикой – это история балкарского народа. Среди них наиболее значительна поэма «Осуят» («Завещание»), которую он начал писать в 1946 году в Средней Азии, где в это время находился карачаево-балкарский народ. Это поэма о событиях, которые имели место в годы сталинских репрессий. Многие литературоведы относят поэму к числу наиболее значительных и замечательных кулиевских произведений. «“Завещание” я отношу к лучшим своим вещам», – писал сам поэт на страницах автобиографии [8, с. 121].

Поэма «Осуят» писалась с большими перерывами в течение многих лет (1946–1962) и явилась результатом длительной и напряженной творческой работы Кулиева, которой предшествовали многие произведения, написанные на эту же тему: «Родной земле», «Если радость придёт», «Другу в беде», «Смородина».

Уже тогда Кулиев написал горькую необходимую правду, с поразительной прозорливостью поставив национальные вопросы в ряд неотложных. На русском языке поэма была напечатана только в 1990 году в газете «Кабардино-Балкарская правда» в переводе С. Липкина.

Поэму Кулиева «Осуят» можно с полным правом отнести к эпической сюжетно-повествовательной поэме, где герой раскрывается через сеть событий, в действии, в поступках. «Осуят» трудно отнести к чисто эпической поэме. В поэме встречается взаимодействие родовых начал, хотя эпическое начало является ключевым.

В пользу эпической поэмы говорит и масштабность взгляда поэта на историю балкарцев, его историческая память, обобщённый образ главного героя Харуна. Среди разных атрибутов эпического повествования в первую очередь следует назвать мотив родного дома; данный мотив эпизируется в процессе повествования, пока в полную силу не зазвучит в главе, где умирает главный герой и произносит своё завещание, как бы возвращающее его домой, в родной Чегем. Дом – патриотический мотив, мотив истоков, корней. Кулиев эпизировал традиционный для литературы мотив родного дома без обращения непосредственно к героическим сценам и эпизодам, без развёрнутого сюжетного повествования, наполнив классический образ новым жизнеутверждающим смыслом. Это качественная особенность эпического начала «Завещания» как произведения реалистического с мощным лирическим звучанием.

Выдвижение проблемы героя в эпицентр исследования показывало, что в советской поэме появились совершенно новые аспекты для исследования. Это такие важные стороны осмысления поэмы, как, например, взаимоотношения личности и коллектива, взаимосвязь художественного типа и социальных представлений о нем, формирование позиции героя и исследования нравственного выбора личности, отражение сложных противоречивых обстоятельств бытия в поступках и поведении персонажей и многие другие. Все это составило более конкретные задачи при анализе эпических поэм Кайсына Кулиева «Завещание», «Перевал», «Огонь», и «Серп» [4, 5].

Новые направления при исследовании поэмы Кулиева позволили не только включить изучение проблематики поэмы в широкий социальный контекст, но и дали возможность отказать при исследовании личности героя от распространённого, но уже не отвечающего требованиям литературоведческого подхода того времени, когда анализ характера героя подменялся, по сути дела, описательностью. Такой анализ героя, основанный на простом сложении даже самых привлекательных качеств, не давал всеобъемлющего представления о внутреннем содержании

художественного образа. Было бы крайним упрощением сводить весь разговор о своеобразии поэмы Кулиева «Осуят» к перечислительной характеристике нравственно-психологических признаков главного героя, либо «систематизировать» героя на основе моральных критериев.

Герой поэмы Кулиева – фигура символическая, обобщающая. В его образе типизация преобладает над индивидуализацией. Судьба Харуна даётся в тесной взаимосвязи с судьбой его народа, т.е. в центре произведения – народный характер в его многообразных проявлениях, через который поэт осмысливает непростой путь народа и в историческом, и в социальном, и в бытовом плане. Именно на фоне исторического развития судьбы народа поэт показывает становление личности героя. Этим объясняется ориентация на обобщённо-поэтический пересказ жизненного пути героя. Но, в какой-то степени, слабая индивидуализация центрального героя в поэме усиливает лирическую мелодию произведения, но не за счёт приглашения эпической темы. Народно-эпическая тема звучит в поэме мощно, так как охватывает важную часть народной истории [13].

О герое в поэме сказано немного, но в то же время раскрыта его человеческая сущность, скупо, но ёмко показан его жизненный путь. Харун написан так, что мы можем представить себе каждые прожитые им сутки.

Кулиев начинает с истока, с детства главного героя, ведь именно в детстве формируется личность, закладывается в человеке основа характера.

Поэтический язык поэмы прост, лишён дидактики, декларативности, броских лозунгов и внешней аффектации, но за этим простым повествованием ответы на самые важные вопросы: откуда в человеке возникает чувство чести, чувство родины, мужество. В поэме воспитателем Харуна является сама природа, родные горы. Хотя и не был богат Харун, он был свободен и счастлив. Когда он пл:

...дуниада андан / Бай адам, насыплы адам жокъ суна... [5, с. 492].
Не было на свете человека богаче и счастливее его.
/Здесь и далее подстрочный перевод авторов/
Природа и Харун слились настолько, что воспринимаются как одно целое.
...Жерини береги, / Ташы болуп къалгъанча, алай турду. [5, с.492].
...он жил как дерево, / как камень на родной земле.

Впереди была вся жизнь, но именно здесь, в родном ауле, были заложены нравственный потенциал личности Харуна.

Философия природы – это философия народа, живущего в ней, а Харун – сын этого народа, сын этой земли, впитавший в себя соки этого родника, сформировавшего его как личность, для которой такие понятия, как совесть, свобода, человеческое достоинство, любовь к родине являются основополагающими.

Во второй части Кулиев показывает своего героя как уже сформировавшуюся личность. Личность, делающую нравственный выбор.

...Началась Великая Отечественная война, на фронте погибает младший сын Харуна. Затем чёрный 1944 год, когда Харун вынужден покинуть родину. Кульминация поэмы – сцена прощания Харуна перед смертью с сыновьями, со всем, что ему дорого и его завещание. Он просит сыновей, когда они вернутся в родной аул, а он в этом уверен, вырыть могилу, наполнить камнями и поставить надгробный камень с его именем.

Балаларым, мен осуят этеме: / Сиз ары, эски журтубузгъа келип, / Тохтагъаныгъызда, къазып къабырны, / Ичин ташдан толтуруп, сын таш ишлеп, / Башына салып, атабыз Харунну / Къабырды деп туругъуз!.. [5, с. 510].

Дети мои, вот завещание моё: / Когда возвратитесь на родину (в родные края), / Вырыйте могилу, наполните её камнями, / поставьте надгробный камень и говорите (всем), / (что) это могила нашего отца Харуна!..

С истинно художественным совершенством Кулиев использует широкий арсенал самых разнообразных образных средств: эпитеты, начиная от простого «чёрный», «зелёный», кончая развёрнутыми эпитетами из прилагательных в превосходной степени: самый горький день, самый чёрный час, сравнения, и неожиданные метафоры.

При анализе поэмы нельзя не отметить народность Кулиева. Даже обычные картины природы у Кулиева наполнены смыслом народных оценок, почему и обретают они в поэме особый смысл, особое значение. Риторические параллелизмы, олицетворения, поэтические параллелизмы, выбор сравнений и эпитетов – во всем заметно воздействие устно-поэтической традиции, творчески переосмысленной, литературно-переработанной.

О, мартны сегизинчиси! Фронтда / Тюшген жара табларыбызча къалдынг [5, с. 505].
О, восьмое марта! Ты как шрам, оставленный нам войной.

В процессе создания масштабного поэтического полотна поэмы Кулиев прибегает к использованию лирических отступлений – их в поэме множество. И роль таких микротекстов самая разнообразная.

Кулиев смело, решительно ввёл условную поэтическую форму в реалистическое произведение: разговор с воюющими на фронте отцами, братьями, высылаемых женщин и стариков. Кулиев ещё не раз будет возвращаться к условным формам (в поэмах «Перевал», «Золотая свирель»). Привлекая разнообразные условные поэтический материал, поэт погружается в родную для него стихию, стихию метафорического воссоздания действительности, её ведущих тенденций, самых прочных нитей, связывающих сегодняшний день вчерашним и будущим, с историей балкарского народа, с нравственными, а это главное в художественной концепции Кулиева, устоями народа.

Хотя поэма написана на историческом материале, история в ней выступает больше как «авторская позиция», поэтому последние строки поэмы передают духовную атмосферу поэта:

Алай, ийнама кьайгы ичинде /Жашауну кёк тереги туруп ёсюп!
Харун, кьатлайма сезюнгу кёп кюнде: / «Иншаллах, хорлатмаз адамны эси!»
[5, с. 513].

Я так верю в этой суете, / Что зелёное дерево жизни будет расти вечно! / Харун, твои слова крепнут во мне изо дня в день: / «Слава Всевышнему, разум человеческий непобедим!»

Вот в чем тайна кулиевского образа надгробного камня, камня памяти.

Эпические поэмы Кулиева лишены романтического взгляда на действительность. Появившаяся в его творчестве тенденция к «масштабно- эпическому осмыслению жизни», усиливает эпичность, причём не игнорирует процесс лиризации.

Список источников

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. Москва, 1954. Т. 5.
2. Гегель Г. Эстетика : в 4 т. Москва, 1971. Т. 3.
3. Жаков А. Г. Современная советская поэма. Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1981.
4. Казиева А. М. Художественные традиции в северокавказской поэзии XIX–XX веков (этнокультурные факторы и контекст) : дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2004.
5. Казиева А. М., Тарасенко В. Н., Бродзели А. О. Сопряжение "лирики" и "эпоса" как основы художественного синтеза в творчестве Кайсына Кулиева // Научные исследования в сфере гуманитарных наук: открытия XXI века. Материалы XI Международной научно-практической конференции. 2021. С. 70–77.
6. Кулиев К. Ш. Собрание сочинений : в 3 т. Москва : Художественная литература, 1976. Т. 1.
7. Кулиев К. Ш. Собрание сочинений : в 3 т. Москва : Художественная литература, 1987. Т. 3.
8. Лауреаты России. Автобиографии российских писателей. Сб. Москва : Современник, 1973.
9. Лурье А. Н. Поэтический эпос революции. Ленинград : Наука, 1975.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13.
11. Михайлов А. А. Два ключа. Москва : Советский писатель, 1981.
12. Толгуров З. Х. Формирование социалистического реализма в балкарской поэзии. Нальчик, 1974.
13. Узденова Ф. Т. Карачаево-балкарская поэзия: генезис и жанровое своеобразие. Нальчик, 2018.
14. Узденова Ф. Т. Карачаево-балкарская поэзия 20–30-х годов XX в. : специфика художественного мышления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–2 (50). С. 194–197.

References

1. Belinskij V. G. Polnoe sobranie sochinenij in 13 vol. Moscow. 1954;(5).
2. Gegel' G. Estetika: in 4 vol. Moscow. 1971;(3).
3. Zhakov A. G. Sovremennaya sovetskaya poema. Minsk: Izd-vo BGU im. V. I. Lenina. 1981.
4. Kazieva A. M. Hudozhestvennye tradicii v severokavkazskoj poezii XIX–XX vekov (etnokul'turnye faktory i kontekst). Nalchik. 2004
5. Kazieva A. M., Tarasenko V. N., Brodzeli A. O. Sopryazhenie "liriki" i "eposa" kak osnovy hudozhestvennogo sinteza v tvorchestve Kajsyna Kulieva. Nauchnye issledovaniya v sfere gumanitarnykh nauk: otkrytiya XXI veka. Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2021:70–77.
6. Kuliev K. Sh. Sobraenie sochinenij: in 3 vol. Vol. 1. Moscow: Hudozhestvennaya literature. 1976.
7. Kuliev K. Sh. Sobraenie sochinenij: in 3 vol. Vol. 3. Moscow: Hudozhestvennaya literature. 1987.
8. Laureaty Rossii. Avtobiografii rossijskih pisatelej. Sb. Moscow: Sovremennik. 1973.
9. Lur'e A. N. Poeticheskij epos revolyucii. Leningrad: Nauka. 1975.
10. Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2nd ed. Vol. 13.
11. Mihajlov A. A. Dva klyucha. Moscow: Sovetskij pisatel'. 1981.
12. Tolgurov Z. H. Formirovanie socialisticheskogo realizma v balkarskoj poezii. Nalchik. 1974.
13. Uzdenova F. T. Karachayevo-balkarskaya poeziya: genezis i zhanrovoye svoyeobraziye. Nalchik. 2018.
14. Uzdenova F. T. Karachaevo-balkarskaya poeziya 20-30-h godov XX v.: specifika hudozhestvennogo myshleniya. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015;8–2(50):194–197.

Информация об авторах

А. М. Казиева – доктор филологических наук.

Ф. Т. Узденова – доктор филологических наук.

Information about the authors

A. M. Kazieva – Doctor of Philology.

F. T. Uzdenova – Doctor of Philology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 30.10.2022.
The article was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 30.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 137–140.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):137–140.
Научная статья
УДК 811

**Лингвокультурологические особенности концепта «Память»
в индивидуально-авторской картине мира Р. Ротмана**

Юлия Васильевна Кокора¹, Елена Николаевна Лучинская²

¹Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, Краснодар, Россия,

²Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹kokora98@bk.ru. ORCID: 0000-0001-7484-4132

²bekketsam@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9554-1357

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому концепту «Память», рассматриваемому с точки зрения индивидуально-авторской картины мира автора произведения. Дается краткая информация о теории концепта. Оценивается значимость концептологии в современной лингвистике. Анализируется взаимосвязь концептов «время» и «память». Дается краткая характеристика интерпретационного поля индивидуального концепта «память» в рассказе Ральфа Ротмана «Ein leises Ziehen in der Herzgegend». Актуальность выбранной темы заключается в определении места и роли концепта «Память» в немецкой языковой и художественной картине мира. Объектом исследования является определение роли лингвокультурного концепта «память» в выбранном для анализа рассказе. Предмет исследования заключается в описании лингвокультурных особенностей концепта «Память» в индивидуально-авторской картине мира. В данной работе нами применялись: описательный метод, метод сплошной выборки, семантический анализ. Цель работы – дать характеристику концепту «Память» как базовому понятию лингвокультурологии, а также определить его роль в рассказе с точки зрения индивидуального восприятия отдельного человека. Практическая ценность заключается в том, что выводы, полученные в ходе данной работы, могут быть полезны для исследователей, работающих в следующих направлениях: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, философия языка, теория языка и т.д. Результаты данной работы позволяют сделать вывод о том, что концепт «Память» является доминантным в рассказе Р. Ротмана.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурология, термин, концепт-доминанта, эпитет

Для цитирования: Кокора Ю. В., Лучинская Е. Н. Лингвокультурологические особенности концепта «Память» в индивидуально-авторской картине мира Р. Ротмана // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 137–140.

Original article

**Linguistic and cultural features of the concept "Memory"
in the individual author's picture of the world by R. Rotman**

Yulia V. Kokora¹, Elena N. Luchinskaya²

¹North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia,

²Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹kokora98@bk.ru. ORCID: 0000-0001-7484-4132

²bekketsam@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9554-1357

Abstract. In this article, linguoculturological characteristics of the concept of "memory" are studied from the perspective of individual perception. We give a brief information about the theory of the concept. The relevance of conceptology in modern linguistics is assessed. The interrelation between the concepts of "time" and "memory" is analyzed. One also gives a brief description of the interpretative field of the concept "memory", which is depicted in the short story of Ralf Rothmann "Ein leises Ziehen in der Herzgegend". The relevance of the chosen topic lies in determining the role of the concept "memory" in German language picture of the world. The object of the study is to determine the role of the above-mentioned linguistic and cultural concept in the story chosen for analysis. The subject of the study is to describe the concept and its features from the standpoint of the author's individual linguistic picture of the world. In this work, we used: descriptive method, continuous sampling method, semantic analysis. The aim of the work is to characterize the concept of "memory" as a basic concept of cultural linguistics, as well as to determine its role in the story from the standpoint of individual perception. The practical value lies in the fact that the results obtained in this work can be useful for researchers working in the following areas: cognitive linguistics, cultural linguistics, philosophy of language, theory of language, etc. The results of this work allow us to conclude that the concept of "memory" is fundamental in this work, and also forms the cultural layer of the pan-European language tradition.

Keywords: concept, linguoculturology, term, conceptual dominant, epithet

For citation: Kokora Y. V., Luchinskaya E. N. Linguistic and cultural features of the concept "Memory" in the individual author's picture of the world by R. Rotman. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):137–140. (In Russ.).

Анализ концептов является характерной чертой современной лингвистики. Между словами «термин» и «концепт» существует значительная разница: в то время как термин отражает объективный смысл происходящего, концепт, являясь «сгустком смыслов», подчёркивает особенности мировоззрения народа или передаёт субъективное восприятие отдельного человека [1, с. 331].

Современная наука переживает уникальное время. С одной стороны, посредством глобализации человечество теряет свою национальную идентичность, что особенно заметно среди таких гуманитарных областей как: литература, музыка, кинематограф, общественные науки и т.д. С другой стороны, вырос интерес к субъективному – сегодня в центре внимания многих отраслей науки и искусства находится человек и его особенности восприятия мира [3, с. 9]. Эта тенденция нашла своё отражение и в лингвистике. Чтобы иметь возможность раскрыть все смысловые оттенки, подразумеваемые под определённым словом, был создан новый термин – «концепт». Концепт сохраняет изначальный смысл слова, но этот смысл, переплетаясь с новыми оттенками значений, начинает приобретает индивидуальный характер.

Писатели изображают действительность с помощью обычной, повседневной лексики, но каждый добавляет в неё свои собственные чувства и переживания, благодаря которым старые слова обретают новые смыслы и значения. Рассмотрим в качестве примера концептуализации авторского сознания рассказ Ральфа Ротмана "Ein leises Ziehen in der Herzgegend".

В каждом художественном произведении можно выделить концепт-доминанту – центральный в смысловом отношении концепт. В отношении текстовой реализации доминанта представлена наибольшим количеством лексических единиц [2, с. 27]. Как показал анализ, в выбранном нами рассказе концептом-доминантой является концепт «Память».

В немецком словаре "Duden" мы находим следующее определение понятия и лексемы «память»: „Fähigkeit, Sinneswahrnehmungen oder psychische Vorgänge (im Gehirn) zu speichern, sodass sie bei geeigneter Gelegenheit ins Bewusstsein treten können“ [3] – «Способность сохранять пережитые чувства таким образом, чтобы они при подходящей возможности снова могли возникнуть в сознании» (здесь и далее наши переводы – Ю. К.). Но это слишком общее толкование, которое невозможно отождествить со своим собственным восприятием.

"Gedächtnis ist mein Beruf" (Пер.: «Память – моя профессия») [5, s. 205] –, утверждает Бернд Янсон, главный герой анализируемого нами рассказа. Живопись – его призвание: „viele seiner Bilder waren realistisch, um nicht zu sagen fotorealistisch, und von Namen und Zahlen abgesehen, vergaß Bernd Jansohn tatsächlich nichts, keine Umrisslinie, kein sinnliches Detail, auch und gerade nicht aus der Welt der Kindheit“ (Пер.: «Многие из его картин были реалистичными, если не сказать фотореалистичными. И в самом деле, за исключением имён и цифр, Бернд Янсон ничего не забывал: ни линии, ни значимой детали, даже если это были воспоминания из мира детства») [5, s. 205].

Детство играет огромную роль в жизни каждого человека: для большинства – это время беззаботного и подлинного счастья. Становясь старше, человек начинает гнаться за прошлым в надежде вновь испытать прежние чувства. Это ощущение автор называет "Sehnsucht nach dem Glück der Kindheit" (Пер.: «тоска по счастью детства») [5, s. 204]. Это чувство испытал и Бернд Янсон, когда, возвращаясь из командировки, обнаружил на автомобильной карте деревню своих бабушки и дедушки. Стремление к "Zauber der Kindheitswochen" (Пер.: «волшебству недель из детства») заставило его снова посетить это место.

Приехав в деревню, он стремился вновь испытать былые чувства. Все в ней было как раньше, и в то же время все изменилось: "Mehrfach durchstreiften sie den Ort, und er erinnerte sich an den ovalen Löschteich, grün vor Entengrütze, die Bushaltestelle mit dem Reetdach und die geteerte Feldscheune am Horizont, konnte die Käte der Großeltern aber nicht mehr finden" [5, S. 203] (Пер.: «Часто они бродили по этому месту, он вспомнил овальный пруд, зелёный от тины, автобусную остановку с соломенной крышей и старый сарай, видневшийся на горизонте. Но старый дом бабушки и дедушки нигде не было видно»). В данном отрывке нам следует обратить внимание на ряд эпитетов (ovaler Löschteich, grün vor Entengrütze; die geteerte Feldscheune, usw.), позволяющих точно воссоздать образ, возникающий в памяти художника.

Исчезла и молочная ферма, стоявшая за домиком бабушки и дедушки: "Von dem alten, mit Buntglasfenstern verzierten Ziegelbau, in dem der Rahm wie Seide durch die abgestuften Becken geflossen war, sah man jetzt aber nichts mehr; eine Reihe Pappeln wuchs an seiner Stelle" (перевод: «От старого, украшенного витражами кирпичного здания, где сливки, белые, словно шёлк, разливались по чашам, теперь ничего не осталось – на его месте рос ряд тополей») [5, s. 204]. В данном отрывке концепт «Память» раскрывается посредством следующих средств выразительности: эпитета – "mit Buntglasfenstern verzierten Ziegelbau", сравнения – "der Rahm wie Seide" и т.д.

Это было духовное возвращение в глубины памяти, которое привело бы к разочарованию, если бы Бернд Янсон не осознал, что ошибся местом: " Hatte die Sehnsucht nach dem Glück der Kindheit auch diese Wahrnehmung verzerrt: zum falschen, fünf Kilometer weiter westlich gelegenen Ort war er gefahren, um wiederzuerkennen, was er nie gesehen hatte" (Пер.: «Тоска по детскому счастью также имеет искажённое восприятие: приехать в другое место, лежащее в 5 километрах от родного дома, чтобы вновь для себя открыть то, что никогда не видел») [5, s. 202].

Концепт «Память» в этом рассказе является символом субъективного восприятия прошлого. Главный герой повествования задаётся вопросом: „Stimmte es also, dass die Erinnerungen im Alter immer weniger mit dem gelebten Leben zu tun haben; dass sie nach Jahren andere Klänge, Farben und Schattierungen annehmen und zu einer eigenen Realität werden, einer schwebenden, wie Märchen oder Träume mit dunklem Sinn?“ (Пер.: «Правда ли, что воспоминания с годами становятся все менее связанными с прожитой жизнью и через годы приобретают другие звуки, цвета, оттенки? Правда ли, что они становятся своей собственной реальностью, парящей, словно сон или сказка и обладающей тайным смыслом?») [5, s. 204].

«Время» и «память» – два основополагающих концепта данного произведения. Время формирует память, обостряет и модифицирует воспоминания, чтобы человек смог снова почувствовать “Ein leises Ziehen in der Herzgegend” (Пер.: «тихое покалывание в области сердца»). Все может измениться в одно мгновение, и только память позволяет нам на время вернуть прошлое.

Основываясь на главной идее произведения, можно утверждать о том, что именно концепт «Память» является концептом-доминантой, так как несёт в себе смысл, отражающий черты индивидуально-авторской картины мира. Это можно увидеть на лексическом уровне:

1. “Gedächtnis ist mein Beruf” – «Память – моя профессия» [5, s. 205];
2. “...Alles für immer in seinem Gedächtnis” – «Все (детали) навсегда (оставались) в его памяти» [5, s. 205];

В данном произведении можно выделить следующие лексические единицы с семантическим компонентом «память»:

1. Erinnerung (Воспоминание) – „Stimmte es also, dass die Erinnerungen im Alter immer weniger mit dem gelebten Leben zu tun haben...“ (Пер.: «Правда ли, что воспоминания с годами становятся все менее связанными с прожитой жизнью...») [5, s. 204];

2. Erinnerungsvermögen (досл.: «способность запоминать») – „Gedächtnis ist mein Beruf“, sagte er manchmal mit kokettem Schulterzucken, wenn jemand über sein Erinnerungsvermögen staunte“ («Память – моя профессия», – говорил он, пожимая плечами, когда кто-то удивлялся его способности хранить воспоминания») [5, s. 205];

3. Sich erinnern (вспоминать) – “Mehrfach durchgestreiften sie den Ort, und er erinnerte sich an den ovalen Löschteich, grün vor Entengrütze...” (Пер.: «Часто они бродили по этому месту, он вспомнил овальный пруд, зеленый от тины...») [5, s. 203].

4. Nichts vergessen (ничего не забывать) – “...vergaß Bernd Jansohn tatsächlich nichts“ (Пер.: «...Бернд Янсон действительно ничего не забывал») [5, s. 205].

Рассмотрев указанные выше лексические единицы, мы можем судить о доминантности концепта «Память» в данном произведении. В общей сложности, лексемы “Gedächtnis”, “Erinnerung”, “Erinnerungsvermögen” употребляются в тексте более 15 раз. Это достаточно частое использование, если учитывать относительно небольшой объем произведения.

Особое внимание следует уделить лексическим единицам “Gedächtnis” и “Erinnerungsvermögen”. Оба слова можно перевести на русский язык как «память». Однако почему же мы выбрали концепт “Gedächtnis”, а в существительном “Erinnerungsvermögen” только выделили соответствующий семантический компонент? Мы считаем, что понятие “Gedächtnis” шире понятия “Erinnerungsvermögen”, так как включает в себя не только «механическое запоминание фактуальной информации», но и сохранение эмоций и переживаний в сознании говорящего.

В заключении работы можно сделать вывод о том, что индивидуально-авторский концепт «Память» позволяет раскрыть основную идею произведения и является концептом-доминантой, так как использование лексемы “Gedächtnis” и слов, обладающих похожим семантическим компонентом, широко представлено в анализируемом нами рассказе.

Список литературы

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы) : монография. Москва : Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
2. Даниленко И. А. Когнитивно-герменевтическое моделирование художественного концепта (на материале романа Э. М. Ремарка “Der funke Leben”) // Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (77). С. 26–32.
3. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. // ВГПУ, ПМПУ. Волгоград – Архангельск : Перемена, 1996. С. 3–16.
4. Duden. Wörterbuch. – Bibliographisches Institut GmbH, 2021.
5. Ralf Rothmann. Hotel der Schlaflosen. Erzählungen. Berlin : Suhrkamp Verlag 2020, P. 201–205.

References

1. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologiya (teoriya i metody). Moscow: RUDN Publ. 1997:331.
2. Danilenko I. A. Kognitivno-germenevticheskoe modelirovanie hudozhestvennogo koncepta (na materiale romana E. M. Remarka “Der funke Leben”). Gumanitarnye issledovaniya. 2021;1(77):26–32.
3. Karasik V. I. Kul'turnye dominanty v yazyke Yazykovaya lichnost': kul'turnye koncepty: sb. nauch. tr. VGPU, PMPU. Volgograd Arhangel'sk: Peremena. 1996:3–16.
4. Duden. Wörterbuch. Bibliographisches Institut GmbH. 2021.
5. Ralf Rothmann. Hotel der Schlaflosen. Erzählungen. Berlin: Suhrkamp Verlag. 2020:201–205.

Информация об авторах

Ю. В. Кокора – преподаватель.
Е. Н. Лучинская – доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

Y. V. Kokora – teacher.
E. N. Luchinskaya – Doctor of Philological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 141–144.

Humanitarian Researches. 2022;4(84):141–144.

Научная статья

УДК 81–23

**Проблема читательского отождествления с образом персонажа
на когнитивном уровне восприятия художественного повествования
(на материале прозы Б. Ю. Поплавского)**

Игорь Александрович Кудряшов¹, Анастасия Юрьевна Туранова²

^{1,2}Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹igalk@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5449-864X>

²turanova.anastasiya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9066-2822>

Аннотация. В статье разрабатывается междисциплинарный подход к исследованию процессов отождествления читателя с образом персонажа, который даёт возможность выявить авторские техники программирования читательского внимания и сознания в ходе рецепции художественного повествования. Эти процессы трактуются как многоплановый опыт, в формате которого читатель эксплицирует языковые средства ввода психологической точки зрения персонажа, идентифицирует его субъективную перспективу видения действительности в качестве действенного экзистенциального ориентира. Цель данного изыскания заключается в создании теоретической концепции идентификации читательского опыта постижения художественного текста и повествования, разработке типологии этого опыта с учётом когнитивной деятельности, связанной с уподоблением читателем своих личностных качеств эмоционально-волевой сфере персонажа. Процессы читательского отождествления с образом персонажа трактуются в исследовании в качестве многомерного опыта интерпретации языкового своеобразия текста, выявления субъективной перспективы видения воображаемой реальности персонажем. Признаётся релевантность нейрокогнитивного метода для анализа указанных процессов. В качестве базовой гипотезы выдвигается и доказывается следующее положение: отождествление с образом персонажа представляет собой следствие многомерного читательского опыта восприятия художественного повествования; различные уровни этого опыта активируются определённым репертуаром языковых средств, которые, в свою очередь, обеспечивают выражение конкретных аспектов точки зрения персонажа на окружающую действительность.

Ключевые слова: читательское отождествление с образом читателя, когнитивный уровень восприятия текста, прямая, косвенная и несобственно-прямая речь, предикаты мыслительной деятельности

Для цитирования: Кудряшов И. А., Туранова А. Ю. Проблема читательского отождествления с образом персонажа на когнитивном уровне восприятия художественного повествования (на материале прозы Б. Ю. Поплавского) // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 141–144.

Original article

**The problem of the reader's identifying with the character's image
at the cognitive level of fiction narrative perception
(based on the material of B. Yu. Poplavsky's prose)**

Igor' A. Kudryashov¹, Anastasiya Yu. Turanova²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹igalk@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5449-864X>

²turanova.anastasiya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9066-2822>

Abstract. The article develops an interdisciplinary approach to the study of the processes of identifying the reader with the character's image, which makes it possible to identify the author's programming techniques of reader's attention and consciousness while plunging into fiction narrative. These processes are interpreted as the multidimensional experience, in the format of which the reader explicates the linguistic means of activating the character's psychological point of view, identifies his / her subjective perspective of seeing reality as an effective existential reference point. The purpose of this research is to create a theoretical concept of identifying the reader's experience of comprehending a literary text and narrative, developing a typology of this experience taking into account cognitive activity associated with the reader's likening of his personal qualities to the character's emotional-volitional sphere. The processes of reader identification with the image of the character are interpreted in the study as a multidimensional experience of interpreting the linguistic originality of the text, revealing the subjective perspective of the vision of imaginary reality by the character. The relevance of the neurocognitive method for the analysis of these processes is recognized. As a basic hypothesis, the following position is put forward: identification with the character's image is a consequence of a multidimensional reader's experience of the artistic narrative perception; various levels of this experience are activated by a certain repertoire of linguistic means, which, in turn, provide expression of specific aspects of the character's point of view on the surrounding reality.

Keywords: reader's identifying with the reader's image, cognitive level of text perception, direct, indirect and non-direct speech, predicates of mental activity

For citation: Kudryashov I. A., Turanova A. Yu. The problem of the reader's identifying with the character's image at the cognitive level of fiction narrative perception (based on the material of B. Yu. Poplavsky's prose). *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):141–144. (In Russ.).

© Кудряшов И. А., Туранова А. Ю., 2022

Образы персонажей, воспроизводимые автором в контексте художественного повествования, порождают в читательском сознании не менее сильные эмоции, чем аффективный собеседник в формате реального спонтанного общения. В теории текста данные авторские проекции трактуются как «отождествление личности читателя с образом персонажа», которое базируется на восприятии виртуальной событийности, исходя из субъективной точки зрения персонажа, признании его системы ценностей и мировоззренческих устремлений в качестве действенных экзистенциальных установок. Эти процессы отождествления, протекающие на когнитивном и прагматическом уровнях сознания читателя, формируют индивидуально-личностный опыт постижения художественного текста, оказывают конструктивное влияние на восприятие объективной реальности под определённым углом зрения. Измерение степени отождествления личности читателя с образом персонажа предполагает углубление теоретических знаний о перцептивно-когнитивном и аффективном опыте в ходе постижения художественного текста и языковых структурах, которые активируют этот опыт.

Модели формирования читательского опыта при восприятии художественных произведений, которые разрабатываются в настоящее время, интегрируют концепции и теоретические методы, применяемые в литературоведении, языкознании и нейронауках. Эти модели обеспечивают основу для детализованного изучения воздействия лингвистических и текстуальных характеристик авторского произведения на процессы читательской интерпретации. В частности, установлено, что содержащиеся средства выдвигания актуальной информации (образный язык) замедляют восприятие текста и одновременно облегчают формирование эстетического опыта читателя [2].

В нашем исследовании предлагается междисциплинарный подход к анализу читательского опыта отождествления с образами персонажей в процессе восприятия художественного повествования:

- лингвистический анализ дискурсивной перспективы персонажа, воспринимающего и оценивающей его окружающую виртуальную действительность;
- психологический анализ процессов сознательной ассимиляции модели восприятия объективной реальности, характерной для другого субъекта.

Система частнонаучных методологических принципов проведённого исследования основывается на теоретических концепциях, в которых художественное повествование квалифицируется как:

- форма опосредованного коммуникативного контакта между автором и читателем при посредничестве рассказчика;
- континуум авторского программирования читательской интерпретации;
- сфера релевантности прагматического и когнитивного измерений в ходе анализа авторских импликаций, читательского погружения в виртуальный мир повествования, воспринимаемого в терминах когнитивных параметров реальной действительности, читательского уподобления образов главных героев и второстепенных персонажей психологическим личностям реальных собеседников в контексте повседневного общения.

Цель и задачи изыскания предопределяют комплексную методологию лингвистического анализа собранного материала. Наряду с базовым методом интерпретации текста, нацеленным на определение прагматической специфики читательского уподобления образу рассказчика и / или главного героя, одновременно используются такие релевантные для современной теории языка исследовательские методы, как индукция и дедукция, трансформация художественного высказывания, контекстуальный анализ прагматического потенциала грамматических категорий, разрабатываемый в общей аксиологической лингвистике.

В основе читательского отождествления с образами персонажей лежат следующие переменные величины:

1. Степень подобия психологического портрета персонажа мыслям и эмоционально-волевому состоянию читателя, воспринимающему текст, эмпатии как идентификации читателя с персонажем;

2. Авторская повествовательная техника, активирующая точку зрения персонажа на окружающую вымышленную действительность, открывающую доступ к размышлениям, критическим оценкам и экзистенциальным установкам персонажа.

Отождествляясь с образом персонажа на когнитивном уровне восприятия текста, читатель проникает в образ мыслей объекта повествования, фиксирует созвучие его ожиданий, намерений, установок со своими индивидуальными бытийными, гносеологическими и аксиологическими ориентирами. Читатель проецирует осознанное сопереживание судьбе персонажа, которое отражает способность эксплицировать текущие мысли и намерения воображаемого собеседника. При когнитивном отождествлении обнаруживается общий знаменатель между умонастроениями читателя и персонажа. Сопереживание связывается с когнитивной эмпатией, т.е. читательской способностью усматривать в психическом состоянии и поступках персонажа отражение своего собственного жизненного опыта, накопленного в сходных обстоятельствах. При отождествлении *Я* читателя, фактически, сливается с *Я* персонажа, при выражении эмпатической реакции на образ персонажа читатель в определённой степени сопоставляет эти когнитивные конструкции, чтобы увидеть в *Другом* (персонаже) стабильную версию своего индивидуального *Я*. Оба процесса базируются на читательской ментальной репрезентации внутреннего психического состояния персонажа [1; 3; 4].

Лингвистической основой процессов читательского отождествления с образом персонажа на когнитивном уровне восприятия художественного повествования являются единицы, которые выполняют функцию индикаторов точки зрения персонажа как психологической реакции на окружающую действительность. К этим единицам мы относим:

1. Предикаты мыслительной деятельности:

«Часто в лодке, далеко отъехав от берега, я думал о Терезе» [5, с. 171];

2. Метафорические выражения, отражающие ментальное состояние размышляющего персонажа в момент повествования:

«Удобно устроившись, я стараюсь ни о чем не думать, и вот опять само собою, как боль, **повторяется знакомая мысль-боль** о потере чего, о непоправимой потере зла. Да, я утратил друга, я утратил товарища, я утратил Бога» [5, с. 243];

3. Конструкции с прямой, косвенной и несобственно-прямой речью:

«Вот это девушка, – **подумал он**, – худые руки, на лице какое наслаждение – полуоткрытая худая рука спящей Аллы. Это тебе не Таня, медвежья лапа...» [5, с. 297] – точка зрения персонажа, отражающая его внутреннюю реакцию на лицо, с которым только что был установлен фатический контакт, представлена эксплицитным образом, поскольку дословно воспроизводится рассказчиком;

«... и долго они ещё переговаривались... о еде, арбузах, молоке, макаронах, палатке, пока наконец Аполлон не перестал отвечать, и Олег невесело **подумал**, что остаётся один со своими страхами...» [5, с. 245] – точка зрения персонажа воспроизводится всеведущим рассказчиком не дословно, а как пересказ тех опасений, которые были озвучены внутренним голосом размышляющего субъекта повествования;

«Олег, как пьяный, чесался и жалел, безумно, горько, унижительно жалел растроченные деньги... **Лучше бы проел на яйца, апельсины, мороженое, шоколад**» [5, с. 418] – точка зрения персонажа, выражающая сожаление о совершенном нерациональном действии, репрезентируется на стыке взаимодействий его внутреннего голоса и голоса рассказчика.

Читательская интерпретация языковых (синтаксических) индикаторов ввода психологической точки зрения становится основой отождествления с образом персонажа на когнитивном уровне текста. Рассказчик задействует определённый диапазон синтаксических средств в целях фокусирования читательского внимания на мыслительных процессах, протекающих в сознании персонажа, его субъективном видении текущей событийности, описании точки зрения на эту событийность от третьего или первого лица. С опорой на нейрокогнитивный метод исследования возможным является оценка взаимоотношений между синтаксическими особенностями ввода точки зрения персонажа и степенью читательского отождествления с образом этого персонажа. Очевидно, что интерпретация фрагментов художественного повествования, в которых описывается внутренняя ментальная деятельность персонажа, ведёт к активации в читательском сознании нейронных сетей, лежащих в основе ментализации.

Языковые средства, отражающие точку зрения персонажа, оказывают воздействие на процессы ментализации в сознании читателя. В ходе восприятия повествования, в котором описываются результаты мышления персонажа, передаваемые предикатом *подумать*, а также метафорическими выражениями (ср. *повторяется знакомая мысль-боль*), в читательском сознании активируются медиальная префронтальная кора, отвечающая за «анализ ассоциаций между контекстом, местоположением, событиями и соответствующими адаптивными ответами, особенно эмоциональными» [6, с. 231]. Полагаем также, что читатель ментально «слышит» голос персонажа, если он озвучивается в повествовании в форме прямой речи. Активация слуховой коры головного мозга обеспечивает возможность имитировать внутренний голос персонажа, который читатель никогда не слышал. Реализация психологической точки зрения персонажа в форме несобственно-прямой речи, фактически, производит аналогичные когнитивные эффекты на читательское сознание. Последующее экспериментальное подтверждение релевантности указанных нейрокогнитивных процессов в сознании читателя даст возможность доказать, что синтаксический формат репрезентации точки зрения персонажа, представляющей собой его психологическую реакцию на текущую событийность, усиливает читательскую потребность в отождествлении с образом персонажа на когнитивном уровне восприятия художественного повествования.

В лингвистике текста, фактически, отсутствуют теоретические концепции, которые бы давали исчерпывающее представление о языковых единицах, программирующих процессы читательского отождествления с образами персонажей. В рамках нашей публикации реализован лишь один из многочисленных аспектов данной проблематики, связанный с авторским манипулированием когнитивного уровня художественного повествования и обеспечением условий для читательского признания точки зрения персонажа в качестве действенного экзистенциального инструментария. В связи с этим реализован междисциплинарный подход, с опорой на который, как представляется, возможно детализировать проблематику исследования, комбинируя лингвистический и нарратологический анализ выражения психологических реакций персонажа, а также психологический и нейрокогнитивный методы, релевантные для экспериментального измерения воздействия синтаксического оформления точки зрения протагонистов на читательское отождествление с их образами.

Укажем лишь некоторые магистральные направления для последующих изысканий. Во-первых, предложенные теоретические основы исследования обеспечивают возможность когнитивного и прагматического анализа процессов читательского отождествления с образами персонажей с учётом целого ряда индикаторов, свидетельствующих о том, что рассказчик вводит психологическую точку зрения протагониста на окружающую действительность. Очевидно, что в контексте конкретного повествования взаимоотношения между определённым репертуаром языковых средств, фиксирующим воспроизведение психологической точки зрения персонажа, и читательским отождествлением с образом этого персонажа проявляются с различной степенью последовательности и явности. Данные языковые средства, функционирующие в повествовании в самых разнообразных комбинациях, потенциально предопределяют ту или иную степень отождествления читателя с образом персонажа на прагматическом и / или когнитивном уровне текста. В частности, как показало наше исследование, активация точки зрения персонажа с опорой на предикаты мыслительной деятельности и синтаксический формат способствуют читательскому отождествлению с образом этого персонажа не только на когнитивном, но и прагматическом

уровне текста (например, в контексте сообщения о мыслях персонажа, в котором содержатся отсылки на его перцептивно-рефлексивное состояние). Вместе с тем, необходимо признать, что читательское отождествление с образом персонажа, программируемое автором на когнитивном уровне повествования, осуществляется преимущественно в формате сообщений рассказчика о внутренней мыслительной деятельности этого персонажа. Во-вторых, при анализе целесообразно разграничивать следующие феномены: (1) воспроизведение событийности рассказчиком под определённым углом зрения (субъективной точки зрения того или иного персонажа на события и ситуации) и (2) отождествление читателя с образом конкретного персонажа (читательское признание точки зрения этого персонажа в качестве действенного механизма ориентации в окружающей действительности). Другими словами, читательское отождествление с образом персонажа трактуется нами как результат причинно-следственных связей между указанными феноменами, которые эксплицируются из соответствующих языковых средств.

Перспективность предпринятого нами исследования предопределяется и тем фактом, что оно может дать ответы на некоторые спорные фундаментальные проблемы реальной повседневной коммуникации. Изучение взаимосвязей между языковыми средствами реализации художественного повествования и читательскими реакциями на это повествование также вносят существенный вклад в понимание того, как и почему устанавливается и поддерживается эмоционально-чувственный контакт между людьми и конструктивную роль языка в этом процессе.

Список источников

1. Агапова С. Г., Боровкова А. А. Интерперсональность художественной коммуникации в повествовательном тексте: автор – рассказчик – читатель // *Общественные науки*. 2017. № 1. С. 7–13.
2. Евсюкова Т. В., Абраменко Е. В. Повествовательные уровни в научно-фантастическом тексте и их метапрозаические импликации // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. № 1 (26). – С. 13–16.
3. Изюмская С. С. Художественный дискурс XVIII-XIX веков и правовые вопросы: автор, персонаж, текст. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2021. 112 с.
4. Ларина Т. Ю. Интерпретация текста: объективность vs. субъективность (на примере короткого рассказа К. Мэнсфилд «Психология») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 12–4 (78). С. 102–105.
5. Поплавский Б. Собрание сочинений : в 3 т. Москва : Сogласие, 2000. Т. 2 : Аполлон Безобразов. Домой с небес : Романы. 464 с.
6. Ушаков Д., Дружинин В. Когнитивная психология. Москва : ПЕР СЭ, 2002. 481 с.

References

1. Agapova S. G., Borovkova A. A. Interpersonal'nost' hudozhestvennoj kommunikacii v povestvovatel'nom tekste: avtor – rasskazchik – chitalatel'. *Obshhestvennye nauki*. 2017;(1):7–13.
2. Evsjukova T. V., Abramenko E. V. Povestvovatel'nye urovni v nauchno-fantasticheskom tekste i ih metaprozaicheskie implikacii. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal*. 2019;(26):13–16.
3. Izjumskaja S. S. Hudozhestvennyj diskurs XVIII–XIX vekov i pravovye voprosy: avtor, personazh, tekst. *Rostov-na-Donu: AkademLit TM*. 2021:112.
4. Larina T. Ju. Interpretacija teksta: objektivnost' vs. subjektivnost' (na primere korotkogo rasskaza K. Mjensfild «Pshihologija»). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017;12–4 (78):102–105.
5. Poplavskij B. *Sobranie sochinenij*: in 3 vol. Moscow: Soglasie, 2000. Vol. 2: Apollon Bezobrazov. *Domoj s nebes: Romany*, 464 p.
6. Ushakov D., Druzhinin V. *Kognitivnaja psihologija*. Moscow: PER SE. 2002:481.

Информация об авторах

И. А. Кудряшов – доктор филологических наук, профессор.
А. Ю. Туранова – аспирант.

Information about the authors

I. A. Kudryashov – Doctor of Philological Sciences, Professor.
A. Yu. Turanova – graduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 145–147.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):145–147.
Научная статья
УДК 82
Doi: 10.54398/18184936_2022_4_145

Особенности художественного времени в прозе Александра Варго

Алина Гайсаевна Мендагалиева

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия,
alin.van2017@yandex.ru

Аннотация. В статье выявляется специфика художественного времени как одного из важных элементов поэтики жанра «хоррор». Материалом исследования послужили произведения авторов проекта «Александр Варго и Апостолы Тьмы», представителей жанра «хоррор» в русской литературе. Автор ставит целью рассмотреть художественное время как часть особого хронотопа хоррора в неразрывной связи с другой частью хронотопа – художественным пространством. Анализ текста позволил обнаружить специфические для хоррора черты художественного времени – деформацию (замедление или остановку), большую значимость суточного времени по сравнению с календарным, особую выделенность хронотопа ночи, совмещение реального времени с иллюзорным. На конкретных примерах показаны стилистические приёмы, участвующие в реализации категории времени. Выдвинуто утверждение о большем значении для хоррора субъективного (психологического) времени. Отдельно рассматривается специфика категории времени в изображении потусторонней реальности. Сделан вывод о значительном участии категории времени в создании атмосферы ужаса, характерной для рассматриваемого жанра. Полученные результаты могут быть применены в процессе дальнейших исследований поэтики жанров массовой литературы и, в частности, одного из наиболее популярных жанров – жанра ужасов (хоррора).

Ключевые слова: хронотоп, художественное время, хоррор, Александр Варго

Для цитирования: Мендагалиева А. Г. Особенности художественного времени в прозе Александра Варго // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 145–147. http://dx.doi.org/10.54398/18184936_2022_4_145.

Original article

Features of the art time in the prose by Alexander Vargo

Alina G. Mendagalieva

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, alin.van2017@yandex.ru

Abstract. The article reveals the specifics of art time as one of the important elements of the poetics of the horror genre. The material of the study was the works of the authors of the project “Alexander Vargo and the Apostles of Darkness”, representatives of the “horror” genre in Russian literature. The author aims to consider art time as part of a special horror chronotope in close connection with another part of the chronotope – art space. Analysis of the text made it possible to detect features of art time that are specific to horror – deformation (slowing down or stopping), the greater importance of daily time compared to calendar time, a special emphasis on the night chronotope, and the combination of real time with illusory time. Specific examples show the stylistic devices involved in the implementation of the category of time. A statement has been made about the greater importance of subjective (psychological) time for horror. Also the specificity of the category of time in the image of otherworldly reality is considered. The conclusion is made about the significant participation of the category of time in creating an atmosphere of horror, characteristic of the genre under consideration. The results obtained can be applied in the process of further research into the poetics of horror and other genres of mass literature.

Keywords: chronotope, art time, horror, Alexander Vargo

For citation: Mendagalieva A. G. Features of the art time in the prose by Alexander Vargo. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):145–147. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.54398/18184936_2022_4_145.

Литературный проект «Александр Варго и Апостолы Тьмы» представляет собой успешную попытку перенесения популярного в мировой массовой литературе жанра хоррора на российскую почву. В прозе Александра Варго и подключившихся к проекту других авторов находят отражение и определённое переосмысление ключевые жанровые приметы хоррора. Одной из отличительных черт хоррора является особый хронотоп.

Хронотоп, по определению М. М. Бахтина, представляет собой «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2, с. 234].

Для литературных произведений, относящихся к жанру ужасов (хоррора), характерен особый тип хронотопа. Как правило, действие хоррора происходит в конкретном, точно названном географическом месте. Также точно, иногда вплоть до минут, указывается время действия событий сюжета. Таким образом создаётся эффект присутствия. Читатель оказывается в определённой точке пространства в точно указанный момент времени. Важно подчеркнуть, что «ужас

переживается всегда в настоящем времени» [1, с. 64]. Эффект присутствия позволяет читателю почувствовать себя на месте персонажей и разделить с ними переживание ужаса.

В произведениях А. Варго мы встречаем именно такой тип хронотопа. Например, повесть «Попутчица» начинается с точного указания на место и время действия: «Трасса “Дон” М-4, Краснодарский край, неподалёку от г. Новошахтинск. 17.57» [9, с. 6]. Отметим, что автор указывает только суточное время и не называет календарного, сообщает часы и минуты начала действия, но не обозначает день, месяц и год, хотя эти данные обычно кажутся более существенными. В данном случае важно было подчеркнуть вечернее время действия и поминутно проследить события сюжета.

В повести «Прах» автор указал в качестве места действия вымышленное географическое название, но при этом точно обозначил время действия: «Сахалинская область, полуостров Демиинск, берег Охотского моря. 16 сентября 2017 года», сделав примечание: «Все происходящие события, имена и географические названия являются вымыслом автора и их совпадение с реальностью случайно» [10, с. 6]. Ощущалась необходимость конкретизации временных и пространственных координат ради создания эффекта присутствия, усиливающего атмосферу ужаса.

Повесть «Попутчица» [9] построена по принципу «рассказ в рассказе». Рамочная композиция повести определяет особенности хронотопа. Реальный ход событий на трассе в Краснодарском крае перемежается вставками из рассказываемой попутчицей истории, действие которой помещено в условное время. История, восходящая к жанру былички, устного страшного рассказа, становится продолжением рамочного повествования.

В некоторых произведениях реальное художественное время совмещено с иллюзорным. Наряду с реальными событиями действие разворачивается в больном воображении сумасшедшего, и только в финале сюжета выясняется, что происходило в реальности, а что являлось только фантазиями. Так построена, например, повесть «Плохая шутка» [8], в которой очень подробно разработана сюжетная линия маньяка, убивающего женщин, но в конце концов вся история оказывается трансформацией других реально совершённых преступлений в воображении душевнобольной женщины.

Субъективное (психологическое) время для хоррора имеет большее значение, чем объективное. Деформация течения времени становится одним из средств эмоционального воздействия, участвует в создании атмосферы ужаса. Время для героев хоррора длится медленнее обычного: «Господи, прошло всего пару дней, а Светлане казалось, что минуло лет двадцать! А ведь ещё дня три назад они загорали на пляже, купались и дурачились, весело болтая о всякой чепухе! Теперь прошлое представлялось ей не более чем пыльным альбомом, где у большинства пожелтевших фотографий отклеивались края, а изображённые на них лица похожи на выцветшие от времени пятна» [9, с. 85].

Замедление или даже остановка времени характерны для находящихся в состоянии ужаса. В одном из произведений проекта «Александр Варго и Апостолы Тьмы», романе М. Кюсы «Волосы», застывшее время в восприятии человека, охваченного ужасом, описывается яркой метафорой: «Вася сидел на кровати, всей кожей ощущая время, которое в один миг обернулось вязкой смолой и обволокло его с ног до головы, превратило в мушку, застывшую в янтаре» [7, с. 108].

Потусторонний мир в прозе жанра «хоррор» изображается как перевернутая, неправильная реальность. Время в потустороннем мире также искажено. Герой повести участника проекта «Александр Варго и Апостолы Тьмы» И. Миронова «Квартира номер двадцать четыре», попавший в ирреальный мир, ощущает его неправильное течение: «Время здесь всегда казалось каким-то неправильным, и сложно было сказать, как долго он шёл: минуты или часы» [8, с. 332]; «Время здесь не отличалось постоянством и логикой» [8, с. 351].

Особую роль в жанре «хоррор» играет хронотоп ночи, когда сгущается атмосфера ужасного и происходят многие паранормальные явления. Напряжённость событий в хорроре, как правило, возрастает именно в ночное время. Восприятие ночи как времени господства тёмных сил и, наоборот, дня как периода их слабости присуще персонажам хоррора: «Утром станет легче. День нам поможет. Ведь ты же знаешь, что днём всякая нечисть сидит в своих норах слабая-слабая. А мы, наоборот, сильнее становимся» [7, с. 300–301].

В ночном пейзаже выделены мрачные детали, усиливающие атмосферу тревоги: «...мглистые облака постепенно расползлись, очистив дегтярно-чёрное небо. Серебристой монетой повисла полная луна, безучастно уставившись на молодых людей своим пронзительно-холодным взглядом» [6, с. 25].

При описании ночного неба используется аллегория сражения: «В небе, подёрнутом полупрозрачной пеленой, шла ожесточённая схватка между сворой голодных грязно-серых облаков и луной. Облака с остервенением пытались разорвать вечную страницу на части, и она, сопротивляясь, судорожно вспыхивала и гасла. Наконец луне удалось вырваться, она стряхнула с себя остатки цепляющегося мрака и засияла во всём величии своей гордой холодной красотой» [5, с. 43].

Ночной пейзаж наделяется признаками потустороннего мира. Так, например, в описании луны в романе «Плохая шутка» присутствует мотив смерти: «Несмотря на плотную материю палатки, женщине казалось, что она видит мертвенно-жёлтое пятно луны, нависшей над ними в прохладном небе. Светя своим тусклым безжизненным светом, неизменный спутник Земли словно хотел внимательнее разглядеть тех, кто сейчас спал в палатке» [8, с. 29]. В этом примере следует обратить внимание и на характерный для хоррора мотив «мёртвое следит за живым».

Дневной пейзаж также отражает мрачную атмосферу хоррора, поэтому частым его признаком становится непогода. Мотив дождя, дождевых туч используется для передачи ощущения опасности, тревоги: «На небе сгущались тучи: местами лёгкие, почти прозрачные, местами – тяжёлые, цвета гематомы» [8, с. 236]. Дождь часто персонифицирован, сравнивается со злонамеренным живым существом: «Капли барабанили по железной крыше с такой остервенелой яростью, словно пытались изо всех сил продырявить дом насквозь, добравшись до укрывшихся там

людей» [3, с. 263]; «В стекло злобно хлестал дождь, будто требуя пустить его внутрь вместе с приятелем-ветром и подругой-молнией, которая ледяным зигзагом время от времени рассекала небо» [3, с. 264]. Ветер также воспринимается как злобное существо: «Поднялся сильный ветер, злобно швыряя капли воды в лицо серебристыми иглами» [4, с. 118–119]. Даже солнце вызывает негативные ассоциации, оно сравнивается с издевательски подмигивающим, громадным, расплывшимся глазом [3, с. 162]. Образные средства, используемые в описании ночи и непогоды, направлены на пробуждение чувства ужаса, ощущения враждебности, опасности природы.

Таким образом, специфика художественного времени в произведениях авторов проекта «Александр Варго и Апостолы Тьмы» заключается в его деформации (замедлении или остановке), большей значимости суточного времени по сравнению с календарным, особой выделенности хронотопа ночи, совмещении реального времени с иллюзорным. Атмосфера ужаса, характерная для хоррора, создаётся во многом благодаря разработке категории художественного времени.

Список источников

1. Аксёнова А. А. Ужас как «повторное выбрасывание в мир» // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Серия : Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 60–65.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва : Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Варго А. Дитя подвала. Москва : Эксмо, 2019. 384 с.
4. Варго А., Фролов А. Дрейф : сборник. Москва : Эксмо, 2017. 320 с.
5. Варго А. Кристмас. Москва : Эксмо, 2009. 146 с.
6. Варго А. Громов В. Нелюдь : сборник. Москва : Эксмо, 2018. 111 с.
7. Варго А., Киоса М. Не та дверь : сборник. Москва : Эксмо, 2016. 448 с.
8. Варго А., Миронов И. Плохая шутка : сборник. Москва : Эксмо, 2019. 416 с.
9. Варго А. Попутчица. Москва : Эксмо, 2017. 128 с.
10. Варго А. Проводник. Москва : Эксмо, 2018. 256 с.

References

1. Aksyonova A. A. Uzhask kak povtornoje vybrasyvaniye v mir. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnyje i obshchestvennyje nauki. 2017;1:60–65.
2. Bachtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Moscow: Chudozhestvennaja literature. 1975:504.
3. Vargo A. Ditya podvala. Moscow: Eksmo. 2019:384.
4. Vargo A. Drefj. Moscow: Eksmo. 2017:320.
5. Vargo A. Kristmas. Moscow: Eksmo. 2009:146.
6. Vargo A. Nelud'. Moscow: Eksmo. 2018:111.
7. Vargo A. Ne ta dver'. Moscow: Eksmo. 2016:448.
8. Vargo A. Plochaja shutka. Moscow: Eksmo. 2019:416.
9. Vargo A. Poputchitsa. Moscow: Eksmo. 2017:128.
10. Vargo A. Provodnik. Moscow: Eksmo. 2018:256.

Информация об авторе

А. Г. Мендагалиева – аспирант.

Information about the author

A. G. Mendagalieva – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 10.09.2022; одобрена после рецензирования 09.10.2022; принята к публикации 20.10.2022.

The article was submitted 10.09.2022; approved after reviewing 09.10.2022; accepted for publication 20.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 148–151.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):148–151.
Научная статья
УДК 81–23

Противоречие как средство создания «отрицательной» связности
в тексте романа Дж. Хеллера «Поправка-22»

Татьяна Всеволодовна Евсюкова¹, Сильва Самвеловна Геворкян²

^{1,2}Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹TEVS@rsue.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2515-1430>

²silviya23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2840-1194>

Аннотация. В рамках данного исследования системно анализируются когнитивные и прагматические способы порождения юмористического эффекта в тексте романа Дж. Хеллера «Поправка-22». Автор реализует данную иллокутивную установку как результат намеренного моделирования таких процессов в текстовом пространстве, как: (а) столкновение двух конфликтующих фреймов, которые активируются лексическими единицами с антонимическими значениями; (б) воспроизведение двух противоречащих друг другу понятий как совместимых сущностей, формирующих синкретичные взаимосвязи; (в) манипулирование читательскими знаниями об объективной и воображаемой действительности (допущениями и ожиданиями). Указанные процессы лежат в основе связного восприятия повествования рассказчика, поскольку объединение контрастных феноменов на синтагматической оси текста имплицитно подразумевает глубинные авторские смыслы, носящие, как правило, комический характер. Для исследования юмористического эффекта, производимого текстовыми структурами, используются методы традиционной стилистики, которые нацелены на выявление того, как авторский выбор языковых средств воздействия на читательское воображение, их частотное использование предопределяют семантическую (смысловую) структуру и целостную интерпретацию текста. Когнитивный аспект анализа осуществляется с опорой на модель текстуального мира, разработанную П. Вертом. При этом адаптация этой модели к целям нашего исследования, как и поддержание междисциплинарной перспективы проводимого анализа, потребовала привлечения релевантных понятий из когнитивной психологии (например, «когнитивная синергия»), литературоведческой теории (ср., «повествовательный голос»).

Ключевые слова: контраст, контрарные компоненты, бинарные оппозиции, антонимы, фрейм, домен, юмористический эффект

Для цитирования: Евсюкова Т. В., Геворкян С. С. Противоречие как средство создания «отрицательной» связности в тексте романа Дж. Хеллера «Поправка-22» // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 148–151.

Original article

Contradiction as a means of creating «negative» connectedness
in J. Heller's novel «Catch-22»

Tatyana V. Evsukova¹, Silva S. Gevorkyan²

^{1,2}Rostov State Economical University, Rostov-on-Don, Russia

¹TEVS@rsue.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2515-1430>

²silviya23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2840-1194>

Abstract. Within the framework of this study, cognitive and pragmatic ways of generating the humorous effect in the text of J. Heller's novel «Catch-22» are systematically analyzed. The author implements this illocutionary installation as a result of intentional modeling of such processes in the text space as: (a) the collision of two conflicting frames that are activated by lexical units with antonymic meanings; (b) reproduction of two contradictory concepts as compatible entities forming syncretic relationships; (c) manipulation of readers' knowledge about objective and imaginary reality (assumptions and expectations). These processes underlie the coherent perception of the narrator's narrative, since the combination of contrasting phenomena on the syntagmatic axis of the text implies deep author's meanings, which are usually comic in nature. To study the humorous effect produced by text structures, the methods of traditional stylistics are used, which are aimed at identifying how the author's choice of linguistic means of influencing the reader's imagination, their frequent use predetermine the semantic (semantic) structure and holistic interpretation of the text. The cognitive aspect of the analysis is based on the model of the textual world developed by P. Werth. At the same time, the adaptation of this model to the goals of our research, as well as the maintenance of an interdisciplinary perspective of the analysis carried out, required the involvement of relevant concepts from cognitive psychology (for example, «cognitive synergy»), literary theory (cf., «narrative voice»).

Keywords: contrast, contrasting components, binary oppositions, antonyms, frame, domain, humorous effect

For citation: Evsukova T. V., Gevorkyan S. S. Contradiction as a means of creating «negative» connectedness in J. Heller's novel «Catch-22». *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):148–151. (In Russ.).

С прагматической точки зрения текст анализируемого романа может быть определен в терминах абсурда и комичности, которые в контексте повествования взаимно дополняют друг друга и в то же время выступают диаметрально контрастирующими концептами. Разворачиваемая событийная канва не соответствует рациональным правилам соотношения причины и следствия. Данное несоответствие закладывается автором в основу воспроизводимого воображаемого мира и производит на читателя контрастирующий комический эффект. Неявное комическое содержание «Поправки-22» можно определить и как сатиру на современный социум, и как черный юмор, и как гротеск. Однако в повествовательной структуре текста романа превалирует именно абсурдистский юмористический эффект, который реализуется в контрастном противопоставлении таких конфликтующих фреймов, как *благоразумие* и *безумие*.

Категория отрицания и антонимия предстают универсальными языковыми средствами, которые используются в осмыслении повседневной реальности в терминах бинарных оппозиций [1, с. 35; 2, с. 69; 5, с. 281]. Членам таких оппозиций приписываются соответственно позитивные и отрицательные характеристики. Восприятие этих характеристик в формате оппозиций предопределяется культурологическими факторами. В логике противоречия трактуется в качестве сложной пропозиции, которая одновременно является истинной и ложной (в этом случае пропозиция имеет форму $p \ \& \ \text{не } p$). Контрарность – это оппозиция предикатов, моделируемая по форме $p \ \& \ q$, при этом $q = \text{не } p$ (члены оппозиции исключают друг друга на взаимной основе, не допускают возможности некоторого промежуточного члена). Разнообразные типы взаимоотношений между лексическими антонимами выделяются с опорой на фреймовую семантику.

В семантической теории противоречия рассматривается в качестве структуры, которая не информативна по своей сути, т.е. не имеет какого-либо смысла. В прагматической теории противоречия предстает пропозицией, которая содержит конверсационные импликатуры [3; 4]. В когнитивных лингвистических исследованиях противоречия анализируются в терминах взаимосвязей между различными ментальными пространствами, в качестве которых выступают конструкции, репрезентирующие референциальные структуры. В контексте дискурсивной объективации данные пространства беспрестанно видоизменяются и не являются последовательными с логической точки зрения [7, р. 153]. Каждый сегмент, формирующий противоречие, активирует сети фреймовых знаний, которые действительны для двух несходных доменов. В контексте художественного высказывания стыковка этих сегментов становится основой глубинных смыслов и порождает юмористический эффект.

При изучении юмористического эффекта, производимого художественными высказываниями, в настоящее время активно задействуется когнитивный подход, который базируется на модели несовместимостей. Данный эффект трактуется как следствие конфликтующих отношений между тем, что априорно ожидается и тем, что происходит в действительности. Высказывание, порождающее юмористический эффект, базируется не только на контрасте двух фреймов (или скриптов), но и неожиданной дезинтеграции того воображаемого мира, который конструируется автором в тексте. В процессе постижения текста читатель сталкивается с тем, что его представления об объективном мире претерпевают трансформацию, что вызывает реакцию в виде удивления и смеха. При этом члены антонимической пары воспринимаются как вполне совместимые сущности. Ситуация, в которой сосуществуют несовместимые феномены, порождают когнитивную синергию. Юмор – это одна из ярких разновидностей когнитивной синергии.

В теории текстуального мира (П. Верт) антонимия оказывается одним из типов функциональных взаимоотношений, которые формируют связность в дискурсивном произведении. При этом антонимия (как и контраст) порождает, так называемую, «отрицательную связность». Текстуальные миры воспроизводят специфические ситуации, фреймы инкапсулируют ожидания относительно возможного развития той или иной ситуации. Другими словами, фрейм – это абстракция на основе повторяющихся сходных ситуаций (или текстуальных миров).

С учётом теории текстуального мира юмор можно трактовать как динамический процесс, в рамках которого антонимия и противоречия предопределяют отрицательную связность. Ср.:

(1) «*Ordinarily, Yossarian's pilot was McWatt, who, shaving in loud red, clean pajamas outside his tent each morning was one of the odd, ironic, incomprehensible things surrounding Yossarian. McWatt was the craziest combat man of them all probably, because he was perfectly sane and still did not mind the war*» [6, р. 81].

Во фрагменте (1) персонаж Маквот описывается рассказчиком одновременно как «самый безумный воин» и «абсолютно вменяемый человек». В текстуальном мире порождается описание образа персонажа посредством контрарных антонимов *безумный* – *вменяемый*. Данное описание активирует базовый фрейм, который репрезентируется двумя контрастирующими составляющими фреймами, отражающими различные когнитивные домены:

1. *Безумный* фиксирует домен повседневного опыта солдата (Маквот не проявляет типичные реакции, характерные для воина в момент боевых действий (например, страх);
2. *Вменяемый* воплощает домен социального опыта заурядного человека, квалифицируемого в психиатрических терминах.

Оба антонима озвучиваются двумя разными повествовательными голосами. Другими словами, квалификация образа персонажа как *безумного* фокусирует точку зрения Йоссариана и его сослуживцев, как *вменяемого* – поддерживает официальную версию событийности, разворачиваемой в воображаемом мире романа. Юмористический эффект, порождаемый во фрагменте (1), трактуется нами как динамический процесс, который включает в себя следующие этапы разворачивания:

– удивление в ходе восприятия несовместимости двух фреймов, которая нейтрализует исходные ожидания, поскольку отражает столкновение двух конфликтующих характеристик персонажа;

– одновременное восприятие двух членов контрарной оппозиции и их референтов, принадлежащих к различным когнитивным доменам и создающих основу для юмористической синергии и соответствующий эффект (смех);

– интерпретация идеологических коннотаций, имплицуемых когнитивной синергией, которая сопровождается модификацией читательских представлений о художественном тексте и дискурсе, а также такой классической теме прозаических произведений, как боевые действия.

Другой тип противоречия в тексте романа «Поправка-22» не предполагает позитивного решения, т.е. противоречащие друг другу понятия, репрезентирующие автономные домены, не могут быть подведены под единый смысловой знаменатель. С опорой на подобное противоречие описывается Поправка-22. Ср.:

(2) «*There was only one catch and that was Catch-22, which specified that a concern for one's own safety in the face of danger that were real and immediate was the process of a rational mind. Orr was crazy and could be grounded. All he had to do was ask; and as soon as he did, he would no longer be crazy and would have to fly more missions. Or would be crazy to fly more missions and sane if he didn't, but he was sane he had to fly them. If he flew them he was crazy and didn't have to; but if he didn't want to he was sane and had to. Yossarian was moved very deeply by the absolute simplicity of this clause of Catch-22 and let out a respectful whistle*» [6, p. 63–64].

Поправка-22 квалифицируется рассказчиком как, своего рода, алогичный аргумент, который предполагает противоречие между двумя пропозициями. Эти пропозиции систематизированы в таблице.

Таблица

Систематизация структур, содержащих противоречие во фрагменте (2)

Противоречие	Логическая формула
<i>если вы безумны, вас могут наказать</i>	если а, тогда b
<i>если вы хотите, чтоб вас наказали, вы должны подать заявление</i>	если с, тогда d
<i>если вы подаете заявление, вы не безумны</i>	если е, тогда f (f = не а)

Аргументация (*вы не безумны*) противоречит первой посылке (*если вы безумны*), а поэтому пропозиция *если вы хотите, чтоб вас наказали* не может быть реализована ни при каких условиях. Противоречие намеренно представляется как не могущее быть разрешённым и осмысливается читателем исключительно в контексте критической тональности повествования. Критика исходит от высших военных чинов и направлена на социальные институты, отражает самовольное и необоснованное злоупотребление властью представителями военного командования. Фрагмент дискурса рассказчика, никак не связанный при первом приближении, интерпретируется читателями как связанный с опорой на экспликацию глубинного авторского смысла, которая усложняет семантическую структуру пропозиций в свете явной иронической направленности художественного повествования. Частотное использование структур, содержащих противоречие, проливают свет на стабильную тенденцию рассказчика к нейтрализации различий между позитивными и отрицательными сущностями, размыванию границ между членами бинарных оппозиций. В результате категоризация воображаемой действительности в терминах бинарных оппозиций воспринимается читателями как механизм концептуализации реальности, воспроизводимой в тексте романа, инструмент систематизации опыта интерпретации этого текста.

В романе действуют персонажи, которые расценивают отношения между причиной и следствием как не соответствующие поведенческим и культурным моделям, признанным в социуме. Так, причина может логически не соответствовать следствию, поскольку противоречит его прототипическим характеристикам. Ср.:

(3) «*‘Oh, shut up,’ Dunbar told Clevinger. Dunbar liked Clevinger because Clevinger annoyed him and made the time go slow*» [6, p. 31];

(4) «*Dunbar loved shooting skeet because he hated every minute of it and the time passed so slowly. ‘I think you’re crazy,’ was the way Clevinger had responded to Dunbar’s discovery*» [6, p. 53].

Во фрагментах (3) и (4) следствие, выраженное предикатами *нравится* и *любить* логически предполагают причину, отражающую позитивное действие. Однако эти ожидания не оправдываются, поскольку в контексте повествования следствия оказываются алогичными для заявленных причин (субъект не может нравиться, если он раздражает и надоедает, нельзя любить стрельбу, если ненавидеть её). Нестандартные ассоциации между предикатами, обозначающими причину и следствие, создают условия для «отрицательной» связности в тексте, при этом порождая юмористический эффект.

На основе прагматического и когнитивного анализа структур, манифестирующих противоречие в тексте романа «Поправка-22», можно сделать следующие выводы. Во-первых, между этими структурами и контрарностью формируются взаимосвязанные отношения, порождающие юмористический эффект. Противоречие и последующий юмористический эффект моделируется посредством отрицания исходных читательских ожиданий от предыдущего разворачивания текста. Во-вторых, противоречие не может трактоваться как средство, нарушающее связность текста, поскольку в контексте повествования его, образуя когнитивную синергию, имплицуруют глубинный авторский смысл. Поэтому эти структуры рассматриваются нами как средства «отрицательной» связности текста. В-третьих, производимый текстом романа абсурдистский юмористический эффект проливает свет на контрастирующую несовместимость между авторским воображаемым миром и объективной реальностью, в которой живёт читатель. Интерпретируя образы главного героя и персонажей, читатель полагается исключительно на бытийные

и аксиологические категории, которые актуальны только для текста данного романа, но не соответствуют логике развития объективной действительности.

Список источников

1. Асланова А. А., Прохорова А. П. Контраст скриптов как способ конструирования юмористического эффекта в коротком рассказе // Гуманитарные и социальные исследования. 2022. Т. 90, № 1. С. 33–40.
2. Иштоян К. Г. Контрфактуальные сценарии в тексте рассказа Э. Хемингуэя «Снега Килиманджаро»: средства выражения и смысловая нагрузка // Гуманитарные и социальные исследования. 2022. Т. 90, № 1. С. 67–73.
3. Котова Н. С., Кудряшов И. А. Проблема онтологического статуса персонажа в метапрозаическом повествовании // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 6. С. 185–195.
4. Кудряшов И. А. Образность как смыслопорождающая категория в романе К. Воннегута «Бойня номер пять» // Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (83). С. 69–72.
5. Ларина Т. Ю., Кудряшов И. А. Сопряжения между «Я» рассказчика и категорией пространства в научно-фантастическом тексте // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 4 (37). С. 280–283.
6. Heller J. Catch-22. New York : Simon@Schuster, 2004. 453 p.
7. Kudryashov I. A., Turanova A. Yu. The Author's Manipulation of the Space and Time Categories as A Factor in Reader's Identifying with the Character's Image // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 2 (26). P. 151–156.

References

1. Aslanova A. A., Prohorova A. P. Kontrast skriptov kak sposob konstruirovaniya jumoristicheskogo jeffekta v korotkom rasskaze. Gumanitarnye i social'nye issledovaniya. 2022;90(1):33–40.
2. Ishtojan K. G. Kontrfaktual'nye scenarii v tekste rasskaza E. Hemingujeja «Snega Kilimandzharo»: sredstva vyrazhenija i smyslovaja nagruzka. Gumanitarnye i social'nye issledovaniya. 2022;90(1):67–73.
3. Kotova N. S., Kudryashov I. A. Problema ontologicheskogo statusa personazha v metaprozaicheskom povestvovanii. Gumanitarnye i social'nye nauki. 2017;6:185–195.
4. Kudryashov I. A. Obraznost' kak smysloporozhdajushhaja kategorija v romane K. Vonneguta «Bojnja nomer pjat'». Gumanitarnye issledovaniya. 2022;3(83):69–72.
5. Larina T. Ju., Kudryashov I. A. Sopryazhenija mezhdju «Ja» rasskazchika i kategoriej prostranstva v nauchno-fantasticheskom tekste. Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. T. 10. 2021;4(37):280–283.
6. Heller J. Catch-22. New York: Simon@Schuster, 2004:453.
7. Kudryashov I. A., Turanova A. Yu. The Author's Manipulation of the Space and Time Categories as A Factor in Reader's Identifying with the Character's Image. Russian Linguistic Bulletin. 2021;2(26):151–156.

Информация об авторах

Т. В. Евсюкова – доктор филологических наук, профессор.
С. С. Геворкян – аспирант.

Information about the authors

T. V. Evsukova – Doctor of Philological Sciences, Professor.
S. S. Gevorkyan – postgraduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Лирика и философия: точки пересечения в поэмах Кайсына Кулиева

Екатерина Анатольевна Шевель¹, Сяо Гоминь²

¹Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

²Чанчуньский педагогический университет, Чанчунь, Китайская Народная Республика

^{1,2}shevel55@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается особенный поэтический жанр: лирико-философская поэма. Если лирическая поэма построена на открытой прямо высказываемой мысли автора, то лирико-философская поэма прежде всего нуждается помимо авторского переживания в «образной реализации», в медитации, интеллектуальности. По словам Аристотеля, «поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном». Наблюдается гармоничное соотношение реального и философски отвлеченного. Это раздумье поэта над прошедшими годами, которые показаны в динамике, трагических противоречиях. Стремление осмыслить наиболее значительные события в жизни народа выразилось не только в напряженной «поэтико-философской» мысли поэта, но и в созвучности этой мысли с проникновенным лиризмом.

Ключевые слова: поэзия, лирика и философия, роды и жанры литературы, картина мира, метафоричность, реальность и условность, история балкарского народа, лирическое переживание, монолог

Для цитирования: Шевель Е. А., Сяо Гоминь. Лирика и философия: точки пересечения в поэмах Кайсына Кулиева // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 152–156.

Original article

Lyrics and philosophy: intercrossing points
in the poem works of Kaisyn Kuliev

Ekaterina A. Shevel¹, Xiao Guomin²

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

²Changchun Pedagogical University, Changchun People's Republic of China

^{1,2}shevel55@mail.ru

Abstract. The article deals with a special genre of poetry: the lyrical-philosophical poem. If a lyrical poem is built on an open, directly expressed thought of the author, then a lyrical-philosophical poem, in addition to the author's experience, first of all needs "figurative realization", meditation, and intellectuality. According to Aristotle, "poetry is more philosophical and more serious than history, because poetry speaks more about the general, history about the singular. There is a harmonious relationship between the real and the philosophical abstract, to comprehend the most significant events in the life of the people was expressed not only in the intense "poetic-philosophical" thought of the poet, but also in the consonance of this thought with penetrating lyricism.

Keywords: poetry, lyrics and philosophy, types and genres of literature, picture of the world, metaphor, reality and conventionality, history of the Balkar people, lyrical experience, monologue

For citation: Shevel E. A., Xiao Guomin. Lyrics and philosophy: intercrossing points in the poem works of Kaisyn Kuliev. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):152–156. (In Russ.).

Наиболее значимая лирико-философская поэма К. Кулиева «Чегемская поэма», написанная в 1980 году, представляет собой поэтическое изложение истории жизни человека, которая освещает историю всего народа. Поэма является зарифмованной автобиографической анкетой, художественным обобщением.

В поэме описаны крупные социально-исторические события в судьбе балкарского народа: революция, гражданская война, затронута тема отечественной войны, тема депортации балкарцев.

Начав поэму с рассказа о себе, поэт продолжает лирико-философское повествование, тщательно отбирая автобиографические детали, необходимые для решения поставленной задачи: нарисовать свое время через самораскрытие.

В поэме нет фабульной основы, которая необходима, например, в эпическом или драматическом произведении, но, как и положено в лирико-философской поэме, «интегрирующая» сущность лирического рода отражения жизни признает в принципе такую конкретность, где нет наглядных примет исторической эпохи.

Обращение Кулиева к этому жанру обуславливалось тем, что поэт не мог «удовлетвориться отдельными зарисовками, изображением отдельных эпизодов своей жизни и жизни своих

современников» [8, с. 225]. Волнения и переживания не умещались в рамках лирического повествования. Нужно было «более сложно, чем в небольшом стихотворении» [1, с. 321] раскрыть судьбу отдельной личности и народа, что реализовывалось, чаще всего, в поэмах, которые «имели лирический характер, выражали в предельно эмоциональной форме личное (а через него всенародное) отношение поэтов» [1, с. 321] к истории своего народа, однако для осмысления сложных жизненных явлений «требуется философский угол зрения» [2, с. 96].

Такой «угол зрения», через причастность поэта к изображаемым событиям, присутствует в «Чегемской поэме» К. Кулиева. Все испытания, выпавшие на долю отца, матери, родственников, друзей, составляют своеобразный комплекс душевных переживаний автора. Поэма состоит из восьми глав, и каждая из них концентрирует внимание читателя на отдельных событиях, выхваченных из потока жизни, которые не создают в своей совокупности цельного и стройно развивающегося сюжета, выступающего средством самораскрытия характера героя. Каждое событие дано как основа его лирико-философского переживания, выраженного в чередовании монологов главного героя автора, рассказывающих о пережитом, начиная с раннего детства, например: первая глава – монолог автора, вернувшегося на родину в Чегем после долгой разлуки; вторая и седьмая – обращение к отцу; третья – революция в Чегеме; пятая посвящена погибшим; восьмая – воспоминание об отце; четвертая – история смерти отца; шестая – обращение к Чегему.

В поэме с лирической проникновенностью и с эмоциональной насыщенностью отражаются события, происходившие с героем поэмы. Для усиления лирико-философского начала поэмы автор вводит в нее элементы фольклорной поэтики: символику, эпитеты, метафоры.

Алай жашайма, Чегемим,
Биринчи кюнум, арт кюнум,
Мени чексизлигим, чегим,
Ёмюрге кюл балмаз юйтюм! [6, 237].
Так я живу, мой Чегем,
мой первый свет, последний свет,
моя безграничная любовь,
мой вечный дом. Тебя не тронет пепел!
(Здесь и далее подстрочный перевод А. М. Казиевой).

Лирическая эмоциональность и передача авторского настроения через описания природы заняли в поэме преобладающее положение. То есть восприятие мира в ней выражается автором, прежде всего, в аппеляции к природе:

Мени бу ёллок кёзлерим
Ёлмезлик арлулугъунга
Къууаныб, къарайла, жерим,
Жоюлмаз уллулугъунга [6, с. 237].
Земля моя! Мои смертные глаза
не могут насмотреться на твою бессмертную красоту,
на твои бесконечные дали.

В обожествлении природы, в которой поэт видит смысл и красоту жизни, раскрывается философский пантеизм поэта:

Атамы мангылай тери
Топурагъынга тамтъан жер,
Анамы мудах кёзлери
Айынга кеб къарагъан жер,
Тауларынгы агъаргъаны,
Саууларангы терк баргъаны...
Бары ючюн сау бол дерге
Келдим. [6, с. 277.]

Земля моя! За все спасибо
Я пришел тебе сказать.
Ведь пот отца в тебе остался,
и грустный взгляд матери, часто
смотревшей на твою луну
За все благодарю тебя, земля моя.

Философская мысль поэта тесно связана с лирическим чувством. Связь эта создает гармонию разума и чувства, столь необходимую для лирической поэзии. Находя высший смысл в красоте природы родной земли, поэт выражает подлинное чувство любви к родине [3].

Нерасторжимость мысли и чувства создает лирико-философскую жанровую определенность поэмы. Жанр лирической поэмы расширяет свой диапазон за счет появления новых жанровых структур.

Таким образом поэт стремится раскрыть сложную «диалектику души» лирического героя в тесной связи с окружающей действительностью. В поэме чувствуется глубокое исследование

поэтом современности, осмысление роли человека в окружающих его явлениях. Все это выявляет ее философскую направленность.

В целом в «Чегемской поэме» преобладает радостное, оптимистическое восприятие жизни, ибо поэт верит в правоту жизни, победу добра над злом («...злу добром не вечно слыть дано»). Свет его любви к людям и жизни непреходящ. Размышляя о судьбе балкарского народа, Кулиев славит жизнь во всех её разнообразных проявлениях. Прославлением вечной жизни и полноты человеческого бытия наполнены следующие строки:

Жашау барда – алгъа жол да
Бар. Дайым да алай болур.
Жашауну талыры олду,
Тереги къурумай турур. [6, с. 266.]
Есть жизнь – есть и дорога вперед.
Так будет всегда.
Крепки корни дерева жизни,
оно никогда не засохнет.

К удачным лирико-философским поэмам К. Кулиева, можно отнести такие поэмы как «Кремень» и «Радость – золотая птица». В этих поэмах поэт-лирик, высказываясь с особой эмоциональностью и «возвышенно-одической тональностью», до конца раскрывает свои жизненные позиции. Насыщенность мыслью, свойственной философской лирике в поэмах Кулиева выступает как наиболее «конденсированное» образное выражение поэта о больших жизненных проблемах своего времени [7, с. 142]. Данные произведения отражают тенденции к углублению психологизма. Поэтическая мысль в ней как бы «нуждается в том, чтобы многократно сопоставлять свои раздумья» (И. Г. Неупокоева).

Поэтический строй и эмоциональная нагрузка в поэмах обнаруживают целостное нравственно-эстетическое мировоззрение автора. Раскрывающийся перед нами мир – это мир поэта, и мы воспринимаем его в том виде, в каком представляет его нам лирический герой [4].

Эти произведения роднят как думы о прошедшем, так и мысли о будущем. Автор как бы подводит итог прожитого, хочет поделиться своим опытом, мудростью, воспоминаниями со всеми, кто дорог ему [9].

Поэма «Кремень» состоит из семнадцати глав. Каждая из них представляет собой законченное поэтическое размышление, которые объединяет главная мысль, пронизывающая все главы: народ жив, пока жив родной язык. В поэме нет конкретных образов: в ней есть лирический герой со своими размышлениями, обращенными к своему народу, друзьям, поколению, которое придет на смену.

Лирический герой рассказывает нам о том, как пройдя через все испытания, его народ сохранил родной язык, обычаи, культуру, достоинство и честь:

Единство помогло народу
Не только выжить, но сберечь
От гибели в лихие годы,
Родной язык, родную речь! [5, с. 304].

В поэме много обобщений, наставлений, советов, но в то же время поэт благодарен тем, кто в свое время научил его этой мудрости:

Я рад, что довелось родиться
в Чегеме мне. Я с первых дней
народной мудростью гордиться
привык и черпать силы в ней [5, с. 308].
Интересны мысли поэта о назначении поэта, изложенные в четырнадцатой главе:

Глупец всегда самодоволен
и занят лишь одним собой.
Поэт людскою болью болен,
живет с людьми одной судьбой [5, с. 312].

Говорить о поэте, написавшем такие строки можно лишь как о страстном гражданине, воплотившем свои позиции в такие строки:

Творя во благо человека
(мертво иначе бремя слов),
поэт равняется от века
на тех, кто знает ремесло [5, 317].

Гражданственность, присутствующая в каждом произведении Кулиева, – это и тема его лирических поэм, и человеческий характер, созданный воображением художника и воплощенный в конкретный художественный образ. Это пафос таких поэм, как «Кремень» и «Радость – золотая птица», пафос всего творчества Кулиева, его творческой позиции. Гражданственность – составная часть философской, нравственной, эстетической концепции художника. Это – четкая, ясная гражданская позиция автора.

Кремень-народ, который вынес столько испытаний, кремень-терпение у этого народа, сохранившему доброту и благородство души, Кремень-язык, сохранившейся несмотря ни на какие испытания. Чтобы подвести нас к этой главной мысли, Кулиев фрагментарно знакомит нас с историей своего народа:

Нас вражды стрелы осыпали,
в селенья слали смерть цари...
Не вечна ночь – мы твердо знали
и верили в приход зари. [5, 317].

Затем революция, гражданская война, страшная Отечественная, годы высылки, возвращение:

В родном языке – сила народа, источник мудрости, духовности, культуры – вот о чем хочет рассказать поэт.

Поэма «Кремень» воспринимается как развернутая метафора, метафора цельности бытия, единства человека и истории, истории народа.

Поэма достаточно символична и условна, что вовсе не снижает ее реалистического смысла. Действительные факты и герои соседствуют с аллегориями. Стержневой мотив родного языка становится от части к части все масштабнее, монументальное, и в последних строках мы слышали поистине эпический голос-призыв автора к своему народу:

Пусть видит ясные рассветы
всегда Чегема каждый сын-
так говорю и верю в это
под вечер жизни я, Кайсын. [5, 319].

Проанализировав лирико-философские поэмы Кулиева, мы можем сказать, что в них ярко отразилась творческая индивидуальность поэта. В сгущенной метафоричности и живописности стиха, патетике интонации, широте мысли автора, стремящегося охватить и красоту природы, и жизнь горцев, их прошлое и будущее, чувствуется подлинный гуманист, человек, наделенный народной мудростью, страстным темпераментом, пылким воображением, большим человеческим достоинством.

Список источников

1. Абрамов А. М. Лирика и эпос Великой Отечественной войны. Москва, 1972. С. 321.
2. Жаков А. Г. Современная советская поэма. Минск : Издательство БГУ, 1981. С. 96.
3. Казиева А. М. Художественные традиции в северокавказской поэзии XIX–XX веков (этнокультурные факторы и контекст) : дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2004.
4. Казиева А. М., Тарасенко В. Н., Бродзели А. О. Сопряжение «лирики» и «эпоса» как основы художественного синтеза в творчестве Кайсына Кулиева // Научные исследования в сфере гуманитарных наук: открытия XXI века. Материалы XI Международной научно-практической конференции. 2021. С. 70–77.
5. Кулиев К. Собрание сочинений : в 3 т. Москва : Художественная литература, 1987.
6. Кулиев К. Когда созревает кизил. Нальчик : Эльбрус, 1969. С. 237. (На балкарском языке).
7. Неупокоева И. Г. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. Москва : Наука, 1971.
8. Сквозников В. Д. Лирика // Теория литературы. Роды и жанры литературы. Москва, 1964. С. 225.
9. Чотчаева М. Ю., Казиева А. М. Субстанциональные основы национального бытия в литературах народов Северного Кавказа // Язык и культура: от диалога к полилогу. Пятигорск, 2022. С. 183–197.

References

1. Abramov A. M. Lirika i epos Velikoj Otechestvennoj vojny. Moscow. 1972: 321.
2. Zhakov A. G. Sovremennaya sovetskaya poema. Minsk: Izdatel'stvo BGU. 1981:96.
3. Kazieva A. M. Hudozhestvennye tradicii v severokavkazskoj poezii XIX–XX vekov (etnokul'turnye faktory i kontekst). Nalchik. 2004.
4. Kazieva A. M., Tarasenko V. N., Brodzeli A. O. Sopryazhenie "liriki" i "eposa" kak osnovy hudozhestvennogo sinteza v tvorchestve Kajsyna Kulieva. Nauchnye issledovaniya v sfere gumanitarnykh nauk: otkrytiya XXI veka. Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2021:70–77.
5. Kuliev K. Sbranie soch. in 3 vol. Moscow: Hudozhestvennaya literature. 1987.
6. Kuliev K. Kogda sozrevaet kizil. Nalchik: El'brus. 1969:237. (Na balkarskom yazyke).
7. Neupokoeva I. G. Revolyucionno-romanticheskaya poema pervoj poloviny XIX veka. Moscow, Nauka. 1971:142.
8. Skvoznikov V. D. Lirika. Teoriya literatury. Rody i zhanry literatury. Moscow. 1964:225.
9. Chotchaeva M. Yu., Kazieva A. M. Substancional'nye osnovy nacional'nogo bytiya v literaturah narodov Severnogo Kavkaza. Yazyk i kul'tura: ot dialoga k polilogu. Pyatigorsk. 2022:183–197.

Информация об авторах

Е. А. Шевель – кандидат филологических наук.
Сяо Гоминь – старший преподаватель.

E. A. Shevel – Candidate of Philological Sciences.
Xiao Guomin – Senior Lecturer.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 30.10.2022.

The article was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 30.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 157–161.

Humanitarian Researches. 2022;4(84):157–161.

Научная статья

УДК 82

Doi: 10.54398/18184936_2022_4_157

Кризис самоидентификации в романе А. П. Кешокова «Корни»

Елена Нартшаовна Бетуганова¹, Мадина Андреевна Хакуашева²

^{1,2}Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

¹alena.betuganova@yandex.ru

²dinaarma@mail.ru

Аннотация. В статье отражены стремительные изменения в мире в конце XX – начале XXI века, связанные в первую очередь с нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации, которые резко обострили проблему национальной идентичности. Авторами статьи постигаются основы национального самосознания, аксиологические ориентиры, которые станут необходимыми условиями нравственного исцеления. В работе сделана попытка изучения художественной реализации означенной проблемы в условиях глобализационных процессов.

Ключевые слова: глобализация, национальная идентичность, представления о кризисе в литературе, социальная трансформация, кабардино-черкесский роман

Для цитирования: Бетуганова Е. Н., Хакуашева М. А. Кризис самоидентификации в романе А. П. Кешокова «Корни» // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 157–161. http://dx.doi.org/10.54398/18184936_2022_4_157.

Original article

The crisis of self-identification in the novel by A. P. Keshokov «Roots»

Elena N. Betuganova¹, Madina A. Hakuasheva²

^{1,2}Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

¹alena.betuganova@yandex.ru

²dinaarma@mail.ru

Abstract. The article reflects the rapid changes in the world at the end of the XX – beginning of the XXI century, primarily associated with the growing and very contradictory processes of globalization, which sharply aggravated the problem of national identity. The authors of the article comprehend the foundations of national identity, axiological guidelines that will become necessary conditions for moral healing. The paper attempts to study the artistic realization of this problem in the context of globalization processes.

Keywords: globalization, national identity, ideas about the crisis in literature, social transformation, Kabardino-Circassian novel

For citation: Betuganova E. N., Hakuasheva M. A. The crisis of self-identification in the novel by A. P. Keshokov «Roots». *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;4(84):157–161. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.54398/18184936_2022_4_157.

На современном этапе развитие российского общества сопровождалось глубокими структурными трансформациями на политическом, экономическом, культурном и антропологическом уровнях его бытия. Эти изменения качественно отличались от всех преобразований, которые произошли на предыдущих этапах социального развития, поскольку проходили в специфически новом цивилизационном контексте, обусловленном разрушением традиционных основ бытия общества и человека. Метаморфозы, происходившие в мире, вызвали у многих людей состояние «культурного шока». Они испытывали ощущения беспомощности и дезориентации, депрессию и многочисленные трудности в связи с попаданием в иную культурную среду, столкновением с новыми нормами, ценностями и отношениями. В этих условиях человек утрачивал вою личность, своё «я», внутренние правила, регулирующие и упорядочивающие его стремления и цели, был психологически дезориентирован, нуждался в том, что поможет восстановить целостность и упорядоченность его жизни, даст надежду на будущее. «Что с нами происходит?» – эпохальным оказался вопрос Василия Шукшина, составивший с извечными вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?» весьма значительную триаду. Этот поиск привёл многих людей к обращению к ценностям этнической культуры, проверенным веками, доказавшим свою жизнестойкость и способность противостоять различным разрушительным воздействиям. Именно поэтому этнос стал той общностью, самоотжествление с которой давала человеку необходимую опору и надежду. Национальная культура выступила неким защитным полем для нации, этноса в условиях нестабильности общества. Небезынтересны в этом отношении слова Н. Н. Седовой, которая писала, что «этническая сущность человека неизменна в течение всей жизни, хотя осознаётся этот факт чаще всего именно в критические моменты истории, когда в поисках точки опоры в постоянно меняющемся мире человек находит её в неизменности своей национальной принадлежности».

поскольку этнические характеристики «способствуют выживанию вида и непосредственно восходят к природной сущности человека» [8, с. 55].

Так же, как и в римских автобиографиях, предки – представители национального идеала. Самосознание ориентируется на конкретной памяти рода и предков, и в то же время оно ориентировано на потомков [4, с. 174]. М. М. Бахтин писал, что «...для эпического мировоззрения «начало», «первый», «зачинатель», «предок» не чисто временные, а ценностно-временные категории, это ценностно-временная превосходная степень, которая реализуется как в отношении людей, так и в отношении всех вещей и явлений эпического мира: в этом прошлом все хорошо, и все существенно хорошее («первое») – только в этом прошлом. Эпическое абсолютное прошлое является единственным источником и началом всего хорошего и для последующих времён» [4, с. 210]. Под «старым» в романе понимается вектор, связанный с традиционными представлениями социума, моральным и духовным преимуществом, «новое» же соотносится с негативными аспектами современности – деморализацией, разрушением нравственности и культуры.

«Такой тогда была жизнь – такой она теперь стала» – вот сюжетно-композиционный стержень повествования. Соотношение контрастно поставленных характеров подчинено интересам анализа проблемы. В более глобальном понимании за образами эпохи Дафарадж – прабабушки и Дафарадж Шагировны – внучки кроются два противоположных мировосприятия, мироощущения. Работа памяти, с одной стороны, усложняет структуру хронотопа, обеспечивая дистанцию между прошлым и настоящим, но, с другой стороны, демонстрирует связь между поколениями, показывает историю в движении.

Роман «Корни» – воспоминание талантливого врача Дафарадж Шагировны о своей прабабушке. Всю сознательную жизнь она хотела посетить город своей мечты – Анапу, который был построен далекими предками адыгов и назывался в те времена Хатрамтуг. Однако телефонный звонок вернул её к реальности и изменил планы. Как оказалось, в больницу поступила тяжело больная. Врачи были единодушны: больную спасти не удастся: жить ей осталось день-два. Но талантливый врач отказалась безучастно смотреть на умирающую пациентку. В итоге чудо-операция прошла удачно. Но, к сожалению, ребёнка спасти не удалось, к тому же налицо были внутриутробные отклонения: у него не было одной руки. Подобные аномалии, по мнению врача, – пристрастие родителей к алкоголю. Наглядное последствие повального затягивания молодёжи в порочный круг – это детдом для детей с врождёнными дефектами. Она пыталась самой себе объяснить, как Салима – мать ребёнка, у которой был надёжный иммунитет от ошибок – намыс, адыгский этикет, преступила эти ценности.

Негодовала она и по поводу того, что не прошло и пары лет, как открылся детдом для детей с врождёнными дефектами, и теперь снова открывается новый. Так и деградирует человек понемногу. Язык родной забывается – деградация. Дети большими рождаются все чаще и чаще, детских домов не хватает – деградация. В конечном счёте, такая ситуация, по мнению врача, приведёт к вымиранию малочисленного народа. Каждый раз талантливая врач задавалась вопросом: «Хватит ли ума у человечества противопоставить что-то наркомании и алкоголизму, чтобы сохранить генный код творения природы?» [6, с. 36]. Она задаётся вопросом, не оттого ли пришёл в упадок род адыгский, что мало думал о своих женщинах? А значит – о сохранности очага? В старину повзрослевшему парню жену подбирали родители. Они смотрели, из какого рода-племени невеста, чтобы не ухудшить, а улучшить породу. Науками предки адыгов не владели, но в вопросах генетики у них было потрясающее чутьё. Они знали наверняка: каковы родители, таковы и дети. Недаром до наших дней дошла мудрость: посмотри на мать, женись на дочери. И это было не поверхностное суждение – мол, если мать благонравна, то дочь плохой не будет. Все было гораздо глубже: предки выбирали генетический тип будущей матери семейства.

С грустью она отмечает, что многовековые репрессии были направлены против самых лучших, талантливых, умных и трудолюбивых людей. Остались люди, ни к чему не приспособленные: ни к труду, ни к прогрессу; не умеют ничего создавать, а лишь пытаются «урвать чужой кусок». От неё и идёт генетическая линия, мельчание нации в прямом и переносном значении.

К потомству с плохой генетикой врач отнесла Ботаха – отца мёртвого ребёнка с одной рукой. Его мать поступила в институт и оставила на попечение бабушки. Своё невнимание к ребёнку родители окупали щедрыми подарками, вот и привык отпрыск любить не родителей, а их деньги. Мать обижалась, что сын лишь иногда называет наной, не признает её. Ботаха называли дитя детсада, не иначе. Именно детсад, по мнению врача окончательно и разрывает связь между ребёнком и матерью. Что касается отца – Хромого Мамета – он вообще его не замечал. Одно приятное воспоминание было связано у Ботаха с отцом: как он в детстве взял его с собой на охоту в заповедник. Мысль, что сыну необходимо его внимание, посетила его неслучайно. Хромой Мамет наблюдал у соседей картину, как сыновья пытались передать другу престарелого отца. Вышел большой спор, кому доаживать отца. Во имя перспективной старости собственно он организовал совместный поход с сыном в заповедник. На всю жизнь врезался Ботаху в память этот поход: как отец выстрелил в оленюху на глазах у оленёнка. Вспомнил он, как к раненому животному выбежал охотник и нанёс рану по горлу. А потом скормил высокопоставленным дядькам. Какие чувства он мог пронести через всю молодую жизнь? В тот день он наяву увидел, как далеки от жизни нравочения взрослых. С малых лет Ботах не замечал, чтобы окружающие сколь-нибудь уважительно относились к закону, к этикету, обычаю. Когда же родители хотели его уму-разуму научить, он уже не воспринимал всерьёз их слова. «Что-то вы сами не чтите закон», – таков был его ответ [6, с. 75].

А жизненный принцип сводился к следующему постулату: что прав тот, кто силен, а силу могли придать власть, влияние, деньги. Бездельником его сложно было назвать, однако чаще всего зарабатывал деньги на посредничестве. То есть, выражаясь современным языком, Ботах был по образованию менеджер. По его твёрдому убеждению, кто сноровистей, тот и продвигается

вперёд. Правда ассоциировалась у него с калошей. Пока новая – носишь, состарится – выбрасываешь! Говорят, утопи правду в океане – она все равно, когда-то вынырнет. А тем временем много воды утечёт [6, с. 79] – таково было твёрдое убеждение Ботаха. На всю жизнь Ботах запомнил, как на охоте прирезали оленя. Если бы по закону, Казбек Машевич не позволил как себе, так и другим охотиться в заповеднике. Он чётко усвоил главный закон жизни: правда на стороне власти держащих.

Как видно из содержания романа, новое время проросло в сознании людей, неузнаваемо меняя их. Глобализационные процессы подавляли личностное индивидуальное начало человека современной эпохи, ориентировали на механическое повторение заученных стандартов. Выживание в новых условиях и достижение целей вынуждало менять себя изнутри. Примеряя на себя новый образ, главный герой – Ботах – попытался соответствовать новым обстоятельствам, стремился постичь суть событий, понять смысл современной жизни, находился в активном поиске ориентиров движения в будущее. Это был единственный способ поддержания целостности, в новых условиях, он заключался в смене образа себя, поскольку это диктовалось новыми социально-культурными условиями.

Изображая главного героя – типическое лицо современной действительности, А. Кешоков «отбирает» в нем по преимуществу существенное, характерное, ведущее в конкретно-историческом социальном проявлении. Автор подчёркивает предельный прагматизм современного человека: успех которого в новом обществе определялся материальным статусом и внешними атрибутами его материального благополучия. Коммерциализация культуры была ориентирована не на человека духовного, а на человека экономического, потакая его низким страстям и вкусам, она формировала «рыночную» личность. Преобладало стремление не к совершенству, высоким духовным идеалам, а ко всему, что приносит максимальную выгоду. Все это разрушало личность и не несло и возвышающего потенциала.

Сложившаяся ситуация способствовала девальвации духовности в обществе, росту презрения к духовно-нравственному и интеллектуальному началу в человеке, исчезновению из практики различных форм духовного совершенствования и в целом ценности духовного развития, поскольку успех личности в новом обществе определялся материальным статусом и внешними атрибутами его материального благополучия [5, с. 62].

«Если раньше любой мужчина мечтал о власти собственной силы и благородства, а женщина – о власти красоты и добродетели, то теперь все мечтали лишь о деньгах, ибо они покупали любую власть. ... оказалось, что за деньги можно было приобрести союзников, друзей и покровителей» [1, с. 293]. Так все повернулось вспять и вернулось на круги своя, и народ вновь пришёл к рабству, но теперь к тотальному. Уже не люди правили деньгами, а деньги правили людьми. Невидимая сила денег состояла ещё в том, что они могли покупать блага невидимые: здоровье, величие, честь, уважение, власть, влияние и заботу. Ботах оценил продажность мира. Новоявленный менеджер Ботах чётко осознал, что купить можно было абсолютно все.

Автор углубляет социальное и психологическое исследование бытования личности, раскрывая её своеобразие в условиях новой социальности, исследует его внутренний мир, противоречия и сложности. Уместные атрибуты такого архаического жанра, как «сократический диалог» позволили автору проникнуть в самые потаённые глубины переживаний и мыслей Ботаха. Как и в «сократическом диалоге» истина о Ботахе не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми, совместно ищущими истину, в процессе их диалогического общения. Использовал автор и один из основных приёмов «сократического диалога» – анакризу – сопоставление разных точек зрения на определённый момент. Для этого он ставил идею на грань диалогически скрестившихся сознаний. Он сводил такие идеи и мировоззрения, которые в самой действительности были совершенно разобщены и были глухи друг к другу, и заставлял их спорить. Так, например, Ботах в представлении Дафарадж Шагировны вряд ли чем-то отличался от своих ровесников. Лишенный благородства, он уничтожил то, что уничтожить легче всего было – женскую честь. Войдя в доверие Салимы, в момент, когда он понял, что станет отцом, убежал от ответственности. О женитьбе он даже не заговаривал. Вернее, пошёл по пути наименьшего сопротивления – решил избавиться от ребёнка. Из рассказов Салимы она узнала совершенно другого Ботаха.

Черты солилоквиума, которые применил А. П. Кешоков к роману, позволили наблюдать за потаёнными мыслями Ботаха. Он открывает «себя самого», доступного не пассивному самонаблюдению, а только активному диалогическому подходу к себе самому; он разбивает внешние оболочки образа себя самого, существующие для других людей, определяющие внешнюю оценку человека (в глазах других) и замутняющие чистоту самосознания. Это жанровая особенность возродилась в творчестве А. П. Кешокова. Использованный автором художественный приём позволил разбудить творческую активность читателя, заставляет его вдуматься в смысл изображаемых событий, дойти до главной сути. Ботах пытается ответить себе, почему ему неприятна сама мысль о семье. Да и что хорошего в семье он видел? Какими привязанностями он мог дорожить? Так, в семье Ботаха – поговорить по душам – не практиковалось. Родители были заняты собой и своими сложными взаимоотношениями: могли поссориться и не разговаривать друг с другом месяцами. Ботах никогда не чувствовал себя любимым и желанным ребёнком. Дадут портфель и проведут в школу, а он закидывал портфель и прогуливал занятия. Даже тогда, когда приходили жаловаться из школы, поругают ради приличия – и бегут дальше по своим делам. Вот и все представление Ботаха о семье. А дети, по его мнению, – шум, гам и ненужные траты. Он совершенно не понимал смысл слов старой песни: «чтоб снохи луноподобные одних сыновей рожали». Погруженный в свои мысли, Ботах ощутил себя совсем одиноким...

Таким образом, XXI век с его тенденцией к мировой интеграции не обошёл и семейные ценности. Они оказались подвержены новым (современным) веяниям и нравам. Под влиянием

времени и заимствований из других культур, адыгская семья многое утратила из своей традиционной культуры. В давние времена семейные отношения носили сакральный характер. Семья Ботаха была далека от традиционной адыгской семьи, в которой умудрённая, доброжелательная, заботливая мать оберегала потомство, трепетно к нему относилась. А авторитет отца был непререкаемым. Родители Ботаха, которые непосредственно должны были заниматься воспитанием детей, направлять их поступки в соответствии с нравственными нормами семьи, фамилии, рода, к сожалению, были заняты своими личными проблемами. Особенно автор осуждает автор безынициативность матери – Пижины, которая свои прямые обязанности возложила на плечи пожилой матери и, конечно, детсада. Она как мать обязана была заниматься воспитанием сына, по мере надобности направляя поступки сына в соответствии с нравственными нормами семьи, фамилии, рода. Он же рос как сирота. Такие важные обязанности она переложила на воспитателей детского сада и пожилой бабушки. Даже спустя годы, когда он решил посоветоваться с матерью, она так и не смогла дать ему достойный совет. Ботах был твёрдо убеждён, что, если бы все девочки в «саночные моменты», то есть, когда были в положении, приходили к ней за советом, на улицах не было бы не одной коляски, а колясочные заводы остались без работы».

Вспоминая своё детство, он с грустью отмечал, что родители могли поссориться и не разговаривать месяцами. Никогда сидели рядом, не улыбались друг другу. Вот и все представление его о семье. В такой атмосфере, ему сложно было понять какой толк в детях. Он был крайне далёк от мысли, что дети – это преемственность, цикличность, непрерывность жизни.

А. Кешоков старался угадать услышать голоса-идеи будущего. Как художник автор в образе той или иной идеи раскрывал не только её исторически-действительные черты, но и её возможности. То есть угадывал, как при определённых изменившихся условиях будет развиваться и действовать данная идея, в каких неожиданных направлениях может пойти её дальнейшее развитие и трансформация. Он слышал и господствующие, признанные, громкие голоса эпохи, то есть господствующие, ведущие идеи, и голоса ещё слабые, идеи ещё полностью не выявившиеся, и идеи подспудные, никем ещё, кроме него, не услышанные, и идеи ещё только начинающие вызревать, эмбрионы будущих мировоззрений» [3, с. 103]. «Вся действительность, – писал Достоевский, – не исчерпывается насущным, ибо огромную свою часть заключает в ней в виде ещё подспудного, невысказанного будущего Слова» [3, 103]. Мёртвый однорукий ребёнок – итог этих трансмутационных процессов, в результате которых появился практически другой этнос. М. Хакушева писала: «За чужой одеждой и манерой они ясно видели адыгскую неулыбчивую адыгскую душу, которую бросало потерянному судёнышному в мишурном хаосе новых времён, где не было ни малейшего проблеска, чтобы увидеть спасительную крошку берега» [1, 292].

Писатель нарушает этическую традицию, которая зиждется на формуле: человек сильнее обстоятельств. Улавливая дух переходного времени, он фиксирует противоречащую с ней традицию: человек слабее обстоятельств. К сожалению, Ботах стал поневоле заложником времени. Но он смог одержать победу над социальной средой, если бы у него были твёрдые убеждения. В подобной ситуации была повинна сама реальная действительность, кризис современного российского общества, вызванный реформами 90-х годов и прогрессирующей этнокультурной апатией. Распространению глобализационных ценностей противостоять могла этническая традиция с ярко выраженной этнической доминантой. Любая экстремальная ситуация в той или иной степени демонстрирует возможности этнического организма к сопротивлению и видоизменению, определяя те или иные формы ответа на вызовы истории. Если бы Ботах видел бы перед собой персонализированные образцы, с которыми он мог бы идентифицировать себя, осознавать себя звеном в определённой цепи человеческого рода, возникшей в праистории, его судьба могла сложиться совсем по-иному. Неслучайно, о стадии процветания культуры можно говорить тогда, когда она имеет внутреннее устойчивое представление о самой себе. Напротив, кризис свидетельствует о распаде постоянного образа, об утрате самоидентичности. Если бы Ботах осознавал себя принадлежащим к определённому этносу, считал себя потомком ряда предшествующих поколений, он бы мог противостоять внешним обстоятельствам. Для адыгского народа утилитарные интересы и даже материальные выгоды никогда не стояли на первом месте в выборе жизненного пути.

Таким образом, этническое самосознание, строящееся на представлениях о своём происхождении, автор рассматривает как способ инициации культуры и её возрождения. Амбивалентность смерти как хождения в Хаос в романе проявляется в том, что при «умирании» разрушалась прежняя психологическая структура личности, расчищая место для новой – будущей. Герой должен погрузиться в Хаос постсоветского периода, символически умереть, ибо только смерть способна была стереть груз прошлого и дать простор для новой жизни.

Список источников

1. Арма Д. (Хакушева М. А.) Дорога домой. Роман. Нальчик : Эльбрус, 2009. 356 с.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. Москва : Художественная литература. 1986. 543 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва : Советская Россия, 1979. 320 с.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1986. 445 с.
5. Кажаров В.Х. Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик : Издательский отдел КБИГИ. 2012. 84 с.
6. Кешоков А. П. Корни. Роман. Нальчик : Эльбрус, 2009. 288 с.
7. Культурология. Москва : Юрайт, 2002. 400 с.
8. Седова Н. Н. Этническое и социальное в мировоззрении личности : диссертация ... доктора философских наук. Волгоград, 1991. 305 с.

References

1. Arma D. (Hakuasheva MA) Road home. Roman. Nalchik: Elbrus. 2009:356.
2. Bakhtin M. M. Literary and critical articles. Moscow: Fiction. 1986:543.
3. Bakhtin M. M. Problems of poetics Dostoevsky. Moscow: Soviet Russia. 1979:320.
4. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Art. 1986:445.
5. Kazharov V.Kh. Historiography and historical consciousness of Kabardians in the second half of the XX – beginning of the XXI century. Nalchik: Publishing department of KBIGI. 2012:84.
6. Keshokov A. P. Korney. Roman. Nalchik: Elbrus. 2009:288.
7. Cultural studies. Moscow: Yurite. 2002:400.
8. Sedova N. N. Ethnic and social in the worldview of personality: dissertation... Doctor of Philosophy. Volgograd, 1991:305.

Информация об авторах

Е. Н. Бетуганова – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований.

М. А. Хакуашева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы.

Information about the authors

E. N. Betuganova – Candidate of Philological Sciences, Researcher at the Institute of Humanitarian Studies

M. A. Hakuasheva – Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardian Literature Sector.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 30.10.2022.

The article was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 30.10.2022.

Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 162–163.
Humanitarian Researches. 2022;4(84):162–163.
Научная статья
УДК 81

**Синтаксическая организация коммуникативных единиц
в языковом пространстве рассказа А. П. Чехова «Приданое»**

Виктор Валентинович Чалый

Кубанский госуниверситет, Краснодар, Россия, v_chaly@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается речевая система художественного текста, исследуется семантика используемых предложений, изучается смысловая значимость отдельных реплик героев, анализируется синтаксический уровень их эмоционально-оценочных высказываний как проявление индивидуальности, неоднозначности в коммуникативном поведении литературного персонажа.

Ключевые слова: коммуникация, синтаксический приём, речевой арсенал рассказчика

Для цитирования: Чалый В. В. Синтаксическая организация коммуникативных единиц в языковом пространстве рассказа А. П. Чехова «Приданое» // Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (84). С. 162–163.

Original article

**Syntactic organization of communicative units
in the linguistic space of A. P. Chekhov's short story «Dowry»**

Victor V. Chaly

Kuban State University, Krasnodar, Russia, v_chaly@mail.ru

Abstract. This article examines the literary text speech system, examines the semantics of the sentences used, studies the semantic significance of the characters' individual replicas, and analyzes the syntactic level of their emotional and evaluative statements as a manifestation of individuality and ambiguity in the literary character's communicative behavior.

Keywords: communication, syntactic technique, narrator's speech arsenal

For citation: Chaly V. V. Syntactic organization of communicative units in the linguistic space of A. P. Chekhov's short story «Dowry». *Gumanitarnyye issledovaniya* = *Humanitarian Researches*. 2022;4(84):162–163. (In Russ.).

Речевая система литературного произведения (прежде всего, прозаического) представляет собой комплекс структурно связанных и органично функционирующих языковых элементов, подчинённых реализации творческого замысла – словесному воплощению определённой художественной идеи. Н. Ф. Алефиренко утверждает, что «текст – это целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией (замыслом) его автора» [Алефиренко 1999: 253].

Как известно, многие произведения Антона Павловича Чехова изначально рассчитаны на непременно особое читательское восприятие: писатель так последовательно выстраивает сюжетную линию повествования, что человек, которому адресован текст и внимательно следящий за развитием описанных в нём событий, не может остаться безучастным, то есть находиться вне зоны авторского видения изображаемой конкретной жизненной истории. По справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, текст «являет собой образец такой сложной языковой формы, такого семиотического образования, которое побуждает нас к творческому процессу его понимания, его восприятия, его интерпретации, его додумывания – к такого рода когнитивной деятельности, которая имеет дело с осмыслением человеческого опыта, запечатлённого в описаниях мира и служащего сотворению новых ступеней познания этого мира» [Кубрякова 2001: 80–81].

Считаем, что рассказ Чехова «Приданое» является примером точно созданного языкового пространства, когда синтаксическая организация лексических единиц позволяет автору адресовать важную информацию (факты и комментарии к ним) читателю посредством эмоционально-оценочных фраз, составляющих основу речевого арсенала рассказчика, от лица которого ведётся повествование.

В. И. Казарина отмечает, что «именно функциональный подход к объектам синтаксиса позволил увидеть в простом предложении минимальную коммуникативную единицу, обладающую своей структурной и семантической организованностью, используемую в определённых социальных условиях и отвечающую определённым коммуникативным заданиям. В процессе функционирования между предложениями устанавливаются различные смысловые отношения, способствующие формированию «полноценной коммуникативной единицы», которой признается текст с его речевыми регистрами» [Казарина 2005: 258].

В самом начале произведения Антона Павловича Чехова «Приданое» обнаруживаем использование в речи рассказчика такого синтаксического и одновременно художественно-образительного речевого приёма, как сравнение: «Много я выдал на своём веку домов,

больших и малых, каменных и деревянных, старых и новых, но особенно врезался мне в память один дом. Это, впрочем, не дом, а домик. Он мал, в один маленький этаж и в три окна, и ужасно похож на маленькую, горбатую старушку в чепце».

На наш взгляд, предложение, в котором жилище образно соотносится с обликом пожилого человека, не только содержит элементы антропоморфизма, но и становится своего рода местом, где будут происходить и закономерно развиваться дальнейшие события «из жизни» рассказчика. Так, в частности, он сообщает читателю:

«Вообразите себе маленькую сырую женщину, лет сорока, с ужасом и изумлением глядящую на вас в то время, когда вы выходите из передней в залу. Вы «чужой», гость, «молодой человек» – и этого уже достаточно, чтобы повергнуть в изумление и ужас. В руках у вас нет ни кистеня, ни топора, ни револьвера, вы дружелюбно улыбаетесь, но вас встречают тревогой».

Полагаем, что в монологе рассказчика семантика предложения с однородными членами выражает смятение чувств хозяйки дома (жены полковника Чикамасова), воспринимающей пришедшего не только как совершенно незнакомую (и поэтому опасную) ей персону, но и как возможного претендента на будущее «семейное счастье» для своей незамужней дочери.

В сюжетном продолжении текста обнаруживаем следующее наблюдение повествователя: *«Вы называете себя и объясняете, зачем пришли. Ужас и изумление сменяются пронзительным, радостным «ах!» и закатыванием глаз. Это «ах», как эхо, передаётся из передней в зал, из зала в гостиную, из гостиной в кухню... и так до самого погребя. Скоро весь домик наполняется разноголосыми радостными «ах». Минут через пять вы сидите в гостиной, на большом, мягком, горячем диване, и слышите, как ахает уж вся Московская улица».*

Как нам кажется, ирония, которая заключена в градационном построении предложений, во многом помогает персонажу-рассказчику как главному свидетелю (по замыслу автора) описываемых событий полноценно представить атмосферу дома, в котором он оказался. Причём, междометие «ах» становится весьма значимым смысловым компонентом в коммуникативной организации рассказа Чехова.

«Я познакомился и выразил своё удивление по поводу множества выкриков. Мать и дочь опустили глаза. ...

- Но кто же у вас носит такую массу? Ведь вас только двое.

- Ах... разве это можно носить? Это не носить! Это – приданое!

- Ах, татап, что вы? – сказала дочь и зарумянилась. – Они и вправду могут подумать...

Я никогда не выйду замуж! Никогда!

Сказала это, а у самой при слове «замуж» загорелись глазки»

В процессе диалога персонаж-рассказчик задаёт те вопросы, ответы на которые формируют у читателя чеховского произведения понимание деятельности, направленной в призрачное неизвестное будущее. И хотя дочь хозяйки дома категорично отрицает существование планов о замужестве (дважды произносит слово «никогда»), но наблюдательный рассказчик указывает на особенности коммуникативного поведения молодой особы – противоречие между репликой, высказанной прямо, и выражением глаз, как будто «говорящим» об обратном.

Итак, языковой анализ коммуникативно значимых синтаксических единиц, функционирующих в системно-речевой организации произведения Антона Павловича Чехова «Приданое», позволил установить семантический уровень использования разных художественно-образительных средств и охарактеризовать широкий словесный арсенал персонажа-рассказчика.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград, 1999.
2. Казарина В. И. История и теория синтаксиса. Елец, 2005.
3. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика: Доклады VIII Международной конференции. Москва, 2001. Т. 1. С. 72–81.
4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Москва, 1974–1983. Т. 2.

References

1. Alefirenko N. F. Spornye problemy semantiki. Volgograd. 1999.
2. Kazarina V. I. Istoriya i teoriya sintaksisa. Elec. 2005.
3. Kubryakova E. S. O tekste i kriteriyah ego opredeleniya. Tekst. Struktura i semantika: Doklady VIII Mezhdunarodnoj konferencii. Moscow. 2001;(1):72–81.
4. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30 tt. Sochineniya in 18 vol. T. 2. Moscow. 1974–1983.

Информация об авторе

В. В. Чалый – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

V. V. Chaly – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.09.2022; одобрена после рецензирования 23.10.2022; принята к публикации 30.10.2022.

The article was submitted 25.09.2022; approved after reviewing 23.10.2022; accepted for publication 30.10.2022.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал включён в перечень изданий, утверждённых ВАК Минобрнауки РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований по группам специальностей: 10.01.00 Литературоведение (10.01.01 Русская литература; 10.01.03 Литература народов стран зарубежья; 10.01.08 Теория литературы. Текстология); 10.02.00 Языкознание (10.02.01 Русский язык; 10.03.04 Германские языки; 10.02.05 Романские языки; 10.02.19 Теория языка).

Ведущие направления публикаций отражены в рубриках «Языкознание» и «Литературоведение».

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны достаточно широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке. В журнале печатаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Объём публикаций – не более 0,5 п.л., гарнитура Times, кегль 14, все поля по 2,5 см.

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и через запятую – страницы, например: [1, с. 10]. **Страницы указываются обязательно.** Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке.

Образец оформления

1. Иванов И. И. Проблемы художественного слова. Москва : Парус, 1990. 456 с.
2. Петрова Г. В. Романтическая модель мира. Вопросы литературы. 1997. № 5. С. 16–25.
3. Тихомирова Л. Н. «Ночная» поэзия как сверхтекст. URL: <http://proceedings.usu.ru>.

На электронный адрес редакции просим направлять:

- текстовый файл со статьей;
- справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат»;
- заключения экспертной комиссии и внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования;
- квитанцию об оплате статьи либо о подписке на журнал (отсканированную).

Авторам необходимо предоставить справку о проверке статьи в системе «Антиплагиат», а также получить заключение экспертной комиссии (государственная тайна) и Заключение внутривузовской комиссии экспортного контроля (ВКЭК) о возможности открытого опубликования (пр. № 08-01-01/761 от 10.08.2016 г.) (для сотрудников АГУ – учебный корпус № 1, каб. 119а, тел. 24-66-14). При необходимости редколлегия журнала оставляет за собой право на дополнительную проверку текста статьи в системе «Антиплагиат».

Оплата публикации статьи производится автором только **после** получения от ответственного секретаря письма о том, что статья принята к публикации в очередном номере журнала.

Объём аннотации должен составлять от 150 до 250 слов.

Аннотации на английском языке должны быть информативными, содержательными, структурированными, компактными, оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации), написаны качественным английским языком. В аннотации должны быть указаны предмет, тема, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, область применения результатов, выводы.

В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «-»). Название источника и выходные данные отделяются от авторов и заглавия статьи типом шрифта, чаще всего, курсивом (*italics*), точкой или запятой.

Примеры:

1. Kulikov V. A., Sannikov D. V., & Vavilov V. P. Use of the acoustic method of free oscillations for diagnostics of reinforced concrete foundations of contact networks. Defektoskopiya. 1998;(7):40–49.

2. Kaplin V. V., Uglov S. R., Bulaev O. F., Goncharov V. J., Voronin A. A., Piestrup M. A. (2002). Tunable, monochromatic x rays using the internal beam of a betatron. Applied Physics Letters. 2002;80(18):3427–3429.

К публикации принимаются статьи, оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.07.-2021 «СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ. Издательское оформление».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Гуманитарные исследования. 2022. № 4
Научная статья
УДК 378:004

Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек

Владимир Викторович Вольчик¹, Игорь Михайлович Ширяев²

^{1,2} Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹volchik@sfedu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Аннотация. В целях определения основных закономерностей возникновения и усиления институциональных ловушек, возникающих в условиях режима самоизоляции в системе высшего образования, авторами были проанализированы нарративы и глубинные интервью основных акторов. Дистанционное образование не является полноценной заменой образования в традиционной форме, затрудняет передачу неявного знания, контроль и обратную связь при обучении, неоднозначно влияет на поддержку образовательной деятельности, не позволяет полагаться на надежность информационно-коммуникационных технологий. При этом подчеркивается, что переход на дистанционное образование может трактоваться как новый этап эволюции институциональной ловушки электронизации и цифровизации.

Ключевые слова: экономика, управление народным хозяйством, институциональная экономика, дистанционное образование, цифровизация образования, высшее образование, самоизоляция, институциональные ловушки

Для цитирования: Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // Гуманитарные исследования. 2021. № 4. С. 35–40. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

ECONOMY AND MANAGEMENT OF THE NATIONAL ECONOMY

Original article

Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps

Vladimir V. Volchik¹, Igor M. Shiryayev²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹volchik@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

²shiryayev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-8710>

Abstract. To determine the main patterns of emergence and strengthening of institutional traps that arise under self-isolation in the higher education system, the authors analyzed the narratives and in-depth interviews of the main actors. Distance education is not a full-fledged substitute for the traditional education, as it impedes the transfer of implicit knowledge, control and feedback during training, ambiguously influences the costs of educational activities, and does not allow relying on the reliability of information and communication technologies. Transition to distant education can be interpreted as a new stage of evolution of the institutional trap of electronization and digitalization.

Keywords: economics, national economy management, institutional economics, distance education, digitalization of education, higher education, self-isolation, institutional traps

For citation: Volchik V. V., Shiryayev I. M. Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps. *Current Problems of Economics and Law*. 2020;14(2):236-248. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248>.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Статья поступила в редакцию 06.07.2020; одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 14.08.2020.

The article was submitted 06.07.2020; approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 14.08.2020.

Вклад авторов:

Вольчик В.В. – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

Ширяев И.М. – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Volchik V.V. – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

Shiryayev I.M. – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

Либо:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Реквизиты для оплаты публикаций

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Адрес г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

УФК по Астраханской области

(ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» л/с 20256Ц14780)

ИНН 3016009269 / КПП 301601001

Банк: ОТДЕЛЕНИЕ АСТРАХАНЬ БАНКА РОССИИ

УФК по Астраханской области г. Астрахань

Единый казначейский счёт

№ 40102810445370000017

Казначейский счёт

№ 03214643000000012500

ОКТМО 12701000

ОГРН 1023000818554

БИК 011203901

Лицевой счет 20256Ц14780

Обязательно указывать назначение платежа: Ф.И.О. автора, название и номер журнала.

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарём журнала
Юлией Александровной Васильевой
по e-mail: gis_00@mail.ru**

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с правилами для авторов.

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответственному запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлекцией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегия направляет мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение пяти лет.

Не рецензируются:

- ✓ рецензии на научную литературу, опубликованные в разделе «Рецензии»;
- ✓ тексты выступлений на круглых столах;
- ✓ материалы, публикующиеся в разделе «Научная жизнь АГУ».

Статьи выражают точку зрения автора, с которой редколлегия может не соглашаться. Все материалы, поступающие в редколлекцию журнала, проходят независимое рецензирование.

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**HUMANITARIAN
RESEARCHES**

JOURNAL OF FUNDAMENTAL
AND APPLIED RESEARCHES

**2022
№ 4 (84)**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77-14910 от 20.03.2003 г.

Учредитель

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Адрес редакции:

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20

Адрес издателя:

Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Подписной индекс – 11109
по Объединённому каталогу «Пресса России»

Главный редактор Г.Г. Исаев

Редактирование, компьютерная правка А. М. Докукиной

Дата выхода в свет: 29.12.2022 г.

Цена свободная.

Уч.-изд. л. 18,08. Усл. печ. л. 25,3.

Заказ № 4480. Тираж 500 экз. (первый завод – 24 экз.).

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

Тел. (8512) 24-66-60 (доб. 3)

E-mail: asupress@yandex.ru